ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ

Мария Федоровна

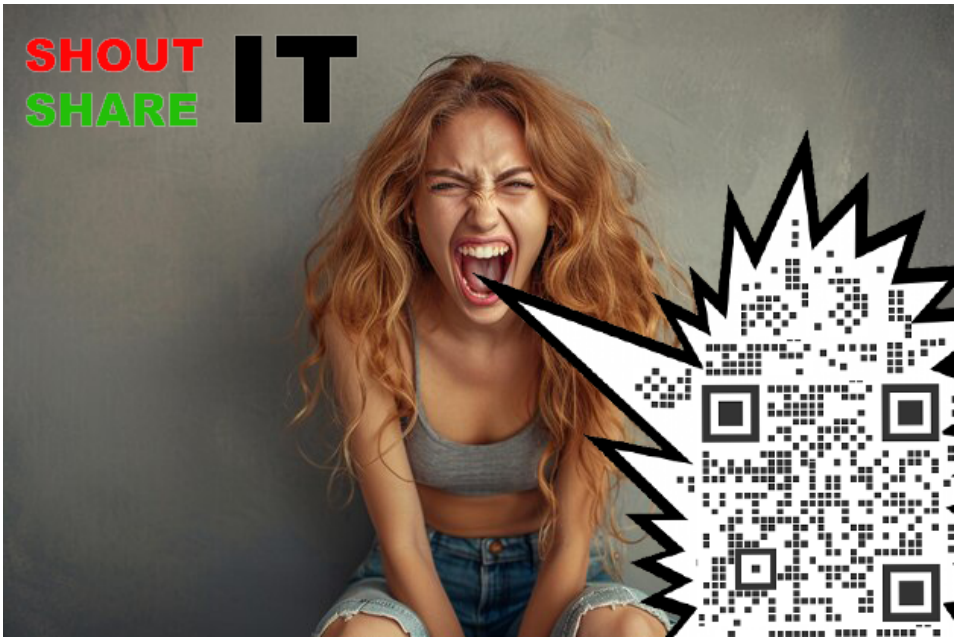
Александр БОХАНОВ

ВИП

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

Мария Федоровна

Александр БОХАНОВ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга об удивительной женщине, прожившей большую, похожую одновременно и на сказку, и на приключенческий роман жизнь. Невестка Императора Александра II, жена Императора Александра III, мать Императора Николая И. Большую часть своего земного бытия Императрица Мария пребывала на той общественной высоте, где вершились судьбы государств, империй и народов. И она в полной мере на себе ощутила неумолимость хода времен, став в XX веке одной из первых жертв беспощадного «колеса истории». Но эта маленькая женщина смогла преодолевать, казалось бы, непреодолимое, научилась находить луч света надежды даже в непроглядной тьме окружающей действительности.

Она выдержала. Она выстояла. До последнего часа земной жизни она оставалась русской царицей, сохранявшей в сердце сострадание к людскому горю, любовь к России, веру в Бога и надежду на Его милость.

- Александр Боханов
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21

- Глава 22
- Глава 23
- Указатель имен и родственно-династических связей Дома Романовых

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Александр Боханов
МАРИЯ ФЕДОРОВНА

Пересмотрите всё мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке — лишь горстка пепла!
И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

Марина Цветаева

Предисловие

Эта книга об удивительной женщине, прожившей большую, похожую одновременно и на сказку, и на приключенческий роман жизнь — Императрице Марии Федоровне (1847–1928). Невестка Императора Александра II, жена Императора Александра III, мать Императора Николая II.

Став Русской Императрицей в 1881 году, Мария Федоровна до самой смерти несла тяжелую ношу своего Царского звания с поразительным мужеством и поистине царственным достоинством. Эта невысокая, изящная женщина явила миру нетленный образец служения России, не раз доказав на деле, что во имя нее готова пожертвовать собственной жизнью…

Ее в детстве звали Дагмар (полное имя — Мария-София-Фридерика-Дагмар), и происходила она из королевского дома Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбурских, представители которого находились на датском престоле с начала XVII века. Выросшей в скромной уединенности маленькой Дании, любимой дочери короля Христиана IX суждено было стать Императрицей крупнейшей мировой Империи, оказаться на авансцене мировых событий.

Большую часть своего земного бытия Императрица Мария пребывала на той общественной высоте, где вершились судьбы государств, империй и народов. И она в полной мере на себе ощутила неумолимость хода времен, став в XX веке одной из первых жертв беспощадного «колеса истории». Провидение сотворило ей великую и неповторимую судьбу, вобравшую и причудливо смешавшую искреннюю радость и неподдельное горе, сердечное счастье и нестерпимую боль, светлые надежды и черные разочарования, восторженные триумфы и великие крушения. Она познала и восхищенное людское поклонение, но и звериную ненависть толпы.

Мария Федоровна знала, что значит искренне любить и быть так же любимой. Как мать и как светская женщина, она из земных благ имела такие радости и богатства, которые доступны воображению далеко не всякого человека. Но ей пришлось пройти и через страшные испытания: провожать в последний путь своего мужа и двоих сыновей, оплакивать гибель других сыновей и пятерых внуков.

Императрицу Марию прекрасно знали и чтили самые влиятельные королевские и аристократические династии Европы, она состояла со многими владетельными домами в близком родстве. Ее братья, сестры, кузены, кузины, племянницы и

племянники носили звания королей и королев, имели самые высокородные фамильные титулы. Старший брат Марии Федоровны Вильгельм правил с 1863 года в Греции под именем короля Георга I. Другой брат — Фредерик — с 1906 года носил корону Датского королевства, а сестра Александра с 1901 года, как супруга короля Эдуарда VII, имела титул королевы Великобритании и Ирландии. Младшая же сестра Марии Федоровны Тира (Тюра) состояла в браке с Эрнестом-Августом, герцогом Кумберлендским, а брат Вальдемар был женат на принцессе Марии Орлеанской, старшей дочери герцога Шартрского.

После убийства летом 1918 года Николая II и его семьи Мария Федоровна осталась единственным и последним живым воплощением некогда великой и, как казалось, нерушимой Империи Царей, с которой была неразрывно связана более полувека. И это некогда могучее царство, ставшее ей второй родиной, еще при ее жизни исчезло с лица планеты, превратившись лишь в величественный и красочный отпечаток минувшего времени.

На закате своих дней она не просто лишилась царской роскоши и почета. Рухнул весь тот мир, который был для нее понятным и родным, а ей суждено было доживать свой век совсем в ином мире, чем тот, где она родилась, выросла и впечатлениями которого жила до самой старости.

Этой женщине, матери, императрице пришлось на своем веку испытать такие горькие чувства и безысходные страдания, которые другие бы не смогли перенести. Не раз приходилось преодолевать жизненные рубежи, когда желанным избавлением от беспросветной муки повседневности могло стать лишь небытие. Но эта маленькая женщина смогла преодолевать, казалось бы, непреодолимое, научилась находить луч света надежды даже в непроглядной тьме окружающей действительности.

Она выдержала. Она выстояла. До последнего часа земной жизни она оставалась русской царицей, сохранявшей в сердце сострадание к людскому горю, любовь к России, веру в Бога и надежду на Его милость.

Глава 1
Уход

Мария Федоровна прожила восемьдесят лет и одиннадцать месяцев. Императрица родилась 14 (26) ноября 1847 года в Копенгагене. Отошла же в мир иной 13 октября 1928 года вдалеке от России, на небольшой двухэтажной вилле Видёре (Hvidore) в дачном пригороде Копенгагена Клампенборге.

За неделю до того состояние Императрицы начало заметно ухудшаться. Невзирая на это она продолжала до последнего дня интересоваться событиями и просила регулярно читать ей датские газеты. Ежедневно ее навещал младший брат принц датский Вальдемар и младшая сестра принцесса Тира (Тюра) — герцогиня Кумберлендская. Заехал проведать старую тетушку и племянник, Датский Король Христиан (Кристиан) X, к тому времени находившийся на Троне более шестнадцати лет.

Русская Царица неизменно радовалась встрече с родными и, невзирая на слабость, охотно беседовала с ними на нескончаемые семейные темы. Она помнила всех своих многочисленных племянников и племянниц и всегда живо обсуждала дела и заботы младших представителей Датского Королевского Дома.

12 октября Мария Федоровна начала быстро слабеть и после полудня, 13 октября, впала в забытьё. В начале четвертого часа королевский врач Мортен Кнудсен объявил близким, что летальный исход может наступить с минуты на минуту. Временами умирающая приходила в себя, ласково смотрела на окружающих и произносила отдельные, плохо различимые слова.

В 19 часов 18 минут 13 октября 1928 года Императрица испустила последний вздох и уснула вечным сном. Смерть наступила, по заключению врачей, «от слабости сердца». Несколько минут спустя в комнату вошел духовник Императрицы, настоятель церкви Святого Александра Невского в Копенгагене и духовник усопшей священник Леонид Колчев (1871–1944), сложил руки усопшей на груди и прочитал отходную молитву.

Последние дни у постели умирающей бессменно дежурили ее дочери: старшая Ксения и младшая Ольга. Великие княгини всю жизнь глубоко чтили матушку, и ее кончина оказалось для них тяжелым потрясением. Презрев светские условности и не стесняясь присутствовавших, они рыдали навзрыд.

Беженская жизнь разметала сестер; виделись они последние годы довольно редко. Ольга почти неотлучно жила на вилле Видёре, выполняя при «дорогой Мама» роль сиделки, медсестры и

наперсницы. Здесь же все время был и второй муж Ольги, бывший ротмистр Лейб-гвардии Кирасирского Ее Императорского Величества полка Николай Куликовский, которого венценосная теща, невзирая на незнатное происхождение, ценила и уважала как человека честного, доброго и открытого.

Конечно, брак дочери Царя с простым офицером невольно создавал щекотливые ситуации. Марии Федоровне и ее детям приходилось встречаться с членами Королевских Домов, присутствовать на аристократических встречах и приемах, и в этот заповедный великосветский мир безродному зятю Императрицы доступ был закрыт раз и навсегда. В «корпорации голубых кровей» душевные симпатии и личные качества статус человека определять не могли. Мария Федоровна никогда не сомневалась, что династический этикет нерушим и не терпит никакого компромисса.

Великая княгиня Ольга в полной мере ощутила на себе воздействие этого бездушного принципа, и Мария Федоровна о том хорошо знала. Выйдя по настоянию матери в 1901 году в возрасте девятнадцати лет замуж за родовитого принца Петра Ольденбургского, порфирородная дочь Царя Александра III получила тяжелую участь. Пятнадцать лет Ольга Александровна мучилась, страдала, перенося полное безразличие супруга, интересовавшегося лишь карточной игрой и дружескими застольями. Она была лишена не только полноценного супружества, великой радости материнства, но не ощущала даже дружеского расположения со стороны принца. Только через пятнадцать лет последовал разрыв.

Когда в 1916 году Ольга объявила о желании связать свою жизнь с адъютантом своего номинального принца-мужа, то ни у кого из Романовской семьи не нашлось ни одного слова осуждения намечающегося мезальянса. Мать одобрила это решение и была счастлива за младшую дочь, познавшую наконец и настоящую любовь, и радость материнства. В декабре 1916 года Мария Федоровна писала Николаю II из Киева: «Такая радость видеть ее сияющей от счастья, слава Богу… И он очень мил, натуральный и скромный».

Дети Ольги Александровны, два шаловливых крепыша-мальчугана Тихон и Гурий, доставили старой Императрице немало приятных минут в последние годы жизни. Хотя они нередко шумели выше всякой меры, что порой раздражало и нервировало, но бабушка на них не сердилась.

Старшая же дочь Марии Федоровны, Ксения Александровна, жила почти безвыездно в Англии. Мать долго считала, что семейное счастье Ксении устроено прочно, хотя вначале и не

питала особого расположения к избраннику Ксении — Великому князю Александру Михайловичу, приходившемуся жене двоюродным дядей. Потом все как-то образовалось, и теща если и не полюбила зятя, то проявляла к нему очевидное благоволение.

У Ксении и Александра Михайловича («Сандро») было семеро детей: дочь Ирина и сыновья Андрей, Федор, Никита, Дмитрий, Ростислав, Василий. Все они избежали гибели в России и выехали оттуда вместе с бабушкой, которую потом видели редко. Некоторые уже обзавелись собственными семьями, имели детей, так что Мария Федоровна успела дожить до появления нескольких правнуков.

Счастье Ксении было полным, но недолговечным. Ее муж, человек непоседливый, амбициозный и претенциозный, в одном из своих многочисленных странствий по миру встретил некую даму, которая его обворожила. Он забыл о происхождении, о долге, о жене, о детях, о России. Он несколько лет сгорал от страсти и собирался даже, бросив все, уехать со своей возлюбленной жить в Австралию. Но у последней хватило благоразумия не одобрить это великокняжеское безрассудство.

В конце концов «неповторимый Сандро» рассказал все Ксении Александровне, для которой это явилось страшным ударом, так как своего мужа она любила глубоко и искренне. Произошли неприятные объяснения, но в итоге они решили оставить все по-старому и внешне почти десять лет сохраняли видимость семейного благополучия.

Революция разрушила этот вымученный союз. В эмиграции, не таясь, жили порознь; жена — в Англии, муж — на Юге Франции. Покой же «дорогой матушки» они берегли, не раскрывая ей причин подобной ситуации. Так и осталось неясным, насколько Мария Федоровна была посвящена в драму семейной жизни Ксении и была ли посвящена в нее вообще. В эмиграции Сандро не проявлял интереса к своей теще и увидел ее на смертном одре лишь через много лет после расставания.

До конца с Императрицей находились несколько лиц из числа бывшего окружения некогда блестящего Императорского Двора: фрейлина графиня З. Г. Менгден (1878–1950), князь С. А. Долгорукий (1872–1933), горничная С. Г. Грюнвальд, более тридцати лет верой и правдой служившая покойной и ставшая для нее незаменимой.

Здесь же, на вилле, несли свою бессменную вахту и двое рослых бородатых мужчин, последние преданные Лейб-казаки, почти пятнадцать лет бессменно состоявшие при Императрице: К. И. Поляков (1879–1934) и Т. К. Ящик (1878–1946). В тот день слезы постоянно текли по лицам этих уже немолодых русских

солдат, беззаветно преданных «Матушке Императрице». Так, преданно, верно и до конца, по заповедям своих предков и по воле Господа Бога, служили Царям раньше их отцы и деды.

Не скрывали своих горестных чувств и другие. Потеря была велика и невосполнима для всех знавших Марию Федоровну, и не только по чувству долга, но и по зову сердца последовавших за ней в изгнание, обрекая себя на тяжелую долю в незнакомой стране, где они были никому не нужны, кроме той, кому обязаны были сохранять верность до последнего вздоха.

Известие о печальном событии быстро разнеслось. Через несколько минут после смерти радио Копенгагена передало экстренное сообщение, после которого прекратило свои передачи до конца дня. Не прошло и получаса, как на виллу Видёре прибыл автомобиль с Королем Дании Христианом X и Королевой Александриной, урожденной Принцессой Мекленбургской. В небольшой гостиной на первом этаже они выразили соболезнование Великим княгиням.

В тот же вечер в русской церкви в Копенгагене была отслужена панихида, на которой присутствовала вся русская колония. Король Христиан первоначально не хотел устраивать торжественных официальных похорон «Императрице Дагмар» — старейшей представительнице Датского Королевского Дома. Он опасался «политических осложнений». Однако скорбь в Дании стала настолько всеобщей, что Королю пришлось уступить. В стране был объявлен четырехнедельный траур.

Все датские газеты поместили обширные некрологи, содержавшие много проникновенных слов об усопшей. Распространенная «Nationaltidende» восклицала 14 октября: «Дания оплакивает сегодня свою умную и мужественную дочь».

В день кончины, вечером, родные и близкие собрались на литию в опочивальне Императрицы. Покрытое цветами тело усопшей покоилось еще в постели, у которой на коленях, со слезами на глазах молились дочери, младший сын Ксении Василий Александрович, приближенные. Присутствовали также датский король Христиан X, принц Вальдемар, принц Георг Греческий (племянник Марии Федоровны), герцогиня Кумберлендская, принцы и принцессы Датского Королевского Дома.

Смерть Русской Императрицы, занимавшей видное место в европейской династической иерархии, не прошла незамеченной и в других странах. Помимо Датского Двора, траур был объявлен при королевских домах Лондона и Белграда.

Крупнейшие европейские газеты поместили некрологи и памятные статьи, с сочувствием говоря об умершей,

олицетворявшей целую эпоху европейской истории и пережившей страшные невзгоды. Парижская «Экоде Пари» писала: «Франция должна почтить память своего большого друга, а также эту скорбную мать, достойную бесконечного сожаления».

Английская «Дейли Телеграф» в передовой статье заявляла: «Императрица Мария Федоровна так часто бывала нашей гостьей и требует такого внимания к себе, в качестве сестры покойной Королевы Александры, что весть о ее кончине должна вызвать горесть у англичан и снова напомнить им о горькой трагедии Династии Романовых».

Самым же сильным потрясением, наибольшей горечью весть о кончине Марии Федоровны отозвалась в душах сотен тысяч русских, переживших кровавый вихрь революции и коротавших свои дни чуть ли не во всех странах мира. В православных церквах по всему свету, от Токио и Шанхая до Нью-Йорка и Буэнос-Айреса, служились панихиды, горели поминальные свечи.

Россия, та страна, которая оставалась жить в сердцах и душах людей, прощалась со своей Царицей. И хотя уже более десяти лет не существовало Царства Двуглавого Орла, не осталось тронов и корон, которые были поруганы и разрушены беспощадными «улучшателями жизни», но Царица была, являясь для русских людей памятью и надеждой. Горечь русских сердец от невосполнимой потери священник Леонид Колчев выразил проникновенными словами: «Чистый воск догорел, пламя потухло. Жизнь нашей милой Матушки Императрицы окончилась. Многие миллионы детей России остались сиротами».

Вся печать русской диаспоры, вне зависимости от политических пристрастий, откликнулась на смерть Последней Императрицы. Выходившая в Париже одна из наиболее влиятельных и тиражных эмигрантских газет «Возрождение» в передовой статье писала: «С кончиною Императрицы Марии Федоровны окончился великий период русской истории; в Дании, в скромной вилле, охраняемой последним Лейб-казаком, выше всей нашей борьбы, вне всех наших политик и тактик, над всеми нами, как живой символ былой Империи, пребывала в скромности и тишине последняя Российская Императрица, и кончина Ее как бы подводит траурную черту той части истории, которая разбита и разметана революцией».

Центром беженской России была Франция и ее столица, где службы отличались особой торжественностью и многолюдностью. В главном православном храме Парижа Александро-Невском соборе на улице Дарю поминальные службы шли почти непрерывно. Сюда приходили отдать последнюю дань венценосной соотечественнице, помолиться за упокой ее души

представители известнейших аристократических фамилий, офицеры и сановники, бывшие чины бывшего императорского двора: гофмейстеры, фрейлины, камергеры, шталмейстеры и другие, чудом избежавшие расправы у себя на родине. Здесь же можно было увидеть и политических деятелей, людей науки, искусства, литературы.

Вся улица Дарю с утра и до позднего вечера была полна народу, запружена автомобилями. Люди прощались не только с Царицей, но и со своим прошлым, с молодостью, мечтами, со всем тем, что составляло смысл их жизни там, на далекой и потерянной теперь родине, и что помогало жить здесь, в чужих и таких неприютных для русской души «европейских палестинах». Время не щадило никого и ничего. Оно было неумолимо и все дальше и дальше уносило образы, звуки и ощущения теперь уже легендарной страны России. Самым же величественным отблеском того погибшего мира и являлась покойная Царица.

Со слезами на глазах в православных храмах Парижа горячо молились и две известные дамы, в свое время доставившие немало переживаний Марии Федоровне. Одна из них — юношеское увлечение старшего сына Императрицы, тогда еще Цесаревича Николая Александровича, известная балерина Матильда Кшесинская (1872–1971), к этому времени уже сумела породниться с Русским Императорским Домом, обвенчавшись в 1921 году с кузеном Николая II Великим князем Андреем Владимировичем.

Другая — Наталья Сергеевна Брасова (урожденная Шереметьевская, 1880–1952), еще в 1912 году стала морганатической супругой младшего сына Императрицы Великого князя Михаила Александровича. После революции и убийства Михаила Брасова покинула Россию, растила сына Георгия — внука Императрицы, но Мария Федоровна долго не могла даже слышать имя «этой женщины», хотя внук ей и был однажды представлен сыном Михаилом.

Однако встреча все-таки состоялась. Находясь в Англии в 1923 году, Императрица не могла отказать в приеме той, которая доставила ей столько переживаний. 17 (30 апреля) 1923 года Мария Федоровна записала в дневнике: «В 11 я приняла Брасову с маленьким сыном, которому теперь 12 лет. Он очень вырос с тех пор, как я его видела в последний раз. Он такой милый мальчик, но на моего дорогого Мишу совсем не похож. Их визит для меня был огромным душевным потрясением! Но она была мила и скромна, и они оба мне подарили по маленькому пасхальному яичку, сделанному из старого русского фарфора». Это была первая и последняя встреча; на похороны своей строгой свекрови

в Данию Брасова не приехала…

В русских домах, в русских ресторанах и клубах все эти дни было много разговоров о покойной. Устраивались памятные вечера и беседы. Вспоминали различные страницы жизни этой датской принцессы, ставшей такой родной, такой русской, такой своей.

Газеты опубликовали страшную фотографию: Мария Федоровна в гробу. Маленькая, худенькая женщина, в белой наколке, из-под которой выступали некогда черные, теперь же почти седые локоны, с крестом в руках, сложенных на груди. Она мало изменилась; черты лица были пронзительно знакомы и остались такими же, как двадцать или тридцать лет назад. Образ этой женщины в России был известен всем от мала до велика.

Ее портреты украшали стены учебных заведений, многих присутственных мест, витрины фешенебельных магазинов, страницы дорогих альбомов по истории России и Династии. Их постоянно публиковали самые распространенные газеты и журналы. Не было ничего удивительного в том, что в небогатом доме мещанина, в Богом забытой дыре, каком-нибудь Царёвококшайске, или в неказистой крестьянской избе, на видном месте, в красном углу, под традиционными иконами Николая Угодника и Казанской Божьей Матери висел и портрет Императрицы, вырезанный из иллюстрированного журнала. Ее знали и любили.

Эту любовь русские люди унесли в эмиграцию, и последние недели октября 1928 года стали днями ее памяти. Старики со слезой в голосе рассказывали о подробностях ее коронации, личных встречах с ней и ее незабвенным супругом Императором Александром III. С трепетом душевным, в который уж раз, восхищались мужеством Императрицы в тяжкие годы революционной смуты, твердостью ее воли и принципов. Из уст в уста передавалась история, происшедшая весной 1918 года, когда Крым, где находилась под большевистским арестом Мария Федоровна, заняли немцы.

Император Вильгельм II прислал своего представителя барона Штольценберга, предложившего императрице беспрепятственно покинуть опасное место и переехать при помощи германских властей в Данию. И тогда старая женщина, выдержавшая немало унижений и оскорблений от бывших своих подданных, чуть не убивших уже ее и ее близких, с истинно царским величием и достоинством воскликнула: «Помощь от врагов России? — Никогда!» Эти слова стали крылатыми и навсегда остались в летописи русского мужества и самопожертвования.

Всем русским беженцам приходилось на чужбине нелегко. Но никто не знал, никто не услышал, как было тяжело Царице — матери и вдове, потерявшей трон, детей и не имеющей возможности даже помолиться на могилах своих близких. С тех пор как все так резко и бесповоротно оборвалось 2 марта 1917 года, когда ее Ники отрекся от власти, жизнь перевернулась безнадежно. Все вокруг стало рассыпаться на глазах, и порой не хватало сил и желания идти вперед; не было воздуха, чтобы дышать полной грудью. Какой-то жуткий сон вдруг стал явью. Шли годы, а страшное видение все не проходило. И люди так невероятно изменились. Ей порой хамили те, кто еще вчера раболепствовал, она сталкивалась с холодным пренебрежением там, где еще недавно встречала лишь глубокое почтение.

Даже родственники начали относиться иначе. Когда в мае 1919 года, после пятилетнего перерыва, Мария Федоровна оказалась в Лондоне, то с горечью поняла, что они, Романовы, уже больше никому не нужны, стали для всех обузой. Нет, сестра ее, Английская Королева-Вдова Александра, ее «милая Алике», осталась такой же, как всегда: доброй, ласковой, заботливой. Но она была уже старой и больной, удаленной почти от всех и от всего, коротая свои дни с дочерью Викторией — желчной старой девой. Племянник же Марии Федоровны — король Георг V не выказывал интереса к беженке и несколько раз демонстрировал холодное безразличие, хотя раньше относился всегда с неизменным почитанием. Теперь же, как ей объясняла Алике, стараясь выгородить сына, «политическая ситуация была очень сложной».

С прохладным приемом столкнулась Царица-Изгнанница и по приезду в Данию, где другой ее племянник, король Христиан X, был еще менее расположен оказывать тетушке особые знаки внимания. В начале были неприятные объяснения, размолвки, но в конце концов Мария Федоровна свыклась со своей участью и смирение овладело ее душой. Она никому не жаловалась и ни на кого не сетовала.

Годы изгнания, новый мир людей, вещей и ситуаций не могли не влиять на взгляды Императрицы, которые она всегда меняла с большим трудом. Но надо было уметь по-новому воспринимать то, что раньше казалось «ясным раз и навсегда».

И может быть, самое примечательное превращение касалось ее отношения к невестке Императрице Александре Федоровне. В эмиграции Мария Федоровна уже не воспринимала ее так, как до того. Прошли неудовольствия и раздражения. Теперь это все ушло. Больше ни одного упрека, ни одной двусмысленности.

Когда же Мария Федоровна прочла книгу подруги

Александры Федоровны госпожи Лили Ден «THE REAL TSARINA», вышедшую в Лондоне в 1922 году, то многое иначе открылось. Она увидела Невестку такой, какой в общем-то никогда и не знала — великой и мужественной Женой, Матерью, Императрицей. Мария Федоровна умела ценить благородство, честь, преданность, и теперь она сумела оценить Алике, которой пришлось пережить такие муки и страдания, по сравнению с которыми собственные мало чего и стоили…

Перестав быть Царицей для «королевских особ», Мария Федоровна оставалась таковой для русских, жадно ловивших каждое ее слово. Большое впечатление на русскую диаспору произвело опубликованное в газетах предсмертное желание Царицы, чтобы после уничтожения советской власти ее тело было перевезено в Петербург и погребено рядом с могилой Императора Александра III.

Еще раньше долго обсуждали и ее решение не признавать «Императором» Великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя таковым в 1924 году в Париже.

Вопрос о законном преемнике Императора Николая II расколол эмиграцию, привел к многолетним утомительным тяжбам и пререканиям. Образовались две главные «партии» — «кирилловцы» и «николаевцы». Первые группировались вокруг Великого князя Кирилла Владимировича, а вторые — отстаивали права Великого князя Николая Николаевича.

Осенью 1924 года в печати появилось письмо Императрицы Марии Федоровны, адресованное Великому князю Николаю Николаевичу, вызвавшее большой резонанс: «До сих пор нет точных известий о судьбе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, а потому появление нового Императора Я считаю преждевременным. Нет еще человека, который мог бы погасить во Мне последний луч надежды… Если же Господу, по Его неисповедимым путям, угодно было призвать к Себе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, то Я, не заглядывая вперед, с твердою надеждою на милость Божию полагаю, что Государь Император будет указан Нашими основными Законами в союзе с Церковью Православною совместно с Русским Народом. Молю Бога, чтобы Он не прогневался на Нас до конца и скоро послал Нам спасение путями, Ему только известными».

Уважение к Императрице было столь велико, что никто не рискнул публично подвергнуть критике ее позицию, хотя она серьезно поколебала позиции «кирилловцев»…

Главные траурные церемонии происходили в Дании, и порядок похорон был определен королем Христианом X. В Копенгаген стали съезжаться родственники, известные деятели

русского зарубежья: Великий князь Александр Михайлович (зять покойной), Великий князь Кирилл Владимирович, Великая княгиня Мария Павловна (Младшая), князь императорской крови Гавриил Константинович, несколько других членов свергнутой династии; глава русского церковного управления за границей митрополит Евлогий (1868–1946), бывший премьер А. Ф. Трепов (1862–1928), представители от различных офицерских объединений и эмигрантских союзов.

Прибыли также и особы королевских кровей: племянник покойной Король Норвегии Гаокон (Хокон) VII, кронпринц шведский Густав-Адольф, сыновья английского короля Георга V: герцог Йоркский — будущий Король Георг VI, отец Королевы Елизаветы II и герцог Уэльский — будущий Король Эдуард VIII, Король Бельгии Альберт I и другие.

16 октября гроб с телом Императрицы покинул виллу Видёре. Императрица начала свое последнее путешествие, маршрут которого уже не зависел от ее воли.

Стоял теплый, тихий и солнечный день. Было почти безветренно; довольно редкий случай для осенней Дании, непрерывно продуваемой насквозь ветрами холодных морей. Окутанный багряно-золотой пеленой Клампенборг провожал своего старожила, человека, узнавшего и полюбившего этот столичный пригород давно, много десятилетий тому назад, когда не было еще ни кинематографа, ни телефона, ни электричества, ни автомобилей, но были эти тенистые и почти безлюдные в будние дни аллеи, эти ухоженные газоны, яркие цветники, утопающие в зелени виллы.

Еще молоденькой девочкой, на пороге своей юности, она бывала здесь со своими родителями, братьями и сестрами. Здесь они играли под сенью старых лип, принимала морские ванны, рекомендованные врачами, считавшими, что Принцесса, в силу хрупкости своего телосложения, непременно должна заниматься закаливанием. Она была слишком аккуратной, чтобы не следовать рекомендациям старших, но и слишком своенравной, чтобы безропотно подчиняться. Купалась же она всегда с большой радостью, довольно быстро научилась неплохо плавать и в шестнадцать лет уже могла заплывать довольно далеко.

В Клампенборг она привезла своего мужа, Цесаревича Александра Александровича, когда впервые вернулась из России в родительский дом после свадьбы. Это случилось летом 1867 года. Они провели вместе радостные часы, купаясь в море и отдыхая на берегу. И муж, выросший среди импозантных ландшафтных и пейзажных парков Царского Села, Петергофа и Гатчины, хорошо знакомый с почти девственной природой русской равнины, был

очарован видом датской «сельскости», гармонией естественной красоты и дел рук человеческих.

Своей матери Императрице Марии Александровне Цесаревич писал в августе 1867 года: «Это прелестное место. Вся дорога, которая идет из Копенгагена вдоль берега моря, застроена дачами, и народу пропасть живет здесь. Эта дорога продолжается, я уверен, верст 10, и все одна дача за другой, и есть премилые дачи. По воскресеньям весь Копенгаген съезжается в Клампенборг, там бывают балы и увеселительные вечера».

Здесь, в Клампенборге, в десяти километрах на север от центра Копенгагена, Императрица Мария Федоровна со своей старшей сестрой и ближайшей подругой, Английской Королевой Александрой, после смерти в 1906 году отца Короля Христиана IX и решили приобрести собственную резиденцию. Посещая Данию, им теперь было слишком тяжело гостить в официальных королевских резиденциях, в тех местах, в тех стенах, где все было принизано воспоминаниями, где каждая вещь, любая комната напоминала о дорогих родителях, о сладко-горестных, навсегда ушедших событиях и образах давнего, но незабываемого прошлого.

Напополам с Александрой Мария Федоровна и купила виллу Видёре. Все серебро, фарфор, скатерти и даже постельное белье так до конца жизни Марии Федоровны были помечены монограммой обеих владелиц.[1]

Английская Королева целиком доверяла вкусу младшей сестры, и Мария Федоровна вложила в оборудование и оформление первого (и последнего) собственного дома в Дании весь свой темперамент и максимализм. Для помещений покупалась лучшая штофная ткань различных расцветок, приобреталась изысканная мебель в стиле Людовика XVI и, конечно, в так любимом Царицей стиле «жакоб»; приглашались лучшие мастера — строители и краснодеревщики. И во все она вникала, все ее интересовало.

Сыну Императору Николаю II сообщала 9 сентября 1906 года: «В нашем доме Hvidore мы были два раза… Мы были в восторге от него: вид такой чудный, прямо на море, такой красивый маленький сад, масса цветов, просто прелесть. Дом еще совсем не устроен. Мы выбрали разные материи для комнат, и я думаю, что будет удивительно мило и уютно».

На следующий год вилла была полностью обустроена и приняла своих Венценосных хозяек. Здесь было действительно «мило и уютно». Никто, конечно же, не мог предположить, что этот дом станет последним прибежищем для Русской Царицы, станет ее последним бастионом и опорой в распадающемся мире,

лишившим ее будущего. Подобное развитие событий тогда не могло привидеться и в самом дурном сне.

…Почти безвыездно в своем маленьком убежище провела Царица свои последние годы. Сидя на террасе в кресле, с шалью на плечах, с укутанным пледом ногами, в одиночестве, в каком-то трагическом оцепенении, которое ни в коем случае нельзя было нарушить, часами старая женщина смотрела в даль, на бескрайний морской простор. Что видела она там, на Востоке? Какие мысли ее одолевали, какие чувства волновали, какие молитвы она читала? Никому того не открыла.

Уходило время, исчезала старая знакомая жизнь, навсегда покинули самые близкие. Уже давно не было на свете милых родителей. В 1912 году умер жизнерадостный брат Фредерик, король Фредерик VIII, «милый Фреди», которого она и Александр III так искренне любили. В 1913 году погиб добрый брат Вильгельм — греческий король Георг, убитый террористом; в 1925 году скончалась незабвенная старшая сестра Александра, вдовствующая Английская Королева, ее «дорогая Алике». Уходили и уходили родные и близкие. А она все жила и несла в сердце страшную боль, русскую боль.

Где-то за горизонтом, в далекой и такой родной стране, где все так страшно изменилось, остались бесценные могилы: обожаемого супруга, сыновей Александра и Георгия. Обладая ясной памятью, она все и всех помнила. Незабвенный муж, Император Александр III, «ее Саша», был с ней всегда. В ее разговорах, в ее воспоминаниях он оставался живым. Все, что с ней было до встречи с ним, всё, что с ней сталось после его преждевременной кончины, всё, всё находилось в тени этого несравненного образа.

Десятилетиями трепетно собирала и берегла реликвии, связанные с ее самым любимым: записки, письма, фотографии, подарки. И каждая вещь, любая мелочь немедленно высвечивала в памяти драгоценные эпизоды былого. Когда Мария Федоровна покидала Россию, при ней было мало семейных реликвий: небольшое число фотографий, немного писем, несколько икон, портретов и ларец-шкатулка с драгоценностями, наполненная главным образом подарками Александра III.

Но она увезла с собой необозримый и незабываемый груз чувств, звуков, ароматов, которыми владела безраздельно. Ей не требовались мемориальные предметы, чтобы уверенно, без подсказки, перелистывать книгу своей судьбы, многие страницы и главы которой она помнила наизусть до гробового входа.

Когда же случилось невероятное, невозможное, непостижимое, и на ее страну, на «ее Россию», обрушилось такое

страшное бедствие — революционная чума, она не знала, как выжила и зачем выжила. Но одной истине она никогда в жизни не перечила: смысл людских радостей и печалей знает лишь Всевышний, а постигнуть ход судеб людей и народов смертным часто не дано. Царица не пыталась разгадать тайну времени и лишь как великой милости просила у Бога ниспослать ей сил душевных, чтобы суметь перенести все ниспосланное. Затворница в Видёре жила лишь прошлым, но ее горячая память сердца никогда не остывала…

Там на Востоке, так далеко, что и представить невозможно, затерялись следы ее старших сыновей Михаила и Николая. Последние весточки от них она получила еще в начале 1918 года — и больше никаких надежных известий не имела. А любимый внук Алексей, а четверо дорогих внучек?

Ни о ком ничего доподлинно не зная, уповала лишь на силы небесные, верила, что Господь не допустит их погибели! Любящее сердце не может предать, не смеет отказаться от надежды. Старая императрица ждала. Ждала все годы расставания, ждала, как только и может ждать женщина-мать: беззаветно, беспредельно, непрерывно.

В своей вере она была категорична и неумолима. Как вспоминал Лейб-казак Т. К Ящик, свое отношение к разговорам о гибели ее Сына Николая она наглядно продемонстрировала, как только ступила на землю Англии в мае 1919 года. «Принц Уэльский был в утреннем костюме, но в связи с получением сообщения о смерти Царя, которое обошло весь мир, у него на левой руке была траурная повязка. Когда Императрица ее увидела, то спросила, по кому он носит траур. Он ответил, что по ее Сыну, Русскому Императору и Его Семье. Императрица была крайне взволнована, и еще на вокзале она сорвала траурную повязку у своего племянника, наследника Трона».

Подытоживая свои наблюдения, верный казак заметил: «Я внутренне убежден, что Императрица вплоть до самой смерти сохраняла не только надежду, но также веру в то, что она опять увидит Императора».

В газетах же часто писали о Екатеринбургском злодеянии, приводили свидетельства и документы, раскрывающие во всех ужасающих подробностях детали убийства семьи Императора Николая И, а еще раньше — и его младшего брата Михаила.

Было уже доподлинно известно, что на Урале варварски уничтожены другие Романовы: фотографии извлеченных из шахты их тел обошли всю мировую печать. Много писали и о том, что останки алапаевской мученицы Великой княгини Елизаветы Федоровны усилиями ее родственников перевезли на Святую

Землю и похоронили в храме Марии Магдалины в Иерусалиме. Но в характере Императрицы не было склонности к черной меланхолии. Она всегда знала, что если иметь доброе сердце, открытую душу, то Господь никогда не оставит.

Последние годы Мария Федоровна сама газет не читала. Она плохо видела и очень быстро уставала. Ей читали другие, те, кто разделял с ней беженство. Они знали ее настроение, знали, что нет неопровержимых доказательств гибели ее дорогих, что Императрица не хочет ничего слышать об этом ужасе, что она категорически запретила служить по Сыну Николаю панихиды.

Ее берегли, никогда не затрагивали эту тему, в ее присутствии не оглашали газетную информацию о гибели Романовых. Когда же бывали визитеры (она редко кого принимала, главным образом тех, кого помнила и хорошо знала по своей прежней жизни в России), то и они в беседе не переступали заповедную черту.

Но русская душа без ожидания чуда жить не может. Когда в середине 20-х годов распространились слухи о появлении в Берлине «чудом спасшейся» младшей Дочери Николая II Великой княжны Анастасии, то это вызвало сильное волнение среди русских изгнанников. Некоторые влиятельные русские эмигранты уверенно подтверждали достоверность этого факта после личной встречи с некоей госпожой Чайковской-Андерсон, внешне похожей на младшую Дочь Царя.

Датский посол в Берлине барон Цале сообщил эту сенсационную новость Датской Королевской Семье и Императрице Марии Федоровне. Последняя попросила старого и верного камердинера Царской Семьи Алексея Волкова (1859–1929) отправиться немедленно в Берлин и потом рассказать об увиденном.

В июле 1925 года преданный слуга посетил один из берлинских санаториев, где в изоляции содержалась эта, якобы чудом вырвавшаяся из кровавого большевистского ада, младшая Дочь Николая И. Все было доложено затем Императрице: девушка молодая, немного похожа на княжну Анастасию Николаевну, но русского языка не знает, родственников не помнит и «вообще не Анастасия Николаевна».

После этого доклада бабушка категорически отказалась признать родство с этой сомнительной личностью и сразу же закрыла навсегда эту тему. Ее сердце чувствовало, что позже полностью и подтвердилось, что «берлинская дама» — самозванка, а вся возня вокруг нее — авантюра.

В том же году Мария Федоровна высказалась категорически против намерения дочери Ольги поехать в Берлин и лично

встретиться с девушкой, выдававшей себя за младшую дочь Царя — любимую Ольгину Крестницу. Но Ольгу так просили о том ее тетя герцогиня Кумберленская и дядя Принц Вальдемар, считавшие эту миссию необходимой: «чтобы раз и навсегда решить этот вопрос».

Дочь Ольга ослушалась мать и провела осенью 1925 года четыре дня в Берлине рядом со странной, несомненно больной особой. В первый момент встречи ей показалось, что она видит действительно свою Крестницу. В чудесное спасение так хотелось верить, этого так ждало истерзанное потерями и разлуками сердце Великой княгини. Но очень скоро иллюзии рассеялись без следа.

Сразу же выяснилось, что претендовавшая на роль Дочери Царя девица ничего о жизни своей семьи не знает, да и вообще говорит лишь по-немецки, на языке, которому ее, Крестницу, не обучали. Окружающие эту Анастасию люди из числа приспешников сразу пояснили, что это случилось от «потери памяти», немецким же она овладела уже в Германии. Сомнений же Ольги все эти сбивчивые объяснения и разъяснения не развеяли. В конце своего пребывания она была уже убеждена, что перед ней самозванка.

«Когда я видела свою любимицу Анастасию летом 1916 года в последний раз, — вспоминала позже Ольга Александровна, — Ей исполнилось пятнадцать. В 1925 году Ей должно было исполниться двадцать четыре года. Мне же показалось, что госпожа Андерсон гораздо старше. Разумеется, следовало учесть ее продолжительную болезнь и общее плохое состояние здоровья. И все же не могли же черты Племянницы измениться до неузнаваемости. И нос, и рот, и глаза — все было другое». Ольга должна была признать правоту позиции своей матушки.

Для Марии Федоровны все эти признания не имели никакого значения. Она с самого начала не проявляла к этой истории особого интереса, хотя ждала своих дорогих и любимых Детей и Внуков, ждала до последнего земного мига бытия, но так и не дождалась. На земле им не суждено было уже встретиться.

Но она неколебимо уповала на грядущую встречу там далеко, в другой жизни, уже на небесах. Как истинная православная христианка, она ни минуты не сомневалась, что жизнь и смерть творится по воле Всевышнего, а Его Промысел простому смертному постичь не дано. Ее вера была столь проста и абсолютна, что вызывала восхищение даже у людей, не признававших ценностей Православия.

Ее, как сам себя называл, «непутевый зятек» Великий князь Александр Михайлович написал о Марии Федоровне: «Я

завидовал своей теще. Ее слепая вера в истинность каждого слова Писания давала нечто более прочное, нежели просто мужество. Она была готова ко встрече с Создателем; она была уверена в своей праведности; разве не повторяла она все время: «На все воля Божья»?»…

16 октября 1928 года гроб с телом усопшей Императрицы был перенесен в православную церковь Александра Невского в центре Копенгагена, храм, построенный по желанию и на личные средства Александра III.

Траурная процессия растянулась почти на километр, и за гробом шли тысячи людей. На тротуарах, по пути следования, стояли многотысячные толпы; мужчины снимали головные уборы, некоторые женщины не могли скрыть слез. Датчане, воспитанные в лютеранской традиции, не были склонны, в отличие от русских, воспринимать монархов как Помазанников Божьих. Но покойную они знали и весьма уважали: и как дочь доброго, старого короля Христиана IX, и как женщину, всегда проявлявшую любовь к своей «первой родине».

В Дании члены Королевского Дома были окружены уважением, но в повседневной жизни не были сильно вознесены над простыми смертными, не были так удалены и изолированы от них. Принцы и принцессы ездили в открытых экипажах, без всякой охраны, и вместе с Королем запросто бывали в магазинах, театрах, на многочисленных народных праздниках и гуляниях.

Многие датчане лично знали умершую, «милую Дагмар», которая, и переехав в Россию, регулярно возвращалась к родительскому очагу. Ее встречали часто в Клампенборге на прогулках вдоль моря, в парках и садах Копенгагена. Хотя она была могущественной Царицей в загадочной восточной Империи, но здесь, на родной земле, она была открыта и доступна для общения. К ней подходили, с ней разговаривали, иногда просили совета или помощи. И она никогда не демонстрировала высокомерия, ко всем относилась с теплым участием, вызывавшим симпатию.

Чувство симпатии лишь усилилось, когда датчане узнали о страшных перипетиях ее жизни в России, ужасные подробности о смерти ее родных и близких. Сто тысяч жителей Копенгагена вышли на улицу во время движения траурного кортежа, и такого многолюдья тихая столица Датского Королевства давно не видала. Флаги были приспущены, витрины лавок и контор по пути следования процессии были задрапированы черным крепом.

Только советская миссия в Копенгагене, обосновавшаяся в старом здании посольства России, не выражала никаких признаков участия. Коммунисты-дипломаты внимательно

следили за деятельностью «монархической реакции», и Мария Федоровна давно уже была у них, что называется, «бельмом на глазу».

Один раз, вскоре после установления дипломатических отношений с коммунистическим режимом в 1924 году, потребовали даже ее высылки из Дании. Наглое требование вызвало шквал возмущения, получило негодующий отклик на страницах газет разных политических направлений. Общественная реакция оказалась столь сильной, что премьер-министр социал-демократ Стаунинг вызвал советского представителя и выразил ему протест, заявив, что не уступит подобным требованиям, и попросил донести это мнение до сведения правительства в Москве.

Уже после погребения Царицы полномочный представитель СССР в Копенгагене М. Кобецкий доносил в Министерство иностранных дел в Москву: «Похороны бывшей царицы Марии Федоровны были, по желанию короля, организованы как «семейное событие». Из дипломатов был приглашен только дуайен. Вообще король и МИД проявили в этом случае по отношению к нам полную корректность: нигде не было вывешено ни одного старого русского флага, эмигрантам-офицерам было запрещено стоять в почетном карауле в мундирах и т. д. Друг эмигрантов, латышский генконсул датчанин В. Христиансен вывесил было трехцветный флаг, но мы позвонили в МИД, и флаг был убран».

«Смерть старухи, — подытоживал свои наблюдения дипломат-коммунист, — несомненно будет способствовать дальнейшему разложению местной белой колонии. Большинство газет по поводу похорон писало, проливая слезы умиления, что это похороны старой России».

Советский дипломат лгал, стараясь в своем донесении умалить значение происшедшего, которое на самом деле носило характер события европейского. Как образно выразился позже участник похорон Великий князь Александр Михайлович, «за гробом ее шло чуть не полсотни коронованных особ, и столько посланников и чрезвычайных послов набилось в Копенгагенский кафедральный собор, что впору было развязывать еще одну мировую войну».

Король Христиан X с самого начала хотел, чтобы похороны его тетки, которую он никогда не любил, а во время ее последних лет жизни терпел с большим трудом, прошли как можно скромнее и никоим образом не носили характера государственного события. Датский МИД целиком поддержал такое намерение, считая, что в противном случае это

«неблагоприятно отразится на отношениях с СССР».

Возможно, это событие и прошло бы неприметно, но все разрушили человеческие чувства. Глубокие симпатия и любовь, которые вызывала умершая и у датчан, и у русских, спутали все планы Короля и его пугливых министров. Как заметила по этому поводу дочь покойной Ольга Александровна: «В конечном счете кузену (Христиану X. — А. Б.) пришлось изменить свое решение, уступив мнению общества».

Проводы Марии Федоровны, в которых участвовали тысячи и тысячи людей разного возраста, не стали менее грандиозными от того, что их проигнорировала часть дипломатического корпуса и некоторые официальные лица из правительства. Бездыханное тело удостоилось тех торжественных церемониальных почестей, которых Мария Федоровна была лишена в марте 1917 года…

Гроб с телом покойной прибыл в русский храм около 12 часов дня и был внесен в собор на руках русских офицеров и родственников. Около него был поставлен почетный караул из двух русских офицеров и двух представителей русского общества. Первая панихида началась сразу же, и на ней присутствовала Королевская Семья, родственники, дипломатический корпус. В 6 часов началась вечерняя панихида, не менее многолюдная, но менее официальная.

Гроб утопал в цветах и венках и от отдельных лиц, и от глав государств: короля Бельгии, президента Финляндии, короля Швеции, президента Бразилии, президента Китая и др. Самый же большой и красочный венок из живых роз, невольно привлекавший внимание, был от президента Франции Гастона Дюмерга.

Мария Федоровна покоилась в белом гробу, убранном цветами и покрытом русским Андреевским и датским национальным флагами. По желанию родных тело не было набальзамировано, и 17 октября, после дневной панихиды, гроб был закрыт и помещен в цинковый саркофаг.

И наступил последний день — день погребения. 19 октября в час дня Датский Король, Королева и другие высокопоставленные лица прибыли в русскую церковь, где митрополит Евлогий совершил заупокойное богослужение.

После службы саркофаг на катафалке, сопровождаемый эскортом датской гусарской гвардии, был доставлен на Восточный вокзал Копенгагена и внесен в специальный траурный поезд, в котором разместились близкие родственники, члены королевских домов, дипломаты. На протяженна всего шествия от храма до вокзала над городом непрерывно звучали орудийные залпы…

Менее чем через час железнодорожный состав прибыл к месту своего назначения: в небольшой городок Роскилле. Здесь, в старом, мрачно-величественном готическом соборе, начиная с XV века, покоились все члены Датского Королевского Дома.

Под звуки органа гвардейцы внесли гроб и поместили его рядом с саркофагами родителей. После краткой службы гроб поместили в дубовый саркофаг, крышку которого закрепили деревянными винтами и накрыли черным бархатным покровом с золотыми коронами. Запел хор, погребение окончилось…

В этой обители, недалеко от могил отца и матери, в семейном фамильном склепе упокоились останки Последней Русской Императрицы.

Пройдет с тех пор почти восемьдесят лет, и прах Императрицы будет перезахоронен в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Историческая справедливость восторжествует…

Глава 2
Принцесса, умеющая всем нравиться

Шел сентябрь 1864 года. Еще по-летнему было тепло, и осень почти не коснулась густой зелени деревьев. У высокой лестницы, ведущей в загородный дворец Датского Короля Фреденсборг, стояла хрупкая, невысокая молодая девушка, одетая в простое светлое платье с темным передником — вторая дочь Короля Христиана IX.

Ей было почти семнадцать лет, но на вид можно было дать и того меньше. Темно-карие глаза ее внимательно и немножко насмешливо смотрели на молодого человека, старавшегося, соблюдая торжественность момента, неспешно выйти из экипажа. Она уже знала, что перед ней старший сын русского Императора Александра II, Наследник престола Николай Александрович. Они уже встречались за месяц до того, во время официального визита русского Престолонаследника в Данию. В тот раз они быстро подружились.

Было в ней нечто такое, что сразу же располагало. Секретарь Цесаревича Николая Ф. А. Оом (1826–1898) позже вспоминал: «Она была одета чрезвычайно просто, в светлом летнем платье с черным передником. Прическа была простая, гладкая коса поддерживалась сеткою. Маленькая головка чрезвычайно грациозно покоилась на стане невысоком, но необыкновенно пропорционального сложения. Глаза поразили нас всех выражением ласки и кротости, а между тем взор пронизывал человека, на которого они были обращены».

Как только закончилась официальная церемония представления Королю и Королеве, молодой человек был увлечен Дагмар наверх, в ее комнаты, где она показала ему свои альбомы и рисунки. Затем побежали в парк, и здесь она стремительно провела его по самым дорогим уголкам, показывая и рассказывая о любимом мостике, о любимой беседке, о любимом дереве.

Она была молодой, открытой, любившей всех и всё: родителей, братьев и сестер, тетушек и дядюшек, преданных слуг, собачек, цветы, теплую погоду, сладости, музыку Моцарта, живопись и еще немало того, о чем рассказать сразу было невозможно. Переходя с немецкого языка на французский, а с французского на немецкий, нередко употребляя и датские выражения, она рассказывала о себе, о своей жизни. Цесаревич Николай внимательно и все более завороженно слушал, хотя датского языка не знал совсем. Но это не имело никакого

значения. Он был очарован той, которая, может быть, когда-нибудь станет его женой.

Принцесса Дагмар давно была известна в Царской Семье. Еще в далеком 1851 году бабушка Цесаревича Николая Императрица Александра Федоровна, посетив герцога Нассауского в его замке Бибрих на Рейне, встретилась там с принцессою Луизой Гессен-Кассельской, будущей Королевой Луизой. Там дорогой гостье были представлены и дети Луизы, в том числе и очаровательная малютка Дагмар, которой еще не исполнилось и четырех лет. Увидав это веселое создание, Александра Федоровна сказала матери: «Эту Вы должны приберечь для нас».

Цесаревич Николай приехал в Датское Королевство во время своего путешествия по Европе, и родители настоятельно ему советовали посетить Копенгаген и познакомиться со второй дочерью Короля, которая уже была на выданье. Ни император Александр И, ни Императрица Мария Александровна ни на чем не настаивали и никаких иных требований не выдвигали. У них лишь была надежда, что молодые люди понравятся друг другу.

Европейское турне Русского Престолонаследника имело главным образом представительский характер. Оно должно было, с одной стороны, ознакомить монархов с наследником Русского Трона, а с другой — дать Николаю Александровичу представление о заграница. Это была основная просветительская задача. В 1863 году Престолонаследник совершил продолжительное путешествие по России, а теперь наступила очередь отправиться и за пределы Империи.

Накануне поездки император Александр II прислал сыну Николаю, которого все близкие звали «Никс» (реже — «Никса»), письмо-инструкцию, где дал необходимые наставления относительно поведения в чужеземных краях:

> «Многое тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания и что многое достойное уважения, там где есть, к нам приложимо быть не может; мы должны всегда сохранять нашу национальность, наш отпечаток и горе нам, если от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость. Но чувство это не должно, отнюдь, тебя сделать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае любопытного или отличительного. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты много узнаешь и увидишь полезного и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания. Везде ты должен помнить,

что на тебя не только с любопытством, но даже с завистью будут глядеть. Скромность, приветливость без притворства и откровенность в твоем обращении, всех к тебе, хотя и нехотя, расположит. Будь везде почтителен к государям и их семействам, не оказывая малейшего различия и учтивости к тем, которые, к несчастью, не пользуются добрым мнением; ты им не судья, но посетитель, обязанный учтивостью к хозяевам. Оказывай всегда полное уважение к церковным обрядам, и посещая церкви всегда крестись и исполняй то, что их обрядам в обычае».

Цесаревич неукоснительно выполнял наставления отца, которого бесконечно уважал и почитал. При всех дворах он оставлял благоприятное впечатление. В сентябре 1864 года ему исполнился 21 год, но он уже производил впечатление спокойного, умного и рассудительного человека. В Данию же прибыл после визитов в несколько других княжеств и королевств и здесь сразу ощутил атмосферу тепла и уюта. При Датском Дворе отношения были проще и сердечней, что заметно контрастировало с тем, что он видел при других Дворах.

Дом Романовых и Дом Гогенцоллернов связывали родственные узы (мать Александра II и бабка Николая Александровича Императрица Александра Федоровна — урожденная принцесса Прусская), но искренней близости между этими влиятельными династиями Европы не было. Все время существовала внутренняя взаимная настороженность и отчуждение, которые, иногда уменьшаясь, вдруг возгорали с новой силой. Берлин и Петербург поддерживали вежливо-холодные связи, которые, по мере усиления роли Пруссии и консолидации единой Германской Империи, не становились теплее.

Брак представителя любого королевского дома почти всегда был сопряжен с известными политическими расчетами. Женитьба же наследника Русской Короны, власть которой распространялась на огромные территории в Европе и Азии, всегда была сферой высоких политических интересов. Россия в тот период не имела надежных союзников в Европе. Еще были свежи в памяти баталии неудачной для нее Крымской войны (1853–1856), когда Империи Двуглавого Орла пришлось столкнуться в военном противоборстве с объединенными усилиями Англии, Франции и Сардинского королевства, выступивших союзниками Турецкой империи и закончившейся унизительным для России Парижским миром 1856 года.

Антирусские настроения в Европе еще были очень сильны. Крупнейшие державы имели свои стратегические и экономические интересы на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, куда были устремлены взоры и Царского правительства. Оно уже давно было озабочено решением больного «Восточного вопроса», решением двух основных геополитических задач: ликвидацией власти Османской империи над братскими православными народами и выходом к теплым морям, через установление контроля над Черноморскими проливами.

Эти цели были столько же желанными, сколько и быстро недостижимыми. В Петербурге прекрасно осознавали, что любая попытка России получить «Черноморский ключ» — овладеть Стамбулом (Константинополем) — неминуемо вызовет противодействие всей Западной Европы, как то уже и случилось, когда в конце 1853 года Англия и Франция бросили свои силы на помощь погибающей Турецкой империи, объявив войну России.

Развитие ситуации в Центральной Европе тоже было для России тревожным. Отношения с Австрийской Империей (с 1867-го — Австро-Венгерской) оставались настороженно-холодными, хотя в первые десятилетия XIX века — в период борьбы с Наполеоном и сразу же после его разгрома — Россия и Австрия являлись союзниками. В 1849 году Император Николай I, руководствуясь искренним порывом поддерживать «законных монархов», отправил русский экспедиционный корпус для подавления революции в Венгрии, чем спас династию Габсбургов и целостность погибающей Монархии. Русский Царь фактически сохранил за восемнадцатилетнем Императором Францем-Иосифом корону Австрийской Империи.

Однако эта спасительная помощь была очень скоро забыта. Мало того: во время Крымской войны Вена проявила откровенную враждебность и в конце 1854 года стала союзницей Англии и Франции, угрожая России войной. Хотя дело до прямого военного столкновения между русскими и австрийцами не дошло, но во время переговоров о мире Вена заняла явную антироссийскую позицию. Это «неблагодарное предательство» бывшего союзника и в первую очередь лично Императора Франца-Иосифа, которого Царь считал почти «своим сыном», в Петербурге не могли забыть и простить. Для Николая I предательство Франца-Иосифа явилось страшным моральным ударом…

Сложными были и отношения России с Пруссией, которая все настойчивей заявляла свои имперские амбиции и начинала доминировать в учрежденном еще в 1815 году Германском союзе, и Берлин явно претендовал на роль нового имперского центра и на сольную партию в «концерте мировых держав».

В этих условиях взор Русского Царя обратился к Дании, тихой и стабильной стране, мало задействованной в мировых политических противоборствах, но оскорбленной и ограбленной Пруссией и Австрией. Эти державы давно претендовали на южные районы Датского королевства, на Шлезвиг и Гольштейн, связанные с Данией тесной династической унией еще с XV века.

В 1864 году Берлин и Вена «проглотили» эти районы, чем вызвали в Дании резкий всплеск антинемецких настроений. Но Дания была слаба и фактически беззащитна. Возникшая же перспектива породниться с Российским Императорским Домом давала Копенгагену вполне ощутимую опору во внешнеполитической деятельности.

Подобный брачный союз устраивал и Русского Царя. Таким путем можно было заиметь надежного союзника в Европе и ограничить имперские аппетиты Пруссии, которая в будущем могла не только отторгнуть от Датского Королевства южную часть, но со временем и вообще аннексировать всю его территорию. Осуществление намеченной свадебной комбинации давало России и еще очень важный шанс — улучшить отношения с Англией.

Старшая дочь Датского Короля Христиана IX Александра в марте 1863 года стала женой старшего сына Королевы Виктории, наследника Английской Короны принца Альберта-Эдуарда, герцога Уэльского.

Когда-то, очень давно, лишь взойдя на Трон, Королева Виктория — представительница Ганноверской Династии — принимала в Лондоне Цесаревича Александра Николаевича, ставшего Царем Александром II в 1855 году. В те далекие годы Императором России был Николай I, чрезвычайно заинтересованный в установлении тесных отношений с Британией.

Как только в 1837 году Королевой стала Виктория, к ней по дипломатическим каналам начали поступать сигналы о желании Русского Царя нанести визит в Лондон. Но тогдашний министр иностранных дел Великобритании Пальмерстон (1784–1865) посоветовал Королеве (ей было всего 20 лет) держаться осторожной линии в отношениях с Россией и уклониться от приглашения Царя в Лондон. Русский Император смог погостить у Королевы лишь в 1844 году, убедившись в невозможности установления союза между двумя странами.

Но еще раньше, весной 1839 года, ее посетил наследник Русского Престола Александр Николаевич, который был всего на год старше незамужней тогда Королевы Великобритании и Ирландии. В качестве гостя Королевы Александр Николаевич

находился в Англии целый месяц, где его принимали с истинно королевским великолепием. Приемы, балы, смотры войск и посещения примечательных мест — все было организовано для русского гостя по высшему разряду. Особое радушие выказывала молодая Королева. Он неоднократно обедал у нее в Букингэмском дворце, был ее танцевальным партнером на придворных балах, сопровождал Королеву в оперу, занимая рядом с ней место в Королевской ложе.

Русский Престолонаследник явно произвел сильное впечатление на Викторию. На балах она по несколько раз с ним танцевала (чего никогда не делала для других партнеров), а в перерывах усаживала его рядом с собой и, как отмечали очевидцы, «оживленно болтала». Близким признавалась, что Александр ей «чрезвычайно понравился» и что «они стали друзьями». Три дня Цесаревич прожил у нее в загородном Виндзорском замке, что стало темой оживленных пересудов в высшем свете. Многие находили подобное поведение «эпатажным» для любой добропорядочной девушки, а для незамужней Королевы в особенности…

Русскому же гостю английская хозяйка совсем не понравилась. «Она очень мала ростом, талия нехороша, лицом же дурна, но мило разговаривает», — записал Цесаревич в дневнике. В придворных кругах Лондона и Петербурга тогда возникли слухи о возможности династического союза, но эти разговоры не имели под собой никакой реальной основы.

Королева Виктория всю жизнь, а находилась она на троне 64 года, придерживалась антирусских настроений, принимавших порой характер русофобии. Кто знает, может быть, кроме имперских интересов и амбиций эта антипатия питалась тем давним и неразделенным чувством…

Однако роль России в Европе и мире была столь велика, а матримониальные связи Императорской Фамилии столь широки и многообразны, что Виктории — «Королеве Великобритании и Ирландии и Императрице Индии» — все-таки пришлось породниться с Домом Романовых.

Ее четвертый ребенок, сын Альфред-Эрнст-Альберт герцог Саксен-Кобург-Готский, граф Кентский, герцог Эдинбургский в 1874 году женился на единственной дочери Императора Александра II, Великой княжне Марии Александровне, подарившей своей свекрови — хозяйке Букингэмского дворца — внука Альфреда (1874–1899) и внучек: Марию (1875–1938), Викторию (1876–1936), Александру (1878–1942), Беатрису (1884–1966).

В конце XIX века династическая уния между Царской и

Королевской фамилиями еще более укрепилась. Две внучки Виктории, дети ее второй дочери Алисы (1843–1878), гессенские красавицы-принцессы Елизавета (1864–1918) и Алиса (1872–1918) нашли свое семейное счастье в России. В 1884 году Елизавета стала женой сына Императора Александра II Великого князя Сергея Александровича, а в 1894 году Алиса, принявшая Православие, получив при миропомазании имя Александры Федоровны, вышла замуж за Императора Николая И. Но первая близкая родственная связь между русским и английским владетельными домами была установлена в 60-е годы XIX века благодаря замужеству датской принцессы Дагмар.

Когда Цесаревич Николай Александрович ехал в Копенгаген, то не имел определенно выраженных намерений. Он лишь хотел посмотреть на датскую чаровницу, которую так расхваливал «дорогой Папа». И сердце молодого впечатлительного русского она пленила. Дагмара (Мария-София-Фридерика-Дагмара) не блистала яркой красотой, не отличалась незаурядным умом, но в ней было нечто такое, что притягивало и завораживало. Она обладала тем, что французы обозначают словом «шарм».

Принцесса выросла в большой и дружной семье. У Христиана IX и Королевы Луизы было шестеро детей: Фредерик — наследник престола, с 1906 года Король Дании (1843–1912), Александра (1844–1925), Вильгельм — Греческий Король Георг I (1845–1913), Дагмара (1847–1928), Тира (1853–1933) и Вальдемар (1858–1934).

Но наибольшей любовью родителей пользовалась именно Дагмар за свою доброту, искренность и деликатность. Она умела всем нравиться и могла завоевать симпатию даже у самых ворчливых и неуживчивых тетушек и дядюшек, каковых было немало. Датский Королевский Дом находился в родстве со многими династиями Европы, а в Германии подобные узы охватывали множество графских и княжеских родов.

Принцесса Дагмар знала о тайном смысле миссии Цесаревича, о чем ей говорили мать и отец. Она была послушной дочерью и не сомневалась, что если ее брак нужен, то она готова к нему. Она согласна была без колебаний поменять религию и перейти из лютеранской веры в Православие, так как это являлось обязательным условием для замужества. Принцесса внимательно и подолгу рассматривала фотографию Николая Александровича, с которой на нее глядело простое, несколько даже грубоватое лицо молодого человека. Выражение глаз несомненно свидетельствовало о характере и уме.

Он мог показаться скованным и нелюдимым, но при первой же встрече эти опасения исчезали без следа. Молодой человек ей

понравился. Она ему тоже. Но никакого объяснения в тот раз не случилось. Решающее слово принадлежало коронованным хранителям высоких династических интересов.

Цесаревич покинул Данию и поехал к родителям, чтобы получить от них соизволение на брак с дочерью Датского Короля. Александр II и Мария Александровна в конце августа 1864 года находились на родине Царицы в Дармштадте и именно туда сияющий от счастья Николай Александрович и прибыл 28 августа. Родителям не надо было ничего долго объяснять, так как подобная брачная комбинация являлась и для них самой желанной. Безусловное согласие сын получил почти тотчас. Он готов был немедленно ринуться в Данию для решительного объяснения с Принцессой, но пришлось выжидать определенный срок, и только 15 сентября он вернулся в Копенгаген.

Царский сын ощущал расположение, выказываемое ему Принцессой, он был почти уверен в успехе, но первоначально надлежало узнать мнение ее родителей. Королева Луиза определенно заявила, что сердце дочери «никому не принадлежит», что они с Королем ничего не имеют против подобного замужества, но согласие на брак должна дать сама Дагмар. Объяснение между девушкой и молодым человеком состоялось во время прогулки в парке 16 сентября 1864 года. Принцесса сразу же дала согласие стать женой.[2]

Это желанное «да» вознесло Никса от радости почти на небеса. В дальнем уголке парка Никс и Дагмар страстно целовались. Они были счастливы. О помолвке было объявлено официально, и весь этот день был полон сумасшедшей суеты. Все их поздравляли, высказывали добрые пожелания. Был праздничный обед с шампанским и тостами.

На следующее утро, все еще в состоянии восторженного возбуждения, Николай Александрович писал отцу Императору Александру И: «Dagmar была такая душка! Она больше, чем я ожидал; мы оба были счастливы. Мы горячо поцеловались, крепко пожали друг другу руки и как легко было потом. От души я помолился тут же мысленно и просил у Бога благословить доброе начало. Это дело устроили не одни люди, и Бог нас не оставит».

Десять дней старший сын Царя с нареченной невестой провел в Дании и большую часть времени во Фреденсборге. Здесь они были больше удалены от официальных церемоний и могли проводить время вдвоем, рассказывая друг другу о себе, о своей жизни, мечтах и надеждах. В укромных уголках парка они целовались и целовались, пьянея от счастья. И для нее и для него это были первые, еще совсем девственные поцелуи.

Никс много рассказывал о России, о которой Дагмар почти

ничего не знала, и эти повествования слушала с интересом и вниманием. Цесаревич был тронут этим, и с каждым днем его чувство к ней становилось все больше и крепче. Он уже звал ее Мария, а она принимала это как должное. Император Александр II и Императрица Мария Александровна прислали послание, где выражали радость и поздравляли молодых.

Примерный сын писал отцу 24 сентября: «Более знакомясь друг с другом, я с каждым днем более и более ее люблю, сильнее к ней привязываюсь. Конечно, найду в ней свое счастье; прошу Бога, чтобы она привязалась к новому своему Отечеству и полюбила его так же горячо, как мы любим нашу милую Родину. Когда она узнает Россию, то увидит, что ее нельзя не любить. Всякий любит свое отечество, но мы, русские, любим его по-своему, теплее и глубже, потому что с этим связано высоко религиозное чувство, которого нет у иностранцев и которым мы справедливо гордимся. Пока будет в России это чувство к Родине, мы будем сильны. Я буду счастлив, если передам моей будущей жене эту любовь к России, которая так укоренилась в нашем семействе и которая составляет залог нашего счастья, силы и могущества. Надеюсь, что Dagmar душою предастся нашей вере и нашей церкви; это теперь главный вопрос, и сколько могу судить, дело пойдет хорошо».

Цесаревича переполняли восторженные чувства от предвкушения грядущей счастливой семейной жизни. Его хороший знакомый князь В. П. Мещерский (1839–1914), встретившийся с ним в Дармштадте вскоре после помолвки, был радостно удивлен происшедшей с Наследником перемене.

За два месяца до того он виделся с ним в Голландии. Тогда Николай Александрович произвел впечатление мрачного меланхолика, не раз говорившего о предчувствии своей скорой смерти. Ныне им владело уже совершенно иное настроение. «Теперь я у берега, — с жаром говорил князю Престолонаследник, — Бог даст, отдохну и укреплюсь зимой в Италии, затем свадьба, а потом новая жизнь, семейный очаг, служба и работа. Пора… Жизнь бродяги надоела. В Скевенингене (курортный городок в Голландии. — А. Б.) все черные мысли лезли в голову. В Дании они ушли и сменились розовыми. Не ошибусь, если скажу, что моя невеста их мне дала, с тех пор я живу мечтами будущего. Мне рисуется наш дом и наша общая жизнь труда и совершенствования».

Весть о помолвке Цесаревича стала в России важной новостью, превратилась в предмет оживленных обсуждений.

В аристократических дворцах и салонах на все лады спрягались плюсы и минусы этой брачной партии, обсуждались

мыслимые и немыслимые политические последствия этого брака. Многие были искренне рады, что наконец-то женой Цесаревича и в будущем Русской Царицей станет не очередная немецкая принцесса из захудалого княжества, а дочь Короля Дании, страны, к которой в России не было предубеждения.

Другие же просто были рады за Николая Александровича, которому посчастливилось встретить достойную невесту. На имя Императора шел поток поздравлений от его подданных. Скоро фотографии Датской Принцессы поступили в продажу в нескольких фешенебельных магазинах Петербурга и пользовались у публики большим спросом.

Но оставался один близкий родственник, задушевный друг Цесаревича, не выражавший особых восторгов: второй сын Императора Александра II Великий князь Александр Александрович. Он был моложе Никса на полтора года, но с самого детства являлся ближайшим товарищем-конфидентом старшего брата, которого просто обожал.

Брату Саше Николай платил взаимной любовью, и они почти всегда были неразлучны. Постепенно, по мере взросления, у каждого появлялись личные обязанности, но всякую свободную минуту они старались проводить вместе. Александр, которого в семейном кругу звали «Мака», хоть и был моложе Николая, но превосходил его в физической силе. Однако в их бесконечных играх и возне младший брат не всегда одерживал верх, так как старший брат, уступая младшему в силе, превосходил его в ловкости.

Еще задолго до осени 1864 года среди родни оживленно обсуждались перспективы возможной брачной партии для Цесаревича. Мнение «милого Маки» родителей не интересовало, и принимать участие в этих обсуждениях ему не довелось, но он многое знал, слыша обрывки разговоров Мама и Папа, но главным образом из рассказов самого Никсы. Великий князь Александр, понимая неизбежность брака, угодного родителям и России, старался не думать об этом. Эти мысли его лишь расстраивали.

Его ближайший друг, его милый Никса скоро расстанется с ним. А как же он? Как он теперь будет жить? С кем будет проводить время? С кем длинными зимними вечерами будет вести задушевные беседы и обсуждать события истекшего дня? Но эти переживания молодого человека никого не интересовали. Все были заняты возвышенными темами и проблемами.

Александр был уверен, что брак по расчету, а именно таким, по его мнению, только и мог быть династический брак, не будет радостным. Жениться надо непременно по любви. Лишь тогда

люди будут по-настоящему счастливыми и создадут действительно крепкую семью. Правда, перед глазами был пример отца и матери, живших в полном согласии, но это он воспринимал как исключение. Ему вообще не нравился обычай привозить невест для русских великих князей из каких-то дальних стран.

Становясь великими княгинями, некоторые из принцесс, как он знал хорошо по личным наблюдениям, так и оставались иностранками, не знавшими толком ни языка своей страны, ни ее преданий, ни ее обрядов. Он видел, как мало во дворцах самых родовитых семей русского духа, как все там пронизано какими-то отвлеченными от России заботами и интересами, а французский язык звучал куда чаще, чем русский. Но такова была традиция, так было уже давно, и из романовских предков еще Петр I положил тому начало, женившись второй раз не на русской. Конечно, бедный Никса выбора не имел; он ведь Цесаревич. А что будет с ним? Точного ответа не было, но одно Александр знал наверняка: он-то женится лишь по любви на той, которая и его полюбит.

Летом 1864 года Николай уехал в европейское турне, и «милый Мака» остался почти один со своими сомнениями и переживаниями. Папа все время был занят, дорогая Мама уехала лечиться на воды в Киссинген, а досуг скрашивали братья Владимир и Алексей и кузен Николай Константинович. Они были добрые малые, но с ними было не особенно интересно. И каждый день ждал письма от Никса. Тот пару раз написал, а потом — кончено. Почему? Что случилось? Неужели их дружба забыта?

Александр от других узнал о помолвке, другие ему рассказывали подробности всей этой истории: все прошло как нельзя лучше, невеста очень хороша, свадьба назначена на лето будущего года. Но ему хотелось услышать все от самого брата, но тот молчал. 10 октября 1864 года Александр послал письмо матери, где с горечью заметил: «Никса ничего не пишет с тех пор, как жених, так что я не знаю ничего про время, которое он провел в Дании… Теперь он меня окончательно забудет, потому что у него только и на уме, что Dagmar, конечно, это очень натурально».

Прошло еще несколько недель, и наконец Александр получил долгожданное письмо. Николай сообщал, что счастлив, благодарил Бога за ниспосланное и восклицал: «Если бы ты знал, как хорошо быть действительно влюбленным и знать, что тебя любят также. Грустно быть так далеко в разлуке с моей милой Минни, моей душкой, маленькою невестою. Если бы ты ее увидел и узнал, то верно бы полюбил, как сестру. Я ношу с ее портретом

и локон ее темных волос. Мы часто друг другу пишем, и я часто вижу ее во сне. Как мы горячо целовались прощаясь, до сих пор иногда чудятся эти поцелуи любви! Хорошо было тогда, скучно теперь: вдали от милой подруги. Желаю тебе от души так же любить и быть любимому».

Жених и невеста расстались в конце сентября. Она осталась с родителями. Он же продолжил свою поездку по Европе и после недолгого пребывания с родителями в Дармштадте отправился в Италию. Позже Николай Александрович должен был встретиться со своей матерью Императрицей Марией Александровной в Ницце, где та с младшими детьми намеревалась провести зиму. У нее были слабые легкие, и врачи постоянно рекомендовали ей жить в холодные месяцы года в теплом климате.

Николай и Дагмар условились: если все будет благополучно, то она приедет к нему в Ниццу. А пока они писали друг другу письма, писали часто, объяснялись в любви, описывали свою тоску от разлуки.

Дагмар теперь писала и Царю и Царице, своим будущим «новым родителям». Те проявляли к Датской Принцессе откровенную симпатию, за что Дагмар была бесконечно благодарна. Особенно к ней был расположен Император Александр И: человек прямой и эмоциональный. Он был рад принять в свою семью дочку Датского Короля, нравившуюся ему и своими душевными качествами, и своей внешностью.

Конечно, интересы Династии, престиж Империи, благо государства — это то, чем обязан был дорожить и что должен был пуще глаза своего защищать Русский Самодержец. Александр II, как мог, и дорожил и защищал. Но ему не были чужды и обычные человеческие чувства. Он, еще совсем не старый мужчина, питал большую слабость к молодым, живым девушкам, и копенгагенская Принцесса была как раз из числа таковых. Эта симпатия ни на йоту никогда не выходила за рамки допустимого, но она несомненно существовала не один год.

Дагмар, девушка развитая и чуткая, ощущала повышенную ласковость и доброту, исходившие к ней от Русского Царя. Она платила ему тем же. Принцесса Дагмар не умела лукавить. Нет, она, конечно, была достаточно умна и воспитанна, чтобы не знать, как себя вести, чтобы не понимать, «что говорить», «кому говорить» и «когда говорить». Но она никогда не уверяла людей в своей симпатии, если таковой не существовало. Подобной фальши в личных отношениях не переносила.

Если говорила о своей любви, то действительно любила, если говорила о своей ненависти, то это не было данью настроению или моменту, если заявляла, что ценит и уважает кого-то, то так

оно и было. Прожив всю свою жизнь на самом верху общества, вращаясь с малолетства среди самых именитых и родовитых, проводя большую часть времени среди дворцовых ритуалов, в совершенстве овладев искусством придворного этикета, дочь Датского Короля до глубокой старости сохраняла искренность чувств и свежесть восприятия людей и мира. Эти качества, проявившиеся еще в ранней юности, она не растратила за долгие годы своей жизни.

У Дагмар с Царем Александром II сразу же установились добрые, сердечные отношения. Она писала ему, как пишет любящая дочь любимому отцу. Когда на следующий день после помолвки Цесаревич Николай отправлял отцу письмо — отчет о происшедшем событии, его нареченная невеста вложила в конверт свое небольшое послание.

> «Мои любимые родители! Разрешите мне добавить эти несколько строчек к письму Вашего дорогого сына, моего любимого Никса, чтобы выразить Вам то счастье, которые я испытываю в этот момент от того, что чувствую себя связанной с Вами столь дорогими для меня узами. Пусть Бог своей добротой поможет мне сделать его также счастливым, чего я сама желаю от всего моего сердца. Отдайте и мне немного той любви, которую Вы испытываете к Вашему сыну, и Вы сделаете меня тоже счастливой.
>
> *Преданная Вам Дагмар».*

Преданная Вам… Она действительно была таковой. Русский Царь это чувствовал и уже иначе как «наша дочь» ее не называл. «С какими чувствами радости и признательности я получила Ваше дорогое письмо, в котором вы обращаетесь ко мне прямо как отец к дочери», — писала она Императору через две недели после первого послания. «Никс и я были от этого растроганы просто до слез! Я прошу Бога, чтобы он был всегда рядом при выполнении моих обязанностей, чтобы я стала достойной такой любви и моей новой Родины, которую я уже нежно люблю. Моим единственным желанием всегда будет поддержка моего любимого Никса, я буду следовать примеру его родителей».

После отъезда суженого Принцесса продолжала корреспондировать в Петербург, «дорогому Папа», которому писала не только о своих чувствах. Осенью 1864 года Пруссия навязала Дании условия аннексии Шлезвиг-Гольштейна, и Дагмар немедленно обратилась за политическим содействием к Царю.

«Извините, что я обращаюсь к Вам впервые с прошением, —

писала она 29 октября из Фреденсборга. — Но, видя моего бедного Папа, нашу страну и народ, согнувшихся под игом несправедливости, я естественно обратила мои взоры к Вам, мой дорогой Папа, с которым меня связывают узы любви и доверия. Вот почему я, как дочь, идущая за своим Отцом, умоляю Вас употребить Вашу власть, чтобы облегчить те ужасные условия, которые Отца вынудила принять грубая сила Германии. Вы знаете, как глубоко мое доверие к Вам. От имени моего Отца я прошу у Вас помощи, если это возможно, и защиты от наших ужасных врагов».

Александр II был обескуражен этим посланием и отправил сыну Николаю холодное послание-выговор, смысл которого был прост и категоричен: негоже пытаться влиять на политику государства людьми, к тому не имеющими никакого касательства. Царь высказывал недоумение, что его будущий родственник Король Христиан IX использует свою дочь в подобных целях. Никс был потрясен. В своем ответе он уверял, что Король здесь ни при чем, что повлиять могла мать — Королева Луиза, но что сама Дагмар слишком открытая и честная, чтобы заниматься интригами.

Мольбы Датской Принцессы сами по себе никак не повлияли на позицию Россию, которая еще ранее выразила неодобрение агрессивным поведением Германии. Предпринимать же сильные дипломатические шаги в этом случае Петербург не имел никакой возможности и лишь однозначно и откровенно продемонстрировал расположение к Дании. Сам факт сватовства русского Наследника Престола свился важнейшим подтверждением этого расположения.

Однако политика политикой, а человеческие радости и горести существовали сами по себе. Перспектива безоблачной и счастливой жизни для Дагмар неожиданно была омрачена. Вначале ничто не предвещало серьезного и необратимого хода событий. Любимый Никс тяжело заболел.

Давно уже, летом 1860 года, во время конно-спортивных состязаний Наследник упал с лошади и ударился спиной. Довольно быстро оправился, и этот случай на стипль-чезе (скачках) вроде бы прошел без следа. Но время от времени у него потом начали случаться приступы какого-то непонятного недуга. Он вдруг начинал слабеть, не мог долго стоять, поднималась температура, жаловался на боли в пояснице. Да и цвет лица менялся, становился каким-то землисто-серым. Врачи осматривали, но ничего серьезного не находили, считая, что это все «от переутомления» или «от простуды». Они посчитали, что Цесаревич должен «пройти курс закаливания».

Во время путешествия по Европе летом 1864 года он пять недель провел в голландском городке Скевенингене около Гааги, где обязан был ежедневно совершать морские купания, невзирая на то что лето в тот год было очень холодным. Личный же врач Цесаревича Н.А. Шестов (1831–1876) не только не прекратил эти водные процедуры, но настаивал на них во что бы то ни стало, хотя Николай с каждой неделей выглядел все хуже и хуже.

К концу «курса закаливания» он походил на живой скелет, обтянутый белой кожей. Именно тогда у Цесаревича развился тот туберкулезный менингит, который в конце концов и свел его в могилу. В сентябре Николай Александрович вроде бы преобразился. Встреча с Дагмар и помолвка, как казалось, вдохнули в него новые силы. Но уже в ноябре, в Италии, случился приступ тяжелого недуга. Причем боль в спине то уменьшалась, то усиливалась, но больше не отпускала. За шестинедельное пребывание во Флоренции он ни разу не вышел из дома, проводя все время в постели.

Накануне 1865 года Николая с трудом препроводили в Ниццу, где ему прописали строгий постельный режим. О недомогании его стало быстро известно. Невеста серьезно забеспокоилась. Она писала в Ниццу, в Петербург, откуда приходили успокоительные известия. Врачи уверяли, что это лишь приступы ревматизма, не представляющие угрозу для жизни. Казалось, что ничего серьезного нет, и это лишь неприятный, но краткотечный эпизод. В феврале 1865 года Дагмар хотела поехать навестить жениха, но ее родители нашли это «неудобным».

В марте болезнь Наследника стала быстро прогрессировать. Были приглашены лучшие врачи, в том числе и из Парижа, «мировые светила» — О. Нелатон (1807–1873) и П. Рейе (1793–1867). Французские врачи, получив просто министерское вознаграждение, заключили, что смертельной угрозы нет. Другие же считали, что положение безнадежно.

5 апреля 1865 года у Цесаревича случился удар — кровоизлияние в мозг — и его положение сделалось безнадежным. Врачи в один голос заговорили о скором летальном исходе, так как воспаление головного и спинного мозга достигло необратимой стадии. Императрица Мария Александровна, все это время находившаяся рядом с сыном, была в ужасном состоянии.

Члены Царской Семьи отбывали в Ниццу. 4 апреля, в день Светлого Христова Воскресения, отправился в путь Великий князь Александр Александрович, через четыре дня прибывший к месту назначения. Умирающий очень просил, чтобы брат Саша обязательно приехал, он хотел с ним попрощаться. Александр не

знал, что положение безнадежно, и когда уже в Ницце узнал об этом, то залился слезами.

На Юг Франции отправился и Император Александр II. Он приехал в Ниццу 10 апреля, когда Николай Александрович находился уже при смерти. В тот же день из Копенгагена вместе с матерью прибыла Дагмар, куда ее телеграммой «для последнего прощания» вызвала Императрица Мария Александровна. Принцесса была раздавлена, сокрушена. Ей предстояло перенести страшное жизненное испытание; первое — в череде отведенных ей судьбой.

На шикарной вилле Бермон, где помещался ее жених, царила траурная атмосфера. Некоторые плакали. На следующий день, в 10 часов утра, ей разрешили подняться к нему на второй этаж. Что она пережила! В углу большой полутемной комнаты, в постели, она увидела того, которого так искренне и безнадежно любила. На изможденном, худом, жёлто-землистого цвета лице появилась слабая улыбка. Он ее узнал и был рад этой встрече. «Мой ангел», — обратился он к невесте и больше был не в силах вымолвить ни полслова. Он взял ее за руку, и она поцеловала его. Дагмар не могла сдержаться и разрыдалась.

Несколько часов Принцесса провела рядом, и жених все время держал ее руку. А с другой стороны находился брат Цесаревича Александр, державший вторую руку дорогого Никса. Здесь, у смертного одра, дочь Датского Короля впервые увидела того, кому суждено было стать самым важным человеком в ее жизни, стать ее судьбой. И перед самым исходом, когда душа покидала изможденное болезнью тело, умирающий неожиданно соединил руки Дагмар и Александра. Реальная жизнь создала фантасмагорический сюжет, который мог бы сочинить лишь талантливый драматург с богатым воображением. Потом они будут бессчетное количество раз возвращаться к этой истории и увидят в ней Промысел Всевышнего. Но это все будет потом.

Тогда же, в тот невероятно драматический момент, никто этого не знал и никто ни о чем не думал. Все ждали чего-то, молились, плакали и молчали. Днем, 11 апреля, Николай Александрович причастился и попрощался со всеми. В медицинском журнале за этот день записано: «Его Высочество, окруженный Августейшим семейством, приобщается Святых Тайн с глубоким умилением. Силы совершенно истощены».

Незадолго до смерти Цесаревич неожиданно для всех открыл глаза и внятным голосом произнес: «Стоп машина!» Это были его последние слова. Вскоре после полуночи, в 00 часов 50 минут 12 апреля, Престолонаследник скончался. По заключению врачей, смерть наступила в результате «ревматизма почечных мышц и

поясничной спинной фации».

Все было кончено. И для Дагмар кончено. Ей еще не исполнилось восемнадцати лет, но она уже невеста-вдова. И где было взять силы, чтобы жить дальше? Она одеревенела. Не было ни сил, ни чувств, а лишь темнота и пустота. Небольшая, изящная, она сделалась как бы еще меньше, еще тоньше.

Она присутствовала на заупокойных панихидах, и от вида ее сжималось сердце. По окончании первой панихиды ее лишь с большим трудом удалось увести. Родители умершего, сами находившиеся в состоянии тяжелого потрясения, трогательно опекали Датскую Принцессу, ставшую для них родной.

Принцесса писала своему отцу Христиану IX через день после смерти Николая: «Я не могу не благодарить Бога за то, что застала его, мое дорогое сокровище, еще в живых и была узнана им в последнюю минуту. Ты не можешь поверить, дорогой Папа, как я благодарна за это Господу Богу. Никогда, никогда я не смогу забыть взгляд, которым он смотрел на меня, когда я приблизилась к нему. Нет, никогда!!! Бедные Император и Императрица, они были так внимательны ко мне в моем, а также в своем горе; они и его бедные братья, особенно Саша, который любил его так возвышенно и не только как брата, но как своего единственного и лучшего друга».

Уже рано утром 12 апреля в России были получены телеграммы о смерти Престолонаследника. В Империи был объявлен траур. О болезни Николая Александровича было давно известно, но все еще оставалась надежда, что Господь не допустит непоправимого и сохранит его для России. Многие искренне горевали. Потрясал и сам факт и все сопутствующие ему обстоятельства. Министр внутренних дел П. А. Валуев (1815–1890) записал в дневнике: «На пороге брачного ложа и на первой ступени к престолу, — и вместо того и другого смертный одр на чужой земле!»

К горю всегда было чутко русское сердце, оно всегда глубоко отзывалось в русской душе. В России жалели не только безвременно умершего Цесаревича и несчастных родителей; сочувствовали невесте и переживали за нее. Князь Николай Петрович Мещерский (1824–1901) написал в то время проникновенные стихи:

С Тобою смерть нас породнила —
И пред страдальческим одром,
Вся Русь тебя усыновила
В благословении немом.
Ты сердцу Русскому открылась

Любвиобильною душой,
Когда, рыдая, ты стремилась
Туда, к нему, в час роковой.
Ты наша. Будь благословенна!
Тебя Россия поняла.
Тебя, коленопреклоненно,
В молитвах Русской нарекла…

16 апреля 1865 года гроб с телом Цесаревича Николая Александровича перенесли на фрегат «Александр Невский», на котором он отбыл в Петербург. Туда он должен был прибыть примерно через месяц. Ниццу покидали русские.

Император Александр И, Императрица Мария Александровна, дети и приближенные отбыли в Россию по железной дороге. По пути домой Царская Семья на несколько дней задержалась у брата русской Императрицы, Великого Гессенского герцога Людвига III. Они уговорили побыть там с ними и Дагмар.

В фамильном замке Гессенских герцогов Югенхайм, в живописном месте на берегу Рейна, безутешная Дагмар провела несколько дней в окружении родственников своего скончавшегося жениха. Затем они расстались. Она поехала домой в неизвестности и печали, а Царская Семья в Петербург — готовиться к последнему прощанию с дорогим Никсом.

«Александр Невский» прибыл в Кронштадт 21 мая, откуда гроб на императорской яхте «Александрия» доставили в Петербург. Через неделю, 28 мая, тело Великого князя Цесаревича Николая Александровича было погребено в Царской усыпальнице, в Петропавловском соборе Петропавловской крепости, там, где покоились его предки, начиная с Петра I.

Глава 3
Великий князь Александр

Он появился на свет 26 февраля 1845 года в Александровском Дворце Царского Села. Его отцом был Наследник Престола, старший сын Императора Николая I Великий князь Александр Николаевич, а матерью — Цесаревна Мария Александровна, урожденная Гессен-Дармштадская принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария.

Его нарекли Александром, именем, которое носил отец и двоюродный дед Император Александр I. Пройдет ровно десять лет, и в 1855 году его отец станет Императором Александром II. В этой семье, кроме Александра Александровича, родилось еще семеро детей: Александра (1842–1849), Николай (1843–1865), Владимир (1847–1909), Алексей (1850–1908), Мария (1853–1920), Сергей (1857–1905), Павел (1860–1919).

Никто из них не прожил безоблачную жизнь: преждевременные смерти, гибель от рук убийц, тяжелые болезни, горькие разочарования, потеря детей, отказ от личного счастья, общественные крушения окружали их весь земной путь. Радостные и горькие, естественные и абсурдные, закономерные и случайные, предсказуемые и невероятные — все те черты и линии, характерные почти для любой семьи и почти каждой жизни, здесь резко фокусировались, контрастно выражались и резко преломлялись именно в силу общественного статуса членов династии.

Великие князья и Великие княжны с рождения являлись государственными людьми, были мишенью самых сокрушительных воздействий и соблазнов, постоянно подвергались тяжелейшим моральным и психологическим испытаниям. Они самой судьбой обязаны были нести тяжелую ношу Царскородного происхождения. Жизнь в хрустальном дворце, жизнь на виду у всех, была трудна и порой непереносима. Не все выдержали. Некоторые оступились и отступили. Но большинство нашло в себе силы удержаться. Наиболее же крепким и стойким среди них был Александр Александрович.

Ему с детства была уготована обычная великокняжеская судьба: учеба и учеба, служба в гвардии, женитьба на пресной, бледнолицей, костлявой (или дородной) принцессе, а затем какая-нибудь заметная (или не очень) должность в системе военного или гражданского управления. Это имя могло остаться в ряду нескольких десятков великих князей, но Его Величеству

Случаю было угодно перевернуть обычный ход вещей и сделать из второго сына Императора Александра II Русского Царя.

Под неусыпным контролем отца и матери его готовили к жизни, воспитывали по меркам, принятым в императорской фамилии, в соответствии с традицией и потребностями времени. Общеобразовательные предметы чередовались с военной подготовкой, фехтованием, вольтижировкой, фортификацией. Его основательно обучали иностранным языкам: немецкому (родной язык матери), французскому и английскому. Наилучшие знания он имел по французскому языку, которым владел свободно с юности, но и на других умел неплохо изъясняться.

Однако любимым языком для него был родной, и он никогда не пользовался иностранным, если можно было говорить по-русски. Уже когда он был вполне взрослым и посещал аристократические рауты, нередко случалось, что какая-нибудь очередная «роза бала» мило начинала с ним щебетать на языке Вольтера и Гюго. Он же, почти всегда, с упрямой последовательностью отвечал на языке Державина, Пушкина и Лермонтова (последний являлся любимейшим его поэтом). Это могло быть воспринято как неучтивость, но происхождение и положение молодого человека не позволяли обвинять его в нарушении светских норм.

Учителями его были блестящие знатоки своего предмета и интеллектуалы. Русскую словесность преподавали профессор Я. К. Грот (1812–1893) и лицейский товарищ А.С. Пушкина, затем директор Публичной библиотеки в Петербурге, писатель барон М. А. Корф (1800–1876); русской истории обучал знаменитый историк профессор С. М. Соловьев (1820–1876), праву — профессор К. П. Победоносцев (1827–1907), военному делу — генерал М. И. Драгомиров (1830–1905).

Воспитателем Великого князя с 1860 года являлся граф Борис Алексеевич Перовский (1815–1881), возглавлявший раньше Корпус путей сообщения (Высшее учебное заведение, готовившее инженеров-путейцев). Человек этот был строгий и педантичный, что не могло нравиться молодому Александру Александровичу, который тем не менее относился к воспитателю с неизменным уважением. Установка родителей для воспитателей всех детей была одна: вырастить достойных, честных, трудолюбивых и богобоязненных людей.

С самых ранних пор Великий князь Александр выказывал неподдельный интерес к военному делу и к истории, которой очень увлекался и занимался ей без принуждения. Затаив дыхание, часами готов был слушать повествования о военных баталиях, о тяжелых военных буднях, о трудных переходах и о

замечательных победах русской армии. Его привлекали и рассказы живых участников событий, тех офицеров, кто прошел горнило мужественно-безнадежной Крымской войны. Он ужасно переживал, узнавая о неудачах «наших», и в такой момент не мог сдержать своих восклицаний и вопросов.

Александр являлся живым и непосредственным ребенком, не умевшим врать и лукавить. Воспитание и придворный этикет ломали натуру, принуждали вести «как надо», говорить «что надо» и «когда надо», но природная естественность все равно прорывалась наружу время от времени.

Это была русская натура, русская не по составу крови (пошло-дотошные критики высчитали, что у него была всего $^{1}/_{64}$ часть русской крови!), а по строю своих мыслей, чувств, восприятий. Он искренне верил в Бога, никогда не испытывая никаких великосветских сомнений, почитал старших, имел склонность к простоте в окружающем мире. Обожал животных, а с любимыми собаками охотно проводил время и мог часами бродить с ними по окрестным лесам, не ощущая тоски или одиночества.

Ценил доброту, честность и преданность. Если убеждался, что человек его любит, то всегда помнил об этом и не стеснялся демонстрировать свою признательность. Родовитость не имела значения. Вот, например, его бонна — няня, англичанка Екатерина Струттон, на руках которой вырос и которая служила Царской Семье многие десятилетия. Он обожал «дорогую Китти», знавшую и хранившую его детские тайны. И когда она умерла в 1891 году, то он, уже Император, счел обязанным отдать ей последний долг и пойти за ее гробом. Это был, как тогда говорили, натуральный человек, в котором было много естественного, даже стихийного.

Все сыновья Александра II были рослыми мальчиками, но самым рослым, самым крепким среди них был второй сын. Обращаясь к нему, восьмилетнему, отец писал: «Я часто о вас думаю и молюсь за вас Богу. Да благословит Он вас быть такими, какими мы желаем вас видеть, т. е. умными, прилежными и послушными ребятами».

Александр был сообразительным, послушным, но особым прилежанием не отличался и учился с ленцой. Ему так хотелось поиграть в саду, сбегать на ферму и скотный двор, посмотреть на лошадей, увидеть, как доят коров, понаблюдать за важно разгуливающими красивыми голландскими петухами, половить рыбу в пруду или покататься на лодке, а приходилось сидеть писать сочинения, учить грамматику, зубрить несносные французские глаголы.

Успехи в учебе не были впечатляющими. Молодой Великий князь часто не успевал сделать домашние уроки, так как на это времени не хватало. Но каждый день надлежало приходить к мама и докладывать ей о своей успеваемости. Можно было что-нибудь утаить, что-то не сказать, может быть, не узнала бы, но он никогда ничего не скрывал и все рассказывал начистоту. Мать в таких случаях не всегда была недовольна, но, с другой стороны, она, как и Император Александр II, очень ценила природную честность, чистосердечие второго сына.

Матушка постоянно напоминала ему о его обязанностях, особенно когда была в отъезде. В сентябре 1861 года писала из Ливадии: «Саша, что меня очень огорчает, то, что ты опять ленив и иногда ведешь себя не как 16 лет юноша, но как ребенок, забывая все данные тобою обещания и все твои добрые намерения. Молись прилежно, друг мой, и Господь тебе поможет; верь мне и тебе самому легче станет. И не забывай, что твое теперешнее поведение нас сильно огорчает. Ты знаешь, что мы тебя любим, так ты из любви к нам старайся как можешь больше и сам, что не так трудно. Но прежде всего, моли Бога; без Его помощи ты ничего не сделаешь».

Великий князь каждый день усердно молился, но это мало помогало в учении. Надо было сидеть и «долбить гранит науки», а на это терпения хватало далеко не всегда.

В 1855 году десятилетний Великий князь Александр Александрович впервые остро ощутил свое необычное происхождение. Ему в феврале должно было исполниться десять лет, но за неделю до праздника рождения умер его дедушка Император Николай I. Все произошло так быстро и внезапно, что трудно было в это поверить. Могучий и строгий царь сошел в могилу за считаные дни к великому ужасу и горю одних, к тайной радости и злорадству других.

Внук любил деда, хотя виделись они, особенно в последние месяцы, нечасто. Он ему дарил такие интересные вещи, а большая лошадь-качалка долго была любимой игрушкой. Еще была сабля (как настоящая!) и ружье…

Вместе с братьями и родителями Александр на коленях молился у постели умирающего в неказистой комнате нижнего этажа Зимнего Дворца. Пройдет двадцать шесть лет, и здесь же, в главной резиденции Российских Императоров в центре Петербурга, Александр будет стоять на коленях перед истекающим кровью и умирающим отцом. И через несколько часов сам станет Императором. А потом до последнего часа жизни будет почти ненавидеть Зимний Дворец: эти огромные и помпезные залы, нескончаемые анфилады, сумеречный блеск

бронзы, хрусталя, мрамора; вечная полутьма за дверьми освещенных комнат. Всё здесь было наполнено грустными воспоминаниями.

Похороны дедушки прошли 6 марта 1855 года. Дни до и после погребения были безрадостными для всех и, конечно же, для детей. Им не разрешалось бегать и шуметь, запрещалось громко разговаривать, выходить за пределы своих комнат. А так хотелось поглядеть на родителей, так тянуло хоть в щелочку увидеть то, что делали взрослые. Столько в Зимнем Дворце всё время было военных в таких красивых мундирах и других важных господ.

Брат Никса сделался Цесаревичем и стал важничать. Удивленным няням и фрейлинам матери заявил вскоре после похорон: «Папа теперь так занят, что он совершенно болен от усталости. Когда дедушка был жив, он ему помогал, а Папа помогать некому», а он «еще слишком мал, чтобы помогать ему».

Взрослые опешили от столь серьезного заявления одиннадцатилетнего мальчика, а брат Александр не выдержал и заметил: «Дело совсем не в том, что ты слишком мал, ты просто слишком глуп». Никса стал возражать, но младший стоял на своем, и в конце концов разгорелась небольшая потасовка, которую с трудом разняли няньки. Наследник удалился сильно обиженный таким непочтением брата. Родители, несмотря на горестную ситуацию, не могли сдержать улыбки, когда им рассказали эту историю. Возникавшие же размолвки между братьями никогда не отражались на их задушевной дружбе.

Мария Александровна всех сыновей любила, но особой любовью у нее пользовались младшенькие, а наибольшие надежды возлагала на старшего, Николая, которого считала чрезвычайно серьезным ребенком, удивлявшим нередко своими неожиданными размышлениями. Однажды, когда ему исполнилось только пять лет, малыш сказал ей, что после дедушки Царем будет папа, затем — он, а после его смерти «Царем будет Саша».

Молодую мать позабавили подобные высказывания, походившие лишь на лепет несмышленого существа. Ее сыну Саше не дано было быть Императором. Законы Престолонаследия были строги и их соблюдали неукоснительно: Корона могла переходить лишь к старшему сыну Императора, а если такового не имелось, то к старшему по близости родства к последнему Монарху члену Династии. Никто не рассчитывал на трагические обстоятельства и не мог знать, как повернутся события в будущем, что слова пятилетнего малыша окажутся пророческими.

Великий князь Александр хорошо с детства знал, что ему не

суждено быть Царем, и не испытывал по этому поводу никаких сожалений. Он начисто был лишен амбициозных черт характера, которые могли бы хоть на минуту уязвить самолюбие. Более того. Ему претила сама мысль о возможности стать Монархом именно по складу характера: человека, любившего уединение и простые занятия, всю жизнь с трудом переносившего официальные церемонии, тяжелые кандалы придворного этикета. Он ни с кем не говорил об этом, только с Никсом, который его понимал, так как тому-то выпала как раз царская участь.

Летом 1863 года Николай проехал по России и свои впечатления письменно и устно потом подробно не раз излагал младшему брату. Александр с жадным интересом слушал рассказы о России, которую он еще так мало знал, но которую с детства любил, любил как отца и как мать, как жизнь, но дух которой живо ощутил лишь из рассказов Никса. Сам он таких сильных впечатлений от «настоящей России» еще не испытывал.

Нет, конечно, он видел на официальных церемониях в Царском Селе, Петергофе, Петербурге и уважение, и торжественность, и пиетет, но там всё было холодно-торжественно, всё было слишком заученно, слишком официально. Люди в великолепных мундирах, многоцветие муаровых лент, блеск орденов, аксельбантов, киверов — всё это производило сильное впечатление. А праздничные выходы в Зимнем Дворце! Они ослепляли и завораживали. Появление Царя приводило всех в состояние оцепенения; вся яркая и многоголосая толпа придворных и бесчисленных гостей замирала в раболепном почтении.

Все смотрели на Царя, ждали его взгляда, мечтали о малейшем признаке внимания, злословили насчет тех, кто хоть на миг привлек внимание, удостоился нескольких милостивых слов. Среди царедворцев и сановников почти не было искренней любви, и почти все надеялись только на царские милости, во имя которых многие готовы были унижаться, лгать, интриговать, обливать грязью других. Александр знал об этом с ранних пор.

Совсем другое дело было вдали от столицы, в тихих городах и селах, где ему тоже вскоре и самому удалось побывать, и личные впечатления ничем не отличались от впечатлений старшего брата. Милому Никсу было тяжело: ему нужно было выполнять различные официальные обязанности, строго следовать протоколу, утвержденному самим государем. Он не мог расслабиться, не имел права обратить свое внимание в сторону. Встречи с должностными лицами различных губерний, торжественные молебны, приемы, посещения церквей и общественных учреждений. Но и официальный церемониал не

заслонил неподдельной любви простого народа к Царю и его детям.

Эти многотысячные толпы, это бессчетное число простых крестьян и крестьянок, которых никто не приглашал, сами, по доброй воле, иногда за многие десятки верст, приходили лишь только для того, чтобы издалека поглядеть на того, кто когда-то будет их царем. И сидели часами и ждали проезда, а увидев в клубах пыли проезжавший кортеж, выражали неподдельный восторг. Эти протянутые руки, эти бесхитростные лица, эти светящиеся глаза, смотревшие со всех сторон, эти восторженные крики «Цесаревич!», «батюшка!», «ура!» и тихие слезы умиления — такое не забывается.

Невозможно было забыть, что когда плыли на пароходе по главной русской реке Волге, как эти русские люди стояли по пояс в воде, другие же долго бежали по берегу, как дети радовались и вытирали слезы грубыми руками. Необозримые толпы, эти тысячи и тысячи молодых и старых, здоровых и больных мужиков и баб принадлежали всей душой Царю извека и навсегда. Они готовы пойти за одно его слово на войну, на пытку, на плаху. И, как казалось, никакой владыка на земле не имел такой власти над своими подданными, никому другому люди не были так преданы своей жизнью и смертью, как Русскому Царю. Никого другого так не могли любить! И эту любовь надо было оправдать, надо было быть достойным этой высокой и беззаветной любви, которой веками держалась Россия.

Николай Александрович очень серьезно относился к предначертанной свыше миссии и старался во все вникать, набираться опыта и знаний и руководствоваться советами «дорогого Папа». Это был бы очевидно умный и серьезный монарх, но наступил апрель 1865 года — и все трагически оборвалось. Судьба Александра изменилась резко и бесповоротно. Он стал Наследником Престола и должен быть научиться жить и думать по-иному, чем раньше. Теперь ему предстояло готовиться к тому, чтобы со временем принять ответственность за огромную Империю. Все это было неожиданно и нежеланно.

Александр в сопровождении графа Б. А. Перовского выехал из Петербурга в Ниццу 4 апреля. Он не думал, что положение брата безнадежно, и когда узнал, что Никс причащался, то пришел в ужас. Но надежда оставалась, и даже подъезжая к Ницце, до конца все еще не осознавал грядущих потрясений и не мог представить, что Господь допустит, чтобы его брат, «милый Никса», покинул их. Лишь прибыв на виллу Бермон, до него дошел весь трагизм ситуации. Он тут многое понял, перечувствовал и повзрослел.

Через год занес в дневник проникновенную исповедь-

воспоминание: «Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. Никогда я не забуду этот день в Ницце, первую панихиду над телом милого друга, где все несколько минут стояли на месте, молчали, и только слышались со всех сторон рыдания и рыдания неподдельные, а от глубины души. Никогда я не чувствовал в себе столько накопившихся слез; они лились обильно, облегчая грусть. Все жалели и жалели Отца и Мать, но они лишились только сына, правда, любимого Матерью больше других, но обо мне никто не подумал, чего я лишился: брата, друга и что всего ужаснее — это его наследство, которое он мне передал. Я думал в те минуты, что я не переживу брата, что я буду постоянно плакать только при одной мысли, что нет больше у меня брата и друга. Но Бог подкрепил меня и дал силы приняться за новое мое назначение. Может, я часто забывал в глазах других мое назначение, но в душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжелая и трудная обязанность. Но, «Да будет Воля Твоя Боже». — эти слова я твержу постоянно, и они меня утешают и поддерживают всегда, потому что всё, что не случится, всё это Воля Божия, и потому я спокоен и Уповаю на Господа!»

У одра умирающего брата Александр впервые увидел Датскую Принцессу, увидел, как она убита горем, и в его душе пробудились жалость и симпатия. Под грузом трагических обстоятельств, сделавших его 12 апреля 1865 года Наследником Престола, он плохо соображал, мало обращал внимания на окружающую обстановку. Он чувствовал лишь тяжелую утрату, понимал, что все милое прошлое ушло без следа, что теперь ему придется жить совсем иначе. Но как? Что теперь делать, у кого спросить и можно ли спросить?

Дорогой Папа успел ему сказать несколько слов, призвал его к стойкости и мужеству, выразил уверенность, что Александр будет достоин своей новой роли. Больше разговора не получалось. Мама же была убита горем, занемогла и почти не вставала с постели. Ее и в Россию пришлось вести в таком положении.

Среди родни и свиты он был совсем один, и не с кем было поговорить запросто, некому было излить свою душу. Он всегда ощущал нехватку друзей — людей искренне любящих, преданных, понимающих и верных; многие годы все еще надеялся, что, может быть, таковые у него появятся. Но не появлялись. Родственников, знакомых, сопровождающих было всегда достаточно, а вот друзей не хватало.

Жизненный опыт убедит, что в его положении рассчитывать на истинную, рыцарскую дружбу невозможно; что те, кто

клянется в верности и преданности, почти всегда преследуют, тайные или явные, но непременно корыстные цели. Понимая это умом, он сердцем не мог смириться и всегда завидовал тем, кто богат друзьями. И самый близкий его друг ушел от него навсегда, и они на земле уже больше не встретятся.

Осталось еще несколько друзей, и наиболее надежным среди них долго был князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914), внук известного историка Н. М. Карамзина (1766–1826), сын его дочери Екатерины.

«Вово», как называли Владимира Петровича в их кругу, был старше Великого князя Александра на семь лет и отличался серьезностью и бескорыстием. Александр с ним дружил с ранних пор и нередко убеждался в глубоких знаниях Вово, в его горячей любви к России. Как он страстно всегда рассказывал о безобразиях и неполадках, как живо и умно откликался на все общественные события и умел дать им правильную оценку!

Александр, будучи тугодумом, завидовал остроте ума и быстроте реакции князя, его умению в любой ситуации предложить ход. Он несколько раз по-настоящему помог Цесаревичу Александру, а в одном случае просто спас его от безумного шага. Такой друг многих стоил. И потом, когда их отношения начали затухать, Александр Александрович не забывал друга юности, поддерживал с ним отношения, хотя репутация Вово в обществе была подорвана слухами о его противоестественных половых пристрастиях.

Однако любимого Никса никто заменить не мог. Александр был полон тяжелых мыслей. Немного легче стало в Югенхайме, где он с родителями и Дагмар провел несколько дней по пути в Россию. Здесь молодой человек близко познакомился с Датской Принцессой, и она вызвала сочувственную симпатию. Бедная! Ей ведь тоже, как и ему, так нелегко!

Горе сблизило молодых людей. Они подолгу гуляли вдоль Рейна. Разговаривали — и почти всегда об усопшем, память которого была дорога обоим. Эти прогулки и собеседования протекали под неусыпным и поощрительным взглядом Императора Александра II. Трудно сказать, в какой момент в голове Царя возникла, казалось бы, тогда совсем неуместная мысль: женить сына Александра на Датской Принцессе. Во всяком случае, именно в Югенхайме Царь высказал вполне определенно мечту «оставить дорогую Дагмар возле нас». Тогда никто не принял всерьез это замечание Царя. Никто… кроме, может быть, Дагмар.

Потом, когда самое невероятное случится и дочь Датского Короля все-таки сделает такую блестящую брачную партию, при

разных дворах, в высшем свете России будут многократно обсуждать эту необычную историю. Некоторые злословили, утверждая, что Принцесса после смерти одного Цесаревича «бегала» за другим, осаждала его и в конце концов «взяла штурмом русскую крепость».

Среди великосветских «львиц» и «пантер» быстро утвердилась именно эта точка зрения. Ее разделяли и некоторые другие завсегдатаи петербургских салонов, не понимавшие, как же так получилась, что невеста одного брата стала женой другого? Это действительно было достаточно необычно для брака лиц Императорской Фамилии. Была здесь некая тайна или все произошло по воле случая? Был ли это брак исключительно по расчету или он являлся союзом любящих сердец?

Дагмар дала свое согласие стать женой Николая Александровича лишь тогда, когда в ее душе появилось большое чувство к русскому Престолонаследнику. Они полюбили друг друга. И когда через два года после того она венчалась с младшим братом умершего, то и тогда она любила своего суженого. Она любила одного, она полюбила и второго. И здесь не было притворства. Вся ее жизнь с Александром III наглядно подтвердила искренность ее чувств. Конечно, было бы наивно полагать, что юную Дагмар не манила сладостная перспектива стать Царицей в огромной Империи, жить и сверкать при самом богатом и блестящем дворе Европы. Ее самолюбивая и чрезвычайно чуткая натура не могла оставить без внимания и практическую сторону замужества.

Став Русской Царицей, она смогла бы помогать своей бедной Дании, которой грозили опасности со всех сторон. Но при всех трезвых расчетах и прагматических раскладах в основе брака все-таки была чистая и возвышенная любовь к человеку, которому она говорила «да». Как зарождалось это чувство, почему оно зарождалось — тайна непостижимая. И не надо ее разгадывать; она навсегда остается достоянием лишь тех, кому дана, кому ниспослана. Это великое таинство души, и непосвященный, не чувствующий сердцем, ничего тут понять не может.

Ничего в Югенхайме Дагмар Императору не ответила. В состоянии глубокого потрясения вернулась она во Фреденсборг и проводила дни в молитвах и слезах. Родители и близкие были не на шутку встревожены. Их милая Минни, такая живая, такая беззаботная, превратилась в тень, обрекла себя на горькое одиночество. Она никого не хотела видеть, потеряла аппетит, и улыбка не появлялась на ее лице.

Почти через две недели после возвращения домой она получила письмо от Царя, письмо, полное ласки, добрых слов

утешения. В нем же она нашла и нечто такое, что заставило ее истомленное сердце затрепетать. Александр II написал, что «очень желал бы», чтобы Дагмар «навсегда осталась в их семье». Намек был достаточно очевиден. Речь могла идти лишь о замужестве.

Она многое передумала и перечувствовала. Она не только любила умершего, но и уже сильно привязалась к Царской Семье, к загадочной стране России, религию, обычаи и язык которой она усердно изучала еще с прошлой осени. Принцесса жила этим последние месяцы и вдруг потеряла все сразу. В этой непростой ситуации нельзя было сказать лишнее слово, невозможно было проявить неделикатность.

Ее знакомство с Александром было мимолетным, было так окрашено горестным событием, что ни о чем другом думать не было сил. Молчаливый, совсем непохожий на покойного жениха, он не пытался завоевать ее расположение, что было вполне понятно и объяснимо. Они вместе рыдали у тела Никса, и эти слезы, эта тяжелая потеря их сблизила. Потом уже, когда они беседовали на берегу Рейна, он много ей рассказывал о старшем брате, и она поняла, как он ему был дорог. И душевные симпатии двух молодых людей, чувства к уже умершему объединили живых. Они расстались друзьями и договорились писать друг другу.

Дагмар не думала, что уже скоро надо будет отвечать на определенное предложение, надо будет искать трудные слова о себе, о своем будущем. И она их нашла. Она написала замечательное письмо Царю, которое, при самом пристальном анализе, не могло бросить тень на ее добропорядочность, но оставляло надежду.

«Мне очень приятно слышать, — писала Дагмар, — что Вы повторяете о Вашем желании оставить меня подле Вас. Но что я могу ответить? Моя потеря такая недавняя, что сейчас я просто боюсь проявить перед ней свою непреданность. С другой стороны, я хотела бы это услышать от самого Саши, действительно ли он хочет быть вместе со мной, потому что ни за что в жизни я не хочу стать причиной его несчастья. Да и меня бы это скорее всего также не сделало бы счастливой. Я надеюсь, дорогой Папа, что Вы понимаете, что я этим хочу сказать. Но я смотрю на вещи так и считаю, что должна об этом Вам честно сказать». Она оставляла право решающего хода за Цесаревичем, проявив этим и такт и ум.

Представлять Датский Королевской дом на похоронах в Петербурге должен был старший брат Минни Фредерик («Фреди»), который привез туда рассказ о тяжелых переживаниях сестры, чем вызвал новый отклик добрых чувств к ней со стороны

русских, особенно со стороны Царя.

Датский принц быстро подружился с Александром, и все дни пребывания в столице Российской Империи они часто встречались и проводили много времени. Фреди рассказывал ему о Дании, о Дагмар, а Цесаревич — о себе и о России. С братом Дагмар передала фотографию Никса, которую сопроводила запиской, первым ее посланием к Александру Александровичу: «Посылаю Вам обещанный портрет нашего любимого усопшего, прошу Вас сохранить ко мне Ваши дружеские чувства. Пусть воспоминания о нем хотя бы иногда станут нас объединять. Ваша любящая сестра и подруга Дагмар».

Вполне определенно Датская Принцесса проявляла интерес к молодому, красивому и такому большому русскому Принцу, который, в свою очередь, выказывая симпатию к своей датской «сестре и подруге», не склонен был строить далеко идущих планов. Но расположение к ней у него уже было. В мае 1865 года он написал в дневнике: «Грустно было покидать милый Югенхайм, где так приятно живется, и в особенности было хорошо, когда была там с нами милая душка Дагмар; когда-то мы ее увидим, неужели она не приедет сюда? Можно сказать, что вся Россия ее полюбила и считает ее Русскою».

Однако Цесаревич был противником скорых решений, а обсуждать свою женитьбу чуть ли не у гроба умершего брата считал просто неприличным. Вскоре после похорон отправил небольшое любезное письмо Дагмар, и в их переписке наступил затяжной перерыв. Она не могла ему писать по нормам этикета. Ведь она же все еще в трауре и что она может сообщить? Он же не писал потому, что не знал, что сказать, так как еще не мог разобраться в своих чувствах. Но на стороне маленькой датчанки было время и еще один мощный союзник — Император Александр II.

Шли недели, и Цесаревич Александр все чаще и чаще вспоминал такое милое существо, с которым его свела судьба в Ницце. Раны душевные затягивались, и земные заботы и страсти проявлялись сами собой. 25 июня 1865 года занес в дневник: «С тех пор, что я в Петергофе, я больше думаю о Dagmar и молю Бога каждый день, чтобы Он устроил это дело, которое будет счастье на всю жизнь. Я чувствую потребность все больше и больше иметь жену, любить ее и быть ею любимым».

Эти настроения постоянно подогревали разговорами отец и мать. Мария Александровна даже написала Датской Королеве Луизе и пригласила ее с дочерью погостить у них в Петергофе. Королева откликнулась любезным письмом, благодарила Царя и Царицу, но с грустью сообщила о невозможности приехать «в

этом сезоне», так как Дагмар требуется теперь полный покой и ей необходимо принимать морские ванны. К этому королева сочла нужным присовокупить, что дочь «будет и дальше заниматься русским языком».

Александр II объяснил сыну, что такой ответ на языке династической дипломатии означает следующее: мать просто опасается, как бы подобный приезд не вызвал разговоры о том, что Королева и Король желают любой ценой поскорее выдать свою дочь замуж, лишь бы не потерять случай. Император предложил выждать время, и тогда все будет хорошо.

Цесаревич же уже был настроен вполне определенно и записал: «Кажется, сама Dagmar желает выйти замуж за меня. Что же касается меня, то я только об этом и думаю и молю Бога, чтобы Он устроил это дело и благословил бы его». Но на пути к брачному венцу русскому Великому князю предстояло пережить еще немало испытаний.

Глава 4
Искушение неискушенного

После смерти старшего брата в жизни Александра произошли важные перемены. Он стал Наследником Престола, ему теперь надлежало быть чрезвычайно серьезным и требовательным к себе, к своему обучению и образованию; аккуратным и выдержанным в отношениях с людьми. Цесаревич — значительно больше, чем Великий князь; к нему отношение особое: подобострастно-пристрастное. Видя в нем будущего Царя, его слушали, оценивали и за ним наблюдали совсем по-иному. Многие придворные, ранее не проявлявшие особого внимания, начинали льстить и заискивать. Друзья тоже понимали новую роль Александра Александровича.

Деятельный и неугомонный Вово сразу же после похорон подарил толстую тетрадь, умоляя Александра регулярно вести дневник, чтобы сохранить для потомков слова и дела. На первую страницу даритель занес пожелание: «Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу. Первая книга, предназначаемая для Ваших дум, чувств, впечатлений». Наследник Престола дал обещание ежедневно вести записи, хотя это ему и не нравилось. У него раньше была памятная книжка, куда он по прошествии дня заносил несколько фраз. Теперь же надо было подробно описывать свое житьё-бытьё.

На протяжении последующих нескольких лет Александр Александрович аккуратно, каждый вечер или утро, мелким почерком заполнял обширные листы толстой книжки. Он никогда не был уверен, что это кому-нибудь понадобится, но ведь «так надо», а раз дело касалось долга, то здесь будущий Царь никаких уступок себе не делал. К тому же первое время, почти каждый день, к нему забегал Вово, и они, как было условлено сразу, читали друг другу свои дневниковые записи, а потом обсуждали их. Через некоторое время Цесаревичу надоела эта процедура, а манера Мещерского все подвергать критике, давать бесконечные советы раздражала, и совместные чтения и обсуждения постепенно прекратились. Вести же дневник Александр не прекратил до самого своего воцарения.

Александру Александровичу приходилось теперь делать и многое другое, к чему душа не лежала, но что входило в круг обязанностей Престолонаследника. Отец начал приобщать сына к государственным делам, приглашал на доклады министров,

переправлял ему для ознакомления некоторые деловые бумаги, требуя от сына ознакомиться с ними и высказать свое мнение.

Александру было трудно. Надлежало многое знать и судить о вещах основательно и серьезно. Вернувшись из Ниццы, он в сердцах признался Мещерскому, что «я одно только знаю, что я ничего не знаю и не пониманию. И тяжело, и жутко, а от судьбы не уйдешь». Помогали учителя, помогали друзья.

Он сам много читал, изучал, размышлял, и придворные наблюдали очевидную перемену. Этот любитель простых удовольствий и бесшабашного времяпрепровождения часами сидел за письменным столом, внимательно знакомясь с книгами и бумагами. Такого усердия за ним раньше не замечали. Теперь же многое становилось иным. Изменялся и он сам. Но некоторые привычки и пристрастия сохранились.

Вечерами, или днем, в перерывах между занятиями, встречами, приемами, он уединялся и играл на корнете. Увлечение этим старым духовым инструментом, которым уж мало кто и пользовался, было одним из любимейших занятий Александра с юности. У близких это увлечение вызывало снисходительную усмешку, а некоторые заглазно подтрунивали. Трудно было сдержать улыбку, видя, как рослый молодой человек сидит в своей комнате и добрый час (иногда и больше) «дует в трубу», вызывая сильные, но довольно однообразные звуки. Репертуар тоже не отличался особым разнообразием: в основном исполнялись военные марши, некоторые солдатские песни и народные мелодии. Что при этом испытывал сам исполнитель, какие чувства у него вызывало это занятие, осталось неразгаданным. Любовь же к духовым инструментам и духовой музыке сохранил до конца своих дней.

Летом Царская Семья проводила несколько месяцев вне Петербурга. Туда же переезжала Императорская Фамилия и Двор. Лето 1865 года проводили частью в Петергофе, частью в Царском, а в августе Императрица переехала в имение Ильинское под Москвой. Сам Император наведывался к семье от случая к случаю, редко оставаясь больше нескольких дней, и опять возвращался в столицу, где его ждали бесконечные дела и заботы. Но и за городом, на природе, придворный этикет надлежало соблюдать неукоснительно.

Правила поведения распространялось не только на придворных, но и на детей. Они обязаны были каждое утро являться «к дорогой Мама» для поцелуя, справляться о здоровье, рассказывать о своих планах на день. Вечером Александр, как старший, должен был непременно присутствовать на вечерах у Императрицы, где собирались избранные по ее приглашению.

Читали, музицировали, играли в карты. Каждый день одно и то же. В Петергоф и Царское иногда приезжали артисты, давали спектакли, и это было всегда радостным событием, особенно для молодежи.

Александра Александровича тяготила придворная рутина, ему была несимпатична вся эта атмосфера вымученных присутствий, светских разговоров, заученных поз, фраз и жестов. Его естественной натуре претила любая фальшь, но в данных обстоятельствах он не имел права выбора и беспрекословно подчинялся. Конечно, при Мама стало проще, чем было прежде, когда придворная жизнь определялась его бабушкой Императрицей Александрой Федоровной, умершей в 1860 году.

Кое-что о том времени он сам помнил, но многое ему рассказывали: капризная и неспокойная Императрица за несколько летних месяцев так умудрялась замучить всех, что в пору было ехать лечиться. Бесконечные переезды, нескончаемые изменения запланированных программ сбивали с толку, раздражали и шокировали. Все лето по дорогам между Царским Селом, Павловском, Петергофом кочевали придворные кареты, придворные обозы, перемещавшие в очередной пункт «дислокации» посуду, мебель, как и множество придворных лиц и прислуги.

Еще в 30-е годы XIX века по велению императора Николая I в нижней части Петергофа, на берегу моря, на обширной территории был разбит огромный парк, названный в честь его супруги Александрией. Здесь возвели несколько десятков различных строений, большая часть которых была сооружена на скорую руку. Все эти увеселительные павильоны, голландские мельницы, швейцарские шале, китайские домики, итальянские виллы не были рассчитаны на долгую жизнь и предназначались для сиюминутных встреч и кратковременных времяпрепровождений.

В Александрии, все еще мало обжитой и плохо обустроенной, придворным приходилось несладко. Здесь часто было невероятно сыро. Говорили, что грибы росли даже в комнате Императрицы в самом основательном здании Александрии — дворце под названием Коттедж, построенном в английском стиле архитектором Адамом Менеласом. В жаркие дни было тоже невыносимо, и все задыхались от духоты.

Став императрицей, мать Александра Александровича, Мария Александровна первое время следовала традиции своей свекрови. Нередко случалось, что кофе она желала пить в одном месте, а дневной чай в другом, расположенном от первого не в одном километре. Все приходило в движение, и скакали ездовые с

развевающимися по ветру плюмажами, оповещавшие приглашенную публику прибыть к указанному часу в надлежащее место. И все волновались и переживали, так как боялись не успеть, что считалось чуть ли не преступлением для тех, кто не входил в семейный круг Императрицы. Постепенно Мария Александровна начала вести более спокойную и простую жизнь, а ритм Двора становился умиротворенным и предсказуемым.

Александра Александровича раздражала все эта придворная суета, все эти обязательные и скучные приемы и вечера, но изменить он ничего не мог. Лишь став Императором, он внес в жизнь Двора немало нововведений, изменил многие придворные процедуры, придав этим величественную простоту повседневной жизни Царской Семьи. Но это все будет потом, а тогда, в первые месяцы в своей новой роли Наследника, он был молчалив и аккуратен, а свои мысли и неудовольствия доверял лишь своему дневнику.

Однако с некоторых пор посиделки у матушки стали радовать Александра. Нет, конечно, не сами эти собрания, а та возможность, которую они предоставляли; возможность видеть симпатичных людей, но особенно одного, точнее — одну. Молодой Цесаревич влюбился. Эта не была любовь с первого взгляда; она развивалась постепенно, исподволь, медленно, но неукротимо, все больше и больше овладевала сердцем юноши и в конце концов завладела им целиком. Это первая, чистая и светлая любовь дала бессонные ночи, частое сердцебиение, сладостные муки и тайные переживания.

Еще весной 1864 года Александр заметил молодую фрейлину своей матери, невысокую и стройную княжну Марию Мещерскую (1844–1868). Она не блистала яркой красотой, и Великий князь, может быть, и не обратил бы на нее особого внимания, но несколько коротких разговоров, случайных фраз, которыми они обменялись, остались в памяти. Она несомненно была умна, что сразу же выделило ее из толпы пресных и жеманных фрейлин и придворных дам. Она приходилась дальней родственницей Вово, и Александр расспросил о ней.

Друг рассказал, что отцом Марии Элимовны был князь Элим Петрович Мещерский, а матерью — Варвара Степановна, урожденная Жихарева, из старого, но небогатого дворянского рода. Элим Мещерский служил при русской дипломатической миссии сначала в Турине, а затем в Париже, был бретер и бонвиван; человек светский, образованный, поэт, причем стихи писал исключительно по-французски. Он умер рано, тридцатишестилетним, в 1844 году, когда дочери Марии еще не было и года.

Мать умерла, когда Марии исполнилось пятнадцать, и княжну взяла под свое покровительство богатая тетка княгиня Елизавета Александровна Барятинская (урожденная Чернышова, 1826–1902), не питавшая особого расположения к своей бедной родственнице. В богатом петербургском доме Барятинских на Сергиевской Мария чувствовала себя неуютно, и ей везде подчеркнуто отводилось последнее место. Хотя хозяин дома генерал Владимир Иванович Барятинский (1817–1875) порой и демонстрировал расположение, но это лишь усиливало нерасположение хозяйки к молодой княжне.

В восемнадцать лет Мария Мещерская стала фрейлиной императрицы Марии Александровны и начала появляться при Дворе, обратив на себя внимание своей молчаливой задумчивостью.

Александр, как чисто русская натура, проникся состраданием к судьбе «бедной сиротки», но только сочувствием дело не ограничилось. Его чувства к ней развивались крещендо. Великому князю были еще неведомы сердечные увлечения. Он любил многое и многих, но то, что он стал ощущать теперь, не на что знакомое не походило: нечто совсем иное, незнакомое, что-то пленительно-упоительное, невероятное. Он себе не мог объяснить, что с ним происходит, почему постоянно в голове всплывают воспоминания о Марии, а он бесчетное количество раз переживает и вспоминает подробности их встреч и разговоров. Начиналось же все довольно невинно и традиционно: она ему понравилась, и он с радостью виделся с ней.

Каждый год начинался в Петербурге балами и маскарадами, бывавшими чуть ли не ежедневно. Так продолжалось до Великого Поста, когда бурная светская жизнь затихала. И все стремились навеселиться всласть, набраться впечатлений и тем для разговоров на многие последующие месяцы. Кругом лютовали морозы, завывали метели, стояли длинные северные ночи, а в богатых особняках русской знати, в величественных дворцах Императорской Фамилии бушевало веселье: залы были озарены огнями, все кругом блестело и блистало от парадных мундиров, дорогих шелков и кружев, немыслимых маскарадных одеяний, водопада драгоценных камней на дамах: на руках, на шеях, в волосах. И куртины живых цветов, изысканно сервированные столы, ночные трапезы и шампанское, шампанское, шампанское…

Английский посланник (с 1872 года) при русском Дворе Лофтус оставил красочное описание этого зрелища: «Двор блистает и поражает своим великолепием, в котором есть что-то, напоминающее Восток. Балы с их живописным разнообразием военных форм, среди которых выделяется романтическое

изящество кавказских одеяний, с исключительной красотой дамских туалетов, сказочным сверканием драгоценных камней, своей роскошью и блеском превосходит все, что я видел в других странах».

Александр Александрович с детства был достаточно стеснительным человеком, и ураган светских балов его пугал. В силу своей мощной комплекции не любил танцевать, боясь выглядеть смешным. Но в бальный сезон 1865 года он преодолел себя и много раз выходил в центр зала. У него были разные партнерши, но самой желанной — Мария Мещерская. Кадриль на балу в Зимнем, котильон на балу в Эрмитаже, кадриль в Дворянском собрании… Она прекрасно танцевала, и Александр не ощущал с ней неловкости; они улыбались и были счастливы. Отец заметил оживление сына, но смотрел на это благосклонно, как на естественное увлечение молодого человека.

Уже весной 1864 года Александр выказал признаки внимания к Мещерской и не скрыл от матери, что ему симпатична эта фрейлина. Мама снисходительно улыбнулась. В его возрасте подобные настроения так естественны… В начале июня в письме к матери Великий князь Александр заметил: «Ездили с обществом в Павловск на ферму и пили там чай. М. Э. Мещерская ездила с нами также верхом и часто бывала с нами в Павловске; она оставалась в Царском до сегодняшнего дня, потому что княгиня Чернышева все откладывала свой отъезд в Париж по разным причинам. Мы, конечно, об этом не жалели».

У молодого Великого князя уже была своя компания, в которой охотно проводили время: брат Владимир, кузен Николай Лейхтенбергский («Коля»), кузен Николай Константинович («Никола»), князь Мещерский, князь Владимир Барятинский («Бака», 1843–1914), молодой граф Илларион Воронцов-Дашков (1837–1916), подруга Марии Мещерской, фрейлина Александра Жуковская (1842–1893) — дочь поэта и наставника Александра II Василия Андреевича Жуковского (1783–1859). Брат Никса тоже был своим в этой компании, но в середине лета 1864 года он «убыл в Европу».

К весне 1865 года Александр Александрович уже вполне определенно знал: Мари Мещерская ему симпатична значительна больше остальных, хотя при Дворе имелось немало «милых мордашек». Он не думал, что это любовь, то чувство, которое захватывает целиком, о чем он читал в различных книгах и о чем они постоянно говорили с друзьями. После смерти старшего брата Александр с особой силой ощутил свое одиночество. Мимолетным видением перед глазами промелькнул трагический образ Датской Принцессы Дагмар, и кто знал, увидятся ли они

еще.

Летом того печального 1865 года чувства Александра к Марии Мещерской стали принимать характер не просто симпатии, а большого и серьезного увлечения. 7 июня записал в дневнике: «Каждый день то же самое, было бы невыносимо, если бы не М.».

Цесаревич с нетерпением ждал встречи, думал постоянно о княжне; общение с ней становилось потребностью его молодой жизни. Она, как никто, была участлива, так сердечно отнеслась к его горю, так внимательно и сострадательно слушала его рассказы о смерти дорогого Никсы! Он был глубокого тронут и бесконечно благодарен судьбе, подарившей ему столь верного друга.

Александр относился к себе критически. Молодому человеку казалось, что он — некрасивый, неуклюжий — не может нравиться женщинам. Ему не были присущи легкость и изящество, отличавшие и некоторых родственников, и многих офицеров гвардии. Не раз с завистью наблюдал, как светские щеголи, пригласив партнершу на танец и еще только дойдя с ней до центра зала, уже весело болтали. Он же всегда чувствовал скованность, не знал, о чем говорить и как говорить, и в большинстве случаев так и не раскрывал рта за весь тур. С Мещерской подобной неловкости не ощущал. С ней просто. Мари его понимала.

Они стали «друзьями» и, таким образом, определили свои отношения. Но оставался Двор, строгий этикет, сохранялись обязанности и нормы, мешавшие свободному и желанному общению. Он — Наследник Престола, она — фрейлина. Они не имели возможности непринужденно видеться. В Царском и Петергофе было все-таки проще: там можно было, условившись заранее, якобы случайно встретиться на прогулке в парке и провести в беседе час-другой.

Однако подобные маленькие хитрости не могли оставаться долго незамеченными. Придворный мир, жестокий и замкнутый, не позволял долго находиться за пределами его внимания. Кто-то непременно что-то видел, что-то слышал, и в конце концов все становилось темами обсуждений. Тем более то, что касалось жизни и увлечений Наследника Престола; здесь уже не было мелочей, все подвергалось внимательному наблюдению и пристрастному комментированию.

Несколько недель они встречались регулярно на прогулках, но главным образом на вечерах у Императрицы. Там составлялись партии в карты, и Цесаревич старался выбрать себе партнершей Марию Элимовну, которую он обозначал в дневнике как «М. Э.».

Конечно, довольно быстро об очевидных пристрастиях Александра Александровича стало известно, и ему пришлось иметь объяснения с Марией Александровной, которая нашла подобное поведение «неприличным». Ничего не оставалось, как подчиниться воле матери-императрицы. 19 июня 1865 года, как обычно, увиделся с М. Э. вроде бы случайно на живописной, так называемой Английской дороге, ведущей из Царского Села в Павловск. Он был верхом, она — в коляске с гувернанткой-англичанкой. Цесаревич пересел к ней, и началась беседа по-русски, на языке, не знакомом попутчице княжны.

Пошел дождь, они вышли из экипажа и встали под деревом. Здесь Цесаревич решился сказать неприятное для обоих.

Александр подробно отразил этот эпизод в дневнике: «Я давно искал случая ей сказать, что мы больше не можем быть в таких отношениях, в каких мы были до сих пор. Что во время вечерних собраний мы больше не будем сидеть вместе, потому что это только дает повод к разным нелепым толкам, и что мне говорили об этом многие. Она совершенно поняла и сама хотела мне сказать это. Как мне ни грустно было решиться на это, но я решился. Вообще, в обществе будем редко говорить с нею, а если придется, то — о погоде или каких-нибудь предметах более или менее неинтересных. Но наши дружеские отношения не прервутся, и если мы увидимся просто, без свидетелей, то будем всегда откровенны». Дорогая «М. Э.» все прекрасно понимала, ей не надо было долго объяснять ситуацию.

Затем Двор переехал в Петергоф, и несколько последующих дней они не виделись. Хранительницей их тайны была подруга княжны и хорошая знакомая наследника Александра Жуковская, [3] много раз в тяжелые минуты помогавшая им. Передавала записки и приветы, улаживала размолвки, охраняла их покой на прогулках, наблюдая за дорогой, как бы кто ненароком не появился. В периоды разлук Александра Васильевна непременно передавала Цесаревичу устные приветы от «дамы его сердца», что несколько согревало душу, но не доставляло большой радости.

Наконец, 27 июня они увиделись с княжной на обедне в дворцовой церкви, а затем на завтраке у Императрицы. По окончании трапезы Мари улучила удобный момент и подарила ему фотографию, где она была изображена в экипаже с Сашей Жуковской. На обороте значилось: «В воспоминание последнего дня в милом Царском». Того дня, когда состоялось то неприятное объяснение. На следующий день, 28 июня, Цесаревич записал: «В $9^1/_4$ был вечер у Мама, все почти играли в карты, я сочинял стихи и страшно скучал и грустил по М. Э., которая не была приглашена».

Летом у мужской половины Императорской Фамилии много времени уходило на военные сборы и смотры, традиционно проходившие в Красном Селе под Петербургом, куда перебазировались гвардейские полки. По давней традиции здесь устраивались парады и учения гвардии. В отдельные дни объявлялись тревоги, и гвардейские части, возглавляемые традиционно членами Императорской Фамилии, совершали многокилометровые марш-броски. Проводились регулярно и офицерские состязания по стрельбе и вольтижировке.

Александр Александрович усердно обучался военному делу, хорошо знал воинские уставы, устройство армии, состав военной экипировки и оснащения. Он участвовал и в военных соревнованиях, но лишь в узком кругу «своих». На публике Наследник стеснялся демонстрировать навыки верховой езды, которые не были очень успешными. Но зато стрелок это был отличный. Свое первоклассное мастерство много раз проявлял и на учебных офицерских стрельбах, и на многочисленных охотах. Но как только выдавалась свободная минута, как только освобождался от прямых обязанностей, опять подступала к сердцу тоска, снова неведомая сила тянула в Царское или Петергоф, туда, где он мог увидеть М. Э.

Княжна Мещерская была на год старше Цесаревича. У нее имелся значительно богаче жизненный опыт, чем у доброго, честного и наивного обожателя. Она за прошедшие годы успела узнать и перечувствовать немало. Владея в совершенстве тонким искусством салонного кокетства, знала, как посмотреть, когда улыбнуться, в какой момент встать и пройти невзначай мимо молодого человека, овеяв едва уловимым, но пленительным ароматом дорогих французских духов, приведя его в состояние почти невменяемое.

Конечно, можно было предполагать, что княжна просто «подстрелила» первого из великих князей, что могло польстить самолюбию любой светской женщины. Александр долго не был уверен: любит ли его по-настоящему М. Э., или это всего лишь игра, становившаяся порой для него нестерпимой мукой. Лишь накануне смерти, в последний час, уходя из жизни в тяжелых мучениях, Мария Элимовна признается задушевной подруге Саше Жуковской, что никого и никогда не любила… кроме Цесаревича. Он узнает об этом и испытает горестно-сладостное чувство. Но это все будет потом, потом, а пока шел еще 1865 год и Александр Александрович каждый день думал о М. Э.

Когда уехал в Ильинское, то попросил наставника-опекуна графа Перовского показать Жуковской и Мещерской его комнаты в Александровском Дворце Царского Села. Граф выполнил

пожелание, провел молодых фрейлин по личным покоям Наследника: кабинет, библиотека, спальня… Они все внимательно рассмотрели, и когда встретились, Мария сказала, что у хозяина «есть вкус» и что его апартаменты ей очень понравились. Александр был счастлив.

Проведя в августе — сентябре 1865 года несколько недель в Москве и Ильинском у Мама, Престолонаследник опять пережил тяжелые минуты, испытал сильную душевную боль. 8 сентября был день рождения Никса, первый его день рождения после кончины. На панихиде Александр не мог сдержать слез. Прошлое ожило. Снова вспомнилась милая Дагмар, опять ставшая для него близкой, почти родной. Принцесса связывала его с ушедшим, и эта связь казалась нерасторжимой.

В дневнике записал: «Плакал как ребенок, так сделалось грустно снова, так пусто без моего друга, которого я любил всех более на земле и которого никто на свете мне заменить не может, не только теперь, но в будущем. С ним я разделял и радость и веселье, от него ничего не скрывал и уверен, что и он от меня ничего не скрывал. Такого брата и друга никто из братьев мне заменить не может, а если и заменит его кто отчасти, то это Мать или будущая моя жена, если это будет милая Dagmar». Однако уверенности в этом не было: Датская Принцесса все еще обитала где-то далеко и высоко, как будто на другой планете.

На земле же, рядом, находились другие. Здесь была М. Э. Черная меланхолия не свойственна молодости; слишком много еще вокруг нового, интересного, неузнанного, непрочувствованного. Он все еще не имел возможности видеться с Мещерской так часто, как того хотелось бы. Они посылали друг другу записочки, коротенькие письма, где горевали от разлуки, но где не было недопустимых признаний.

Он ждал встреч, а без них его одолевало непонятное и незнакомое чувство неуютности. «Сегодня опять несчастный день, не виделся совсем с М. Э.», — записал Цесаревич 18 сентября. Однако теперь не каждая встреча радовала.

Ему все больше и больше не хватало ее внимания, подтверждения ее заинтересованности в нем. Княжна же вдруг могла нарочито за весь вечер ни разу на него не взглянуть, битый час беседовать с кем-нибудь другим и, уходя, даже не повернуть голову в его сторону. Раньше этого он не замечал. Теперь же подобная демонстрация выглядела как вызов, уязвляя мужскую гордость.

Александр тоже проявлял характер и на следующий вечер после такой обструкции специально не глядел в сторону Мещерской, выказывал полное безразличие. По окончании такого

вечера неизменно начинались заочные выяснения и объяснения, а бедная Саша Жуковская по много раз курсировала между дворцами, передавая устные и письменные послания. Недоразумение выяснялось, и в следующий раз все выглядело как всегда. Но через какое-то время опять случалась «дуэль самолюбий».

Жизнь Двора порой разнообразилась, когда происходили спектакли, приглашались с концертами известные музыканты, читали стихи и прозу писатели, делали научные доклады на художественные и исторические темы именитые профессора или устраивались спиритические вечера. Традиция приглашать «метров оккультных наук» была положена покойной Императрицей Александрой Федоровной и к ним очень пристрастился император Александр II. Сын Александр не питал особого интереса к таким занятиям, но несколько раз, ради любопытства, присутствовал на спиритическом сеансе известного в Европе мага Юма.

На такие таинства допускались лишь самые близкие Императору лица. 6 октября 1865 года Цесаревич описал в дневнике свои впечатления: «Сначала долго ничего не было, но потом пошло отлично. Аккордеон играл великолепно, стол подымался, крутился и отвечал на вопросы. Потом начал писать княгине Гагариной, как будто от имени ее мужа, который недавно умер. Потом еще что-то писал, и тем кончились все манифестации духов. Во время сеанса многие чувствовали, что их трогали. Я чувствовал несколько раз в колено и даже раз в нос, а А.В. (Барятинского) — в плечо».

Сильного впечатления этот сеанс не произвел. Вернувшись домой, Великий князь «сейчас же лег спать» и сразу же заснул. Как истинно православный человек, Александр Александрович всю жизнь смотрел на все подобные вещи, как на пустые светские забавы, лично ему абсолютно неинтересные.

Совершенно иные, несравненно более глубокие эмоции Цесаревич испытывал от общения с М. Э, и сила этого воздействия постоянно возрастала. Молодой человек прекрасно понимал, что у их отношений нет будущего, что им никогда не суждено быть вместе, и именно потому, что он сам себе не принадлежит. Цесаревич понимал и другое: в любой момент может появиться некто, кто сделает предложение М. Э., и если она его примет (она ведь должна устроить свое семейное счастье!), то он ее больше уже не увидит (фрейлинские обязанности выполняли лишь незамужние).

Он об этом не раз думал, и у него появилась мечта: как бы было хорошо, если бы на Мещерской женился его близкий друг,

наследник огромного состояния граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Цесаревич считал, что «это был бы великолепный муж: честный, благородный и умный малый. Я был бы совершенно счастлив и спокоен, если бы этим кончилось».

Графу уже было двадцать восемь лет — пора обзаводиться женой, а лучше чем М. Э. другу Иллариону не найти. Александр несколько раз расхваливал его в разговоре с княжной и очень сожалел, что они мало знакомы. Но эта мечта так и осталась мечтой. Вскоре Воронцов-Дашков женился на графине Елизавете Шуваловой (1845–1924), у них была большая и дружная семья. Прошли годы, и случилось так, что единственный сын Марии Мещерской Элим Павлович Демидов (1868–1943) женился в 1893 году на дочери Иллариона Ивановича — Софье (1870–1953).

Встречи и разговоры Наследника Престола и княжны снова привлекли внимание при Дворе. 9 ноября 1865 года записал: «Опять пошли неприятности. М. Э. мне сказала, что к ней пристают, зачем она садится возле меня так часто. Но это не она, а я сажусь возле нее. Снова придется сидеть Бог знает где и премило скучать на собраниях. О глупый, глупый свет со своими причудами».

Очередное предостережение произвело лишь краткосрочное действие. Они продолжали видеться и на вечерах у Императрицы, и на катке, где можно было вести себя значительно более раскованно. Уже 17 ноября Александр и княжна, мало обращая внимания на окружающих, проговорили добрых два часа. Разговор был очень интересен Наследнику, так как впервые Мещерская многое рассказала о своей жизни, о сиротских годах на чужбине. Ее откровенность глубоко тронула Александра Александровича.

Вскоре последовала жестокая кара. Обер-гофмейстерина Императрицы, сухая и чопорная графиня Екатерина Тизенгаузен (1803–1888), хранительница устоев и традиций, которую многие придворные боялись, как огня, вызвала фрейлину и устроила ей настоящую «головомойку». Она сообщила княжне, что та ведет себя крайне неприлично, что она чуть ли не открыто «бегает» за Наследником и ставит в неловкое положение не только себя, но, что совершенно недопустимо, и его. Как же можно себя так вести, ведь это ни на что не похоже! — негодовала графиня. Она категорически приказала Мещерской, во избежание «серьезных последствий», перестать встречаться с Цесаревичем, намекнув, что таково желание Императрицы. Мещерская не смела перечить.

Верная Саша Жуковская на следующий день умудрилась встретиться с Цесаревичем и все рассказала, прибавив, что княжна очень сожалеет, но «больше не будет садиться рядом».

Александр Александрович был вне себя от возмущения и свое негодование доверил дневнику:

«Опять снова начались сплетни. Проклятый свет не может никого оставить в покое. Даже из таких пустяков поднимают истории. Черт бы всех этих дураков побрал!!! Даже самые невинные удовольствия непозволительны; где же после этого жизнь, когда даже повеселиться нельзя. Сами делают черт знает что, а другим не позволяют даже видеться, двух слов сказать, сидеть рядом. Где же после этого справедливость!» На эти вопросы Александру никто не мог ответить, да он и не надеялся на разъяснения.

Последующие недели у Наследника было плохое настроение, и он даже несколько раз пропустил вечера у Мама, сославшись на недомогание. Александр думал много о счастье, о справедливости и о своей судьбе, которая ему в этот момент представлялась такой безрадостной. Его охватил приступ меланхолии, которую заметили окружающие, но причина которой большинству была непонятна.

События же развивались вне зависимости от настроения самого Наследника, и предначертанное должно было случиться. 28 ноября 1865 года его вызвал отец и сообщил, что он получил письмо от Дагмар, которая просила передать ему свою фотографию. Император попросил сына написать Принцессе ответ и поблагодарить за подарок. Но прошло почти три недели, прежде чем Александр исполнил Цареву волю и отправил в Копенгаген несколько слов. Мыслями и чувствами он был далеко от Дании.

В начале декабря Царская Семья переехала на постоянное жительство в Петербург, и Александр записал: «Жалко было покидать Царское, где, может быть, в последний раз провел такую весну и осень. Сколько милых воспоминаний».

В столице все завертелось обычным порядком: учеба, встречи с родственниками, а вечером — театр и чтение. Самые яркие впечатления того трудного и печального для Цесаревича периода: опера Александра Серова «Рогнеда», поставленная на главной Императорской сцене в Мариинском театре, драма А.С. Пушкина «Дубровский», которую он узнал впервые и где описана так талантливо большая и настоящая любовь, верность и предательство, а также «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, где показаны сильные и честные характеры, которые ему всегда импонировали.

Незадолго до Нового года Императрица имела разговор с сыном о Дагмар, и он выразил свое согласие «сделать все, что надо». Почти через месяц, 11 января 1866 года, разговор был продолжен. В тот день решили: Александру необходимо ехать в

Копенгаген и просить руки. Он не возражал и записал, что «если Бог даст, все будет как желаем».

Как желаем! Он готов безропотно подчиниться долгу. Через три дня у Императрицы он осмотрел коллекцию драгоценных подарков — украшений для Датской Принцессы, которые начали делать еще при Никсе, но потом все остановили. Сейчас все было завершено и выглядело очень впечатляюще. В тот день занес в дневник, что «если Бог даст, она будет моей женой».

Глава 5
Династический альянс

Судьба семейной жизни, как казалось, была окончательно решена. Император Александр II условился с Датским Королем Христианом IX, что его сын приедет в начале лета в Копенгаген. Смысл визита был вполне очевиден, и все исподволь начали готовиться к важному событию.

Александр знал, что обязан отправиться в Данию и попытаться добиться согласия Дагмар стать его женой. Все было просто, ясно и невыносимо тоскливо. Принцесса ему нравилась, она была именно той, кого только и мог видеть своей женой. Но оставались другие привязанности, а до лета еще было так далеко.

16 февраля 1866 года Мари Мещерской исполнилось 22 года, и Александр послал ей свою фотографию и передал поздравления. Через десять дней наступил день рождения Цесаревича.

Настроение было безрадостным: «Вот минуло мне 21 лет, что-то будет в этот год? Вспомнил я письмо милого брата, которое он написал мне ровно год тому назад, где он поздравляет меня с 20 годами… Но вот его не стало, и он оставил мне свое место, которое для меня было всегда ужасно, и я только одного желал, чтобы брат мой был женат скорее и имел сына, тогда только, говорил я себе, я буду спокоен. Но этому не суждено было исполниться».

Через два дня, на вечере у Мама, как было заведено накануне Великого Поста, было чтение Евангелия от Иоанна с пояснениями. Цесаревичу вспомнилась Ницца. Стало грустно. «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам». И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете».

Эти проникновенные слова звучали у постели умирающего Никса, и Александр навсегда их запомнил. На какое-то время вдруг позавидовал своему старшему брату. Мысль была крамольной, и он ее быстро отбросил.

Той весной, как никогда раньше и никогда потом, он остро ощутил свою ненужность в этом мире, земную неприкаянность. Кто он, зачем он? Нет, конечно, он знал все и о предназначении, и о долге, и беспрекословно готов был нести крест судьбы. Однако существовали чувства, оставались желания, естественные

и неизбежные для молодой и искренней натуры. Ему хотелось любить, быть любимым, ежеминутно осознавать и ощущать свою нужность близкому человеку. Юность проходила, мальчик становился мужчиной.

Его уже не удовлетворяла отроческая влюбленность; он мечтал уже о нечто большем. Ему хотелось иного, чем простых встреч и милых разговоров с симпатичной женщиной. М. Э. находилась рядом, она была дорога и желанна. 15 марта записал: «Я ее не на шутку люблю, и если бы был свободным человеком, то непременно бы женился, и уверен, что она была бы совершенно согласна».

О таком развитии событий можно было лишь мечтать; на то он не имел права. Опять эти мысли о правах, о возможном и допустимом. Как хорошо простым смертным: они принадлежат сами себе, они могут вести угодную себе жизнь, строить ее, исходя из личных наклонностей и желаний.

В нем все время происходила борьба между чувством долга и порывами молодого сердца. В марте он окончательно решил, что пора расстаться с М. Э. Он уже несколько раз говорил с Мама о поездке в Данию, они внимательно и основательно уже все обсудили, и Цесаревичу надлежало теперь полностью оторваться от других симпатий и целиком сосредоточиться на подготовке к будущей встречи с Датской Принцессой и к возможной женитьбе на ней. А с Мещерской они останутся, как и раньше, друзьями.

Вечером, 23 марта 1866 года, Наследник занес в дневник: «Теперь настает совсем другое время, серьезное; я должен думать о женитьбе, и дай Бог найти мне в моей жене друга и помощника в моей незавидной доле. Прощаюсь я с М. Э., которую любил как никого еще не любил, и благодарен ей за все, что она мне сделала хорошего и дурного. Не знаю наверное, любила ли она меня или нет, но все-таки она со мною была милее, чем с кем-либо. Сколько разговоров было между нами, которые так и останутся между нами. Были и неприятности и ей и мне за нашу любовь. Сколько раз я хотел отстать от этой любви, и иногда удавалось на несколько времени, но потом опять сойдемся, и снова мы в тех же отношениях».

Теперь, как казалось, ему удалось преодолеть себя и устремиться целиком в будущее, а милая М. Э. — это теперь прошлое. Радостное и счастливое, но — прошлое. Подведя эти итоги, Александр Александрович привел поэтическую цитату:

В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радости любовь,

Разлука будет без печали.

Это был его любимейший Лермонтов, стихотворение «Договор», которое они неоднократно читали вслух на вечерах. М. Э. тоже любила Лермонтова, ей, как и Александру, нравились одни и те же места и особенно «Договор». «Пускай толпа клеймит презреньем наш неразгаданный союз…» Им казалось, что это было написано про них, про их тайну, про их печаль и радость.

В последние дни марта на семейном совета было решено, что Александр вместе с братом Владимиром поедет в Данию в конце мая, проведет там недели три, а по возвращении совершит большое путешествие по России. Он теперь иногда виделся с Мещерской, охотно с ней разговаривал, но все время отгонял от себя чувственные порывы. Все шло, как должно было идти, и вдруг 4 апреля случилось ужасное, невероятное, страшное. На дорогого Папа было совершено покушение.

Около пяти часов вечера, возвращаясь в Зимний Дворец, Цесаревич узнал, что в Государя стреляли. «Услыхав это, я выбежал вон из комнаты, сказал Владимиру, и побежали оба к Папа. У него в кабинете застал почти все семейство, а Папа сам принимал Государственный Совет. Я кинулся к Папа на шею, и он только мне сказал: «меня Бог спас».

Скоро стали выясняться детали. Император с сестрой Марией и ее сыном, как это он часто делал перед обедом, гулял в Летнем саду. Когда прогулка завершилась и он садился в коляску, услышал выстрел и увидел человека с пистолетом в руке, на которого уже успели наброситься несколько прохожих. Злодеем оказался студент, выходец из бедной дворянской семьи, некто Дмитрий Каракозов (1840–1866). Вскоре установили, что он давно принадлежал к тайному обществу нигилистов, вознамерившихся свергнуть Царскую Власть и установить какую-то социалистическую республику.

Цесаревич был вне себя от негодования. Боже мой, что за люди! Стрелять в Государя! Какие-то выродки! Как могла подняться рука! Безумцы! Ведь Папа так много делает для России: он отменил крепостное право, проводит многие реформы, которые должны укрепить государство и привести к миру и процветанию. Он работает целыми днями, не жалея себя, не покладая рук, но находятся негодяи, не дорожащие Россией, ум которых отравлен ядом разрушительных учений. Боже мой, а если бы злодейство удалось, то ведь вместо дорогого Папа он бы мог оказаться на троне! Непостижимо! Нет, нет, об этом даже страшно и подумать!

В последующие дни служились благодарственные молебны, возносилась хвала Всевышнему, спасшему жизнь Русскому Царю. Казалось, что это лишь печальное недоразумение, которое не должно (не может!) повториться. Но все только начиналось. Разворачивалась беспощадная кровавая «охота» на Монарха, в которую включались группки разношерстной молодежи, объединенные лишь ненавистью к исконной России, презрением к ее истории и культуре. И будут звучать новые выстрелы и взрывы, и молодые люди с лицами невротиков будут стрелять еще не раз в Царя, будут покушаться до тех пор, пока с седьмой попытки не добьются осуществления своего безумного намерения. Роковой взрыв прозвучит через пятнадцать лет после первого покушения.

Вскоре после этого события у Александра случилась личная неприятность. Как-то вечером тетя Маруся (сестра отца Мария, в замужестве — герцогиня Лейхтенбергская) сообщила племяннику, что в одной французской газете помещена статья о нем. В ней говорилось, что Наследник Русского Престола ведет несерьезную жизнь, отказывается от брака с Датской Принцессой, так как увлечен княжной Мещерской. Тетушка утверждала, что, по некоторым сведениям, эта статейка перепечатана в других странах и даже, о ужас, якобы и в Дании.

Александр был обескуражен. Могла сложиться неприятная ситуация. Если об этом узнают Король, Королева и Дагмар, то вполне вероятно, что ему дадут отрицательный ответ. Но его главным образом расстраивало не это. Он был озабочен другим.

«За себя мне все равно, но бедная, бедная М. Э.! Вот до чего я ее довел, что об ней печатают в газетах! Вот он, мир-то! Вот люди!» Настроение было испорчено надолго. Вечером того грустного дня он уединился и допоздна читал только что появившуюся в печати первую часть романа Федора Достоевского «Преступление и наказание». Книга произвела сильное впечатление, и он заметил: «Ужасная вещь, но очень интересно и хорошо написано».

Император и Императрица были обеспокоены слухами и сплетнями, которыми обрастало предстоящее сватовство Наследника. Александр II напрямую спросил сына: какие у него отношения с Мещерской? Цесаревич ответил, что никаких, а что все эти разговоры — досужие домыслы.

Александр Александрович был честен, не лукавил. Он не знал и не предполагал, что есть вещи, есть порывы, которые далеко не всегда можно легко преодолеть. Что-то в нем надломилось, что-то вдруг сделалось с молодым богатырем, и он буквально потерял голову. На какое-то время все было забыто, все отошло на задний план, а самым главным для него стала М. Э., для которой он

готов был пожертвовать всем. Это был безумный, самый необъяснимый момент в его жизни, о котором позднее скажет, что был тогда «как помешанный».

18 апреля на Царском балу в Зимнем Дворце княжна Мещерская танцевала с Цесаревичем и мимоходом, невзначай, сказала ему, что ей сделал предложение молодой князь Витгенштейн. Сообщив это, «парижская сиротка» невинно спросила Наследника: как он думает, стоит ли ей выходить за него замуж?

Молодой человек испытал потрясение, «чуть не упал, слышав это», и после этого «был как сумасшедший», плохо соображал. К счастью, бал скоро кончился. Придя к себе и несколько успокоившись, Цесаревич заключил, что, может быть, свыкнется с этим положением, но всегда будет сожалеть, что Мария ему «не принадлежала хоть на один час». Дневниковая запись того дня заканчивалась меланхолическим восклицанием: «Прощайте, Дусенька!»

Однако прощаться было рано. Ничего не выходило. Избавиться от мыслей о М. Э. не удавалось. Его дорогая, желанная княжна скоро может принадлежать другому! Боже мой, за что такое наказание! Наследник не мог уснуть, долго ворочался, вставал курить, наконец, решил посоветоваться с умным и деятельным Вово. У них получился долгий, обстоятельный и непростой разговор.

Князь Мещерский уже давно знал об увлечении Наследника его взбалмошной родственницей. Однако до того апрельского дня 1866 года Владимир Петрович не предполагал, что это увлечение столь серьезно. Александр сказал другу, что пойдет на все, готов даже отказаться от прав на Престол, лишь бы соединить свою жизнь с «ненаглядной Дусенькой». Вово был шокирован. Кто бы мог подумать, что у Александра Александровича такая страстная натура, что он во имя любви способен перечеркнуть свою жизнь, отбросить дорогое и возвышенное, пойти на скандал, на разрыв, на всеобщее осуждение, лишь бы обладать этим «бель флёр».

Мещерский умолял не совершать опрометчивого шага, заклинал Цесаревича подумать о России, о своем предназначении, но быстро понял, что доводы рассудка не действуют на высокородного друга. Тогда прибег к другому аргументу. Ну, хорошо, заявил князь, вы откажетесь от прав на Престол, от титула, от положения, откажетесь от всего и женитесь на Мещерской. Но ведь она вас не любит, она не способна любить. Это ведь мелкая эгоистическая натура, испытывающая удовольствие лишь от того, что кружит голову Престолонаследнику. Вово нанес сильный удар.

Александр в душе не был уверен в чувствах княжны, ведь они даже ни разу не объяснились. Он иногда осторожно говорил ей о своих чувствах, но княжна никогда не отвечала ничего определенного. Да, она была мила, она была добра к нему, но ведь это еще не любовь. Беседа с другом Александра не успокоила; она лишь ухудшила его настроение, которое и до того было безрадостным.

Вечером, уже в одиночестве, вспомнив весь разговор, Александр пришел к заключению, что Вово не прав. «Я достаточно знаю М. Э. уже два года, чтобы не ошибаться, по крайней мере в этом». Она смотрит на него так ласково и всегда говорит, что без него скучает. Разве это не подтверждает ее чувств?

Он же уже не мог теперь представить своей жизни без Мари. «Что бы я дал за один поцелуй от нее. Были минуты, когда было недалеко до этого, но все-таки было нельзя, потому что или А.В. (Жуковская), или Владимир (брат) были там, хотя и не видели и не слышали, что мы делали. Когда мы христосовались, то эта минута была для меня каким-то сном, когда я прикасался губами к ее губам, почти к самым губам». В молодом человеке бурлила страсть, она порой подавляла все остальные чувства и мысли.

Иногда наступали периоды прозрения, и он опять с полной ответственностью относился к своим обязанностям. Спокойно и рассудительно обсуждал с родителями будущую семейную жизнь, предстоящую поездку в Копенгаген и объяснение с Дагмар. Отец несколько раз возвращался к той скандальной газетной публикации и выражал беспокойство, что это может «сделать неприятное впечатление в Дании». Александр же все время выражал надежду, что «все пройдет благополучно», хотя в душе твердой уверенности и не было.

В начале мая брат Алексей, с детских пор предрасположенный к морскому делу (в свои зрелые годы он станет Главным начальником флота и морского ведомства), завершил строительство небольшой яхты, которую назвал «Dagmar». Это не было случайным. Брат был уверен, что Датская Принцесса, которую уже знали и любили в России, станет женой Цесаревича. Но у самого Александра в этот момент существовали сомнения. Он отправился на спуск яхты и уже доехал до Адмиралтейской верфи, но увидев толпу народа, «поспешил удалиться, потому что боялся разных намеков на свой счет».

Александру Александровичу порой казалось, что он «пережил свои желания», но наступали другие минуты — и все опять возвращалось: тоска, грусть, неотступные мысли о М. Э. В конце апреля Двор переехал в Царское, и Александр решил больше не

ходить на вечера к Мама. Свой афронт он объяснил так: «Во-первых, чтобы заниматься дома, а, во-вторых, они мне надоели. Мне теперь мало видеться только с М. Э., что прежде уже для меня было счастьем; я чувствую, что теперь это меня не насыщает и мне надо больше, но что это больше». Далее следовало многоточие.

Александр, конечно же, знал, как «появляются дети», и у него были возможности найти простой и доступный путь к «ласкам и блаженству». Но это была искренняя и цельная натура, не принимавшая и не понимавшая, как можно вступать в отношения с женщиной без любви. А любовь — значит брак, значит — на всю жизнь. Здесь сомнений не существовало.

Беспрерывная борьба между тем, чего хотелось, и тем, что обязан делать, истомила, измучила. И он принял трудное решение. Несколько дней непрерывно размышлял о будущем, о своем выборе и в конце концов склонился к тому, что невозможно было еще совсем недавно и предположить. Май 1866 года стал для Цесаревича Александра тяжелым рубежом в жизни, тем Рубиконом, перейдя который будущий Император воспитал волю, закалил характер в непростой, мучительной борьбе с самим собой.

К середине мая у него появилось намерение расставить все точки над «и». «Я только и думаю теперь о том, чтобы отказаться от моего тяжелого положения и, если будет возможность, жениться на милой М. Э. Я хочу отказаться от свадьбы с Dagmar, которую я не могу любить, и не хочу. Ах, если бы все, о чем я теперь так много думаю, могло бы осуществиться! Я не смею надеяться на Бога в этом деле, но может быть и удастся. Может быть, это будет лучше, если я откажусь от Престола. Я чувствую себя неспособным быть на этом месте, я слишком мало ценю людей, мне страшно надоедает все, что относится до моего положения. Я не хочу другой жены как М. Э. Это будет страшный переворот в моей жизни, но если Бог поможет, то все может сделаться, и может быть, я буду счастлив с Дусенькой и буду иметь детей. Вот мысли, которые теперь меня все больше занимают, и все, что я желаю. Несносно, что поездка в Дании на носу и преследует меня как кошмар».

Искреннее безумие молодости! Если бы не предусмотрительный Владимир Мещерский, настоявший на том, чтобы Наследник вел свой исповедальный дневник, вряд ли бы кто сейчас и узнал, что Император Александр III, этот целеустремленный, честный и уверенный в себе правитель, мощную фигуру которого олицетворял монументальный памятник, созданный скульптором Паоло Трубецким и

поставленный в центре Петербурга уже в XX веке, что этот сильный Самодержец подвергался в молодости серьезным искушениям и колебаниям.

Во имя любви он готов был отказаться от судьбы Венценосца, готов был бросить вызов всем и вся. Для этого надо было иметь сильный характер, обладать смелостью незаурядной. Эти качества у Александра были. Он не видел особой трагедии в том, что вместо него Наследником Престола станет брат Владимир. Тот был всего на два года младше Александра, имел ровный характер, умел нравиться окружающим. Папа и Мама должны его понять! Он ведь любит так глубоко и так серьезно! Правда, оставалась Дагмар, но ведь он не связан с ней никакими обязательствами, и кто знает, может быть, она и не захочет стать его женой! В конце концов все ведь можно объяснить.

Александр непрестанно думал о разговоре с отцом, снова и снова мысленно перебирал аргументы и доводы. Посоветоваться было не с кем. Вово почти каждый день забегал, все время умолял его пересмотреть свое решение, и Цесаревич решил с ним больше эту тему не обсуждать. Никому же другому доверить было нельзя. Все могло до срока стать известным, и тогда жди волны сплетен, слухов, клеветы.

Приняв решение за себя, Александра смущало одно, но очень важное обстоятельство: позиция самой княжны. 17 мая записал: «Я каждый вечер молю горячо Бога, чтобы Он помог мне отказаться от престола и, если возможно, устроить счастье мое с милой Дусенькой. Меня мучит одно, это то, что я боюсь очень за М. Э., что когда наступит решительная минута, она откажется от меня, и тогда все пропало. Я непременно должен с ней переговорить об этом и как можно скорее, чтобы ее не застали врасплох. Хотя я уверен, что она готова за меня выйти замуж, но Бог один знает, что у нее на сердце, не хочу больше об этом». Но объясниться с княжной так и не удалось.

Роковой момент должен был наступить, и он наступил. Дни середины мая 1866 года в Царском Селе навсегда врезались в память Александра Александровича. Они принесли страшные душевные переживания, но привели, как признается позже, к «выздоровлению от тяжелого недуга».

18 мая Александр встал, как обычно, около 8-ми, пил кофе, затем занимался русской историей с С. М. Соловьевым. Потом был визит к родителям и прогулка. Затем занятия по государственному праву с К. П. Победоносцевым. Далее — урок музыки. Потом с Бакой Барятинским отправился прокатиться в Павловск. На обед в честь фрейлины Наденьки Бартеневой (1821–1902), к шести часам вечера, поехал в Боболово, где собралась

небольшая компания «своих». Здесь была Саша Жуковская и Мари Мещерская. Обед был оживленным, много смеялись, танцевали и разъехались все довольные. Около 9 вечера Цесаревич вернулся к себе и сразу же узнал, что его вызывает отец.

Император поинтересовался, почему сын не пришел на обед к Мама и не уведомил о том, что уезжает к друзьям. Александр попросил прощения. Далее Александр II сообщал, что статья в газетах о нем и Мещерской, как теперь точно известно, перепечатана в Дании. Король Христиан забеспокоился и обратился с письмом к Царю, где спрашивал: правда ли это? Этот вопрос отец переадресовал сыну.

Вместо прямого ответа Александр стал говорить, что теперь никак не может ехать в Данию, так как ему совсем не хочется жениться. Император поинтересовался, что же все-таки ему мешает ехать в Данию: уж не любовь ли к Мещерской? Сын молчал, и Царь, очень спешивший, перенес беседу на следующий день, попросив сына все хорошо за это время обдумать.

Потом был вечер у Марии Александровны. Собралось все то же общество, в том числе и М. Э., рядом с которой Цесаревич не рискнул сесть. На клочке же бумаги написал ей короткую записку, где сообщил, что отказывается ехать в Данию. Мещерская тут же ответила, что он непременно должен ехать.

Александр Александрович считал, что на самом деле Мещерская рада такому решению, так как в душе желает стать его женой, но сказать об этом напрямую он так и не решился, потому что «она может испугаться и отказать». В эту ночь Александру плохо спалось, так как было «много тяжелых и неприятных впечатлений сегодняшнего дня».

Наступил следующий день. Стояла почти летняя погода. В Царском все цвело и благоухало. Цесаревич проснулся рано, на душе было безрадостно. После утреннего кофе — урок английского языка. Затем визит к родителям, после которого остался на доклад военного министра у Папа. Далее — прогулки, опять уроки. В 6 часов вечера — семейный обед. По окончании Александр уединился у себя и написал письмо Мещерской, где сообщил, что решил, во имя их любви, отказаться от Престола. Письмо запечатал и решил позже, после собрания у Мама, отправить.

Но вечером, около 9-ти, Император пригласил сына для объяснения. Александр теперь вполне определенно сказал, что не хочет ехать в Данию, так как чувствует, что не может любить Дагмар, потому что любит Мещерскую. Отец был удивлен и спросил, что же он предлагает написать в Копенгаген, что все наши переговоры ничего не стоят, а все, что опубликовано в

газетах — правда?

Тогда Александр Александрович решился и заявил, что отказывается от Престола, «так как считает себя неспособным». Услыхав такое, Александр II — Самодержец Всероссийский, повелитель огромной державы, на какое-то время потерял дар речи. Уму непостижимо! Кто бы смел подумать, что дело зайдет так далеко! Бедный Мака, он просто сошел с ума! Ну, всегда при Дворе были всякие амурные истории, постоянно возникали любовные увлечения, но чтобы во имя них отказаться от Богом возложенной миссии, от святой обязанности, которая выше всех земных страстей! Такого еще не бывало.

Наследник отказывается от Престола — и из-за чего? Из-за мимолетного увлечения, во имя эгоистических сиюминутных удовольствий! Придя в себя, Император разразился таким гневным монологом, пришел в такую ярость, в состоянии которой сын отца никогда не видел. Он и не подозревал, что Папа способен на такие резкости.

«Что же ты думаешь, — вопрошал Император, — что я по доброй воле на своем месте? Разве так ты должен смотреть на свое призвание? Знай, что я сначала говорил с тобой как с другом, а теперь я тебе приказываю ехать в Данию, и ты поедешь, а княжну Мещерскую я отошлю».

Это было крушение. Крушение всех надежд и мечтаний, всего того, о чем Александр так долго и основательно думал. Он не ожидал, что разговор примет подобный оборот и что Папа откажется понимать его. Особенно его задели слова об участи «милой Дусеньки», и Александр попытался вступиться за нее, взяв всю вину на себя. Но Император не хотел ничего слушать, заявив, чтобы тот «вышел вон», так как «он его знать не желает».

С этим Александр и удалился, неся тяжелый груз разбитых чувств. Придя к себе, послал за Вово и все тому рассказал. Друг успокаивал как мог, но на душе все равно было черным-черно. Особенно угнетала мысль, что он стал причиной несчастья М. Э. и что ее теперь уж наверное отлучат от двора, что может сломать ее.

«О Боже, что за жизнь, стоит ли того жизнь после этого. Зачем я родился, зачем я не умер раньше». Он написал Мещерской, рассказал ей в общих словах про случившееся и посоветовал, если будут спрашивать, не давать никаких его писем и записок, а все, что у нее есть, или спрятать или сжечь. Он понял тогда, теперь уже окончательно, что не может жить как захочет, что ему надо повиноваться судьбе. Таков его крест, и он должен со смирением нести его до своего последнего вздоха.

Следующий день начинался как всегда. Встречи, уроки и

беседа с Мама и Папа. Отец к нему отнесся значительно сердечней, чем вчера, ничем не выказал неудовольствия. Со стороны казалось, что отношения были обычными. Александр радовался такому великодушию Императора, но угрызения совести оставались.

После завтрака Саша Жуковская успела передать Александру письмо от Мещерской, в котором та сообщала о своем потрясении после получения его письма. На словах Жуковская добавила, что подруга ужасно расстроена, не находит себе места, плачет не переставая, и даже не смогла быть на дворцовом выходе, сославшись на болезнь. Вечером, как было условлено, Александр встретился с М. Э. на прогулке в парке. Это было горестное объяснение. Еле сдерживая слезы, Александр сказал, что он едет в Данию, что у него нет другого выхода, но что он навсегда сохранит к Марии чувства любви и благодарности.

Княжна все понимала, она ни в чем его не винила. Мари была грустна как никогда и сказала, как показалось Цесаревичу, с сожалением, что не подозревала о том, что он так ее сильно любит. Они пожали друг другу руки и разошлись. Потом, на вечере у Мама, Александр улучил минутку и решился еще раз попросить отца не поступать с княжной так бессердечно, сказав, что она ни в чем не виновата. В разговор вмешалась Мария Александровна, заметившая, что сын может не беспокоиться. Она все сделает очень тонко, и Мещерская поедет на время в Париж со своей тетушкой княгиней Чернышевой, о чем та уже порядочно времени назад просила Императрицу.

В следующие дни все шло обычным порядком, и Александр начал успокаиваться. Он часто вспоминал о М. Э., но эти мысли все меньше и меньше рвали душу. Он готовился к встрече с Дагмар. И каждый день виделся с Мещерской. Встречи эти были радостные, походившие на те, в давние времена, когда они были лишь добрыми друзьями. Затем была краткая поездка с родителями в Москву, где были и торжественные выходы в Кремле, и посещения московских святынь, и беседа с митрополитом Филаретом. Там душа «пришла в равновесие».

Вернувшись в Петербург 28 мая, горячо, со слезами молился у могилы милого Никса в Петропавловском соборе. Прошло всего чуть больше года, как дорогого брата не стало, а так много уже переменилось. Ведь если бы Николай был жив, то, может, и у него была совсем другая судьба, а ему бы наверное не пришлось переживать тяжелые мучения.

Отъезд в Данию был назначен на 29 мая. Утром того дня он встретился в парке с М. Э., и они сердечно простились. В половине десятого утра была обедня, а затем пошел прощаться с

обер-гофмейстериной графиней Тизенгаузен. Войдя в длинный коридор лицейского корпуса, здания, примыкающего к Большому Царскосельскому дворцу, где раньше размещался известный Царскосельский лицей, а теперь жили придворные служащие и фрейлины, он увидел Мещерскую, направлявшуюся к себе.

Что-то с ними вдруг необычное случилось. Прозвучали какие-то слова, затем взялись за руки, вошли в первую попавшуюся пустую комнату. Княжна бросилась на шею Александру, и они слились в страстном поцелуе.

Время остановилось. Стояли обнявшись и трепетали, и целовались, целовались без конца. То, о чем он мечтал давно, о чем грезил в своих юношеских мечтаниях, сбылось. Милая М. Э. была в его объятиях. Она принадлежала ему и страстно призналась, что всегда любила только его одного и никого никогда больше не любила. Это была радость великая, горестно-сладостная радость. Однако им не суждено быть вместе. Судьбу нельзя выбрать и переиначить.

Они простились. Ему надо было спешить на яхту «Штандарт», отправлявшуюся из Кронштадта. Его уже ждали, и времени было в обрез. У Марии теперь своя дорога.

В следующий раз их пути пересекутся через год, уже в Париже, куда Цесаревич приедет с отцом по приглашению императора Наполеона III. Там, «в столице мира», он увидит ее в доме княгини Чернышевой, а вскоре узнает, что княжна помолвлена с молодым и богатым Павлом Демидовым, князем Сан-Донато (1839–1885). Он будет рад за нее и искренне пожелает ей счастья.

А еще через год до него дойдет скорбная весть, что Мария, родив сына Элима, умерла на следующий день в тяжелейших муках. Ей было всего 24 года. Ему об этом подробно расскажет Саша Жуковская, с которой Александр не раз будет вспоминать ушедшие времена, дорогую М. Э., эту сладкую тайну юности.

Александр Александрович не посвятит в эту тайну жену, свою Минни, с которой был всегда откровенен и которую любил больше всего на свете. Может быть, боялся обидеть, а может быть, стеснялся показать слабохарактерность.

Когда через несколько лет его младший брат Алексей влюбится в Сашу Жуковскую и та ответит ему взаимностью, а отец категорически запретит третьему сыну Алексею (не престолонаследнику) вступать в морганатический брак, то человеческое сочувствие Александра и Минни будет на стороне несчастных влюбленных.

Однако как Цесаревич Александр осудит намерение брата, собиравшегося пренебречь святым чувством долга во имя

женщины. Уже став Императором, он пожалует сыну Великого князя Алексея Александровича и Александры Жуковской Алексею Алексеевичу (1871–1932) титул графа Белёвского. Но это уже ничего исправить не сможет. Жуковская выйдет замуж без любви и навсегда уедет из России, а Великий князь Алексей останется холостяком.

Будущий царь Александр III никогда не забудет ту, первую свою любовь. Много раз будет вспоминать и размышлять над такими удивительными событиями своей жизни. Пройдет всего несколько месяцев, он женится и станет воспринимать себя и свое поведение весной 1866 года критически. Первого января 1867 года запишет в дневнике: «Много я переменился в эти месяцы, но все еще много остается переделать в самом себе. Часто молодость заставляет забывать мое положение, но что же делать, ведь раз только в жизни бываешь молод». Цесаревич с трудом учился сложному искусству самообладания.

Глава 6
Незабываемый июнь во Фреденсборге

29 мая 1866 года, в 3 часа пополудни, от рейда Кронштадского порта отошла Императорская яхта «Штандарт», сопровождаемая кораблем «Олаф». Море было относительно спокойным, и качка небольшой. Цесаревич так устал за последнее время, что отправился спать в тот день рано, и хотя долго не мог уснуть, но спал крепко.

Проснулся довольно поздно, около 9-ти, и, приведя себя в порядок, поднялся пить кофе в кают-компанию. Там уже собралось все небольшое общество: Великий князь Владимир Александрович, граф Перовский, Бака Барятинский, офицеры экипажа. Затем курили, обсуждали всякие разности, гуляли по палубе. Позже Александр читал, а перед обедом, как всегда, немного вздремнул. Потом пили чай, опять курили, болтали, а после Цесаревич поиграл на корнете.

Вечером выяснилось, что механик яхты неплохо играет на фортепьяно. Он был немедленно вытребован Наследником и исполнил ему несколько фортепьянных пьесок собственного сочинения. Причем Александр Александрович даже музицировал с ним дуэтом. Последующие несколько дней плавания походили один на другой.

А в Копенгагене ждали, готовились к встрече, и больше всех — Дагмар. Прошло больше года с тех пор, что видела последний раз Александра, много воды утекло. Как они встретятся, что он ей скажет и скажет ли что-нибудь?

За прошедшее время они почти не переписывались; десяток ее коротких посланий и несколько ответных от него — вот и все. Но зато с Русским Царем Датская Принцесса вела довольно интенсивную переписку. Трудно сказать, в какой мере это являлось тонко рассчитанным ходом, а в какой — проявлением искренних душевных симпатий. Дагмар понимала, что окончательное решение ее судьбы будет в значительной степени зависеть от Императора. И она постоянно корреспондировала ему, пользуясь каждым удобным случаем.

В августе 1865 года в Данию нанесла визит русская военная эскадра под командованием брата Царя, генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича. Принцесса участвовала в торжественной встрече, беседовала с Великим

князем и затем посетила русские корабли. Сразу же Царю в Петербург полетело ее послание: «Вы представляете, дорогой Папа, какие чувства я испытала, посещая в первый раз территорию России, и каким радушным и симпатичным был прием, который никогда не исчезнет из моей памяти. Это был такой прием, который облегчил для моего сердца тот трудный и страшный первый момент. Я также распознала Ваше сердце в сердце Вашего милого брата, который доказал мне, что он просто прочитал все, что творится в этот момент в моей душе. Хочу сказать Вам, что я очень хочу увидеться с ним вновь, также как и со всеми вами!»

Письма любящей дочери обожаемому отцу… Она не позволяла ничего лишнего, ничего, что выходило бы за рамки этой, раз и навсегда принятой роли. В октябре 1865 года признавалась Царю: «Я даже не могу найти слов, чтобы объяснить Вам, как я была тронута, поняв по Вашему письму, что Вы все еще видите во мне одного из Ваших детей. Вы знаете, дорогой Папа, какое значение я этому придаю, и что ничто не может меня сделать более счастливой. Вот мы уже шесть месяцев без нашего любимого Никса. И только год, как я его увидела отъезжающим в полном здравии! Все это время было мучительным для меня со всеми этими дорогими воспоминаниями о моей недолгой мечте о счастье, за которую я никогда не перестану благодарить небо».

Она теперь писала обращение по-русски («Мой душка Па»), как бы подчеркивая свою привязанность к языку ее новых родственников. «Мечта о счастье», за которую Дагмар «не переставая благодарила небо», не развеялась. Она могла стать явью, и русский Наследник, как вполне определенно написал Царь в начале 1866 года, непременно приедет в Данию «для серьезного разговора». Она ждала этой встречи, она ее боялась и надеялась на нее.

31 мая яхта «Штандарт» сделала краткую остановку на шведском острове Готланд. Цесаревич со спутниками совершил большую прогулку по живописной местности. Затем подняли якорь и снова тронулись в путь. Рано утром 2 июня вошли в датские территориальные воды в заливе Зунд, бросили якорь и несколько часов выжидали, чтобы прийти в намеченное время. В 12 часов подошли к местечку Гелембек — пригороду датской столицы, где и стали на якорь. До Копенгагена было рукой подать.

Здесь к борту Царской яхты подошел катер с русским послом при Датском Дворе бароном А. П. Николаи (1821–1889) и с датским адмиралом Ермингером, назначенным сопровождать Его Императорское Высочество. Затем на собственном катере русские

визитеры и сопровождающие лица прибыли к пристани, где Александра ожидал Король со свитой. Представление сопровождающих, обмен любезностями… По завершении официальной церемонии Король пригласил Александра и Владимира в свою карету, которая направилась во Фреденсборг.

Во Фреденсборгском парке кортеж встретился с экипажем, в котором находились Королева и Принцесса Дагмар. Александр был несколько сконфужен, но старался не показать смущения. Образ возможной невесты вызвал много чувств.

«Ее милое лицо мне напоминает столько грустных впечатлений в Ницце и то милое и задушевное время, которое мы провели с нею в Югенхайме. Опять мысль и желание на ней жениться снова возникли во мне». Было целование рук, приветствия. Король и Александр пересели к дамам, и кортеж тронулся. Через несколько минут сквозь густые зеленые заросли показалось светлое массивное здание королевского дворца. У парадной лестницы стояли придворные и младшие дети Короля: дочь Тира (12 лет) и сын Вальдемар (7 лет).

Христиан IX лично проводил Русского Наследника до его апартаментов, не скрыв от него, что именно в этих комнатах останавливался в прошлом году его брат Николай. Александр внимательно осмотрел помещения и нашел на стекле одного из окон нацарапанные имена Nix и Dagmar. Он сразу же вспомнил, как милый Никса написал ему об этом. Александру стало невыразимо грустно, ком подступил к горлу. Но сдержался, не заплакал. Помолился и обратился к дорогому брату с просьбой молиться за него и попросил Бога устроить его земное счастье, его счастье с Дагмар.

Затем состоялся поздний завтрак в присутствии лишь членов Королевской Фамилии и русских гостей. Александр сидел между Королевой и Дагмар. Чувствовал себя стесненно, не знал, как себя вести, что говорить, какие темы обсуждать. Почти ничего не ел и произнес за столом всего несколько общих фраз. Он впервые в жизни оказался далеко от дома, окруженный малознакомыми и незнакомыми людьми, проявлявшими к нему повышенный интерес. Надлежало не потерять лица, надо было суметь показать себя светским и учтивым. Это было трудно, ой как трудно, в особенности для такой несветской натуры. Брат Владимир вел себя значительно уверенней и бойко рассказывал о путешествии. Слава Богу, завтрак быстро кончился.

После гуляли в парке, сидели и беседовали в апартаментах у Короля, отдыхали. В 6 часов — парадный обед. Мужчины были во фраках и лентах, дамы в вечерних туалетах. Король был невероятно внимателен и наградил Владимира высшим датским

орденом — орденом Слона (Александру этот орден был пожалован еще зимой). Неловкость не проходила. Цесаревич все еще чувствовал себя не в своей тарелке, мало говорил. Он даже стеснялся лишний раз посмотреть в сторону Дагмар, сидевшей от него по левую руку.

На вечернем рауте было то же самое. Он лишь несколько раз улыбнулся, встретившись глазами с Дагмар, и она ответила ему улыбкой. На сердце немного полегчало. Но настроение в общем мало изменилось. Разошлись около двенадцати. Первый день во Фреденсборге оказался для Наследника трудным. Он во многом не был уверен, терялся в догадках насчет будущего, но в одном теперь не сомневался: он хотел бы жениться на Дагмар.

На следующий день, 3 июня, Александр Александрович чувствовал себя значительно уверенней. Неловкость исчезала, и роль дорогого гостя Королевской Семьи переставала угнетать. Завтракать все поехали в парк. Столы были сервированы на берегу озера, и обстановка была совсем непринужденной. Много говорили, шутили. После завтрака пили вино, болтали обо всем на свете. Всем было хорошо.

Александр настолько раскрепостился, что вместе с Владимиром рискнул спеть несколько куплетов из новой оперетты Жака Оффенбаха «Прекрасная Елена», которая тогда вошла уже в моду в Петербурге, но которую еще не знали хозяева Фреденсборга.

Александр благодарил Папа, что тот послал вместе с ним брата Владимира, сумевшего очень быстро освоиться в новой обстановке и завоевать расположение многих, а для младших детей, Тиры и Вальдемара, сделаться просто предметом обожания. Но больше всего Александр был благодарен судьбе за то, что она познакомила его с Дагмар, которой он теперь любовался каждую минуту.

Датская Принцесса Цесаревичу все больше и больше нравилась. Он со стыдом вспоминал свои сомнения и мечтал о женитьбе на Дагмар. Но сумеет ли он убедить ее стать его женой, сможет ли он найти слова, которые тронут ее душу и заставят сказать желанное «да»? Он этого не знал. Будучи скромным, застенчивым и чувствительным, Александр Александрович не склонен был надеяться на доводы рассудка, не думал, что только династические интересы заставят честную и искреннюю девушку стать женой человека. Он и сам не представлял брака без любви.

Цесаревич мечтал, чтобы Дагмар его полюбила. Они все время были вместе: на прогулках, за столом на завтраках и обедах, вечером, играя у короля в лотто-дофин. Он находил ее «очень милой». Ее манера разговаривать с ним, как с давним

знакомым, была так симпатична. На второй день своего пребывания в Дании сын писал Царю: «Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни, тем более что она так нам дорога. Дай Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все милая Минни; я не знаю ее чувства ко мне, и это меня очень мучит. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе».

Александру была по душе и общая обстановка жизни Королевской Семьи, где отношения были значительно проще и сердечней, чем то, что он наблюдал в Петербурге. Здесь же меньше придавалось значения формальностям, а люди могли общаться, не обращая особого внимания на династическую субординацию и придворный этикет. При Дворе дозволялось быть самим собой почти всегда, в любой обстановке.

4 июня вернулся из путешествия брат Дагмар Фреди, которого Александр уже считал своим давним другом. Прибытие кронпринца прибавило Цесаревичу уверенности.

Время проходило во встречах, прогулках, беседах, посещениях различных мест. В один из дней русских гостей отвезли в замок Эльсинор, где провел свою короткую жизнь несчастный, легендарный шекспировский принц Гамлет и где визитерам была показана даже его могила. Александр знакомился с интересной страной, где прошлое и настоящее теснейшим образом переплеталось. Здесь жили гордые, спокойные и независимые люди, здесь царил жизненный уклад, ранее ему совсем незнакомый. Он полюбит Данию всей душой и это чувство пронесет через всю жизнь. Возникло же оно у Александра Александровича тогда, в том переломном для него, 1866 году.

Некоторые дни особенно были насыщены переездами и событиями. Например, 5-е июня. С утра Александр вместе с принцем Фредериком, свитой и датскими сопровождающими поехали в Копенгаген, где решили все вместе сфотографироваться и сделать визиты. По пути случилась неприятность: их экипаж сбил на дороге мальчика, у которого оказалась сломанной нога. Все сразу вышли из карет, приняв самое живейшее участие в судьбе ребенка, который немедленно был препровожден в ближайшую больницу. Этот случай заставил всех очень переживать, а позднее пострадавшего посетили и члены Королевской Семьи, и Наследник Русского Престола.

Затем были у фотографа, где сделали памятные снимки, посетили русскую церковь, занимавшую тогда лишь одну комнату в небольшом, обычном доме. Далее — завтрак в русском посольстве. Проведя там немногим более часа, отправились в королевский музей. Здесь было много редкостей и диковин, о

существовании которых Цесаревич не догадывался. Особенно его поразил «пояс целомудрия», сложная «штука с замком», которую надевал на свою возлюбленную правивший в XVI веке в Дании король Христиан IV, «чтобы она ни с кем не могла быть в связи».

В этот же день Александр встретился с братом Алексеем, служившим гардемарином на корабле «Ослябя», пришедшим с визитом в Копенгаген. В столице Датского Королевства впервые собрались вместе три русских Великих князя. Поехали на королевский обед во Фреденсборг. Обед был многолюдным и весьма оживленным. Играла музыка, и Александр и Минни не столько были заняты застольем, сколько беседой, первой их беседой «тет-а-тет». Хотя кругом было множество народа, но можно было быть уверенным, что никто ничего не услышит, так как звуки королевского оркестра заглушали все голоса. После обеда Минни «крепко пожала руку» Наследнику, сказав, что ей было очень приятно с ним разговаривать.

Такое признание наполнило душу радостью. У него возникало убеждение, что Принцесса к нему неравнодушна. Вечером Александр занес в дневник впечатления дня, а в конце написал: «До сих пор я еще не предпринял ничего решительного. Собираюсь на днях говорить с Фреди. Хочется поскорее, да не решаюсь, а уехать без ничего невозможно, да и не следует. Дай Бог, чтобы все уладилось, как я бы желал. Молюсь постоянно об этом».

Дни шли, а Цесаревич все никак не отваживался на объяснение. Ситуация становилась двусмысленной. Все знали, зачем Русский Престолонаследник приехал в Данию, все были уверены в благоприятном исходе его миссии, все… кроме самого Александра. Что-то ему все время мешало превозмочь себя и выяснить ситуацию до конца. Он написал родителям, где объяснил свое состояние. «Она мне еще больше понравилась теперь, и я чувствую, что я ее люблю, и что я достоин ее любить, но, дай Бог, чтобы и она меня полюбила. Ах, как я этого желаю и молюсь постоянно об этом. Я чувствую, что моя любовь к Минни не простая, а самая искренняя и что я готов сейчас же все высказать ей, но боюсь».

Нерешительность Цесаревича ставила в неловкое положение и Дагмар. Чем дальше, тем больше эта неловкость ощущалась и ею. Она ждала и тоже писала Царю. «Первый момент, когда я увидела дорогих братьев, был для меня очень тяжелым, потому что Вы понимаете, дорогой Папа, с какими смешанными чувствами я их приняла, главным образом Сашу! Мы поехали на встречу с ними, чтобы не принимать их на том же месте, куда прибыл мой любимый Никс. Мои дорогие родители сделали все

возможное, чтобы облегчить для меня тот тяжелый момент, во время которого столько воспоминаний вернулось в мое сердце. Но теперь я счастлива. И их радость оказала на меня такое воздействие, которого я и сама не ожидала. Вы понимаете, что мы говорим о нем, и каждое место кажется им знакомым».

Тень умершего Николая незримо витала над Фреденсборгом, сковывая действия и решения Александра. Несколько раз он уже почти подходил к важнейшей для него теме, но в последний момент опять «духу не хватало». Минни ему становилась близкой. Он радовался каждой новой встрече, ему нравилось, как она играет на фортепьяно, как она рисует, как она смотрит, как она смеется. Чем сильнее становились чувство, тем больше он боялся ненароком разрушить его. Дагмар постоянно говорила о Никсе, все время вспоминала его прошлогоднее пребывание в Дании. Это трепетное внимание свидетельствовало о том, что она любила и все еще любит покойного. Но надо было что-то делать.

8-го, вечером, Александр имел обстоятельный разговор с Фредериком. Он прямо спросил датского принца-друга, насколько возможно, чтобы Минни дала согласие стать его женой. Фреди сразу же заявил, что он почти уверен в благоприятном ответе, что родители тоже — за. Минни, по словам брата, питает большое расположение к Александру, зная, как его любил умерший Никс. Разговор вселял надежду, и на душе у Александра «стало немного легче». Фреди обещал завтра же серьезно обсудить с родителями эту важную тему.

Принц Фредерик сдержал обещание и утром же поговорил с отцом — королем Христианом IX, пригласившим затем для разговора Александра. Беседа Цесаревича с Датским Королем состоялась в королевской конюшне, куда Монарх каждый день ходил кормить лошадей хлебом. Король сказал потенциальному зятю, что «он совершенно согласен и позволяет мне говорить с Минни, когда я хочу. Но попросил подумать хорошенько, могу ли я ее любить и отвечать за будущее. Я отвечал, что за это я отвечаю, и что никогда не решился бы просить ее руки без этого. Тогда Король пожал мне крепко руку и сказал мне, что успел меня полюбить так же, как и моего милого Никсу. Я от всей души благодарил его за это, и мы расстались».

Король любил дочь и искренне желал ей счастья. Но он знал о скандальных слухах, о пламенной страсти князя Александра к русской княжне, просочившихся из России и ставших темами статей в некоторых европейских бульварных газетах. Правда, Царь уверял его в письме, что это все лишь досужие салонные сплетни, но некоторая тревога у Короля оставалась. Он раньше ведь совсем не знал второго сына Императора Александра II, и

когда тот приехал в Копенгаген, то Король внимательно и придирчиво всматривался в облик и поведение молодого русского, стараясь понять и оценить его.

Впечатление складывалось самое благоприятное: серьезный, основательный, добросердечный молодой человек, говоривший мало, но всегда весомо. К тому же истинный христианин. Про него никак нельзя было сказать, что это светский жуир или салонный бонвиван. Может быть, ему несколько не хватало аристократического лоска и изящества манер, но это такие мелочи, которые поддавались исправлению. Главное, чтобы Минни и Александр любили друг друга. Дочь была явно неравнодушна к Русскому Принцу, а после беседы в конюшне Король понял, что и Александр питает большое чувство к Дагмар.

Вступив на Датский Престол в ноябре 1863 года, Христиан IX был заинтересован в брачной унии с Домом Романовых. Эта заинтересованность постоянно возрастала. Общеполитическая ситуация в Центральной Европе обострялась, и будущее Датского Королевства делалось трудно предсказуемым. В 1864 году территория Дании уже сократилась чуть ли не наполовину, а впереди маячили новые опасности. Эпоха по-сленаполеоновского устройства в Европе подходила к концу. Созданный на Венском конгрессе 1815 года Германский союз — конфедерация юридически самостоятельных немецких государств (в 1866 году их число достигало 32), в котором главенствующую роль играла Австрийская Империя, явно доживал свой век.

В 1864 году Дания потерпела поражение в войне с Пруссией и Австрией и уступила победителям Шлезвиг, Гольштейн и Люнебург, районы, населенные по преимуществу немцами. Кроме того, Дания фактически лишалась всякого влияния в делах Германского союза и оттеснялась на далекую периферию европейской политики.

В 1866 году началась война между Пруссией и Австрией за гегемонию в Германии. В те дни, когда Наследник Русского Престола прибыл в Копенгаген, прусская армия развернула свое продвижение на Юг и на Запад, овладев Дрезденом, Ганновером, Касселем. Через несколько недель Пруссия завершит военную кампанию полным разгромом Австрии, что приведет к ликвидации Германского союза и ускорит создание консолидированного Германского государства под главенством династии Гогенцоллернов.

Для Датского Королевства соседство с Пруссией — причина постоянных тревог и волнений. Династическая уния с Россией могла бы стать одной из опор датского суверенитета. Однако осуществление подобного проекта непосредственно зависело от

того, смогут ли договориться Датская Принцесса и Русский Наследник, сумеют ли они понять и полюбить друг друга. Они сумели и смогли.

Долгожданное для всех объяснение случилось на десятый день пребывания Цесаревича Александра Александровича в Дании. Была суббота, 11 июня. Дело происходило во Фреденсборге. День начался, как и предыдущие. После утреннего чая Престолонаследник гулял с Алексеем, Владимиром и Фредериком. Затем все сели рисовать. Ближе к завтраку Минни пригласила посмотреть ее комнаты наверху, где Александр еще не бывал. Поднялись вместе с Королем, но Христиан IX и Великий князь Алексей скоро ушли.

Александр и Дагмар остались одни. В этот момент предусмотрительная принцесса Тира закрыла их на ключ. Путь к отступлению был отрезан. Должно было случиться неизбежное, и оно случилось. Дальнейшее развитие сюжета описал сам будущий Царь.

«Сначала осмотрел всю ее комнату, потом она показала мне все вещи от Никсы, его письма и карточки. Осмотрев все, мы начали перебирать все альбомы с фотографиями… Пока я смотрел альбомы, мои мысли были совсем не об них; я только и думал, как бы решиться начать с Минни мой разговор. Но вот уже все альбомы пересмотрены, мои руки начинают дрожать, я чувствую страшное волнение. Минни мне предлагает прочесть письмо Никсы. Тогда я решаюсь начать и сказал ей: говорил ли с Вами Король о моем предложении и о моем разговоре? Она меня спрашивает: о каком разговоре? Тогда я сказал, что прошу ее руки. Она бросилась ко мне обнимать меня. Я сидел на углу дивана, а она на ручке. Я спросил ее: может ли она любить еще после моего милого брата? Она отвечала, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня и у нее. Потом я ей сказал, что милый Никса много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье. Говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце».

Наконец-то долгожданное событие произошло! Дверь отперли, и к молодым пришли с поздравлениями: Королева, Король, родственники и приближенные. Некоторые плакали от радости. Этот день был полон слез и сумбурной суеты. Александр сиял, страшная ноша спала с плеч. Минни плакала, смеялась и была счастлива.

Объявили о помолвке. Затем был обед на воздухе на берегу моря, и тосты звучали много раз. Шестнадцатилетний Великий князь Алексей Александрович был так рад за старшего брата, что

несколько переборщил с возлияниями и потом «не помнил, что говорил и что происходило».

В тот же день послали телеграмму в Россию и на следующий день получили ответ от родителей: «От всей души обнимаем и благословляем вас обоих. Мы счастливы вашим счастьем. Да будет благословение Божие на вас».

Александр подарил Дагмар подарки от себя и от родителей, которые произвели большое впечатление на всех. Блеск бриллиантов, изумрудов, жемчугов привел Датскую Принцессу в неописуемый восторг. Она восторгалась как дитя. Всю свою жизнь она любила украшения и, переехав в Россию, имела огромную и изысканную коллекцию, состоявшую главным образом из подарков ее дорогого Саши.

На следующий день Александр отправил обстоятельное письмо родителям, которое начал так: «Милые мои Па и Ма, обнимите меня и поздравьте от всей души. Так счастлив я еще никогда не был как теперь». В этот день в Петербург отправлялся нарочный, чтобы передать русскому Царю письма, которых там уже с нетерпением ждали.

Послала свою депешу Царю и Дагмар: «Душка Па! Я обращаюсь к Вам сегодня как невеста нашего дорогого Саши. Я знаю, что Вы меня примите с любовью! Теперь мне только остается добавить, что я себя чувствую вдвойне привязанной к Вам и что я вновь Ваш ребенок. Я прошу Бога, чтобы он нас благословил, чтобы я смогла сделать счастливым дорогого Сашу, чего он заслуживает!»

В свой первый день в качестве жениха Александр встал рано и вместе с братьями поехал в Копенгаген, где священник И. В. Рождественский (1812–1882) отслужил для них обедню и благодарственный молебен в русской церкви. Затем опять был обычный, но теперь уже окрашенный особыми обстоятельствами день. Гуляли, обедали, разговаривали, катались на лошадях.

13 июня вместе с Королем, Королевой, принцами посетили корабли русской эскадры в порту Копенгагена. На фрегате «Ослябя» был накрыт стол, убранный флагами и цветами. За ужином опять звучали тосты, причем после каждого нового тоста с корабля «Витязь» раздавался пушечный залп. По окончании ужина Александр увлек Дагмар в одну из кают и там ее страстно поцеловал, «первый раз на русской территории».

В этот день бедная Минни так устала, что когда вернулись во Фреденсборг, то у нее подкашивались ноги, и Александр почти внес ее на руках во Дворец. Но теперь это не могло быть предосудительным: они уже были женихом и невестой.

Александр провел в Дании еще две недели. Они были для

него радостными и приятными. Король Христиан использовал помолвку своей дочери с Наследником Русского Престола и в политических целях. В Германии грохотали залпы австропрусской войны, а в Датском Королевстве с нарочитой пышностью отмечали возникавшую династическую унию между Домом Романовых и Домом Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургских.

Король предложил Александру совершить поездку на Север страны, в Ютландию, на сельскохозяйственную выставку. Цесаревич с благодарностью принял это приглашение, хотя такая поездка первоначально и не предусматривалась протоколом визита.

14 июня 1866 года русский престолонаследник на королевской яхте «Шлезвиг» отбыл вместе с Королем. Следом следовала яхта «Штандарт», где находились другие русские. На следующий день, около 9-ти утра, прибыли на рейд города Орхус. Пристань была полна народу. На торжественной встрече присутствовали все местные власти, представители многих общественных организаций как местных, так и из столицы. Состоялся военный парад с музыкой. Здесь же, в порту, звучали речи, прерываемые аплодисментами и криками «ура».

Александр многое не улавливал, так как все говорили по-датски, а ему успевали перевести лишь кое-что. Но он понял, что народ радовался видеть своего Короля и его, сына Русского Царя — жениха Принцессы Дагмар. Стояла страшная жара, и весь этот день Король, принц Фредерик и его именитый гость вместе со свитой провели в павильонах и загонах, осматривая достижения датских фермеров, которые действительно были впечатляющими.

Цесаревич страшно устал и от жары, и от постоянного внимания. Он несколько раз себя корил за то, что согласился отправиться в эту поездку, вместо того, чтобы уютно провести время в прохладе Фреденсборга. Наконец этот утомительный и нескончаемо длинный день подошел к концу, и вечером все вернулись на яхты. На следующее утро прибыли в Копенгаген и уже в десять часов были во Фреденсборге, где его ждала соскучившаяся уже «его Минни».

День летел за днем, и приближалось время разлуки. Об этом ни Александру, ни Дагмар не хотелось думать. Они были счастливы и веселы, как никогда еще не были прежде. В один из дней они поднялись на верхний этаж дворца во Фреденсборге и на окошке нацарапали перстнем свои имена. И много раз потом, приезжая сюда, они, как молодые влюбленные, непременно будут подниматься на антресольный этаж Дворца, навещая свою эту надпись-талисман, и будут стоять обнявшись, молчать и

вспоминать.

Минни ему расскажет все о себе и своей любви к Никсу. Она ничего не утаит и в парке покажет даже сокровенное место у беседки, где они впервые поцеловались.

В том июне было много фотосъемки. Придворный фотограф Хансен делал фотографии групп и портреты. Впервые Александр снимался с Минни. Потом все те фотографии будут вклеены в несколько специальных альбомов, которые останутся с Марией Федоровной до сокрушительного 1917 года. Эти мемориальные документы переживут всех действующих лиц того июня, переживут падение Династии и Монархии в России. В обшарпанном и поврежденном виде, на дальних стеллажах архивов, они сохранятся до наших дней.

И почти через сто пятьдесят лет эти пожелтевшие и местами попорченные изображения донесут память тех дней, память радости и надежды людей, обреченных на неповторимую, феерическую и трагическую жизнь. Сидящий в кресле Наследник Русского Престола в темном костюме и галстуке в полоску (рисунок и цвета Датского государственного флага), с гвоздикой в петлице.

Рядом стоит Дагмар, молодая, улыбающаяся, с непокорными вьющимися волосами, расчесанными на прямой пробор. На ней простое закрытое светлое платье, на шее, на темном шнурке, камея… Непринужденно разместившаяся, прямо на лестнице королевского дворца, группа лиц: Король Христиан, Королева Луиза, принц Фредерик, принц Вальдемар, принцесса Тира, Великий князь Владимир, а в центре — Дагмар и Цесаревич Александр. Они молоды и у них еще столько всего впереди.

День расставания жениха и невесты наступил 28 июня 1866 года. Цесаревича провожала вся Королевская Семья. Накануне Александр и Дагмар провели несколько часов в уединении, о многом в очередной раз переговорили, объяснились в любви. Минни плакала, а Александр с трудом сдерживал слезы. Ему очень не хотелось покидать милую Данию, таких добрых и теперь уже почти совсем родных хозяев, но надо было возвращаться.

Он увозил сладкие воспоминания и письмо Дагмар Царю, написанное накануне. «Это письмо Вам передаст Саша, потому что, к несчастью, момент нашего расставания уже пришел. Я очень сожалею, что он уезжает. Но я также очень признательна Вам, дорогие родители, что Вы позволили ему так долго побыть у нас. Мы воспользовались этим, чтобы лучше узнать друг друга. Каждый день сближал наши сердца все больше, и я могу сказать Вам, что уже чувствую себя счастливой. Заканчивая, я хочу еще раз выразить Вам мою искреннюю признательность за Ваши

дорогие письма, адресованные нам обоим, которые нас так тронули! Шлю Вам также просьбу прислать ко мне его осенью! Я Вас покидаю, дорогие родители, чтобы побыть с ним еще немного до его отъезда. Обнимая Вас от всего сердца, остаюсь навсегда Вашей Минни».

Свадьба была назначена на май следующего года, а до того времени Русский Принц обещал часто писать и непременно еще приехать.

В России известие о помолвке Наследника нашло живой и благожелательный отклик. Мнение многих выразил известный публицист, редактор влиятельной газеты «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков (1818–1887): «Есть что-то невыразимо симпатическое, что-то глубоко знаменательное в судьбе юной принцессы, которую узнал, полюбил и усвоил себе русский народ в то самое время, когда, вместе с нею, оплакивал безвременную кончину равно дорогой и для нее, и для него, едва расцветшей жизни.

И в эту минуту, когда она казалось навсегда утраченной для России, Россия не хотела тому верить. Все были убеждены, что она будет возвращена тому предназначению, которое суждено ей Провидением. Она была наша, когда казалась утраченной для нас; она не могла отречься от нашей веры, которая уже открыла для нее свое лоно; она не могла отказаться от страны, которую уже признала своим вторым отечеством. Образ юноши на мгновенье, как бы в благодарном сновидении, представший ей возвестить предназначенную ей судьбу, останется навсегда святой поэзией ее жизни, как навсегда останется этот юный образ в воспоминаниях страны, для которой он также явился на мгновенье».

Глава 7
Дорога к русскому дому

Великий князь Александр вернулся в Россию 1 июля. На подходе к Кронштадту «Штандарт» был встречен эскадрой русских военных кораблей. На яхте «Александрия» прибыл Императора Александр II. На борту «Штандарта» отец и сын крепко обнялись. По пути в Петергоф к ним присоединились два брата Царя: Великий князь Николай Николаевич («Дядя Низя») — Главнокомандующий войсками Гвардии и Петербургского военного округа — и Великий князь Константин Николаевич («Дядя Костя») — председатель Государственного Совета.

Цесаревич был в центре всеобщего внимания; его все поздравляли. В столичном обществе давно уже брак Наследника вызывал живейший интерес, а теперь, после объявления помолвки, этот интерес не стал меньше. Все жаждали узнать детали, подробности того, что произошло в Копенгагене; всех занимал вопрос, когда же жених и невеста станут мужем и женой.

В аристократических гостиных циркулировали слухи о сложных перипетиях этой партии. Как всегда, много было всяких домыслов, невероятных предположений. Некоторые же члены Императорской Фамилии сами, без помощи врагов Трона и Династии, с упоением злословили по поводу будущей жены Цесаревича и по адресу его самого.

Хозяйка влиятельного петербургского салона, шестидесятилетняя Великая княгиня Елена Павловна (вдова сына Императора Павла I, Великого князя Михаила Павловича, урожденная принцесса Каролина Вюртембергская), на следующий день после объявления помолвки нашла уместным рассказать своим гостям о неохоте, с которой поехал Наследник в Копенгаген, о его любви к Мещерской, о том, что он, во имя нее, отказывался от Престола.

Подобные утверждения, хоть и исходили от Великой княгини, производили впечатление недобросовестной сплетни, и им мало кто верил. Все, кто хоть немного знал Александра Александровича, не могли себе представить, что он способен на такие безрассудные поступки.

Сразу по прибытии на Цесаревича обрушилось множество дел и обязательств. Беззаботные дни во Фреденсборге остались сладким воспоминанием. Здесь же, на родной земле, у него не было никакой возможности проводить время не спеша, в череде приятных прогулок и бесед. Надлежало сразу же нанести визиты

всем родственникам и каждому обстоятельно рассказать о происшедшем, внимательно выслушивать трафаретные поздравления, обниматься и целоваться даже с теми из родни, к кому не было расположения. Кроме того, в Красном Селе проходили ежегодные лагерные сборы и Цесаревичу, как командиру Преображенского полка, надлежало там постоянно бывать.

Его братья и сестра, большинство дядей и тетей, кузин и кузенов искренне радовались за Александра, сумевшего найти достойную, добропорядочную невесту. Дорогая Мама с младшими братьями Сергеем и Павлом находилась в Ильинском, и сын не мог обняться с ней. Отец же был рядом, не скрывал своей радости и несколько раз горячо и сердечно поздравил сына. Старые неудовольствия были забыты, и Царь ни полусловом не напомнил Александру о прошлых, но теперь таких уже далеких размолвках.

Расставшись с Датской Принцессой, Александр Александрович быстро понял, что теперь ему без нее будет трудно, ой как трудно! Она ему вспоминалась все время, и мысли о ней окрашены были такой нежностью, так согревали душу, что и представить было невозможно, как же ему теперь находиться так долго в отдалении от милой Дагмар и почти целый год ждать свадьбы!

Уже в день приезда записал в дневнике: «Так грустно без милой душки Минни, так постоянно об ней думаю. Ее мне страшно недостает, я не в духе и долго еще не успокоюсь». Довольно быстро у Александра созрел план: дождаться приезда Мама, все ей рассказать и попробовать добиться приближения срока свадьбы. Ну почему надо так долго ждать; неужели нельзя все решить хотя бы осенью? Он написал об этом Дагмар, не скрыв, что главная причина такого решения — его любовь.

Невеста ему часто писала, через два-три дня, и каждое ее послание тоже дышало любовью. Тем летом началась их задушевная, лирическая переписка, продолжавшаяся до последнего срока жизни Александра III. Став мужем и женой, они редко расставались, но иногда все-таки разлуки случались. Тогда они разговаривали письменно, доверяя листкам бумаги сокровенное, самое дорогое.

Первые годы Дагмар писала исключительно по-французски, и ее беглым, бисерным почерком заполнены многие сотни страниц. Большинство посланий — сравнительно небольшие рассказы о себе, о каждодневном времяпрепровождении, о нежных чувствах к милому, навсегда единственному. Позднее она начала делать значительные вставки по-русски, но перейти целиком на язык своей новой родины так и не смогла. Но обращения к дорогому

адресату всегда, начиная с лета 1866 года, делала только на русском языке.

В начале июля 1866 года, находясь в загородной резиденции Короля Бернсдорфе, Дагмар писала:

> «Мой милый душка Саша! Я даже не могу тебе описать, с каким нетерпением я ждала твое первое письмо и как была рада, когда вечером получила его. Я благодарю тебя от всего сердца и посылаю тебе поцелуй за каждое маленькое нежное слово, так тронувшее меня. Я ужасно грустна оттого, что разлучена с моим милым, и оттого, что я не могу разговаривать с ним и обнимать его. Единственное утешение, которое теперь остается, это письма… Мы находимся здесь со вторника, и ты понимаешь, как мне все напоминает о том дне, когда мы здесь были вместе, и главное, тот тягостный момент, когда я тебе показала это место в саду, с которым у меня связано столько дорогих воспоминаний, которые теперь мне кажутся просто сном.
>
> Часто я спрашиваю себя, почему это должно было случиться? Значит, Бог так хотел и Его воля исполнилась. Он всегда желает нам блага. Я признательна Ему за Его Божественную волю, направленную на меня, потому что я снова счастлива. Дорогой мой душка Саша, я все время думаю о тебе, день и ночь, не проходит минуты, чтобы я не посылала к тебе мои мысли, чтобы они следовали за тобой повсюду. Ну когда же настанет день, и мы вновь увидимся?»

Получив это послание, Великий князь Александр несколько раз его перечитал, перецеловал каждую страницу и пришел к заключению, что «никогда, я думаю, невеста не писала своему жениху таких писем, как Минни пишет мне».

Александр постоянно думал о свадьбе. Наконец, 4 июля вернулась Императрица Мария Александровна. Встреча была радостной. Но в первый день поговорить один на один не удалось. Кругом были люди, нескончаемые приемы. На следующий день опять все то же самое: встречи, приемы, трапезы, разговоры с разными посетителями.

Вечером Наследник записал: «Сегодня ровно неделя, что мы покинули милый Фреденсборг. Какая перемена в жизни. Из такого рая попасть в Петербург, в смертную скуку; решительно не знаю, что делать от тоски и грусти. Единственное утешение и большое — это быть с Мама, да и то не удается мне поговорить с нею на один обо всем, что меня всего более интересует, а именно,

когда будет свадьба и когда опять вернусь в милую Данию. Меня так и тянет туда! Я надеюсь на Бога, что он поможет мне устроить все как можно. О Дания! О Минни! Только об этом я и мечтаю и надеюсь, что буду там еще в нынешнем году».

Какое же счастье ему случилось, что будущая жена им горячо любима. И он любим. Цесаревич боялся, что какие-то непредвиденные обстоятельства разрушат эту такую хрупкую еще связь между ним и Дагмар.

Наконец, 10 июля в Петергофе во дворце Коттедж объяснение Наследника с родителями состоялось. Александр показал письма Дагмар, рассказал о своих чувствах, особо подчеркнув, что ему очень хотелось бы ускорить свадьбу. Мария Александровна сказала, что ей тоже этого бы хотелось, но она не знает, как бы это намерение поделикатней и получше осуществить, решив немедленно написать Королю и Королеве об этом.

Цесаревич не сомневался, что Король и Дагмар будут целиком на его стороне, но вот Королева… Здесь возникала неуверенность, так как «мама Луиза» была слишком щепетильна, слишком придавала большое значение формальной стороне дела, и не исключено, что у нее могли возникнуть возражения. В этих видах сын попросил мать составить послание в сильных, решительных тонах, что Мария Александровна и обещала. Они все подробно оговорили и пришли к заключению, что Минни могла бы приехать в сентябре, с тем, чтобы свадьба состоялась в октябре.

Затем потянулись дни ожиданий и надежд. Днем учения в Красном, по вечерам посиделки у Мама, театр и чтение романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Александра в это время и очень занимали события австро-прусской войны, принимавшей в Германии характер гражданской. Сообщения о деталях сражений, о разорении городов и целых районов, о кровавых жестокостях постоянно поступали в Россию как от дипломатических представителей, так и по иным каналам. В один из дней он узнал, что сгорел Киссинген, тихий и мирный курортный городок, где он бывал с Мама. Это известие его расстроило.

В том месяце дни тянулись для Александра необычайно медленно. 27 июля был день рождения Императрицы Марии Александровны — ей исполнилось 42 года. А накануне прибыл гонец из Копенгагена, полковник О. Б. Рихтер (1830–1908), с письмами и с долгожданным известием о том, что Датские Король и Королева согласны, чтобы свадьба состоялась осенью. Радость была великая у Цесаревича. Он получил несколько фотографий Минни и с удовольствием их показывал близким, и

не мог не заметить, что особенно пристально и долго их изучает отец.

Дагмар написала и Александру, и Императору. Своему жениху она сообщала: «Я надеюсь, что ты доволен и что ты мне признателен за то, что я готова без промедления, в любой момент покинуть родительский дом только ради тебя, моя душка. Твое письмо так тронуло меня. Видя, как нежно ты меня любишь, я могу быть бесконечно признательна за это Богу, за все то добро, которое Он послал мне. Ты, конечно, можешь понять, мой ангел, насколько это грустно для меня так быстро собраться и покинуть отцовский дом. Ведь я надеялась остаться здесь еще на зиму. Но я уверена, что найду настоящее счастье подле тебя, милый Саша!!!!»

Письмо Датской Принцессы Царю было выдержано в несколько иной тональности, но общий смысл его был тот же: «Мое сердце теперь разделено на две равные части. Счастье для меня — побыть еще несколько месяцев в родительском доме. Сначала Вы позволили мне лелеять эту надежду, но затем своими письмами внезапно отняли ее. В то же время желание оказаться в среде моей новой семьи, которое я уже лелеяла в себе давно, наполняет меня какой-то тягостной неуверенностью. Но так как решение уже принято, я с радостью и счастьем думаю о будущем и надеюсь, что Вы найдете во мне дочь, достойную Вас».

Последующие недели были для Цесаревича полны разнообразных забот. К тому, что было раньше: встречи, военные учения в Красном, присутствие на докладах у императора, вечера у императрицы, беседы с друзьями, чтение, прибавились и новые. Они были связаны с будущей семейной жизнью.

До того Александр жил вроде бы и самостоятельно, но под крылом родителей, а теперь надлежало готовиться к устройству семейного гнезда, собственного дома, куда он должен привести свою Минни. Александр II и Мария Александровна договорились с сыном, что ему переходит Аничков Дворец. Это было большое здание в самом центре Петербурга на берегу реки Фонтанки. Дворец боковым фасадом выходил на главную магистраль столицы — Невский проспект и был окружен тенистым парком. Это здание очень нравилось Александру, и он с энтузиазмом принялся за обустройство.

Дворец несколько обветшал, требовалось быстро и основательно его отремонтировать. Большое значение новый хозяин придавал оформлению церкви и это важное дело поручил своему учителю рисования художнику Алексею Петровичу Боголюбову (1824–1896), известному своими пейзажами и картинами сцен морских сражений.

По заданию Императора Александра II Боголюбов написал серию картин по истории русского флота, весьма понравившихся венценосцу. Позднее в городе Саратове организовал картинную галерею имени известного вольнодумца XVIII века Александра Радищева, которому приходился внуком.

Александр Александрович весьма ценил этого живописца, оказывая много лет ему высочайшее покровительство, покупая его работы для собственной коллекции. Этому художнику суждено было стать и одним из учителей рисования будущей жены Наследника Престола.

Но в Аничков Дворец они переедут на зиму, а первое время будут жить в Царском Селе, в Александровском Дворце, который был построен по распоряжению императрицы Екатерины II для ее любимого внука Александра, будущего императора Александра I. Здесь родился и сам Александр Александрович, и сюда он привезет свою Минни. Это будет их первый дом. Дворец уступал в размерах Большому Царскосельскому Дворцу (Екатерининскому), где часто летом жили родители. Александровский же находился несколько в удалении от главных царскосельских артерий, тут было значительно тише и можно было наслаждаться покоем и уединением. Здесь они проведут свой медовый месяц и здесь появится их первенец — сын Николай.

И затем, став Императором — последним Императором в истории России, — Николай II здесь же будет проводить дни своего медового месяца с Гессенской Принцессой Алисой — Императрицей Александрой Федоровной. Пройдут еще годы, и Дворец, построенный архитектором Джакомо Кваренги, станет первой тюрьмой для Семьи последнего Русского Царя. Но от благословенного 1866 года до трагического 1917 года еще было очень далеко.

Однако заниматься только устройством семейных дел Цесаревич не имел никакой возможности, прекрасно понимая, что теперь уже вряд ли когда и сможет жить в соответствии лишь со своими желаниями. Тем летом отец назначил сына членом Государственного Совета, и он обязан был теперь регулярно присутствовать на заседаниях этого высшего законодательно-совещательного органа империи. А в августе Наследник совершил большую поездку по стране.

Царь и царица решили, что Россия должна хорошо знать Наследника престола. Тремя годами ранее она лицезрела другого сына Императора, а теперь наступила очередь Александра предстать перед заинтересованными взорами старых и малых.

Свита подобралась по вкусу Наследника: брат Владимир, художник А. П. Боголюбов, который должен был зарисовать и

сохранить для потомков наиболее примечательные эпизоды, знаток русской старины И. К. Бабст (1824–1881), профессор К. П. Победоносцев, князь В. П. Мещерский, граф Б. А. Перовский и некоторые другие.

В Тверь прибыли по железной дороге 9 августа. Торжественная встреча в присутствии всех высших чинов губернии, хлеб-соль, почетный караул. Затем представление дворянства и служащих, посещение учебных и лечебных заведений, богоугодных учреждений, храмов, монастырей, торговых и промышленных предприятий. Вечером посещение бала в дворянском собрании, фейерверк, а к концу дня — полное изнеможение. И звучали здравицы, и гремело «ура», и гимн «Боже, Царя Храни!» исполнялся множество раз.

На следующий день сели на пароход «Наяда» и отправились на Восток. Маршрут пролегал через Рыбинск, Углич, Ярославль, Кострому — на Нижний Новгород и Казань, а оттуда обратно в Петербург через Москву. Это было, как выразился один современник, «первое свидание» будущего Царя с Россией.

Везде — торжественные встречи, приемы, молебны, осмотры исторических реликвий и местных достопримечательностей. Цесаревич Александр оказался в центре внимания огромного количества народа, и один раз дело чуть не закончилось бедой. В Угличе, когда Престолонаследник в коляске ехал в собор, то собралась такая многотысячная толпа, что ему невозможно было проехать и пришлось буквально продираться через людское море.

Когда же наконец добрались до церкви, то пришлось закрывать двери храма. Энтузиазм желающих увидеть будущего Царя был столь сильным, что рухнула церковная ограда, а церковные двери трещали под напором толпы, грозя в любой момент быть сорванными с петель. Храм стоял на высоком берегу, над оврагом, и возникло опасение, что когда Цесаревич выйдет из церкви, то люди могут упасть с крутого обрыва. Чтобы избежать несчастья, настоятель храма посоветовал вернуться на пристань через подземный ход, которым Цесаревич со спутниками и воспользовались.

Александр был потрясен увиденным. Особенно его удивило, что в России так мало полиции, что казалось совершенно невероятным при таком множестве народа. В Угличе нашлось лишь два полицейских чина, которые и прокладывали будущему Царю дорогу в людском море, и которых самих толпа чуть не затоптала.

Когда вскоре после «угличского столпотворения» он встретился с Ярославским военным губернатором вице-адмиралом И. С. Унковским (1822–1866), то тому и адресовал

этот вопрос. Ответ оказался неожиданным по своей простоте. «Полиция в России имеет значение чисто символическое; она ничего не охраняет, потому что не может ничего охранять: она существует лишь для свидетельствования о силе русского Бога над Россией и над каждым ее уголком. Как сила полиция есть только насмешка над силою, эта такая же полиция, как та, которая фигурирует в иных пьесах в театрах. Но в то же время, чем же держится благоустройство в России, чем охраняются права жизни, собственности, как не силою русского Бога!»

Губернатор сказал то, что Цесаревич уже слышал не раз от разных людей, и не только из уст учителей истории и гражданского права, но что воочию предстало перед ним лишь во время его путешествия…

Яркие впечатления у Александра остались от Нижнего Новгорода. В этом крупнейшем торговом городе Поволжья, центре Всероссийской ярмарки, встречи и церемонии отличались особой торжественностью и многолюдьем. Здесь провели пять дней, и почти не было ни одной свободной минуты. Бесконечные представляющие, поток просьб, адресов, тостов, рапортов. Много надо было осмотреть и в самом городе, и на ярмарке.

Знакомство с «карманом России», с крупнейшим торжищем Империи, произвело на Наследника сильное впечатление. Он еще никогда не видел такого скопления товаров, подобного коммерческого размаха, как на обширной территории ярмарочного комплекса. В меховых рядах ему приглянулась богатая шуба из черно-бурой лисицы, которую он и купил для Минни.

Александр опять ощутил, коль велико почитание и любовь, которыми он, как сын Императора, пользуется среди народа.

Толпы мужчин и женщин на всем пути следования и радость на всех лицах, как только он покажется. Некоторые всю ночь дежурили у его нижегородской резиденции, лишь бы только утром одним глазком посмотреть на Государя Цесаревича. А приехали вечером в театр, так казалось, не прекратятся никогда овации, крики «ура», а гимн исполняли раз шесть.

Однако Наследник сталкивался не только с парадной стороной жизни. Ему пришлось впервые так близко наблюдать темное и страшное. В больницах, в холерных отделениях, видел умирающих, а в женском отделении впервые довелось встретиться с публичными женщинами. Такие молодые и простые лица, и кто бы мог подумать, что они уже падшие и больны нехорошими болезнями. Все они «работали» на ярмарке, и ему рассказали, что в летние месяцы туда съезжалось до трех тысяч подобных особ со всей России.

Из Нижнего по железной дороге 27 августа прибыли в Москву. На вокзале с многочисленной свитой встречал генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков (1810–1891), только в прошлом году назначенный на этот важный административный пост. По пути в Кремль остановились у Московской святыни — Иверской часовни, где помолились у иконы Иверской Божией Матери. Затем, уже во дворце, опять — «пропасть представляющихся».

Потом посетили Успенский собор и Чудов монастырь. В этот же день осмотрели подробно царскую сокровищницу — Оружейную палату. Троны Московских Государей, старое оружие, усыпанные драгоценными камнями царские одеяния. В Москве не ночевали и вечером отбыли в Петербург, в Царское Село.

Цесаревич все время много думал о предстоящем в его жизни важном событии, а по мере приближения к столице эти мысли становились все настойчивей, все тревожней. Как там все будет обставлено, ведь Минни уже через три недели должна прибыть в Россию. Он не сомневался в том, что любит ее; он уже был уверен и в ее чувствах, но как все будет на самом деле — этого не знал никто. Они ведь все еще так мало знакомы, а Дагмар, выросшая совсем в другой обстановке, сможет ли она понять его, его страну? Сумеет ли стать не только нежной женой и матерью, но и Русской Цесаревной, а в будущем, возможно, и Русской Царицей.

Перед глазами был пример Мама, которая тоже приехала молодой иностранкой, но очень быстро сумела всему обучиться, все понять и почувствовать, и сейчас она пользуется таким уважением! И в прошлом были такие же случаи. Вот, например, супруга Императора Павла I Императрица Мария Федоровна, урожденная София-Доротея, принцесса Вюртемберг-Штутгардская. После трагической смерти Императора Павла Петровича она так много сделала добрых дел, так истово и страстно занималась благотворительностью, сумев оставить о себе добрую память. А его Мария? Сможет ли она всей душой принять новую веру, иную жизнь? Господь не оставит! Да и он сам будет помогать всем, чем сможет.

1 сентября 1866 года в Копенгаген отбыла на Царской яхте «Штандарт» представительная русская делегация под руководством флигель-адъютанта и контр-адмирала графа Л. Л. Гейдена (1806–1901), которая должна была сопровождать в Россию Датскую Принцессу.

Через две недели, 14 сентября, Цесаревич уже встречал свою невесту. Стояла удивительная погода. Было по-летнему тепло (более 20 градусов в тени), и небо было каким-то особенно голубым и бездонным, что необычайно редко случалось в

«Северной Пальмире».

За несколько дней по пути в Россию Дагмар многое пережила и многое перечувствовала. Она давно знала, что ей предстоит покинуть отчий дом и навсегда переселиться в далекую, неведомую страну. Лишь когда настал день прощания с близкими, когда она, обливаясь слезами, целовалась с отцом и матерью, то лишь тогда тяжесть неизбежного стала ощущаться со всей силой. Она уже никогда не будет той, что была, она навсегда прощается со своей юностью и уезжает навстречу трудной судьбе.

Через много лет она скажет, что те несколько дней по пути в Россию были «очень тяжелыми днями ее жизни». Ей надо было на глазах у всей Европы выдержать серьезное испытание, сдать самый трудный экзамен. В Россию ее сопровождал брат Фредерик, который должен был пробыть с ней несколько недель, что несколько поднимало настроение.

Она знала, ей об этом рассказывали отец и мать, что за ней будут следить внимательно не только в Дании и России, но и во многих других странах и столицах. Но самое главное было не это. Больше всего страшила неизвестность жизни в новой, такой незнакомой стране. Нет, кое-что она уже успела узнать, у нее были специальные уроки по русской истории, по истории Православия, она даже освоила несколько русских слов и фраз. Но этого было бесконечно мало. Что-то ей рассказывал Никс, а потом Саша, но все это было скоротечно, так отрывочно, что не могло походить на серьезное знание.

Дагмар понимала и другое: она ведь бесприданница. Своему жениху она ничего не могла привести, даже сколько-нибудь дорогой подарок. Принцесса дарила лишь свое сердце, свою любовь. Дания, разоренная и ограбленная войной 1864 года, с трудом сводила концы с концами, и бюджет Королевского Двора еле покрывал текущие расходы семьи. Экономили буквально на всем. Но эта королевская нищета никого не обескуражила в России. Датскую Принцессу любили, о ней думали, ее ждали.

Встречать в Кронштадт Дагмар выехали Царь, Царица и их дети: Владимир, Алексей, Мария, ну и, конечно, Александр. Навстречу королевскому «Шлезвигу» вышла Императорская яхта «Александрия» с членами Царской Семьи, а по периметру акватории стояла русская военная эскадра из более чем 20 судов. Все было исполнено высокой торжественности.

На палубе «Шлезвига» Александр наконец-то обнялся с Минни. Оба прослезились. Затем датчане перешли на катер и поехали на Царскую яхту. Здесь ждала шумная встреча. Объятия, поцелуи, вопросы, рассказы. Две компаньонки-служанки принцессы мадемуазель де Билли и мадемуазель де Эскайль были

поражены теплотой и сердечностью, с которыми встречали в России. Им представлялось, что здесь все будет чопорным и холодным.

«Александрия» отбыла в Петергоф, и ей салютовали корабли и орудия прибрежных фортов. На петергофской пристани творилось что-то невообразимое; такого количества народу здесь давно никто не видел. Сюда собрались не только жители этого столичного пригорода, но многие специально приехали ради такого события из Петербурга. Дагмар впервые сошла на Русскую землю в Петергофе. Императрица Мария Александровна сразу взяла под свое покровительство Принцессу, посадила ее с собой рядом в открытый экипаж, который скоро двинулся по направлению Царского Села.

Вдоль всей дороги стояли войска: Учебный батальон, Уланский и Конно-Гренадерский полки, Конная Гвардия, Гвардейский экипаж, Атаманские и Уральские казаки. Впереди живописно гарцевали всадники из лезгин и грузин. Кортеж двигался более часа и в половине второго часа прибыл к Александровскому Дворцу, у которого в тожественном почтении замерли служащие. Здесь был отслужен благодарственный молебен, а духовник Наследника священник В. Б. Бажанов (1800–1883) произнес приветственную речь на немецком языке.

Затем Александр проводил свою невесту до ее апартаментов, где ее приветствовала вся Императорская Фамилия. После краткой церемонии представления дорогих датских гостей оставили отдыхать. В тот день Дагмара записала в своем дневнике: «Никогда не смогу забыть ту сердечность, с которой все приняли меня. Я не чувствовала себя ни чужой, ни иностранкой, а чувствовала себя равной им, и мне казалось, что то же чувствовали и они ко мне. Как будто я была такой же, как они! Я не могу описать, что происходило во мне, когда я впервые ступила на русскую землю. Я была так взволнована и более чем когда-либо думала о моем усопшем ангеле и отчетливо чувствовала, что в тот момент он был рядом со мной».

Несколько дней Дагмар провела в Царском Селе, ежедневно встречаясь с Царской Семьей. Со своим милым Александром лишь несколько раз недолго удалось побывать наедине и украдкой поцеловаться. Цесаревич был счастлив и благодарил от всей души Бога за то, что дождался «той минуты, когда моя милая душка Минни приехала к нам в Россию. Да будет благоволение Божие над нами».

Дагмар, насколько было возможно, обживалась на новом месте, внимательно и заинтересованно приглядывалась к укладу жизни и поведению при Русском Дворе. Она изучила церемониал

въезда в столицу и хорошо запомнила все обязанности. Принцесса сильно переживала, но умело скрывала волнение. Брат Фреди очень помогал. Он был уже своим среди Царской родни, и к нему относились совсем по-дружески.

У нее тоже сразу же возникли свои особые симпатии. Конечно, сам Царь был очень внимателен и любезен, но и Императрица Мария Александровна оказалась такой милой и доброй, а Принцессе становилось всегда легко рядом с ней. Возникли и другие симпатии: к братьям жениха Великим князьям Владимиру и Алексею, а также к их кузине Ольга Константиновне, которая очень скоро выйдет замуж за ее старшего брата Вильгельма («Вилли») — греческого короля Георга I.

В один из дней Александр отвез Дагмар к памятнику Никсу, поставленному в Царскосельском парке. Скульптурное изображение было очень похожим, и в душе Дагмар опят ожила рана. На второй день по прибытии вечером на царскосельских озерах был устроен великолепный праздник, с катаниями на лодках, с хорами песенников и с фейерверком.

Наступило 17 сентября — торжественный въезд невесты Цесаревича в столицу. День был ясный, солнечный, и многие удивлялись: что это за итальянская погода так долго держится в Петербурге! И какой контраст во всем через полвека, когда Русская Царица Мария Федоровна серо-безликим днем, без всяких торжественных церемониалов, выедет в своем поезде из Петербурга (к тому времени переименованного уже в Петроград) в Киев. Ей думалось, что она ненадолго отлучается из столицы, а окажется, что — навсегда.

Она всегда свято верила в предначертанность жизненного пути. На пороге своего сорокалетия написала: «Это все Божия милость, что будущее сокрыто от нас, и мы не знаем заранее о будущих ужасных несчастьях и испытаниях; тогда мы не смогли бы наслаждаться настоящим и жизнь была бы лишь длительной пыткой». К этому времени она уже была умудрена жизненным опытом, перенесла немало невзгод. Но в 1866 году она о своем далеком будущем ничего не знала, и горькие мысли и мрачные предчувствия ее не занимали.

Датская Принцесса вместе с Императрицей Марией Александровной ехала в золоченой карете в Петербург и поражалась пышности церемонии, атмосфере праздника, которой была захвачена многочисленная публика на всех дорогах. Ей кричали «ура», махали руками и головными уборами. Некоторые, особенно ретивые, посылали воздушные поцелуи, и видя это, она с трудом сдерживала улыбку. С левой стороны кареты ехал

Цесаревич и время от времени отдавал какие-то распоряжения. Почти через два часа доехали до центра Петербурга и у Казанского собора, Фамильного собора Династии Романовых, сделали остановку. Вышли из экипажей, приложились к образу Казанской Божией Матери. Затем тронулись дальше и через небольшое время прибыли к Зимнему Дворцу — главной императорской резиденции.

В Зимнем неспешно поднялись по парадной лестнице, прошли по нарядным залам и вошли в церковь. Здесь был молебен. Затем — завтрак в покоях Императрицы, но Дагмар почти ничего не ела, и Царица просто заставила ее хоть немножко подкрепиться. После трапезы Принцессу проводили в отведенные ей комнаты, где она смогла перевести дух. Вечером в окружении Царя, Царицы, Цесаревича и почти всех членов Фамилии Дагмар была на иллюминации. Толпы народа приветствовали высоких особ. Крики «ура» почти не смолкали. И взоры всех были обращены в первую очередь на невесту.

Ее внимательно наблюдали и придирчиво оценивали. Одним она показалась очень миловидной, другие нашли, что она слишком простовата, третьи решили, что она красавица. Умный и язвительный министр внутренних дел граф П. А. Валуев (1815–1890) записал в дневнике: «Торжественный въезд состоялся при великолепной погоде с большим великолепием земного свойства. Да будет это согласие неба и земли счастливым предзнаменованием. Видел принцессу. Впечатление приятное. Есть ум и характер в выражении лица».

Общее мнение несомненно было в пользу будущей Цесаревны. У Дагмар началась новая жизнь; она ступила на тернистую дорогу своей русской судьбы.

Глава 8
Вместе — навсегда

До венчания Дагмар предстояло преодолеть еще несколько рубежей. И главный из них — миропомазание. Принадлежность к государственной конфессии — Православию — была непременным условием для невесты, в будущем Царицы. Другие иностранные принцессы-протестантки, становясь членами Дома Романовых, получая титулы великих княгинь, отнюдь не обязаны были менять свои религиозные привязанности. Некоторые из них, прожив десятилетия в России, став родоначальницами целых ветвей обширного древа Императорской Фамилии, или вообще не вступали в Православие, или принимали его через десятилетия после прибытия на новую родину.

Дело это было сугубо добровольным, и насилия над личными пристрастиями здесь не допускалось. У Цесаревны же такого выбора не существовало. Принцесса знала об этом и готовилась серьезно к будущему.

Она была девушкой воспитанной и благонравной, соблюдавшей все христианские обряды, знавшая и почитавшая символы веры. Но в Православии имелось много специфического, существовали вещи и явления, неизвестные в Датском Королевстве. Там не было монастырей, монахов, чудотворных икон, почитания Богородицы, святых мощей, не существовало постов, и еще много чего не было из того, что Принцессу ждало в России.

Да и власть Монарха базировалось в Империи Двуглавого Орла на совсем другой основе. В Дании Король правил, опираясь на мирские учреждения, по воле своих подданных, а Русский Царь — по благоволению Всевышнего, перед Которым только и держал ответ за дела свои.

В России даже время было другим. Здесь все еще жили по Юлианскому календарю, тогда как в Европе перешли на Григорианский, а разница составляла 12 дней. Она приехала в Россию 14 сентября, в то время как в Дании уже было 26-е, а 14-го она еще была дома. Первое время она иногда путалась в датах.

Дагмар предстояло научиться определенным правилам, молитвам и кодексу поведения. Но этого было мало. Нужно было теперь уметь чувствовать и жить по-иному. Понимая это, изо всех сил стремилась стать своей среди нового, но уже дорогого для нее мира. Царская Фамилия трогательно опекала Принцессу, которую все как-то сразу стали за глаза любовно звать «Минни». В

ее присутствии никто не позволял себе говорить по-русски; все старались изъясняться или по-французски, или по-немецки. На этих языках при Русском Дворе говорили многие, и ими свободно владела и датская, пока еще, гостья.

Конечно же, главную заботу, основное внимание уделял Цесаревич Александр Александрович, находившийся с ней рядом каждую свободную минуту. Он ей многое показывал и объяснял. В первые же дни отвез невесту в Петропавловскую крепость, в Петропавловский собор, на могилу Никса. Молча стояли рядом со слезами на глазах. Рассказал ей о других родственниках, покоившихся рядом: дедушка Император Николай I, бабушка Императрица Александра Федоровна, старшая сестра Александра («Лина»), умершая в семилетнем возрасте в 1849 году.

Дагмар было внове величественность и богатство, окружавшие Царскую Семью. Бессчетное количество прислуги, готовой удовлетворить любое желание, строгие придворные ритуалы, множество сопутствующих лиц при любых выходах и проездах Императора и его близких, шикарная сервировка стола и изысканные яства на Царских трапезах, бессчетные толпы народа на улицах, красочность кортежей.

Она приняла новую обстановку как должное, и со стороны могло показаться, что в атмосфере богатства и надменной чопорности она прожила все предыдущие годы. Но это было не так. До того как ее отец стал Королем, она была лишь Шлезвиг-Гольштинской Принцессой и была удалена от придворного мира. В ее детстве все было скромным, тихим, бесхитростным. Она прекрасно научилась обходиться без слуг, умела сама убирать поутру постель, причесываться и умываться без посторонней помощи, запросто общаться с простыми людьми. Когда же судьба сделала ее дочерью Короля, то многое вокруг стало иным. Она с легкостью приняла новые правила жизни-игры.

В России Дагмар пришлось меняться. Нельзя было задавать лишних вопросов, предосудительным считалось более мгновения смотреть на кого-либо, начинать самой разговор с Царем и Царицей, надевать туалеты по собственному усмотрению, без предварительного согласования с гофмейстериной.

Здесь немыслимо было выбежать после дождя в парк и босиком пробежать по теплым лужам, или, заскочив перед обедом в столовую, утащить со стола тартинку, или пойти одной на конюшню и кормить лошадей, или, без напыщенных придворных, посидеть в одиночестве с книгой в парке.

Иногда правила приличия озадачивали. С некоторым удивлением, например, узнала, что увлекательные романы француженки Жорж Санд (1804–1876), которые она читала с

большим интересом, в России хоть и не были запрещены, но считались почти вульгарными. И многое другое ей надо было открывать, узнавать и осваивать без предубеждения в этой странной, своеобразной стране, в которую она прибыла навсегда. Природная чуткость, доброжелательность и воспитанность помогли ей справиться с новой ролью.

Многое удивляло на первых порах, но она не показывала вида и не ставила неловких вопросов. Хотя они нередко возникали. Через несколько дней по приезде Царская Семья и блестящая свита посетили вечером спектакль в Мариинском театре — главной Императорской сцене. Публика была изысканная, так как приглашались по особым билетам лишь избранные. Впервые Дагмар увидела такое обилие драгоценностей на дамах.

Присутствовавшие (ей сказали, что здесь около трех тысяч) плотно занимали партер и все ложи огромного театра. Нельзя было не заметить, что собравшиеся, затаив дыхание, не столько наслаждались романтической оперой Джакомо Мейербера (1791–1864) «Африканка», сколько прислушивались и приглядывались к тому, что происходило в Императорской ложе, там, где восседал Самодержец и его близкие. Но ее озадачило не это.

Когда Императорская Семья вошла в зал, воцарилась мертвая тишина. Все стояли, обернувшись к Царской ложе, замерев в почтительном поклоне, но не было ни привычных криков «ура», ни оваций. Раздался гимн «Боже, Царя храни» и по окончании — опять тишина. Затем оркестр исполнил Датский гимн, в ответ — леденящее безмолвие. От внимания Дагмар не ускользнуло, что Император раздосадован и что-то с негодованием говорил подоспевшему министру Императорского двора графу В. Ф. Адлербергу (1790–1884), но что именно он сказал — она не поняла.

Как только закончился первый акт, Царь сообщил Цесаревичу, что они уходят, и Императорская Фамилия покинула театр. А вслед им летели торжественные звуки русского гимна. Но никто не оборачивался, и никто ей ничего не объяснил. Она не знала, что это скандальное происшествие было ненароком спровоцировано начальником русской полиции графом П. А. Шуваловым (1827–1889). Чтобы не затягивать время, он запретил публике аплодировать, о чем и было сообщено особой повесткой, приложенной к каждому приглашению. Подданные Царя беспрекословно подчинились.

Побыв с сестрой неделю, брат Фредерик 21 сентября на «Шлезвиге» покинул Россию. Дагмар взгрустнула; она впервые оказалась в полном отдалении от всех своих родственников. Принцесса привезла с собой фотографии родных и часто

перелистывала альбомы, наполненные дорогими изображениями. Она им регулярно писала. И хоть времени было всегда в обрез, она выкраивала его из своей очень насыщенной программы жизни в России. Корреспондировать приходилось не только в Копенгаген. Не реже раза в неделю листки ее посланий регулярно отправлялись и в Англию, к милой сестре Александре («Алике»).

С самых ранних пор Дагмар любила старшую сестру, доверяла ей все детские тайны, которые та надежно берегла. Они всю юность прожили в одной комнате, и сколько там было всего обсуждено перед сном! Она была рада за Алике, когда та собралась выйти замуж за Наследника Английского Престола, старшего сына Королевы Виктории Альберта-Эдуарда, принца Уэльского (в русских документах той поры часто писали «принц Валлийский»).

Она видела Принца, когда он приезжал к ним в Копенгаген и произвел на всех хорошее впечатление: веселый, добродушный человек, который так заразительно смеялся и мастерски рассказывал забавные истории. Она знала, что Александра счастлива со своим «Берти», которого любила глубоко и преданно; всем сердцем.

Алике же не была знакома еще с ее женихом. Хотя она ей много писала и о Никсе и о Саше, но Дагмар так хотелось, чтобы она лично познакомилась с будущим мужем. Но не получилось. У Александры была уже большая семья. В январе 1864 года родился сын Альберт-Виктор, в июне 1865 года — Георг (будущий король Георг V). Осенью 1866 года она опять была в «интересном положении» и намечалось еще одно прибавление в Ганноверской династии (в феврале 1867 года в семье Уэльских появится дочь Ауиза).

Кроме того, Королева Виктория — женщина сильная, своенравная и властная, оплакав и похоронив в 1861 году своего горячо любимого мужа Альберта, герцога Саксен-Кобургского, переключила внимание на детей и внуков. Невестке приходилось спрашивать у правительницы-свекрови согласие почти на все. Согласие же давалось далеко не всегда. Положение Принцессы Александры порой напоминало положение придворных служащих: она и муж получали распоряжения, которые нельзя было оспаривать, а надлежало лишь выполнять. Принцесса Уэльская, будучи кроткой и незлобивой натурой, относилась к подобным вещам, иногда похожим на причуды, спокойно, не вступая со свекровью в пререкания.

Королева в то время не склонна была поощрять даже неофициальные встречи семьи Наследника Короны с русскими. Она всегда была очень щепетильна и иногда придавала

второстепенным событиям чрезмерное значение. Конечно, Виктория никак не могла повлиять на решение Датского Короля, да выбор Копенгагена ее и не заботил.

Но вот все, что касалось поведения ее близких, — это была сфера интересов Британской Империи, а к этому она не могла быть равнодушна. Правда, со временем, по мере расширения состава семьи и эволюции строгой бытовой регламентации, родственники Королевы иногда стали совершать эпатажные поступки, делать скандальные заявления журналистам. Пресечь всё это, предупредить недопустимые, а порой и безнравственные «эскапады» Королева Виктория уже не имела возможности. Болезни, физическая слабость Королевы, как и заметный пересмотр пуританских этических норм в высшем обществе, привели к концу XIX века к заметному ослаблению морального авторитета Британского Монарха.

Однако в 60-е годы XIX века «слово Королевы» имело решающее значение. Англия и Россия все еще находились в состоянии конфронтации, в отношениях плохо скрываемого недружелюбия. Королева Великобритании и Ирландии относилась ко всему, что исходило из России, с повышенной настороженностью. Но существовали светские нормы, династические традиции, и в чем-то непримиримая королева должна была уступать. Не могла не уступить.

Пока Датская Принцесса являлась лишь нареченной невестой Наследника Русского Престола, то в этом качестве не могла рассчитывать на благосклонность в Лондоне. В июне 1866 года принцесса Уэльская не была отпущена побывать у родителей в Дании, когда там находился Цесаревич. Когда же «девочка из Копенгагена» стала женой Цесаревича Александра, то Виктории пришлось переступать через личные чувства. Здесь уже начиналась большая политика…

Не имея возможности часто видеться, Александра и Дагмар вели интенсивную переписку. Когда-нибудь, может статься, что фолианты их корреспонденции будут опубликованы. Письма Дагмар хранятся в Виндзорском архиве и мало кому доступны. Они — личная собственность Королевской Семьи. Многие же сотни писем Александры находятся в России и здесь их может увидеть каждый интересующийся. Однако если и увидит, то немало будет озадачен, так как перед ним окажутся пухлые тома, включающие тысячи страниц плохо читаемых рукописных текстов, в тому же — на датском («стародатском») языке.

Русская императрица Мария Федоровна и Английская Королева Александра (с 1901 года) вели личную переписку между собой на языке своего детства, на языке их «первой родины».

Никто не думал, что в далеком будущем интимная корреспонденция датских принцесс представит огромный познавательный интерес, может стать бесценным источником для реконструкции не только их исторических образов, но и для воссоздания важных повседневных реалий жизни Британской Королевской и Царской Семей. Послания Александры проникнуты неизменной нежностью и симпатией. Эти чувства всегда отличали ее отношение к младшей сестре. Между ними была трехлетняя разница в возрасте, но порой казалось, что Дагмар значительно старше, так как нередко именно она становилась советчицей, наставницей для Алике в ее непростых, а порой безрадостных семейных обстоятельствах.

Александра же, проведя большую часть жизни в стабильной и благополучной стране, немало переживала за «дорогую Минночку», выдерживавшую не только личные трагедии, но и тяжелые общественные потрясения в далекой Империи, годами охваченной беспощадным вихрем смуты. Она всячески старалась помочь Царице-Сестре и, в конце концов, наперекор неблагоприятным обстоятельствам, сумела сделать почти невозможное: спасла жизнь младшей сестре. Лишь благодаря заступничеству Королевы-Матери, ее настоятельным просьбам и мольбам безвольный и беспринципный сын ее — король Георг V предпринял некоторые усилия, и в конце марта 1919 года у берегов Крыма появился дредноут «Мальборо», на котором Императрица Мария Федоровна покинула страну, где прожила более полувека…

Принцесса Дагмар приехала в Россию уже влюбленной в Русского Престолонаследника и чувствовала, что и он к ней питает большое чувство. Нельзя было не заметить, как он волнуется, когда остаются одни, с какой нежностью смотрит, как трепещет при поцелуе. Она старалась не разочаровать своего жениха, тонко и умело вела себя. Не отличаясь яркой природной красотой, Принцесса покоряла своей добротой, искренностью, какой-то чарующей женственностью, что на такого открытого человека, как Цесаревич Александр, производило самое благоприятное впечатление.

Дочь Датского Короля была удивительно элегантной на вечерах, на балах, на Царских охотах. Когда впервые, в сентябре 1866 года, присутствовала на Царской охоте в окрестностях Царского Села, то сумела произвести должный эффект. В элегантной, облегающей ее еще совсем девичий стан амазонке, в маленькой, под стать наезднице, шляпке, на рысистой лошади со стеком в руке Дагмар выглядела великолепно и невольно выделялась из группы дам, сопровождавших охотников-мужчин.

Александр был очарован, и даже образ его кузины и подруги, принцессы Евгении Лейхтенбергской («Эжени»), слывшей первой красавицей Династии, сильно поблек рядом с «его Минни».

Неподдельное веселье на вечерах тоже подкупало. Александр Александрович видел ее раньше на праздниках в копенгагенских дворцах, но был приятно удивлен, что и в России, в мало знакомой еще обстановке, невеста вела себя так же непринужденно. При этом ни на секунду не выходила за рамки принятого придворного этикета, что говорило об уме и воспитанности.

На первом своем балу в Царском веселилась от души; танцевала и танцевала. Жених исполнил с ней мазурку, но на большее духу не хватило. Она же, почти без перерыва, два часа не останавливалась. Партнеров было более чем достаточно, так как каждому молодому Великому князю и члену Императорской Фамилии (не говоря уже о чинах двора) хотелось исполнить тур с будущей Цесаревной.

Дагмар всю жизнь любила блеск огней, звуки музыки, калейдоскоп туалетов, лиц, настроений. Она обожала балы. Всегда чувствовала себя легко и свободно в водовороте веселой суеты. Став женой, матерью, а затем — Императрицей, не изменила этой привязанности. До последних лет жизни Александра III с удовольствием, с каким-то даже самоотрешением погружалась в бальную стихию; часами, со знанием дела, исполняла все полагающиеся тому или иному танцу проходы, наклоны и фигуры.

Император Александр III знал об этой слабости жены, и даже когда себя неважно чувствовал, то и тогда порой оставался на балу дольше желаемого, лишь бы сделать приятное Минни. Та же могла до трех-четырех часов утра танцевать, не утомляясь. Когда же возвращались домой, то лишь тогда ощущала изнеможение и падала в постель почти без сил. Но наступал следующий вечер, начинался новый бал, и опять все повторялось. Это был какой-то сладостный наркотик, от которого ее с трудом избавили лишь время и годы.

В эти первые недели русской жизни Принцессу занимали не только предстоящие церемонии. Все время думала о повседневности будущей семейной жизни, о том, насколько долговечна любовь Саши. Будучи решительным человеком, она значительно легче могла подойти к самой щекотливой теме, обставив все дело весьма умело.

В воскресенье, 25 сентября, Цесаревич, как обычно уже, с несколькими родственниками зашел к невесте вечером поговорить. Небольшая компания скоро разошлась, а Минни и

Александр остались вдвоем. Это была редкая приятность. И здесь Дагмар сделала, казалось бы, невозможное: она села на колени к жениху, поцеловала его и спросила, что он думает об их совместной семейной жизни; уверен ли он, что будет любить ее всегда? Большого и сильного русского витязя эта необычность, это близкое присутствие дорогой и желанной привело в сильное волнение, и он, чуть ли не стуча зубами от эмоций, сказал, что их отношения, как он вполне уверен, в будущем еще больше укрепятся. Невеста была счастлива, и они расстались с большой неохотой.

Чем ближе узнавал Принцессу Александр, чем больше с ней общался, тем сильнее и удивительней были впечатления. В один из дней он сидел у нее, они мирно беседовали, и вдруг будущая Цесаревна совершенно неожиданно встала, оперлась руками на два кресла и совершила переворот через голову. Жених был потрясен, и потом они вдвоем хохотали от души. Он знал, что Дагмар каждое утро делает гимнастику, что она ежедневно тренируется, обливается холодной водой, но что она способна на нечто подобное — он никогда не подозревал. Цесаревич видел выступление акробатов в цирке, а теперь выяснилось, что и его будущая жена способна выделывать «подобные кренделя». При этом Дагмар сказала, что не очень хорошо себя чувствовала, так как грустила после полученных из Дании писем и к тому же целый день мучилась желудком. Но внешне это было совсем незаметно.

Она была такая шаловливая, такая непосредственная, и это тоже вызывало симпатию. Она и потом много раз, к вящей радости мужа, будет делать при нем «колесо», и эти «забавные манипуляции» прекратятся лишь в зрелых летах.

По своему темпераменту они были довольно разные люди, но это различие не отдаляло друг от друга, а сближало. Принцесса была благодарна жениху, такому большому, милому, доброму. Ей нравилось, как он улыбался, как он курил свои любимые сигары, как гордо восседал на лошади; нравилась его молчаливая сосредоточенность, серьезная основательность. У него была своя лодка, и когда принцесса узнала, что она называется «Увалень», то не могла по-доброму не рассмеяться. Увалень, ее увалень… И не было сомнений, что Цесаревич защитит ее, слабую иностранку, от всех жизненных неурядиц, от злых, нехороших людей.

Рядом с ним было надежно и спокойно. Уже была полная уверенность, что Александр любит ее сильно и надежно. Даже начинал ревновать, что удивляло и радовало. В первые дни произошла маленькая история: на прогулке в парке весело болтала с кем-то из компании и так увлеклась, что сколько-то

времени ни разу не посмотрела на Сашу. Он заметил, обиделся и высказал обиду. Она опешила вначале, но затем попросила прощения, которое тут же и получила.

Во всем же остальном существовало полное взаимопонимание. Они начали играть дуэтом: он на корнете, она — на фортепиано. Незатейливые, веселые мелодии Штрауса и Оффенбаха у них стали получаться сразу. Вместе рисовали. Дагмар уже неплохо владела карандашом и пером, а ее излюбленной темой были морские пейзажи. Она выросла у моря, и водная стихия никогда не оставляла ее равнодушной.

Каждый день Дагмар приходилось по несколько часов заниматься. Нормам Православия ее обучал священник, ректор Петербургской духовной академии И. А. Янышев (1826–1910), помогал и Александр. Она ему вслух читала по-русски молитвы, и Цесаревич удивлялся, как хорошо и быстро она это делала. Службу миропомазания несколько раз повторили, а затем показали Императрице. Мария Александровна была удовлетворена и в маленькой домовой церкви учила будущую невестку, как надо подходить к образам, как делать поклоны. Все получалось неплохо.

Чем ближе наступал торжественный момент, тем больше волновалась и Принцесса, и Цесаревич. У Александра было много забот. Дела по ремонту Аничкова дворца шли успешно, но время свадьбы приближалось, и все время мучил вопрос: успеют ли? Мебель, бронза и люстры были заказаны во Франции, и в середине октября первые предметы были доставлены в Петербург. Почти завершен был ремонт церкви, бани, работы по оформлению библиотеки, столовых, кабинетов, спален близились к завершению. К тому же времени прибыли экипажи, упряжь и лошади из Англии. Заведование конюшней поручили англичанину.

Все шло полным ходом, дел по устройству семейного очага было много, а все время приходилось отвлекаться. Заседания в Государственном Совете отнимали много времени, так как надо было не только сидеть несколько часов там, но и знакомиться заранее с бумагами, чтобы иметь свое мнение. После нескольких посещений Александру стали нравиться эти занятия, так как многое узнавать приходилось. Хотя он пока не имел права решающего голоса и не мог участвовать в голосовании, но внимательно слушал выступления, иногда кратко излагал собственный взгляд.

В среду, 12 октября 1866 года, наступил день миропомазания. Церемония происходила в Зимнем Дворце. Около 11 часов из Царских апартаментов по залам Дворца тронулась торжественная

процессия. Виновница торжества была в простом белом платье и впервые — без всяких украшений. Вошли в Большую дворцовую церковь. Молитва прочитана безукоризненно. Свидетельницей по чину миропомазания была сама Императрица, которая подводила будущую жену сына к иконам и святому причастию. В России появилась новая «благоверная Великая княгиня Мария Федоровна».

Затем отслужили обедню. Вся процедура заняла не более полутора часов. В этот день была перевернута последняя страница в книге о Датской Принцессе Дагмар. Начиналась совсем другая жизнь.

Еще давно, когда впервые возникли предположения о переходе в Православие, она получила заверение Императора Александра II, что в России будет сохранено ее первое имя — Мария (полное ее имя — Мария-София-Фредерика-Дагмара). И вот все исполнилось, и она была благодарна. Александр с трепетом душевным любовался своей избранницей. Все прошло как нельзя лучше.

На церемонии присутствовала блестящая публика: члены Императорской Фамилии, дипломаты, высшие сановники империи. Некоторые из них впервые увидели ту, которой суждено в будущем стать царицей. Интерес был неподдельный, и все детали, малейшие нюансы процедуры и поведения пристально запечатлевались, чтобы затем рассказывать и пересказывать бессчетное количество раз в богатых гостиных впечатления того дня. Формально придраться было не к чему, но все равно, как всегда бывало, какие-то вещи кого-то непременно не устраивали.

Одним казалось, что Принцесса говорила «металлическим голосом», что она произносила слова, не понимая их смысла; другим привиделось, что она не чувствовала торжественности момента, так как у нее «были сухие глаза». Находились и такие, кто горевал об Императрице, которая, как показалось, была «излишне грустна». Когда они стояли рядом, Мария Федоровна и Мария Александровна, молодость и зрелость, то впечатление явно было не в пользу Царицы. Но ведь по-другому и быть не могло: весна всегда (почти всегда) радостней глазу, чем осень…

На следующий день, 13 октября, был обряд обручения. Опять, тем же порядком что и накануне, процессия прошла по залам Зимнего и вошла в церковь. Службу служил митрополит. Император взял за руку сына и его невесту и подвел их к алтарю. У молодых сильно билось сердце, и Цесаревич позднее написал, что оно никогда раньше «так не билось». Слова были сказаны, молитвы прочитаны. Александр и Мария вышли из церкви с кольцами на руках. Все было трогательно и торжественно.

Александр вместе со своей, теперь уже «полной невестой», зашел к ней. С ним были братья Владимир и Алексей и кузен Коля Аейхтенбергский. Все радовались и по случаю выпили целую бутылку шампанского. Затем — большой парадный обед с музыкой, солистами и хором. Позже в Белом зале Зимнего Дворца была церемония представления невесте дипломатического корпуса, а вечером — большой полонезный бал. Александр и Мария сделали десять туров. «Итак, первый шаг сделан! Дай Бог мне и ей счастливую супружескую жизнь», — записал перед сном Цесаревич.

Свадьба была назначена на 26 октября. Но затем, по нездоровью Императрицы, была отодвинута на 28-е. Времени оставалось мало, и Александр целыми днями был занят встречами, обсуждениями, продолжавшимися уроками, заседаниями в Государственном Совете, хлопотами по устройству Аничкова дворца. Эта круговерть изматывала и раздражала. Бесконечные визитеры с поздравлениями, депеши из всех концов света с какими-то общими словами, суета, суета.

Радости только и было, когда видел свою Минни. Они теперь вместе говели перед свадьбой, вместе молились. Невеста впервые исповедовалась в России. Но еще накануне церковной исповеди сообщила своему жениху, что в ее жизни была и еще одна любовь, в юности, она очень увлеклась молодым аристократом, сыном датского премьер-министра графа Мольтке. Александра эта откровенность ничуть не обескуражила. Все это было когда-то давно, в старые времена, а теперь все забыто и прощено. У них начинается совсем другая жизнь.

Стали съезжаться гости на свадьбу. Фреди прибыл 20-го октября, и сестра была так рада видеть брата. Ей было в эти дни очень непросто, требовалась поддержка, а никого из близких часто не бывало рядом. Родители далеко, Царица больна, Царь все время занят, а Александр, ее дорогой жених, мог бывать с ней лишь урывками. Затем приехал Прусский кронпринц Фридрих-Вильгельм, принц Герман Веймарский, а 25 октября, в сопровождении блестящей свиты, прибыл Наследник Английского Престола Альберт-Эдуард, муж сестры Александры.

Цесаревич встречал всех высокородных гостей, а с Принцем Уэльским быстро установились самые дружеские отношения. Сын Королевы Виктории попросил Русского Престолонаследника называть его просто «Берти» и быть с ним на «ты». И каждый день череда приемов, проходов, балов, официальных обедов, вечеров. Александр Александрович был вконец затормошен и душу изливал на страницах дневника.

За два дня до свадьбы написал: «Я теперь нахожусь в самом

дурном настроении духа в предвидении всех несносных празднеств и балов, которые будут на днях. Право, не знаю, как выдержит моя милая бедная душка Минни все эти мучения. Даже в такие минуты жизни не оставляют в покое и мучат целых две недели. Это просто безбожно! И потом будут удивляться, что я не в духе, что я нарочно не хочу казаться веселым. Господи, как я буду рад, когда все кончится и наконец можно будет вздохнуть спокойно и сказать себе: теперь можно пожить тихо и как хочешь. Но будет ли это когда-нибудь или нет? Вот это называется веселье брачное. Где же оно и существует ли оно для нашей братии?

Пока я еще не отчаиваюсь и уповаю на Бога, хотя и тошно приходится иногда. Что меня больше всего огорчает, так это то, что прихожу иногда к моей бедной душке в таком расположении духа и не могу удержаться, чтобы скрыть это. Каково же ей выдерживать все это и слышать от меня вечное ворчание и неудовольствие. А она, душка, для меня пожертвовала всем и даже оставила своих родителей, мать и отца, родину свою покинула, а теперь я в таком настроении духа прихожу к ней, и постоянно почти такая история. Да укрепит нас Господь Бог в эти важные минуты нашей жизни. Все упование мое на Него!»

За день до свадьбы состоялось освещение церкви в Аничковом. Был молебен, затем окропление святой водой главных помещений. Присутствовали Царь, Царица, их дочь Мария. Императрица лично взялась украшать будуар Минни. В тот день отец дал наставления сыну насчет семейной жизни. Днем была еще встреча с принцем Уэльским, который позабавил веселым рассказом о своей свадьбе и времени накануне ее. Этот последний предсвадебный день так долго тянулся. Вечером отец и мать благословили Александра и Марию образами, обняли, поцеловали, пожелали счастья. Императрица не могла сдержать слез, а Минни хоть и крепилась, но тоже была недалека от того, чтобы разрыдаться.

Вечером была еще одна беседа, очень важная для Цесаревича. К нему пришел лейб-медик Н. Ф. Здекауэр (1815–1897) и имел с женихом разговор весьма интимного свойства. Он сообщил ему то, что должен знать невинный юноша, которому предстоит встреча с новобрачной в опочивальне. В ночь перед свадьбой Александр плохо спал, его мучили разные мысли, да к тому же брат Владимир, с которым его поместили в одной комнате в Зимнем Дворце, «храпел как лошадь».

Наконец-то наступило это долгожданное число, этот день — 28 октября, который навсегда останется в их жизни самым радостным и счастливым. Не только они его будут отмечать; на

несколько десятилетий он станет праздником всей Императорской Фамилии.

Встали около половины девятого. Чашка кофе, приход друзей и родственников. Затем — обедня в Малой церкви, где присутствовали только четверо: Царь, Царица, Минни и Александр. По окончании разошлись по своим комнатам и стали одеваться к свадьбе. Цесаревич быстро надел щеголеватый мундир казачьего Атаманского полка, шефом которого был. Но потом долго пришлось ждать, когда закончат облачать в свадебный наряд невесту.

Когда двери отворились, то Александр замер в восхищении. На его Минни был сарафан из серебренной парчи, малиновая бархатная мантия, обшитая горностаем, на голове — малая бриллиантовая корона. Невеста была великолепна.

Процессия тронулась в церковь. В начале 2-го дня состоялось бракосочетание по обычному чину. Император Александр II взял их за руки и подвел к алтарю. Венцы над головами держали: у него — братья Владимир и Алексей, над ней — Датский Принц Фредерик и Николай Лейхтенбергский. Вся церемония не заняла много времени, но стоила многих переживаний и жениху и невесте, теперь соединивших свои жизни перед алтарем.

Последующее было утомительным и малоинтересным для новобрачных. Парадный обед в Николаевской зале с музыкой и пением. Поздравления, тосты за счастье молодых. Вечером в концертном зале молодые принимали поздравления дипломатического корпуса, а по окончании в Георгиевском зале — полонезный бал. Народу «была пропасть», и стояла страшная духота. Затем, пройдя торжественным шествием по всем парадным залам, молодые в золотой карете отбыли в Аничков, где был накрыт ужин для членов Фамилии.

Цесаревна первый раз была в своем доме, она была теперь здесь хозяйка, но мало что видела и никак не могла освоиться. Ужин был утомительным, и было видно, что все устали, особенно новобрачные. Скоро все разъехались, остались лишь Александр II и Мария Александровна. Царица удалилась в комнаты Минни, а Император остался с сыном. Родители готовили детей к брачному ложу.

Согласно старой традиции, в первый раз жених должен войти к невесте в тяжелом и громоздком халате из серебряной нити. Но Александр не чувствовал ноши. Он был как в лихорадке, плохо соображал, мысли путались. Без четверти час ночи Императрица вошла к мужчинам и со слезами на глазах сказала, что «пора, Минни ждет». Александр встал, попросил родительское благословение и на подгибающихся ногах вошел в спальню, запер

за собой дверь.

Огни были потушены, горела лишь одна свеча на маленьком столике. В полумраке на постели он увидел испуганное лицо Минни. Подошел, обнял ее. Впечатления от пережитого в первую брачную ночь на следующий день попытался описать в дневнике сам новобрачный:

> «Нельзя себе представить чувство, которое овладело мною, когда я подошел к своей душке и обнялся с нею. Долго мы обнимали друг друга и целовали. Потом я помолился, запер дверь в кабинете на ключ, потушил свечку и пошел к постели. Снял халат и туфли и лег в постель. Первое чувство было непонятное, когда я очутился в постели и почувствовал все члены моей душки на моем теле, которая так и обвилась кругом меня. Здесь далее я не буду распространяться…»

Глава 9
Петербургский бомонд

Свадьба Наследника Престола стала важнейшим государственным событием. Звучали салюты, сыпались Царские милости и награды: кого-то произвели в генералы, кого-то во флигель-адъютанты, обершенки, гофмейстеры. Жаловались родовые титулы, Андреевские ленты (орден Святого апостола Андрея Первозванного); следовали назначения в Государственный Совет (полным членом последнего стал и Наследник). Взоры многих и многих были обращены к Аничкову Дворцу, где разместился с женой будущий Царь.

На следующий день после свадьбы и всех сопутствовавших треволнений молодому супругу пришлось встать, как обычно. Еще не было и девяти утра, а уже пришли люди с поздравлениями: служащие его Двора, некоторые родственники.

Александр Александрович почти все годы семейной жизни «с его Минни» всегда пробуждался раньше жены. Редкий день он выходил из спальни позже половины девятого. Всегда было много дел и обязанностей. Мария Федоровна, как правило, почивала значительно дольше и обычно выходила из опочивальни около десяти. Она любила некоторое время понежиться в постели, где иногда и пила кофе. Затем был туалет, продолжавшийся, в зависимости от обстоятельств, когда 20–30 минут, а иногда — и все полтора часа.

В свой первый день в роли жены Мария Федоровна плохо себя чувствовала. Огромное нервное напряжение, в состоянии которого она провела предыдущие недели, не могло не сказаться. Она была грустна, задумчива и как-то необычно бледна. Но надо было делать «то, что нужно», а Датская Принцесса с детства хорошо знала, что нельзя себе давать послаблений и следует честно и аккуратно всегда выполнять обязанности. В таких вопросах она была бескомпромиссна.

В первое послесвадебное утро Мария уже в десять часов была на ногах. Вместе с Сашей выпили утренний кофе, немного поговорили, приняли поздравления от некоторых ретивых родственников, которое уже спозаранку прибыли в Аничков и ждали появления супругов. В полдень молодожены отбыли на встречу с родителями в Зимний. Ехали впервые в собственной карете, четверкой, с форейтором и двумя казаками верхом впереди. Царь встретил их на парадной лестнице, провел к Императрице, которая обняла и поздравила. Мария

Александровна заметила бледность Минни, но объяснила ее вполне понятными обстоятельствами.

Из Зимнего проследовали с визитами дальше. К «дяде Мише» (Великий князь Михаил Николаевич), «тете Ольге» (Великая княгиня Ольга Николаевна, в замужестве герцогиня Вюртембергская), «дяде Косте» (Великий князь Константин Николаевич), «тете Елене» (Великая княгиня Елена Павловна, вдова Великого князя Михаила Павловича, урожденная принцесса Вюртембергская), «тете Кате» (Великая княгиня Екатерина Михайловна, в замужестве — герцогиня Мекленбург-Стрелицкая), «тети Мари» (Великая княгиня Мария Николаевна, в замужестве герцогиня Лейхтенбергская), «дяде Низи» (Великий князь Николай Николаевич-Старший). Везде надо было выслушивать поздравления, напутствия и благодарить, благодарить, благодарить.

Затем вернулись домой, немного отдохнули, а к пяти часам уже съезжались гости на обед. Было всего человек 35: Великие князья и княгини, иностранные принцы. Мария Федоровна насилу выдержала, и когда все разъехались, то почти замертво упала в постель. Она себя так плохо чувствовала, что пришлось пригласить семейного врача Датского Короля доктора Плума (1829–1915), установившего, что у его давней пациентки — сильная простуда. Последующие три дня молодая Цесаревна провела в постели, а затем все опять вошло в повседневное русло. Началась обычная, будничная жизнь в России.

У Цесаревича было больше официальных обязанностей, а у его жены — династических и фамильных обязательств. Она непременно должна была каждый день делать визит к свекрови, беседовать с ней, навещать других родственников. Порой ей становилось грустно, а милого мужа целыми днями не видела.

Он ей принадлежал целиком лишь ночью, да иногда урывками днем. Когда выдавались такие часы, то гуляли в Аничковом саду, пили чай в кабинете Александра на втором этаже Аничкова, в углу, с видом на Невский проспект, откуда было хорошо наблюдать суету главной столичной улицы.

Мария Федоровна только в России увидела настоящую зиму — снежную, вьюжную, морозную — и впервые в жизни проехала в санях, что ей очень понравилось. Случались и маленькие размолвки-недоразумения: мужу казалось, что жена недостаточно крепко его любит, а ей не нравилось, что он часто отлучается, хотя и мог бы, как казалось, побыть с ней. Но все быстро разъяснялось.

Вечером, когда всё затихало, они уединялись в опочивальню, и здесь уже никто не мог потревожить. У них была общая постель,

в которой они имели возможность обсудить все, что угодно. Иногда эти интимные беседы так затягивались, что засыпали далеко за полночь. До самых последних месяцев жизни Александра III альковные собеседования перед сном оставались непременным элементом жизни, взаимной потребностью.

Первые послесвадебные недели балы давались почти ежедневно, но эту «каторгу» Цесаревна отбывала не только с охотой, но и с большим подъемом. Торжественные обеды и ужины ей нравились меньше, но и здесь она вела себя с неизменным достоинством и тактом. И даже когда за столом оказывалась рядом с Прусским кронпринцем Фридрихом-Вильгельмом (будущим германским императором Фридрихом III), то и тогда умела улыбаться и дружески беседовать, хотя к пруссакам питала стойкое, почти физическое неприятие.

Иногда трапезы разнообразились какой-нибудь необычностью, что неподдельно радовало. На одном из Царских обедов в Зимнем Дворце Наследник Английской Короны преподнес сюрприз: шотландец из свиты был зван исполнить на волынке шотландские мелодии, которые тот добрый час исполнял, обходя вокруг столов. Вид рослого мужчины в юбке вызвал веселое оживление собравшихся, и Цесаревна поблагодарила Берти за приятную интермедию.

14 (26) ноября 1866 года Цесаревна впервые отметила свой день рождения в России — ей исполнилось девятнадцать лет. Вся обстановка разительно отличалась от того, что знала в минувшие годы. Теперь это был праздник огромной Империи, торжество могучей Династии. В тот день в Аничковом дворце случилась настоящая «инвазия» (нашествие). Александр поднялся в четверть девятого и тихо, на цыпочках, покинул спальню. Приведя себя в порядок, пошел в кабинет, где пил кофе, курил сигару и читал бумаги, оставшиеся с прошлого дня.

Пришли с поздравлениями чины Двора Цесаревича: граф Б. А. Перовский, князь А. Б. Барятинский и другие. Без пятнадцати десять в будуар Цесаревны, которая, как ни странно, была почти готова, вошла целая процессия во главе с мужем. Поздравляли, желали счастья, вручали подарки. Первым поздравил Александр, подаривший маленькие золотые часики с бриллиантами на цепочке. Она давно о таких мечтала, и вот муж угодил.

Ну а потом началась династическая череда. Приехал «дядя Миша», поздравил, подарил браслет. Был Фреди, обнял сестру, подарил кольцо. Затем вместе с мужем принимала депутацию казаков, доставивших в дар чудную икону Божией Матери. Только ушли эти рослые красавцы, надо было сразу же ехать в Зимний,

где ждал Царь. В золотой карете промчались за десять минут.

Там собралась вся Императорская Фамилия. Императрица не могла выйти, так как у нее был флюс. Торжественная служба в Большой церкви, а по окончании в дворцовой ротонде Великие князья и Великие княгини подходили поочередно, по старшинству, к Цесаревне. Мужчины целовали руку, дамы прикладывались к щеке. Говорили добрые слова, подносили дары. Самый замечательный подарок был сделан Царем: золотой с чернью браслет с бриллиантами и изумрудами.

За фамильным завтраком настроение было у всех повышенное. Цесаревна пользовалась всеобщей симпатией и несомненным расположением Императора, о чем все уже хорошо знали.

Вечером же был изысканный бал в особняке английского посла в Петербурге (1864–1871) лорда Эндрю Бьюкенена, куда съехалась почти вся Императорская Фамилия. Такого собрания эти стены еще не видели. Распоряжался принц Уэльский. Облаченный в шотландский национальный костюм, по отзыву одного из русских министров, имевшему «внушительный вид и величественные манеры», он уделял Цесаревне повышенное внимание. Они успели немного поговорить и, конечно же, вспомнили тосковавшую в Лондоне Алике.

Бал продолжался всю ночь, и Мария Федоровна, по словам мужа, «была как сумасшедшая». Она танцевала и танцевала почти без перерыва, много смеялась и была необычайно хороша. Но это не радовало Александра, по временам испытывавшего приступы необъяснимой ревности. Он вдруг становился замкнутым и раздражительным, демонстративно не смотрел на жену, с головой погрузившуюся в водоворот веселья.

Ее поведение ему начинало казаться неприличным. На следующий день состоялось объяснение. Минни со слезами на глазах просила сказать, в чем именно виновата, но муж лишь повторял, что она вела себя неподобающим образом.

Но что она могла сделать; ей так нравились танцы, ее ведь все время приглашали, и не могла же она отказать Царю, послу Ее Величества, Берти, наконец. Александр исполнил с ней лишь один танец — кадриль, а затем вообще ушел из зала, и она его долго не видела. Ему же нравится сидеть с мужчинами, курить, вести длинные разговоры на эти скучные политические темы; она ведь его не упрекает, а почему ей отказано в самом малом? Они любили друг друга и не умели долго сердиться. Все закончилось поцелуями и уверениями в вечной любви.

Послесвадебные торжества, этот мучительный для Цесаревича и приятный Цесаревне праздник, завершился 21

ноября. Провожали гостей: уехал прусский кронпринц, князья, герцоги, принцы. Еще 17-го отбывал Наследник Английского Престола. Днем Цесаревич и Цесаревна поехали прощаться.

Апартаменты Берти помещались в Зимнем Дворце, в России к нему относились подчеркнуто уважительно. Это был первый визит в Россию Принца Уэльского, ставший возможным лишь благодаря брачной партии Наследника Русской Короны. Неоднократно принца неофициально посещал Император Александр И, обсуждавший некоторые деликатные вопросы сложных межгосударственных отношений между Англией и Россией. «Друг юности» Королевы Виктории ненавязчиво объяснял будущему Королю смысл русской политики на Востоке, не направленной против Британии.

Однако в Лондоне все еще преобладали резкие антирусские настроения, выразителем которых в 60-е годы являлся министр финансов, а затем премьер-министр Бенджамин Дизраэли (1804–1881), считавший, что «Россия непрерывно усиливается. Катится как снежная лавина к границам Афганистана и Индии и представляет собой величайшую опасность, какая только может существовать для Британской империи».

Представления своего министра разделяла и хозяйка Букингемского Дворца. Еще свежи были в памяти перипетии Крымской войны. Все помнили, что Ее Величество тогда совершило невероятное: на своей яхте провожала «до последнего маяка» британскую эскадру, отправлявшуюся воевать с русскими, продемонстрировав всему миру, что это и личная война Королевы. Эта «вечная вдова» (она сорок лет не снимала траур по своему обожаемому мужу) принципиально не изменила своих взглядов и потом.

Старший же сын Королевы не был так категоричен. Это была открытая и незлобивая натура, человек, которого бы в России назвали «добрым малым». Любил жизнь, умел ценить красоту и неоднократно испытывал на себе сокрушительное воздействие запретных, но таких сладостных мирских соблазнов. Он проникся симпатией к Царю, а с Цесаревичем быстро установились самые дружеские отношения.

В тени матери-повелительницы Принц Уэльский часто чувствовал себя неуютно и с радостью уезжал на длительные охоты в самые глухие уголки Шотландии или же, при первой возможности, вообще покидал пределы Британии. Он прибыл в Россию по собственной инициативе, по настоятельной просьбе Александры, считавшей, что нельзя не присутствовать, когда «решается счастье Минночки».

Альберту-Эдуарду понравился Петербург. Он и не думал, что

в столице далекой Империи все так величественно, что здесь такое утонченное общество и так много красоты и настоящего, просто парижского шика. Второй раз он приедет сюда через пятнадцать лет, по восшествии на престол Александра III, а затем уже на его похороны.

Принц Уэльский избавится от антирусских предубеждений, и когда станет Королем, то будет содействовать тому, что было немыслимо при Виктории: заключению союзного договора с Россией. Смело можно считать, что первый камень в монументальное здание будущей Антанты, возникшей накануне Первой мировой войны, был заложен осенью 1866 года, когда Наследник Английской Короны породнился и подружился с Царской Семьей. Ему не хотелось покидать гостеприимных хозяев. Берти был печален и не скрывал грусти. С Минни и Александром простились самым сердечным образом.

Вскоре уехал и Фредерик, и для Марии Федоровны началась трудная повседневность. Почти каждый день уроки по русскому языку, русской истории, праву, Закону Божьему, музыке и любимые занятия по рисованию с художниками Кюндингером, Племацци и Боголюбовым.

Но больше всего сложностей возникало при вживании в среду Императорской Фамилии. Нет, всему, что полагалось по протоколу, Цесаревна научилась быстро; тут все шло без особых осложнений. Тяжелей давалось постижение нравов и психологии, писанной, но особенно незримой субординации, сложных хитросплетений симпатий и антипатий в небольшом, но своеобразном династическом сообществе. Здесь существовали разные характеры, удивительные типы, признанные и непризнанные лидеры, любовь и неприязнь которых многое определяло.

Датская Принцесса сразу же оказалась в центре внимания Императорской Фамилии, некоторые представители которой захотели стать наставниками, а если удастся, то и поводырями Цесаревны. Дочь Датского Короля казалась такой «простушкой», и у некоторых невольно возникало предположение, что ей при желании можно легко управлять. Но это впечатление было обманчивым.

Она немало ошибалась в жизни, порой доверялась суждениям недобросовестных людей, но никогда не была никем управляема, кроме своего мужа. Одному ему она подчинялась, лишь ему она всецело доверяла, только на него полностью полагалась. С другими было значительно сложней. В первые годы порой возникали щекотливые ситуации.

Ко времени прибытия Дагмар в Россию в столичном высшем

обществе было несколько влиятельных неофициальных центров, во главе которых стояли хозяйки аристократических салонов. Время было переломное, переходное, перемежавшее на каждом шагу и «вчера», и «завтра».

Все еще блистал салон Великой княгини Елены Павловны. Здесь господствовали идеи и вкусы времен скончавшегося Императора Николая Павловича. Княгиня Елена славилась своим вольнодумством, знанием новейших европейских течений в искусстве и литературе. Похоронив в 1849 году своего мужа — Великого князя Михаила Павловича (брата Николая I), вдова целиком отдалась «общественному служению». Она основала Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия в Петербурге и Русское музыкальное общество, патронировала другие начинания. В ее салоне не стесняясь критиковали крепостное право, а сама княгиня освободила своих крепостных от юридической зависимости еще в 1856 году, за пять лет до официального упразднения этой архаичной социальной системы.

Когда-то она славилась своей красотой, но это было так давно, что в 60-е годы лишь самые древние старцы могли припомнить те баснословные времена (родилась в 1806 году). Но широта взглядов и европейская утонченность вкусов не мешали Елене Павловне быть не только законодательницей мод, но и источником самых нелепых сплетен и неуместных откровений о жизни членов Императорской Фамилии. Когда молодая Цесаревна оказалась у «тети Елены» в гостях одна, то та не поскупилась. На бедную Минни был обрушен шквал подробностей и скандальных деталей поведения и того Великого князя, и этого. Бедная Цесаревна не знала, как себя вести, что говорить в этой ситуации и, кое-как выдержав приличествующий срок, отбыла домой с головной болью.

Время Елены Павловны уходило, но у нее появлялись не менее «способные» последователи из числа более молодых членов Фамилии. Самой темпераментной среди них была жена младшего сына Императора Николая I Великого князя Михаила Николаевича, Великая княгиня Ольга Федоровна (урожденная принцесса Цецилия Баденская). Ее муж был уравновешенным, спокойным и бесхитростным человеком, верным слугой Государя, мало интересовавшимся закулисной стороной жизни Двора и Фамилии. Супруга же являлась полной противоположностью.

Она происходила из молодого рода Баденских герцогов: в 1806 году французский Император Наполеон I пожаловал герцогский титул маркграфу Баденскому Карлу-Фридриху, женившемуся на родственнице Императора Стефании Богарне. После крушения Бонапарта герцогство превратилось в тихое

немецкое захолустье. Значение Баденского дома поднялось лишь после браков Баденских принцев и принцесс с Гогенцоллернами и Романовыми.

Страсть к сплетне у баденских была в крови. Некоторые Великие князья шутили, что для того, чтобы узнать новости, не надо читать газет и ездить по Европе, следует лишь заехать в Карлсруэ (столицу герцогства) — и там всё расскажут.

Цецилия была истинной принцессой Баденской. Ее темперамент, проявлявшийся иногда в неуемных формах, вызывал немало разговоров. Некоторые утверждали, что это результат того, что ее мать была еврейкой, дочерью богатого банкира. Так или иначе, но Михаил Николаевич и Ольга Федоровна, обвенчавшись в 1857 году, стали родоначальниками заметной ветви на генеалогическом романовском древе, которых называли «Михайловичами».

У Михаила Николаевича и Ольги Федоровны было семь человек детей: шесть сыновей и дочь Анастасия, вышедшая в 1879 году замуж за болезненного Фридриха-Франца герцога Мекленбург-Шверинского, умершего через восемнадцать лет. Эта внучка Императора Николая I (скончалась в 1922 году) в последние десятилетия жизни совсем порвала с Россией. Она прославилась как своим пристрастием к игре в рулетку (в Монте-Карло была завсегдатаем), так и громкими любовными историями.

Ольгу Федоровну многие не любили, некоторые откровенно боялись, но у некоторых складывались довольно уважительные отношения. В числе последних находилась и Мария Федоровна, однако это произошло лишь через много лет после переезда в Россию, когда «ее Саша» стал Императором, а «дядя Миша» — председателем Государственного Совета. Первые же годы Марию Федоровну пугала всякая возможность остаться с «тетей Ольгой» наедине. Она ей столько всего сообщала о знакомых, что Минни поначалу терялась, а потом с мужем в Аничкове долго обсуждалось услышанное.

Оказывалось, что у одного Великого князя была любовница и внебрачные дети, другой — подвержен неумеренным алкогольным возлиянием, у третьего — порочные наклонности, а граф А. — «просто дурак», князь же Б. — вор. «Тетя Оля», как казалось, знала все. Сама Мария Федоровна, в силу природного добросердечия, далеко не сразу поняла, что людская молва — это еще не есть правда. Со временем она стала полагаться лишь на свой глаз, на собственную интуицию и мало доверяла досужим разговорам. Но так уж получилось, что представители клана «Михайловичей» все время оказывались рядом с Марией

Федоровной, на всем ее непростом пути в России.

С 1863 года Великий князь Михаил Николаевич выполнял обязанности Наместника на Кавказе и большую часть времени проводил в столице Наместничества — Тифлисе. Он спокойно делал дело, порученное государем. Ольга Федоровна же там ощущала себя чуть ли не в ссылке. Она «задыхалась» от отсутствия настоящего общества, в удалении от блеска и шума большой столичной жизни. Ее не интересовала кавказская экзотика, не умиляли красоты пейзажа, колорит быта и нравов. Она видела перед собой лишь «чумазых дворян», «бескультурный народ», «дикарей» и страдала от невозможности парить на надлежащей ей высоте.

Когда же вырывалась в столицу, то тут за короткое время успевала так себя показать, что ее «кавалерийские атаки» на петербургский свет долго не забывались. Доставалось всем: и родственникам, и сановникам, и простым служащим. Великая княгиня была непреклонна и бескомпромиссна во всем, что, по ее мнению, умаляло престиж Династии. Может быть, искренне верила, что, «разоблачая и ставя на место», способствует важному делу, а может быть, просто не могла без этого.

Горькая ирония судьбы со временем проявилась в том, что ее дети, в большей степени, чем другие члены Династии, стали разрушителями незыблемых основ и традиций, которые так страстно защищала Ольга Федоровна. Медлительный и романтический сын Михаил первым нанес удар: в 1891 году женился без согласия родителей и без одобрения Императора на графине Софье Меренберг (внучке А.С. Пушкина), за что Императором Александром III был исключен со службы и ему был воспрещен въезд в Россию. Мать так переживала случившееся, что сердце не выдержало, и вскоре после этого она скончалась. Но на том скандальные «эскапады» Михайловичей не закончились. Они лишь начинались.

Старший сын, Николай, своей семьей так и не обзавелся. Он жил анахоретом, исполняя на публике роль то русского Гамлета, то утомленного гения. Амбиции его были невероятно велики и со временем приобрели просто болезненные формы. Он окончил Академию Генерального штаба и некоторое время служил на разных должностях, но душа его к службе не лежала. Как истинный сын своей матери, он все и всех критиковал: ему не нравились общественные порядки, устройство армии, ему было несимпатично большинство родственников, ему казались примитивными церковные обряды, были не по душе национальное искусство и литература.

Ему многое не нравилось в России, но тем не менее

предметом своих занятий он избрал… русскую историю. И написал несколько объемных книг, посвященных главным образом эпохе царствования Императора Александра I. Напрасно в этих сочинениях искать оригинальные идеи, тонкие наблюдения, игру мысли профессионала. Они примечательны лишь тем, что содержат богатый документальный материал из архивов Романовых, к которому другим историкам тогда доступа не было. В силу последнего обстоятельства его книги производили впечатление на многих современников.

Мария Федоровна была в дружбе с Николаем Михайловичем, которого в романовском кругу звали «Бимбо». Она его знала еще совсем молодым и ей, как и Александру III, импонировали его ум, образованность, как казалось, серьезные занятия русской историей. Мария Федоровна долго не меняла своего расположения, не заметив, как «милый Бимбо» постепенно превратился в злопыхателя и недоброжелателя. Она не знала о его второй жизни, о его действительном облике.

Она, конечно, не ведала, что он вступил в масонскую ложу (принадлежность к этой организации исключала в принципе уважительное отношение к монархическому авторитаризму и Православию), что он ратовал даже за установление республиканских порядков в России (исправно, правда, получая великокняжеское содержание).

Она так и не узнала, что вскоре после крушения Монархии этот внук Императора послал Керенскому письмо, в котором выражал готовность принять «от всей души» участие в сооружении памятника декабристам — людям, намеревавшимся убить его деда, Императора Николая I! А потом он отправлял верноподданнические письма советскому бонзе Луначарскому. Об этом Мария Федоровна не подозревала и на одну маленькую иллюзию осталась богаче.

И другие «Михайловичи» нравом и поведением мало походили на исполнительного, преданного Царю и Отечеству Михаила Николаевича. Александр, самый близкий к Марии Федоровне сын Ольги Федоровны, считался красавцем-мужчиной.

Его женитьба на дочери Царя Ксении Александровне не была особенно радостной Царице, но Мария Федоровна имела незлобивый нрав и слишком дорожила счастьем детей, чтобы воспрепятствовать этому союзу. Раз дочь выбрала себе в мужья Сандро, раз она так любит его, то дай Бог ей счастья.

Ксения была благодарна родителям, что те разрешили вступить в брак со своим двоюродным дядей. Теща не вмешивалась в их семейную жизнь, но до нее доходили сведения о бесконечных скандалах, с которыми была сопряжена вся

служебная деятельность Александра Михайловича. Где бы он ни служил, чем ни занимался, но неизбежно, раньше и позже, возникали неудовольствия неугомонного Великого князя. «Милый зятек» занимался всем с большой страстью, с азартом, но любые трудности и сложности тут же выводили его из равновесия.

Он не умел ценить людей и был такого высокого мнения о собственных способностях, что никого не желал слушать. Он же ведь все знал всегда лучше всех! Императора Николая II он просто замучил жалобами на должностных лиц, абсурдными прожектами (вроде пресловутого плана «американизации России»), требованиями отрешить того-то от должности, а того-то назначить на пост. Вслед за своим старшим братом Николаем он тоже вступил в масонскую ложу, изменив этим и своему происхождению, заповедям предков, делу отца.

Мария Федоровна в эту тайну не была посвящена. Но она знала, что уже в разгар революции, когда она и другие Романовы находились в Крыму, на краю России, на краю жизни, «милый Сандро» фактически бросил тещу, жену и детей на произвол судьбы и под благовидным предлогом отбыл в Европу.

Цель его миссии вроде бы выглядела благородно: открыть глаза лидерам европейских стран на истинное положение вещей в России. Он все еще считал себя великим политическим деятелем и был убежден, что в Париже и Лондоне его будут слушать, затаив дыхание. Однако там он никому был не нужен. Его принимали какие-то второразрядные клерки, больше из простого любопытства, чем из политического интереса.

Потом он вояжировал по миру, читал платные лекции, чтобы сводить концы с концами, и везде рассказывал о том, что Россия пала почти исключительно от того, что последний Император не слушал его умных советов. Мария Федоровна об этом почти ничего не знала и, слава Богу, не дожила до появления воспоминаний зятя, где тот не постеснялся бросать самые немыслимые обвинения по адресу Последнего Царя, Царицы и других членов Династии.

Два других сына Ольги Федоровны и Михаила Николаевича, Георгий и Сергей, хоть не вступали в масонские ложи и служили в военных чинах, но тоже не были образцовыми членами Династии. Георгий Михайлович после длительных и нудных переговоров женился на племяннице Марии Федоровны, взбалмошной Греческой Принцессе Марии, которая мужа не любила и питала плохо скрываемую антипатию к России. Брак был окутан пеленой домыслов и эпатирующих слухов.

Сергей же Михайлович более двадцати лет жил, многие годы открыто, с прима-балериной Мариинского театра Матильдой

Кшесинской, которая помыкала им как хотела. Строгой блюстительнице нравов Великой княгине Ольге Федоровне посчастливилось не дожить до вселенского позора: узнать, что сын Сергей связал свою жизнь с танцовщицей, которую многие считали куртизанкой.

Марии Федоровне с первых дней в России приходилось учиться лавировать между скрытыми течениями, соблюдать необходимую дистанцию в отношениях с родственниками, учиться не примыкать ни к какой фамильной фракции.

Дочь короля Христиана IX была умной и способной. Быстро овладела искусством «жить улыбаясь», научилась не погружаться в салонные дрязги и склоки. Но она оставалась женщиной, никогда не была ханжой, и по-человечески ее всегда трогали людские радости и горести. Конечно, она не могла одобрить мезальянс, принять скандальное поведение члена Династии, но она не могла и не сочувствовать искренним чувствам, большой, настоящей любви. Однако в силу положения, сначала Цесаревны, а потом Императрицы, ей было очень непросто. Ее сострадание порой воспринималось как одобрение свыше сомнительной в династическом отношении ситуации. Поэтому часто приходилось молчать или отделываться традиционными сентенциями.

Она никогда не забывала о своем положении и ни в коем случае не сделала бы ничего, что бросило бы тень на олицетворяемый ею образ. Жестокий и беспощадный высший свет не мог смириться с такой безукоризненностью и добродетельностью. В Марию Федоровну тоже летели отравленные стрелы закулисной лжи и измышлений.

Когда она похоронила мужа, то вскоре появились, сначала неясные, а потом все более уверенные слухи о том, что Царица-Вдова находила утешение в объятиях других мужчин. Безнравственным людям ведь всегда кажется, они часто в этом абсолютно уверены, что все кругом погрязли в пороках и разврате. Естественно, что никто не рисковал произносить такие крамольные слова открыто, но в узком кругу, среди своих, и не надо было ставить все точки над «и». Хватало лишь намека, завуалированной обмолвки, и все понимали, о чем и о ком идет речь.

Сгоревшие в ожидании так и не сбывшихся плотских наслаждений дородные матроны, растратившие себя до срока аристократы-рамолики, завистники и недоброжелатели всех мастей не могли смириться и простить Марии Федоровне и ее положения, и ее счастливой семейной жизни, и ее удивительной моложавости до преклонных лет. Как, вдове уже пятьдесят, а у нее такая фигура, такая походка и ни одной морщины на лице!

Как можно было с подобным смириться! Мстили — подло, заглазно, зло.

Однако не только оскорбленное женское самолюбие давало пищу дискредитирующим слухам. Хватало и тех, кто занимался фабрикацией измышлений по «идейным соображениям»: члены Династии непременно выставлялись в самом непривлекательном свете, чтобы легче было вести «революционную пропаганду среди масс». Одни бросали бомбы, стреляли из револьверов в Царевых слуг и членов Династии, а другие бросали не мене страшные взрывные устройства — ложь. Когда-то русский классик изрек замечательный афоризм: злые языки — страшнее пистолета. Это оружие в России сыграло страшную разрушительную роль.

В воспаленном воображении некоторых людей Мария Федоровна представала чуть ли не Мессалиной, целыми днями занятой лишь собой и разнузданными плотскими удовольствиями. Среди ее «шер ами» назывались разные фигуры, но особенно часто — князя Георгия Шервашидзе (1845–1918). Он почти был ровесником Марии Федоровны и происходил из старинного рода владетельных князей Абхазии, потомки которых были признаны русскими дворянами с сохранением титула.

В 1888–1898 годах князь служил Тифлисским губернатором, а затем бессменно до самой смерти (умер в конце 1918 года) состоял при Императрице Марии Федоровны, управлял ее Двором. Вот его-то беспощадная молва чаще всего и записывала в «любовники» Царицы. Но никаких фактов и документов для подобных выводов не существует, и все это лишь недобросовестная сплетня. Нет, нельзя исключать, что как женщина Мария Федоровна могла позволить себе и любовь и близость, но она ни в коем случае не могла себе этого позволить как Царица. Никогда, ни на минуту не забывала, что она отчитывается за свою жизнь перед Богом и перед памятью любимого Саши, которому лишь одному принадлежала и память о котором свято берегла…

Муж любил жену простой и искренней любовью, не сомневаясь, что семейное счастье послано Всевышним. Через месяц после венчания записал: «Я часто чувствую, что я не достоин ее, но если это и правда, то постараюсь быть достойным ее. Часто я думаю, как все это случилось. Как я наследовал от моего милого брата и престол и такую жену как Минни… Вот что значит Божия Воля. Человек думает одно, а Бог совершенно иначе располагает нами. Не наше дело рассуждать, лучше или хуже было бы прежде или теперь! Теперь одного прошу я у Господа: это силу и бодрость на моем трудном пути, и чтобы Он благословил наш брак! Жена во многом мне может помочь, и я должен быть с

ней, как только могу, в самых коротких и дружеских отношениях. Такую жену, какую я имею, дай Бог каждому иметь, и тогда можно быть спокойным и счастливым».

Глава 10
Житейские будни

День сменялся днем, недели шли за неделями; текли месяцы и годы. Великая княгиня Цесаревна Мария Федоровна привыкала к своей роли, обживалась в специфической среде, осваивалась в необычных условиях. Ей очень помогал Александр, многое объяснявший, обсуждавший различные жизненные проблемы, занимавшие его.

Он постоянно сетовал на то, что так много времени уходит на пустое. Вот когда жили в Петербурге, то каждое утро надлежало все бросать и ехать в Зимний для ритуальной встречи с Мама, а затем, к вечеру, непременно присутствовать на семейном обеде. Нельзя опоздать, а то обязательно получишь выговор. Жена успокаивала, призывала к смирению, что для стихийной натуры Цесаревича было очень не легко. Сама же княгиня Мария исполняла династические обязанности спокойно, не выказывая неудовольствия.

Самым суетным временем для нее было утро: надо было вставать, когда еще так хотелось побыть в теплой постели, сделать гимнастику, быстро заняться туалетом и, наскоро выпив чашку кофе, нестись к Императрице. А затем сидеть добрый час и выслушивать сетования Царицы на самочувствие, бесконечно-однообразные повествования о здоровье младших детей, об их поведении и успехах. Минни была при этом так внимательна, так заинтересована, что могло показаться со стороны, будто эти темы ее больше всего в жизни волнуют. Под благовидным предлогом муж нередко игнорировал визиты, Цесаревна же — никогда. Она умела делать «что надо» не ропща.

Существовало много других каждодневных хлопот и обязательств. Первые годы почти каждый день час-два занимали уроки. Она быстро освоила несколько русских фраз, а к мужу обращалась почти всегда на языке новой родины. Ему очень нравилось, когда жена его называла «душка», несколько растягивая последний звук, на французский манер, и получалось певуче — сладкое Душка-а-а.

Еще надо было заниматься музыкой, рисованием. А гардероб? У Цесаревны скоро появились свои модистки, с которыми она часами обсуждала и примеряла новые туалеты, чтобы блеснуть на очередном балу или званом обеде.

Ей нравились яркие цвета и контрастное сочетание тканей, но со временем начала отдавать предпочтение пастельным тонам.

Она знала, что ей идут приталенные фасоны платьев, с умеренным декольте. Когда вошли в моду турнюры, одной из первый стала их носить, понимая, что при изяществе фигуры эта громоздкая деталь туалета ей чрезвычайно к месту. Александр Александрович быстро установил, что когда Минни занята с портнихой, то это — надолго. В такой момент к ней обращаться бесполезно, так как она ничего другого знать не желает.

Лишь в России Датской Принцессе удалось всласть насладиться возможностью иметь те наряды и те украшения, которые нравятся. Конечно, и здесь надо было считать деньги. У Наследника был свой бюджет, за пределы которого он выйти не имел права. Но драгоценности покупались редко, лишь по случаю, в основном их дарили родственники на праздники, а на туалеты, даже самые затейливые и дорогие, семейных средств вполне хватало.

Появились и русские подруги. Эжени Лейхтенбергская, Великая княжна Ольга Константиновна и две фрейлины — княжна Лиза Куракина (1843–1912) и графиня Александра Апраксина (1851–1943). С ними она гуляла, каталась в колясках, обсуждала такие жгучие женские проблемы: что носят в Париже, в чем была Французская Императрица Евгения на приеме-гала во дворце Тюильри, как вела себя княгиня N на последнем балу, кто на ком женится и кто за кого выходит замуж, у кого кто родился; сочувствовали смертям, другим горестям знакомых и незнакомых.

Каждодневной обязанностью было писание писем. Надо было сообщать о своем житье-бытье в Лондон, в Копенгаген, в Афины. А еще надлежало отвечать на послания многочисленных тетушек, дядюшек, племянников и племянниц из различных городов и пунктов Европы. Днем на эти занятия времени не хватало, и письма приходилось писать вечерами, перед сном. Допоздна в некоторых комнатах второго этажа Аничкова Дворца горел свет: Цесаревна сосредоточенно составляла очередное послание, а сидевший рядом Цесаревич, попыхивая сигарой, неспешно заполнял страницы своего толстого дневника — отчет за истекший день.

Несмотря на «эпистолярное усердие», недоразумения все равно возникали. Перед самым новым, 1867 годом Мария Федоровна получила гневную депешу от матери, в которой содержался резкий упрек дочери за то, что она мало пишет и, видимо, больше «не нуждается в своих родителях». Минни была расстроена и долго плакала на плече Александра. Она считала эти упреки несправедливыми; ведь она посылала свои весточки в Копенгаген через три-четыре дня, а оказалось, что этого мало. Строгая и любящая Королева требовала ежедневных отчетов от

Минни, не понимая, как мало у нее времени. В конце концов мужу все-таки удалось успокоить жену, а та, как только пришла в себя, сразу же села за очередное письмо родителям.

В остальном событий было много, но они были все текущие и часто походили одно на другое. Первый новый год встречали вдвоем, выпили по бокалу пунша. Накануне получили подарки из Англии. Алике прислала Минни дорожный мешок, а Александр получил от нее маленькую золотую галстучную булавку с крошечной жемчужиной, а от Берти — серебряный портсигар.

Вскоре произошла неприятность. Трое служащих, нанятых в Англии состоять при лошадях и экипажах Цесаревича, стали вести себя неподобающим образом. На Рождество и Новый год они перепивались, самовольно уходили. Это было возмутительно. Кто бы мог предположить, что и англичане подвержены «русской болезни» — неумеренному потреблению горячительных напитков. Их пришлось уволить.

Случались и кратковременные семейные размолвки. Минни хотела вечером поехать на спектакль в Немецкий театр, а Александр — на представление в цирк. Жена выражала обиду: он ее не любит, ее желания для него не имеют никакого значения и т. п. Подобными «универсальными» аргументами во все времена пользовались жены для своего семейного самоутверждения. Мария Федоровна в этом смысле не представляла исключения. Александр сердился, говорил, что «отпускает ее куда угодно», а сам же останется дома. Потом были поцелуи, ласковые слова и женские слезы примирения. Той, первой зимой их совместной жизни, случилось и еще раз такое.

Цесаревич был зван братом Владимиром к себе на ужин, в узкой мужской компании. Обсудили с Минни. Она была согласна. Написал записку Владимиру и уведомил, что будет на вечере. Но когда наступил тот день, то Мария Федоровна вдруг стала выражать недовольство. Ну, зачем он едет, что там интересного, не лучше ли будет, если они проведут вечер вместе. Александр вспылил: я уже дал согласие и поеду непременно. Но жена не успокаивалась, зазвучали упреки. В итоге — Цесаревич категорически заявил, что никуда не поедет, и тут же дал знать об этом Владимиру Александровичу.

Прошло немного времени, и Минни, видя, как расстроен муж, начала уговаривать его поехать. Он был непоколебим. Она рыдала, просила прощение. В конце концов, они помирились, но Минни считала, что обязана себя наказать за глупое поведение, испортившее настроение мужу. Придумала себе страшную кару: этой ночью она будет спать не с Сашей, а одна на кушетке. Сообщение повергло мужа в уныние. Ему стоило некоторых

усилий переломить настроение жены, убедив ее, что этим она наказывает не только себя, но и его.

Подобные маленькие «семейные турниры», в которых проигрывали обе стороны, со временем совсем прекратились. Они научились понимать друг друга.

Александр Александрович любил тихие семейные вечера в любимом Аничкове, когда никого не было. Они читали, разговаривали, писали письма, обсуждали происшедшие события. Зиму и весну 1867 года Престолонаследник просто упивался романом Федора Достоевского «Преступление и наказание», публиковавшимся в журнале «Русский вестник».

8 марта 1867 года записал в дневнике: «так интересно, как никогда еще не было». Он не рисковал переводить Минни с листа, а только пересказывал ей некоторые сюжетные куски и сцены. Он читал еще и «Войну и мир» Льва Толстого, но этот роман нравился меньше и интересовал главным образом описанием батальных сцен.

Но не только художественные произведения занимали Престолонаследника: он внимательно знакомился и с журналом «Колокол», издававшимся за границей врагом Трона и Династии Александром Герценом (1812–1870) и нелегально переправляемым в России. Александр с удивлением обнаруживал, что некоторые нелицеприятные оценки и суждения Герцена, касающиеся высших должностных лиц Империи, порой совпадали с его собственными.

Первые годы жизни в России Мария Федоровна по-русски читать не умела, но когда научилась, то первым делом прочла знаменитый роман «Преступление и наказание», пережив потрясение от глубокой силы произведения. Достоевский стал ее любимым русским писателем, с которым она позднее лично познакомилась.

За несколько месяцев до смерти Достоевского Цесаревна лично встретилась с писателем в Мраморном Дворце и тихо проплакала целый вечер, пока писатель читал выдержки из «Братьев Карамазовых».

До поры же она отдавала предпочтение французским романам и регулярно знакомилась с парижским журналом «Revue des deux Monde» («Обозрение двух миров»), помещавшим статьи о загадочных происшествиях, о тайнах мира, жизни и смерти. Этому изданию сохранила верность до конца дней.

На вечерах в Аничкове неоднократно вспоминался Никс, Ницца и все, что было так еще недавно, но уже казалось далеким прошлым. Цесаревич и Цесаревна вместе не раз перечитывали его письма к нему и к ней. После того сидели молча обнявшись, и

слезы текли по щекам обоих. 12 апреля навсегда остался в их памяти днем сожаления и печали. Умерший стал для них ангелом-хранителем, которому обязаны были своим счастьем и благополучием. Когда родится сын-первенец, то вопроса с именем просто не будет: его нарекут Николаем.

Если не было балов и приемов, то спать ложились около полуночи. Перед сном обычно почти не ели. Александр выпивал стакан простокваши, а Минни съедала апельсин или яблоко. Она вообще всю жизнь проявляла умеренность в пище и хоть никогда не придерживалась строгой диеты, но ела чрезвычайно мало. Почти не потребляла хлеб. Правда, когда подносили на встречах хлеб-соль, то приходилось отщипывать маленький кусочек от увесистого каравая, но зато на обедах и ужинах к нему почти не притрагивалась. Овощи, фрукты, молочные продукты составляли главное содержание меню.

Но исключения существовали. Когда жили в Царском, то порой не могла удержаться от соблазна: посещала иногда булочную Петерсена, славившуюся своими горячими калачами, бубликами и сдобами, один вид которых заставлял забыть о всех диетах.

Несмотря на заботу и ласку, которые окружали в России, Цесаревна сильно скучала по Дании, по родителям, братьям и сестрам. Первые месяцы после свадьбы она не надеялась, что сможет посетить Копенгаген в недалеком будущем. Император Александр II и Императрица Мария Александровна объяснили ей, что они с Александром обязаны совершить большое путешествие по стране. Россия должна была видеть и знать будущую Царицу.

Она не спорила, понимая свои новые обязанности. На душе же порой было так грустно. Ей сочувствовал муж, рискнувший переговорить по этому поводу с родителями. Царь вошел в положение. Он не хотел огорчать любимую невестку. Решили так: весной поедут ненадолго в Москву, а затем Александр с женой отправятся в Копенгаген. К тому же повод имелся серьезный: в мае 1867 года — серебряная свадьба Короля Христиана и Королевы Луизы. Минни, узнав о решении, была в полном восторге.

Но возникала одна сложность. Царь намеревался посетить Императора Наполеона III, настоятельно его приглашавшего. Французский Император с некоторых пор выказывал признаки дружеского расположения к России и не стеснялся публично сожалеть о несчастной Крымской войне, где две державы являлись противниками.

За прошедшие с той поры десять лет политическая ситуация в Европе сильно изменилась. С каждым годом все явственней

заявлял о себе Германский колосс, и Франция искала сближения с Россией. В Париже весной 1867 года должна была открыться грандиозная Всемирная выставка, и Александр II дал согласие приехать. Самодержца обязан был сопровождать Наследник, которому пришлось согласиться на утомительные переезды из Копенгагена в Париж и обратно. Другого выбора у Александра не было.

20 апреля 1867 года Царь, Цесаревич с женой, Великий князь Владимир в сопровождении свиты отбыли в Москву. Мария Федоровна еще России и не видела. Ей пока знакома была лишь жизнь светского Петербурга, а теперь — Москва, древняя столица России, Первопрестольная, где Русские Цари всегда венчались на царство. Петербург называли головой государства, а Москву — сердцем. Она много раз потом еще побывает здесь. Вместе с Сашей будет короноваться, молиться в древних храмах. Пройдут годы, и она проедет через этот древний город за гробом своего любимого супруга, переживет радости и печали коронационных торжеств сына Николая.

Она слышала, что Москва очень не похожа на Петербург, но не думала, что это различие такое резкое. В старой столице все было как-то ниже, менее помпезно, но не менее величественно и несомненно более страстно. Людей на улицах толпилось больше, крики «ура» как будто звучали даже громче. Кругом же, куда ни брось взгляд, купола церквей и непрерывный почти благовест колокольный.

Остановились поначалу за городской заставой, в Петровском Дворце, в старом путевом дворце Русских Царей. 21 апреля состоялся торжественный въезд. По всей дороге стояли войска: конные уланы, драгуны, казаки, на всех домах развевались флаги. Минни ехала в английской коляске, заказанной Александром в Англии и специально доставленной по этому случаю из Петербурга.

Прибыли к Иверской, вошли в часовню, приложились к чудотворной иконе Иверской Божией Матери. Далее — Кремль. Успенский собор: усыпальница московских патриархов и митрополитов. Краткий молебен. Архангельский собор: усыпальница московских Царей. Краткий молебен. То же самое и в Благовещенском соборе. Затем взошли на Красное Крыльцо, где именитое московское купечество подносило хлеб-соль. Проследовали в кремлевские покои.

Немного передохнув и перекусив, царь повел невестку показывать дворцовые помещения и царскую сокровищницу — Оружейную палату. Мария Федоровна была в восхищении от богатого убранства помещений, от блеска драгоценных металлов

и камней.

Со следующего дня началась череда парадов, приемов, визитов. Цесаревна очень волновалась, так как ей надо было благодарить разные депутации и отдельных лиц. Она дала слово Царю, что непременно будет делать это по-русски, и сдержала обещание. Александр написал жене небольшие шпаргалки, две-три любезные фразы, которые она усердно учила в Аничкове и по дороге в Москву. Теперь надо было сдавать экзамен, и она справилась успешно. Медленно, но вполне внятно, она произносила слова о том, что благодарит именитое купечество за его службу России, о том, что искренне благодарит дам-попечительниц богоугодных заведений за их нужную работу.

Вечерами — иллюминации и балы: у московского генерал-губернатора, в Благородном собрании.

Посетили несколько раз и московские театры. В Большом слушали героическую оперу Михаила Глинки «Жизнь за Царя» и смотрели красочный балет, поставленный на музыку жившего в России итальянца Чезаро Пуньи по сказке Петра Ершова «Конек-Горбунок».

Были в первом русском драматическом театре — Малом. Смотрели «Женитьбу» Н. В. Гоголя и некоторые другие одноактные спектакли. Мария Федоровна с трудом еще понимала русскую речь, но Саша ей переводил, объяснял непонятное. Но и не всё улавливая, Цесаревна невольно обратила внимание на игру одного, пожилого уже актера, который был особенно хорош на сцене. Имя его тогда гремело в России. Его звали Пров Михайлович Садовский (1818–1872).

Немало посещали и другие места. Приюты, училища, Романовские палаты — дом, где родился первый Царь из династии Романовых Михаил Федорович. Визит Марии Федоровны в Московский воспитательный дом длился больше запланированного. В огромном здании на берегу Москвы-реки содержались многие сотни незаконнорожденных детей и детей-сирот. Цесаревна испытала щемящее чувство жалости к этим малюткам, лишенным материнской заботы и ласки. Обошла многие помещения, посмотрела на работу персонала. Поблагодарила.

Десять дней продолжался этот первый визит в Москву.

2 мая вернулись в Петербург. А здесь ждало приятное свидание: в Петербург в тот же день приехал брат Марии Федоровны Вильгельм («Вилли») — греческий Король Георг I. Давно не виделись, и встреча стала такой сердечной.

Греческий Монарх прибыл с деликатной миссией личного свойства: он хотел жениться на Великой княжне Ольге

Константиновне, кузине Александра Александровича. Эта живая, непосредственная девушка, характером напоминавшая Марию Федоровну, пользовалась симпатией Цесаревича и Цесаревны. Они очень хотели, чтобы у двадцатидвухлетнего Короля и семнадцатилетней русской княжны все сладилось. Вилли был одногодок с Александром, но уже три года занимал Королевский Трон. Его избрало Королем греческое Национальное собрание через год после свержения предыдущего Короля — баварского принца Оттона.

Греция была разрушена смутой, и новому Монарху досталось тяжелое наследство. Его кандидатуру поддерживала Англия, державшая в те годы Грецию в тисках финансовой зависимости. Но на земле Древней Эллады были сильны симпатии к России, к стране, где жили братья-единоверцы, и брак с русской княжной, несомненно, укрепил бы положение молодого короля.

Датскому Принцу, как раньше и сестре, тоже повезло: свою избранницу он полюбил искренне, всей душой. Княжна Ольга, девушка гордая и своенравная, не сразу дала согласие. Она не хотела уезжать из России, но настоятельные увещевания родителей — Великого князя Константина Николаевича и Великой княгини Александры Иосифовны, других родственников, а главное — несомненная любовь к ней Георга сделали свое дело. Она дала согласие, и 15 октября 1867 года в Петербурге состоялась свадьба. Но это случилось осенью, а летом того года — первого русского года Марии Федоровны — произошло еще немало событий.

7 мая 1867 года из Петербурга вышел специальный поезд, в котором ехали Цесаревич, Цесаревна, чины двора Наследника. Путь лежал на Ригу. Там сели на корвет «Аскольд» и отбыли в Данию. Три дня плавания прошли в волнениях. Мария Федоровна занемогла. Вскоре после отплытия у нее началась сильная рвота, продолжавшаяся с перерывами все время.

Ничего не ела и так ослабела, что не могла без посторонней помощи встать. Ее на руках выносили на палубу, где она и лежала. Александр неотступно находился рядом, ужасно переживал. Он посоветовался с доктором Плумом. Тот высказал предположение, что, может быть, Цесаревна беременна. У молодого супруга радостно забилось сердце, но вид больной Минни сводил всю радость на нет. Когда жена заболевала, Александр всегда переживал и самозабвенно за ней ухаживал.

Еще как-то зимой у Марии вдруг резко поднялась температура, и несколько дней горячка не проходила. Ночами Александр почти не спал: обтирал ей лицо лимоном, сам готовил питье, менял белье. Он и потом в подобных ситуациях будет вести

себя так же трогательно и заботливо.

К Копенгагену подошли 10 мая, в середине дня. На удивление всех, Мария Федоровна, как только показался датский берег, стала себя лучше чувствовать, а когда судно причаливало, уж совсем без посторонней помощи оделась и причесалась. На «Шлезвиге» встречали Король и Фреди. Объятия, поцелуи, слезы. На пристани ждала вся Королевская Семья, многочисленное общество.

Когда приехали во дворец Амалиенборг, то Минни опять стало плохо. Она легла в постель, где провела весь вечер и весь следующий день. Затем состояние улучшилось, и вечером она даже протанцевала несколько туров на балу.

14 мая — день свадебного юбилея Короля и Королевы, и дочь с раннего утра была уже на ногах. Цесаревич с женой подарили юбилярам роскошный серебреный сервиз в русском стиле с затейливыми украшениями.

Проведя несколько дней среди датской родни, Александр Александрович покинул Данию и отбыл в Париж. Папа ожидал в Кёльне. Двинулись дальше вместе, а от границы Франции ехали в поезде Императора Наполеона. Затем был торжественный въезд в «столицу мира». На вокзале встречал Наполеон III, и красочный кортеж через весь город проследовал во дворец Тюильри, где ожидала Императрица Евгения.

В Париж, по случаю открытия Всемирной выставки, съехалось именитости со всей Европы: Король и кронпринц Прусские, Король и Королева Бельгийские, герцог Гамильтон, герцог Герман Веймарский, герцог Гессенский и многие другие. Но самым важным гостем в Париже был Русский Император. Ему и его свите был отведен Елисейский дворец, и Наполеон III оказывал особое внимание. Он сопровождал Царя почти повсюду, давал в его честь приемы и балы. Находившийся рядом Цесаревич крутился в этом вихре блестящей суеты.

Мыслями и сердцем он был далеко от Парижа, там, где осталась его «дорогая душка», его «маленькая жена». Он понял вдруг, как без нее плохо, как одиноко. Неотступно преследовала мысль: как она себя чувствует, неужели и правда случилось, что Минни беременна. Жена каждый день писала, рассказывала о времяпрепровождении и о своей тоске по нему, единственному. И каждое письмо непременно заканчивала страстно: «Целую тебя, моя душка. Целую тебя, ангел моего сердца, от души». И он ей писал и тоже говорил о любви, но не умел сказать всего, что было на сердце.

В Париже случались и особо запомнившиеся встречи. С отцом нанесли визит княгине Чернышевой и там, по прошествии более

года, снова увидел Марию Мещерскую. Александр испытал какое-то странное чувство, смешение радости и безразличия. А на другой день, на торжественном приеме, увидел датского посла в Париже Мольтке, того самого, в кого в юности так была влюблена Дагмар и о чем она ему рассказала перед свадьбой.

Через пять дней по приезде в Париж случилось ужасное. На Царя совершили покушение. 25 мая был большой парад французских войск. На обратном пути в экипаже вместе с Царем сидели Наполеон III, Цесаревич, Владимир Александрович. Когда проезжали Булонский лес, раздался сильный выстрел. Но, слава Богу, пуля прошла мимо и ранила в морду одну из лошадей, с левой стороны кареты, и кровь несчастного животного обрызгала всем костюмы. Позже выяснилось, что злодеем оказался поляк, некто Березовский. Его схватили на месте преступления, а толпа чуть не разорвала его, и лишь вмешательство полиции предотвратило самосуд.

Вечером состоялся бал в русском посольстве, на который прибыли Наполеон и Императрица Евгения. Они принесли извинения Царю. Перед тем как лечь спать, Цесаревич записал: «Чуяло мое сердце что-то недоброе в Париже, и вот сбылось! Боже милосердный, помоги рабам Твоим. Господи, не оставь нас и помилуй нас! Да будет Воля Твоя!» Лишь только 31 мая, вечером, Александру Александровичу удалось вырваться «из поганого Парижа». В Копенгаген летел «как на крыльях». Когда через сутки увидел свою милую, то радости не было границ. «Наслаждение было снова быть вместе и спать в одной постели».

Минни рассказала о своем состоянии, заметив, что, по всей вероятности, она действительно беременна. Эта была такая счастливая весть. У них будет ребенок! Их ребенок! В это невозможно было поверить. Но прошло некоторое время, и оказалась, что радость преждевременна. В конце июня Александр писал матери: «Доктор Плум говорит все время, что это не есть беременность, но мы все были уверены, что Минни беременна. Минни была в отчаянии… Она была счастлива быть матерью, но видно, мы ошиблись. Дай Бог, через несколько времени Минни правда будет беременна. Мы все в отчаянии, что так ошиблись».

Почти все три летних месяца 1867 года Александр и Мария провели в Дании. Время здесь текло приятно и медленно; кругом была такая спокойная обстановка и не было почти никаких обязательств. Императрице Марии Александровне сын сообщал: «Милая Ма, пишу тебе снова из милейшего Фреденсборга, где я себя чувствую так хорошо и так счастливо, что и написать не могу».

Целыми днями Александр и Мария не расставались, чего

раньше не бывало. Никто не лез со всякими вопросами, не надоедал докладами, бумагами, доносами. Здесь можно было отдыхать, наслаждаться жизнью. Они пользовались этой возможностью. Но все время волновала лишь одна мечта — иметь ребенка. В конце июля Александр записал: «Моя единственная забота и молитва, чтобы Господь даровал нам детей, как я бы был счастлив… Дай Бог мне тоже быть достойным и полезным сыном нашего милого Отечества, нашей Родной России».

Столь длительное пребывание в Дании первоначально не предусматривалось, но теплая идиллия Фреденсборга так затягивала, так расслабляла, что момент возвращения все время откладывался. Однако надо было получить согласие Папа, и Цесаревич обращался с просьбой. Царь понимал чувства сына и невестки, и согласие давал, но счел уместным напомнить об обязательствах.

20 августа Александр II писал сыну: «Да сохранит тебя Бог, любезный Саша, нам на радость и утешение и в будущем для счастья и славы нашей Матушки России. Я знаю, что Бог тебе даровал чистое, любящее и правдивое сердце, и еще больше убедился в этом из твоего письма, за которое благодарю тебя от души. Желаю только, чтобы ты почаще и серьезно думал о твоем призвании и готовил себя меня заступить ежеминутно, не забывая 4-е апреля и 25 мая, где рука Всевышнего отстранила еще на время от тебя ту страшную обузу, которая тебя ожидает и на которую и я иначе не смотрю, как на крест, который, по воле Божией, нам суждено носить на этом свете. Уповай на Его милость, как и я, и Он верно тебя не оставит, как Он доселе меня не оставлял и поддерживал».

Далее царь заметил, что в будущем «подобные долгие пребывания ваши за границею не должны впредь часто повторяться, в России оно крепко не нравится. А вы оба принадлежите ей и должны помнить, что вся жизнь ваша должна быть посвящена вашему долгу, т. е. России».

Александр не забывал о своем предназначении, просто его исполнение Царского предназначения виделось в столь отдаленном времени, что и представить было невозможно. Папа еще такой молодой мужчина, он еще полон сил и энергии, а злую руку злоумышленника отвел же Господь. И впредь не оставит!

«Меня постоянно ожидает страшная и трудная обязанность и ответственность, но я не падаю духом, потому что знаю, что Господь со мною, и в трудный момент моей жизни я уповаю на Его милосердие и постоянно молюсь, чтобы он укрепил мой дух и благословил меня на эту трудную обязанность, что я призван Им Самим на это поприще. Со мною жена, которая меня любит и

которую я обожаю как нельзя больше. И я готов на все и все переносить с терпением, лишь бы она была счастлива и была бы здорова и весела. Это моя главная забота, и для моей душки я готов всем пожертвовать и все сделать, потому что Господь вручил мне ее, и я обязан заботиться о ней», — записал тем летом Цесаревич в дневнике.

В сентябре покинули гостеприимную Данию и поехали в Висбаден, где должны были увидеться с герцогом и герцогиней Уэльскими. На вокзале встретил Берти, отвез на свою виллу. Здесь произошло знакомство Александра Александровича с сестрой жены — Александрой. Так много слышал о ней, и казалось немыслимым, что еще не виделись. Знакомство оказалось приятным.

Алике Цесаревичу сразу же понравилась. Это была высокая, красивая молодая женщина; такая любезная, такая предупредительная, такая добрая. В свою очередь, Алике тоже сразу же прониклась симпатией к мужу Минни, сохранив расположение на всю жизнь. Она называла его «братом», а он ее «сестрой».

Старшая дочь Короля Христина считалась самой привлекательной при Датском Дворе. Это не было преувеличением. Она производила впечатление на многих, а когда ее увидел Английский Престолонаследник, то и он потерял голову. Со временем, правда, этот «любовный угар» прошел.

В Висбадене с родителями находилось и трое детей Берти и Алике, что радовало Минни и Александра. Так было приятно смотреть на эти забавные существа, с которыми и Цесаревич и Цесаревна проводили немало времени. Мария Федоровна была особенно заботлива, внимательно слушала рассказы Алике о детях, о разных материнских переживаниях. Ее теперь эти темы чрезвычайно интересовали. Она ведь сама должна стать матерью.

С умилением наблюдая за играющими на ковре детьми, Мария Федоровна не ведала, что двухлетнему карапузу Джорджи суждено будет стать Королем, тем самым Георгом V, на субсидию от которого она будет доживать свой век!

В Висбадене семья Русского и Английского престолонаследников проводила дни почти все время вместе. У женщин были свои дела и разговоры, а у мужчин — свои. Александр и Альберт-Эдуард много гуляли, обсуждали политические вопросы и европейские светские новости. Они хорошо понимали друг друга.

Однако Цесаревич неожиданно открыл, что Берти не особенно внимателен к Алике, что у него имелись и другие интересы и привязанности, а при каждом удобном случае он

старался улизнуть из дома. В первый момент в том не было ничего удивительного, но уже через несколько дней такое поведение начало обескураживать. Последние вечера их пребывания они все время оставались втроем, и Александр не мог не заметить, что Алике, хотя и вела себя с большим самообладанием, но не была радостной.

Потом уж они с Минни узнают разные подробности о приверженности Берти к азартным играм, о его эпатирующих любовных историях. Будут ужасно переживать и сочувствовать «бедной Алике», испытывавшей такие потрясения.

Висбаденские каникулы длились десять дней, и 17 сентября они отбыли в Россию. Их провожали Уэльские, и Алике была невероятно грустна. Минни, Александр, Берти и Алике потом еще много раз встретятся. Их свидания будут происходить регулярно, раз в два-три года, обычно в Дании.

Летом 1873 года Цесаревич и Цесаревна будут гостями Берти и Алике во время посещения Великобритании. Королева Виктория выкажет им внешнюю симпатию без внутреннего расположения. Она будет уязвлена тем, что «эти русские» прибыли с визитом к ней так поздно, чуть ли не в последнюю очередь, в то время как другие принцы и принцессы из разных европейских домов вели себя совершенно иначе.

Александр ворчанию «старой Queen» не придавал особого значения. Ему, как и отцу, она тоже не понравилась. Английской Королеве на своем веку доведется увидеть у себя в гостях и четвертого Русского Царя: в Англии будет гостить — Цесаревичем и Монархом — муж ее внучки Алисы Николай II.

В том сентябре 1867 года, по дороге домой, Александр Александрович и Мария Федоровна сделали остановку в Берлине, чтобы нанести визит вежливости Прусскому Дому. В неурочное время к Цесаревичу совершенно неожиданно явился именитый гость: бывший прусский посол в Петербурге, а ныне первый министр Короля Вильгельма I Отто Бисмарк.

Александру было любопытно пообщаться с политиком, известным уже всей Европе. Состоялась беседа. «С ним я говорил долго и много спрашивал о теперешних делах Пруссии, о последней войне. Бисмарк объяснял по-своему, и заметно было, что он многое скрывает и многого не скажет ни за что. Говорили тоже о вопросе Северного Шлезвига, но результат очень неудовлетворительный, и, кажется, кроме некоторых городов Пруссия ничего не отдаст Дании».

Вернулись в Петербург только 23 сентября, пробыв за границей четыре месяца. Никогда в последующие годы они так долго не будут отсутствовать. Поселились в Царском, в

Александровском Дворце, который был уже полностью готов после переделки.

Они по-прежнему были счастливы, но Александр все время замечал, что Минни временами бывает грустна, и несколько раз заставал ее плачущей. Она не объяснила, в чем дело, но сам догадался, что это от переживаний по несбывшемуся еще материнству. К тому же в октябре она опять простудилась и проболела свадьбу Вилли и Ольги. В конце октября Минни сказала, что вроде бы беременна. У Цесаревича замерло сердце. Неужели теперь правда? А может — опять ошибка? Нет, не может этого быть; они не прогневили Господа, и он пошлет им долгожданную радость.

Цесаревич переживал от отсутствия детей; его мучили страхи от того, что, может быть, у них с Минни их и не будет. Но эти мысли гнал, надеясь на лучшее.

В годовщину свадьбы записал: «Этот год прошел быстро, счастливо и довольно спокойно. Я постоянно благодарю Бога за это счастье, которое Он мне даровал, и, конечно, большего счастья на свете нельзя иметь. Однако что меня очень печалит, это то, что до сих пор у нас нет детей, но я готов ждать с терпением этого великого события — благословения Божьего, если только я имею надежду иметь детей. Теперь, благодаря Господа, я имею и счастлив без конца, но одной надежды мало, и я уповаю во всем на Господа. Да будет Воля Его».

Глава 11
Материнские заботы

Переезжая в Россию, Принцесса Дагмар понимала, что среди ее обязанностей будет одна, самая важная — стать матерью. Девушка впечатлительная и романтическая, она боялась этого, сознавая, что должна произвести на свет здоровое потомство, умножавшее Царский Род. То была страшная ответственность, ощущаемая все время. Много раз говорила об этом с мужем. Тот сам страшно переживал, но временами был более спокоен, всецело полагаясь на милость Господа. Она тоже усердно молилась, но кто-то ей сказал, что человек, изменивший один раз вере, — грешник.

Мария старалась не придавать подобному утверждению значения; все близкие уверяли, что ее переход в Православие — угодное Богу дело. Но тревога оставалась, а мысль о невольной греховности возвращалась снова и снова. Тем более что долго не удавалось стать беременной. Несколько раз казалось, что вот, случилось, но выяснялось, что это ошибка. Порой, просыпаясь ночью, тихо плакала, и Саша, который спал очень чутко, тут же пробуждался, начинал утешать. Он был такой милый, «такой душка», и больше всего хотелось доставить ему радость. Лишь только в конце 1867 года врачи определенно заявили, что она действительно беременна.

К весне 1868 года уже все знали, что Цесаревна к началу лета будет матерью. Новость стала «горячей». В свете внимательно наблюдали и оценивали ее поведение, ее вид, тем более что циркулировали слухи о том, что Цесаревна не может стать матерью, что у нее все время открываются болезненные кровотечения. Некоторые даже говорили, что у нее случился выкидыш…

Беременность действительно протекала у нее сложно, ей нередко приходилось проводить по несколько дней в постели. Появляясь же на людях, держалась безукоризненно. Действительных поводов для злословия Мария Федоровна не давала. Как и раньше, аккуратно выполняла свои обязанности: посещала свекровь, бывала на вечерах, в театрах, на приемах. Внешне она мало изменилась. Только при внимательном взгляде можно было различить некоторую деформацию фигуры, да те, кто достаточно знал, не могли не заметить, что фасоны платьев изменились: они стали более свободными.

Об истинном состоянии Цесаревны были осведомлены лишь

единицы, но и этого хватало, чтобы все стало секретом полишинеля. Аристократический мир не умеет хранить тайны. Многое так или иначе становилось известно, обрастая попутно немыслимыми подробностями.

Достаточно было Императрице Марии Александровне за утренним туалетом лишь выразить сочувствие состоянию здоровья невестки. Дальше шло обычным порядком: ближайшая фрейлина сказала об этом сестре, матери или подруге, та — другой, а затем пошло-поехало. Некоторые светские дамы целый день тем и были заняты, что объезжали дома людей своего круга, чтобы поделиться последними новостями. В числе главных — здоровье Цесаревны.

Как только Мария Федоровна появлялась на публике, сотни внимательных глаз буквально впивались в ее невысокую фигуру. Затем начинались обсуждения. Вы видели, как она бледна? Вы заметили, с каким трудом она ходит, как она неулыбчива, какие у нее появились странные пятна на лице? Некоторые так увлекались нагнетанием страстей, что приходили к выводу: «Цесаревна угасает». Подобные предположения были совершенно беспочвенными. Несмотря на приступы болезненной слабости, Мария Федоровна сохраняла крепость духа. Она была счастлива.

Счастлив был и Александр. Но в марте, когда Минни была уже почти «на сносях», ему пришлось на несколько недель покинуть жену. Он получил распоряжение Государя отправиться в Ниццу на освящение православной часовни на месте виллы Бермон, где тремя годами ранее скончался Цесаревич Николай Александрович.

14 марта 1868 года состоялось освещение, и сын сообщал матери: «Тяжело было снова увидеть этот город, который всем напоминает мне самые ужасные минуты моей молодой жизни, минуты, которые никогда не изгладятся из моей жизни, потому что я не мог себе представить, что я могу сделаться Наследником и заменить моего милого друга Никсу». Он писал и жене, рассказывая о своих мрачных мыслях в солнечной Ницце. Но Марии не надо было ничего подробно объяснять; она все хорошо понимала и чувствовала.

У нее были свои тяжелые волнения, связанные с ее положением. Надо было держаться, нельзя было расслабиться. Она не имела теперь права волноваться, так как это могло неблагоприятно отразиться на ребенке. Цесаревна старалась жить, как и раньше, но душа все время тосковала по мужу. Она ему корреспондировала регулярно. Ее письма бодры, трогательны, полны изъяснений в любви: «Как скучно без тебя. Ты этого и представить не можешь, потому что я тебя гораздо больше

люблю, чем ты меня; не правда ли?»

Она называла его теперь любовно «пусси-пусси», и Цесаревич улыбался, когда это слышал. У них уже был свой мир, свой язык, свой стиль отношений, недоступный никому другому.

О своем физическом состоянии она почти ничего не писала, стараясь не отягощать лишними переживаниями. Если не знать реального положения вещей, то эти письма можно принять за послания веселой и беззаботной особы, не обремененной ни страхами, ни переживаниями, ни регулярно повторяющимися приступами слабости, а лишь чувствами к своему любимому.

«Здравствуй, ангел сердца моего. Ты видишь, что мои мысли не покидают тебя ни на минуту. Ты был моей последней мыслью, когда я засыпала, и сейчас, как только я проснулась, снова пишу тебе. А от тебя все еще нет ничего. Ты мог бы хотя бы прислать хоть одно маленькое словечко телеграммой уже из Пскова, или с какой-нибудь другой станции, но ничего нет. Пусси, Пусси, ты так увлекся игрой в карты, что уже забыл меня, не правда ли?» Она знала, что это неправда, но так хотелось еще раз услышать, что ее сильно любят!

Мария Федоровна при этом регулярно и подробно описывала состояние Императрицы. У Марии Александровны уже в начале 60-х годов появились признаки чахотки, и она постоянно лечилась у известнейших докторов, на лучших курортах в России и за границей. Без малого двадцать лет супруга Александра II боролась с недугом, который в конце концов преждевременно свел ее в могилу.

Почти пятнадцать последних лет ее жизни рядом с ней была невестка, которая просто могла бы написать историю болезни свекрови. Чуть ли не ежедневно ее навещала, выслушивала, сочувствовала, обсуждала с докторами течение болезни.

Она была так заботлива, так искренне участлива, что это не могло не тронуть добродетельное сердце царицы. «Твоя дорогая Мама, к несчастью, опять перенесла неприятный приступ. В 4 часа у нее вдруг началось харканье кровью, чего с нею не было уже несколько лет. Но Гартман (Карл Карлович, лейб-медик. — А. Б.) не волнуется и надеется, что это более не повторится. Он только попросил ее, чтобы она вела как можно более спокойный образ жизни и много не разговаривала. За обедом, однако, она разговаривала… Но сегодня вечером для чтения она не может появиться. Только бы Бог сделал так, чтобы это не повторилось. Несчастная, как это ужасно и для нее и для нас, которые не могут ей ничем помочь».

Марии Федоровне и самой необходимо было вести спокойный образ жизни, но она до последней возможности не

отказывалась от своих семейно-династических обязательств.

С конца апреля 1868 года семья Цесаревича жила в Александровском Дворце Царского Села, а рядом, в Большом Дворце, обосновались Царь с Царицей. Важного события можно было ждать в любую минуту. Александр в эти дни почти не отлучался, лишь в самом крайнем случае, находясь все время или вместе с женой, или поблизости.

6 мая, в начале 5-го утра, Мария Федоровна проснулась, ощущая сильную боль в нижней части живота. Она тут же разбудила Сашу, который сам не знал, что делать. Позвал акушерку, которая сказала: «начинается».

Цесаревич тут же написал и отправил записку матери: «Милая душка, Ма! Сегодня утром, около 4-х часов, Минни почувствовала снова боли, но сильнее, чем вчера, и почти вовсе не спала. Теперь боли продолжаются, и приходила мадмуазель Михайлова, которая говорит, что это уже решительно начало родов. Минни порядочно страдает по временам, но теперь одевается, и я ей позволил даже ходить по комнате. Я хотел приехать сам к Тебе и Папа, но Минни умоляет меня не выходить от нее. Дай Бог, чтобы все прошло благополучно, как до сих пор, и тогда-то будет радость и счастье».

Но потребовалось еще несколько часов, пока все окончательно определилось. Дальнейший ход событий запечатлен в дневнике Цесаревича.

«Мама с Папа приехали около 10 часов, и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около $12^1/_2$ жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец, в $^1/_2$ 3 час пришла последняя минута, и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была — это нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно».

Чувства были естественны и понятны. У них — сын! Они дождались долгожданного благословения Господня! И палили пушки, и гремели салюты, и сыпались Высочайшие милости. У Императора Александра II появился первый внук. Родился последний Русский Царь, человек, которому уготована была небывалая судьба…

Через две недели состоялись крестины. Великий князь Николай Александрович впервые покинул отчий кров, и в

золоченой царской карете его отвезли в Большой Дворец. Восприемниками стали: Царь, Великая княгиня Елена Павловна, Датский наследный Принц Фредерик, Датская Королева Луиза и Русская Царица Мария Александровна.

Датские бабушка и дядя специально ради этого случая приехали в Россию. Почти через тринадцать лет Николай Александрович станет Цесаревичем, а через двадцать шесть лет, в 1894 году — Императором. С того времени 6 (18) мая будет государственным праздником России вплоть до последнего, 1917 года. Затем эта дата превратится в день памяти Последнего Русского Царя. (Порой неверно датируют это событие 19 мая по Григорианскому календарю, хотя разница между новым и старым стилем для XIX века составляла 12 дней.)

Ребенок был здоровым и жизнерадостным. Очень редко плакал; няньки и кормилицы поражались его спокойному нраву. Но больше всех радовались родители. Минни после родов сразу как будто заново ожила, а Александр испытывал восторженные чувства. Каждый день, как только вставал, отец направлялся к Сыну, и душа наполнялась неизъяснимым блаженством при виде улыбчивого малыша, который почти всегда «был в духе». Вскоре после появления Сына Цесаревич записал: «Да будет Воля Твоя. Госполи! Не оставь нас в будущем, как Ты не оставлял нас троих в прошлом, Аминь». Их теперь уже было трое, и Цесаревич молился за всех.

Императрица Мария Александровна находила, что первый внук очень напоминает ей сына Александра. Сейчас трудно установить, насколько подобное утверждение справедливо (младенческих изображений Александра III фактически нет), но фотографии юного Николая Александровича несомненно свидетельствуют, что Он очень походил на мать. Мария Федоровна не только наградила Сына правильными чертами лица, выражением и цветом глаз, но и передала Ему то, чем всегда владела — очарованием натуры. Это был тот ребенок, который неизменно всем нравился, и многие любили его искренне.

В июне Царь с Царицей переехали в Петергоф, куда последовали и Цесаревич с Цесаревной. Они разместились во дворце Коттедж, в том самом, где много времени в раннем возрасте проводил Александр Александрович. Он наизусть знал все эти небольшие комнаты, сюжеты картин, висевших на стенах, прекрасно помнил малейшие детали быта в этом дворце: и как с ним играл дедушка, и как его ласкала бабушка.

Здесь много было интересных диковин и редкостей: старинные замысловатые часы, забавные серебряные кружки и

чайники, изящные фарфоровые и стеклянные вазы и бокалы, затейливые люстры, причудливые абажуры и другая всякая всячина, развешенная и расставленная во всех комнатах двухэтажного Дворца.

Александр сам уже начал собирать коллекцию старинного фарфора и стекла, и ему было все это очень интересно. Минни эти вещи нравились, но особого внимания она им не уделяла.

Лето было спокойным и радостным. Спал с души груз затаенных страхов и опасений. Мария Федоровна была умиротворена сознанием того, что смогла произвести на свет здорового сына, а то уж в какой-то момент начала разуверяться в возможности стать матерью.

Цесаревич тоже все время находился в ровно-спокойном настроении. У них теперь был сын, и, что бы ни случилось, продолжение рода обеспечено. И не надо больше ничего объяснять, и не надо было бояться снисходительно-сочувственных взглядов родных и придворных. Они веселились как молодожены. Сами давали балы, ездили на праздники к другим. Благо, в Петергофе в тот год собралось блестящее общество. Почти все родственники и «родственники родственников»; боковые ветви Царской Династии — Лейхтенбергские, Ольденбургские, Мекленбург-Стрелицкие.

Александра впервые каскад балов и гуляний не раздражал. Сам усердно танцевал и с удовольствием наблюдал за женой, которая часами танцевала почти без перерыва. Днями гуляли или ездили кататься в коляске. Однажды произошел забавный случай.

Проезжали мимо усадьбы Ольденбургских и увидели группу женщин, занимавшихся невероятным занятием: они загорали. Все были «дезабилье», а некоторые почти совсем обнажены. И это днем и чуть ли не на большой дороге! Сын старого принца Петра Ольденбургского (сын Великой княгини Екатерины Павловны и принца Георга Ольденбургского) Александр славился своей широкой натурой, образованностью и не раз демонстрировал пренебрежение к нормам высшего света. Вот и теперь эти «голые дамы» наверняка дадут светским кумушкам повод позлословить на его счет. Цесаревич не осуждал принца Александра, но и одобрить не мог подобные фривольности.

Мария Федоровна же восприняла это зрелище не только спокойно, но и с большим интересом, и мужу показалось, что если бы не ее положение, жена немедля присоединилась бы к этой эмансипированной компании. Она нередко вела себя невероятно раскованно. Позволяла себе в укромном уголке парка раздеться донага и в таком виде плавать в море. А в это время мужу приходилось сидеть на берегу и исполнять роль сторожа,

ужасно переживая, как бы кто посторонний не увидел «это безобразие». Но в душе он радовался, что Минни хорошо.

В июле стало известно, что Фреди помолвлен с дочерью короля Швеции и Норвегии Карла XV шестнадцатилетней Ловизой (Луизой). Александр и Мария Федоровна радовались за Фредерика, но и жалость просыпалась. Уж больно Шведская Принцесса была некрасивой, «уродиной», как считал Цесаревич. Но на все Божья воля. В августе приехали дедушка и бабушка Николая Александровича. Датской чете в России был оказан самый радушный прием.

Короля с Королевой поселили в Большом дворце Петергофа, устраивали в их честь балы и приемы. Царь или Цесаревич все время были рядом с Христианом IX, а Александр II специально организовал для него охоту на волков. Датский Монарх был весьма удивлен, что недалеко от русской столицы можно в избытке встретить таких животных. Королева же Луиза большую часть времени проводила с Минни и ее малышом.

Александр и Мария показали датским родителям свой дом — Аничков Дворец и собранные в нем редкости. Особенно большое впечатление на Короля и Королеву произвела туалетная комната Императрицы Анны Иоанновны, где все предметы были сделаны из чистого золота.

Тем же летом Мария Федоровна впервые посетила Гатчину. Ее отвез туда Александр, показавший дворец, парк и все окрестности. Жене эта Царская резиденция очень понравилась. В дальнейшем в Гатчине они проведут счастливые и радостные годы жизни. К зиме вернулись в Аничков.

Уже к Рождеству Александр знал наверняка: его жена снова в положении, у них намечается прибавление потомства. Теперь это известие лишь радовало; все опасения прошлого были забыты. Мария Федоровна ничем не показывала вида и вела себя как обычно. Бал следовал за балом, Цесаревна везде была обворожительна.

На одном из ночных увеселений в Зимнем Дворце в январе 1869 года Цесаревичу пришлось пережить еще раз свое прошлое. Он и сам понять не мог, почему ему вдруг захотелось вернуться назад. Очень захотелось.

«Протанцевал три кадрили с А.В. Жуковской, с которой больше всего вспоминали про милое прошедшее время и, конечно, про бедную М. Э., о которой вспоминать мне всегда тяжело, а в особенности после несчастной ее кончины, подробности которой ужасно грустны… Я все остальное время бала и ужина был грустен, потому что все так живо напоминало милое и грустное прошлое».

Минни он в это не посвящал, да та так была увлечена и разгорячена стихией бала, что и не заметила перемену настроения мужа. Она опять была «как сумасшедшая». В тот год подобное «помешательство» повторялась не раз.

Зимой решили организовать в Аничкове театр. Цесаревич пригласил придворного архитектора Ипполита Монигетти (построившего для Царской Семьи первый дворец в Ливадии, где и умер Александр III), который несколько недель занимался переоборудованием большого зала. В марте состоялась премьера. Ставили живые картины: «Комната с обществом времен Людовика XV», «Дуэль» Жерома, «Ангел» Лермонтова и «Аве Мария» Шуберта, «с музыкой, пением и хором». Исполнителями были: Цесаревич, Мария Федоровна, Саша Жуковская, Великий князь Алексей, Юрий Лейхтенбергский, Великий князь Николай Константинович, граф Илларион Воронцов-Дашков и некоторые другие из числа друзей и родственников. Представление прошло успешно. Зрители не скупились на аплодисменты, и особенно усердно хлопал Царь. По желанию высокой публики представление было повторено.

Через два месяца, 20 мая 1869 года, Мария Федоровна разрешилась от бремени сыном, нареченным Александром. В роду Романовых было много Александров, и вот одним стало больше. Двое детей — какое это счастье, какое это богатство, какая отрада родительскому глазу.

Мария Федоровна проводила с ними каждую свободную минуту, но таких минут все время не хватало. Прошло два месяца после родов, и надо было собираться в дорогу, и на несколько недель покидать своих малюток. Тем летом Мария Федоровна поехала с Александром по России. Это была ее первая большая поездка по стране. Посетили Москву, Нижний Новгород, Кострому, Казань, Симбирск и множество других городов и местечек. Впечатлений было много, и Цесаревна уже не сомневалась, что «это ее страна навечно».

В апреле же 1870 года случилось большое горе. В середине того месяца маленький Александр заболел. Он простудился. Первое время не было никаких опасений, но через пару дней состояние одиннадцатимесячного Великого князя резко начало ухудшаться. Были приглашены лучшие врачи, Гирш, но они не дали утешительной надежды. Мария Федоровна не отходила от сына ни днем, ни ночью. И Александр почти все время был рядом. Он отменил (впервые в жизни) свои дела и ждал будущего. Ездили в соборы. Молились там, молились и в своей церкви.

17 апреля — день рождения Александра II, Царю исполнилось 52 года. Но радости не было. В Аничкове впервые за время их там

проживания царила грустная атмосфера. Когда маленький засыпал, то муж старался отвлечь Минни от грустной безысходности и продолжал ей читать записки Императрицы Екатерины II, начатые еще раньше. Жена слушала как будто внимательно, но порой замечал, что ее мысли где-то далеко и судьба Русской Царицы, которой так интересовалась раньше, теперь ее не волнует.

Наступило 20 апреля, и в половине четвертого дня маленький Александр Александрович умер на руках у Марии Федоровны. Родители были убиты горем. «Боже, что за день Ты нам послал и что за испытание, которое мы никогда не забудем до конца нашей жизни, но «Да будет Воля Твоя, Господи», и мы смиряемся пред Тобой и Твоею волей. Господи, упокой душу младенца нашего, ангела Александра».

Был позван художник Иван Крамской (1837–1887), сделавший карандашный рисунок умершего Великого князя. На следующий день рассказали старшему Сыну Николаю, что Его братик умер. Двухлетний мальчик воспринял все спокойно и, когда повели прощаться с Александром, совсем не боялся, поцеловал мертвого в лоб и положил на него красную розу, как Ему было сказано.

Тяжелей же всех переживала мать. На Марию Федоровну было жалко смотреть. Она за несколько дней осунулась, почернела и постарела. Опять смерть вслед за радостью, снова слезы, горе, когда казалось, что все вокруг так светло и безоблачно. Неисповедимы пути Господа и Промысел Его смертным часто не ведан. Надо смириться, надо жить.

Господь послал Марии Федоровне и Александру Александровичу еще четверых детей. 27 апреля 1871 года родился Георгий, 25 марта 1875 года — Ксения, 22 октября 1878 года — Михаил. Младшенькая Ольга появилась на свет 1 июня 1882 года. Она была единственным порфирородным ребенком, так как к тому времени отец и мать уже были Венценосцами.

Мария Федоровна всех детей любила, и они ей платили тем же. «Дорогая Мама» являлась для них непререкаемым моральным авторитетом, как и отец, но с последним им видеться доводилось меньше, хотя Александр был даже больше склонен баловать детей и смотреть сквозь пальцы на их шалости и забавы. Мария Федоровна, напротив, наследовала принципы воспитания, проверенные на ней самой при Датском Дворе. Она была не склонна заниматься мелкой опекой, никогда не «сюсюкала» с сыновьями и дочерьми, но всегда требовала выполнения ими своих обязанностей и безусловного подчинения. Еще она требовала правдивости.

Со стороны семья Александра III производила впечатление

патриархальной русской семьи. Признанным главой — хозяином был отец, которому все подчинялись. Мир и духовные ценности семьи тоже были традиционными: почитание старших, вера в Бога, соблюдение всех церковных обрядов и бытовых норм. Но это внешнее восприятие фиксировало лишь формальную сторону. На деле все было не совсем так.

Муж, оставаясь признанным хозяином (его роль базировалась лишь на бесспорном моральном лидерстве, и он никогда ничего не делал, чтобы утвердиться в этой роли какими-то силовыми методами), фактически передал Марии Федоровне все права по управлению семейной жизнью. Как воспитывать детей, каких учителей к ним приглашать, куда ехать отдыхать, какие книги им читать, кому писать письма, когда читать молитвы и за многое другое отвечала именно мать. Конечно, она согласовывала свои действия и решения с мужем, но тот почти никогда не менял ничего по существу, а порой только вносил некоторые коррективы.

Дети делились «на старших» (Николай, Георгий, Ксения) и «младших» (Михаил, Ольга). Родители любили всех, но некоторые нюансы этого чувства все-таки можно уловить по сохранившимся документам. Мария Федоровна отдавала предпочтение старшим. Нельзя сказать, чтобы она их больше любила. Нет. Просто им больше уделяла внимания именно в силу того, что с ними были сопряжены более серьезные в семейном и важные в общественном отношениях проблемы.

Николай — первенец, будущее рода, Наследник Престола. Все, что его касалось — первостепенный вопрос. Георгий — «Милый Джорджи» — нежный и ласковый, отрада матери. Когда стал взрослеть, то обнаружилась его болезненность. Затем этот кошмар — чахотка (туберкулез). И почти десять лет борьба за жизнь сына, и слезы и молитвы, а затем ужас преждевременной кончины и материнская душевная рана навсегда.

Ксения же была несомненной любимицей. Она в молодости так походила на мать: тот же овал лица, взгляд, походка, манера поведения. Старшая дочь не копировала мать; она просто унаследовала от нее многое. Ей не хватало лишь очарования Марии Федоровны, душевного магнетизма, рождавшего симпатию. В Великой княжне было то, что начисто отсутствовало у родительницы: желчность, пренебрежение к людям. Когда она стала женой Александра Михайловича, то эти качества, которые ранее только просматривались иногда, под покровительством красавца мужа расцвели с невероятной пышностью.

Ксения Александровна, беспредельно любя и восхищаясь своим Сандро, сделалась его вторым «я». Она мыслила как он,

оценивала всё и всех как он, видела мир в тех красках, что и муж. Невольно напрашивается сравнение с чеховской «Душечкой», но в данном случае такое сравнение не подходит. В Ксении было слишком много амбициозной фанаберии. Но к матери она относилась с ровной симпатией, которая со временем стала лишь данью традиции.

Младшие же дети, Михаил и Ольга, так на всю жизнь для матери и остались «маленькими». Ольгу же она вообще до самых последних лет и называла по привычке «беби». Послушность младшей дочери слову «дорогой Мама» стала причиной ее семейного несчастья. Она безропотно вышла в августе 1901 года замуж за болезненного и индифферентного принца Петра Ольденбургского. Принц был всего на четырнадцать лет старше Ольги Александровны, но был уже почти рамоликом. Мария Федоровна, настояв на этом браке, потом не хотела себе признаться, что совершила ошибку. Ей долго казалось, что Ольга сама виновата в неудаче семейной жизни. Прозрение давалось с большим трудом.

Михаил же много лет был неотлучно при матери. Мария Федоровна с ним оставалась, когда другие обзавелись семьями, у них появились свои заботы и они отдалились от матери. Миша же был рядом, с ним она ездила навещать Георгия на Кавказ, отдыхала в Ливадии, посещала родных в Копенгагене и Лондоне. Когда в 1899 году, после смерти Георгия, Михаил Александрович сделался Наследником, то лишь тогда мать поняла, что ее «душке Мише» может выпасть великая и тяжелая судьба. Но согласиться с тем, что он взрослый, не могла и продолжала относиться к нему как к ребенку, со снисходительной любовью.

Уже когда младшему сыну было за тридцать, мать все еще наставляла: «Ты должен подавать всем хороший пример и никогда не забывать, что ты сын своего Отца. И это только из-за любви к тебе, мой дорогой Миша, я пишу эти слова, а не для того, чтобы огорчить тебя. Но иногда я так беспокоюсь за твое будущее и боюсь, что по причине твоего доброго сердца ты позволяешь себе втягиваться в какие-то истории, и тогда ты кажешься не таким, каким ты есть на самом деле. Я прошу у Бога, чтобы Он сохранил тебя и управлял тобой и чтобы Он сохранил в тебе веру в Него».

Много лет она была обеспокоена устройством семейной жизни младшего сына, но долго из этого ничего не получалось. Михаил Александрович все время увлекался дамами, которые ни при каких обстоятельствах не могли стать его женой. Значительная часть мужского состава Императорской Фамилии отличалась страстностью натур, и Михаил был в их числе. Его

увлечения, бурные и эмоциональные, беспокоили Марию Федоровну. Несколько раз брала с сына слово, что он не совершит недопустимого и не вступит в разнородный брак. Он давал обещания. Долго крепился.

Но осенью 1912 года все рухнуло. Великий князь Михаил Александрович в возрасте 34 лет тайно за границей обвенчался с дочерью присяжного поверенного (адвоката) из Москвы Натальей Сергеевной Шереметьевской (по первому браку Мамонтовой, по второму — Вулферт).

Это известие стало для матери потрясением. 4 ноября 1912 года она писала из Дании Императору Николаю II: «Теперь я должна тебе сказать о новом ужасно жестоком ударе! Я только что получила письмо от Миши, в котором он сообщает о своей женитьбе! Даже не верится и не понимаю, что я пишу, так это невыразимо отвратительно и меня совершенно убивает!

Я только об одном прошу, чтобы это осталось в секрете… Я думаю, что это единственное, что можно сделать, иначе я уже больше не покажусь, такой позор и срам! Бог ему простит, я только о нем могу сожалеть».

Скрыть брак брата Царя не было никакой возможности. Император уволил Михаила Александровича со службы, ему был воспрещен въезд в Россию. Лишь с началом Перовой мировой войны Великий князь был прощен, восстановлен в званиях. Его же жене была пожалована фамилия Брасова (по названию имения Михаила Александровича), а их сыну Георгию присвоен титул графа Брасова.

Главным же центром внимания и забот для матери всегда оставался старший Сын, «милый Ники». Он рос крепким и здоровым и с ранних пор совершал с родителями дальние поездки и прогулки. Первый раз Он отправился за пределы России в 1870 году. Семья Цесаревича тем летом гостила в Дании. В следующий свой приезд, через два года, в возрасте четырех лет Он заметно превосходил даже более старших детей по своей физической крепости. Александр Александрович сообщал матери, что старший Сын «делает огромные прогулки и никогда не устает».

Мальчик рос, был живым, любознательным и с ранних пор отличался воспитанностью и учтивостью. Он, как и другие, шалил и проказил, но всегда беспрекословно подчинялся воле отца и матери. Николай Александрович их любил искренней и неизбывной любовью, а когда отец умер, то навсегда сохранил о нем самое светлое воспоминание.

С матерью же был всегда нежен, неизменно проявлял в отношениях с ней деликатность, внимательность. И уж после

крушения Монархии, находясь в заточении, болезненно переживал, что разлучен «с дорогой Мама» и не может с ней видеться. В свой последний земной час, на пороге небытия, поверженный Царь горевал о том, что лишен общения с родным, навсегда близким человеком, с которым был связан неразрывными узами душевной близости.

Мария Федоровна с малолетства приучала Николая к неукоснительному выполнению своих обязанностей, и под ее постоянным контролем Сын вырос аккуратным, даже педантичным человеком, редко позволявшим себе расслабиться и отложить исполнение «того, что надо».

И взрослого мать не оставляла без внимания. Когда старший Сын уже служил офицером в Лейб-гвардии Преображенском полку (самом престижном подразделении Императорской Гвардии), то и тогда наставления матери не прекратились. «Никогда не забывай, — писала в письме, — что все глаза обращены на тебя, ожидая, каковы будут Твои первые самостоятельные шаги в жизни. Всегда будь воспитанным и вежливым с каждым, так чтобы у Тебя были хорошие отношения со всеми товарищами без исключения, и в то же время без налета фамильярности или интимности, и никогда не слушай сплетников».

В 1890–1891 годах Цесаревич Николай Александрович совершил длительное путешествие вокруг Азии, которое было спланировано родителями для развития кругозора и навыков самостоятельной жизни у будущего Императора. За ходом девятимесячного путешествия Император Александр III и Императрица Мария Федоровна внимательно следили. Особенно волновалась мать. Ее интересовали все детали поездки, все перипетии этой увлекательной одиссеи. Сын все время писал родителям. Те тоже писали, и если письма отца сдержанные, то послания матери проникнуты волнением, содержат немало рекомендаций и пожеланий.

Во время нахождения Цесаревича в Индии Мария Федоровна в письме наставляла: «Я хочу думать, что Ты очень вежлив со всеми англичанами, которые стараются оказать Тебе лучшие, по мере возможности, прием, охоту и т. д. Я хорошо знаю, что балы и другие официальные дела не очень занимательны, особенно в такую жару, но Ты должен понять, что Твое положение Тебя обязывает к этому. Отставь свой личный комфорт в сторону, будь вдвойне вежлив и дружелюбен и, более того, никогда не показывай, что Тебе скучно. Будешь ли Ты так делать, мой Ники? На балах Ты должен считать своим долгом больше танцевать и меньше курить в саду с офицерами, хотя это и более приятно.

Иначе просто нельзя, мой милый, но я знаю, Ты понимаешь всё это прекрасно, и Ты знаешь только одно мое желание, чтобы ничего нельзя было сказать против Тебя, и чтобы Ты оставил о себе самое лучшее впечатление у всех и всюду».

Когда путешествие Сына уже близилось к концу, то рано утром 30 апреля 1891 года в Петербурге получили ужасное известие: накануне днем в японском городе Оцу на Престолонаследника было совершено покушение. На первых порах ничего больше узнать было нельзя, кроме того, что будущий Император жив.

Царь и царица мучились неизвестностью и страшно переживали. Как здоровье Ники? Что там, на другом конце света на самом деле произошло? Лишь через некоторое время стали известны подробности. После завтрака у губернатора Цесаревич ехал по городу, и совершенно неожиданно на главной улице Оцу один из полицейских бросился с обнаженной саблей на сидевшего в рикше Николая. К счастью, все обошлось. Увидев занесенное над головой смертельное оружие, Цесаревич увернулся, выскочил из экипажа и бросился бежать от преследовавшего его безумца.

В этот момент всеобщего оцепенения не растерялся кузен Цесаревича, Греческий Принц Георг — сильный 22-летний молодой человек, сбивший злодея с ног. Все были потрясены и шокированы. Японский Император лично принес извинения; все кругом горевали и возмущались.

Но больше всех были потрясены родители. Мария Федоровна первые часы находилась в полуобморочном состоянии. Когда выяснилось, что Сын жив, здоров и отделался только небольшой ссадиной на голове, то только тогда душевное спокойствие стало возвращаться. Всевышний милостив к ним, что проявлялось уже не раз. Надо стараться быть достойным этой Великой Милости и делать все для того, чтобы ее не лишиться.

Будучи цельной и честной натурой, Мария Федоровна учила тому, в чем не сомневалась, призывала к тому, чему сама всю жизнь следовала. Она, как никто, знала, что это очень нелегко. Став Императрицей, не сомневалась: умение преодолевать себя, мастерство самообладания не только показывает воспитание, такт. Эти качества помогают преодолевать жизненные невзгоды, дают уверенность, что не совершил в минуту слабости опрометчивого поступка, не сказал недопустимую резкость и не нанес другому душевной раны.

В их положении обидеть человека, сокрушить его можно походя. Общественный статус семьи обязывал быть великодушным. Этому она учила детей, и сын Николай сумел

усвоить подобные истины. Он, как и мать, тоже не сомневался, что если иметь доброе сердце, открытую перед Богом душу, то тебе воздастся по заслугам. Подвергая тяжелейшим, порой просто немыслимым испытаниям, Господь никогда тебя не оставит.

Это была сложная школа воспитания смирения. Императрица Мария Федоровна и ее Сын Император Николай II всей своей жизнью показали, что величайшей христианской добродетелью они овладели в полной мере.

Глава 12
Царский мезальянс

В феврале 1880 года исполнилось 25-летие восшествия на престол Императора Александра II. Однако торжества не были радостными. В стране, а в высших коридорах власти в особенности, царила напряженная, почти унылая атмосфера.

За две недели до того, 5 февраля, было совершено очередное злодейское покушение на Царя. Причем все было организовано так хитро и изощренно, что могла погибнуть вся Царская Семья. Негодяи умудрилось заложить мощное взрывное устройство в нижнем этаже Зимнего Дворца, и взрыв раздался как раз под так называемым «Морганатическим залом», где должен был происходить Царский обед в присутствии всей фамилии.

Но, слава Богу, трапеза была несколько задержана из-за опоздания брата Царицы, герцога Александра Гессенского. Однако 13 солдат Финляндского полка, несших караул, погибли на месте, а несколько других позже скончались от ран, десятки получили ранения. Потом были молебны и слова благодарности Всевышнему, Который отвел угрозу от особы Монарха.

Но существовала и еще одна причина, вносившая в жизнь Двора атмосферу печали: состояние здоровья Императрицы Марии Александровны. Она только в январе вернулась из многомесячного пребывания в Крыму и за границей, на Юге Франции, где врачи пытались спасти Царицу от разрушительного легочного туберкулеза.

Она болела уже давно, но в 1879 году состояние заметно ухудшилось. Царица была бледна как смерть, постоянно невесела. Ее терзало не только собственное нездоровье, но и не проходившее беспокойство за жизнь Государя. Он все время был на мишени у злодеев, и она постоянно переживала. Когда 2 апреля 1879 года на прогулке в Летнем саду в Александра II стрелял некто Соловьев, то с Императрицей произошла почти истерика. Она долго рыдала, все время повторяя, что «больше незачем жить, я чувствую, что это меня убивает». И вот только вернулась из-за границы, и опять весь этот ужас.

Императрица Мария Александровна была добросердечным, глубоко верующим человеком, соблюдавшим все христианские обряды. Близко знавшие любили ее. Она много помогала неимущим, пеклась о больных и страждущих, и нравственный облик царицы производил сильное впечатление. Поэт Федор Тютчев, познакомившийся с ней осенью 1864 года в Ницце,

написал:

Кто б ни был ты, но, встретясь с ней,
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.

Все дети просто боготворили мать, и их любовь была дня нее лучшей наградой. У нее сложились добрые, сердечные отношения с невестками: с Цесаревной Марией Федоровной и женой Владимира Александровича Великой княгиней Марией Павловной (урожденной принцессой Мекленбург-Шверинской). Другие сыновья своими семьями не обзавелись: старший, Николай, умер на руках матери, а младшим, Сергею (1857) и Павлу (1860), еще было рано.

Императрица питала очевидное расположение к первой невестке. Она вместе с мужем очень опекала Датскую Принцессу и немало постаралась, чтобы после кончины Никса именно Дагмар вошла в Императорскую Семью женой сына Александра. Минни платила ей взаимностью, и между ними ни разу не возникло какого-либо недоразумения.

Мария Александровна сама вышла замуж по любви. Она была сразу очарована высоким, стройным и воспитанным Великим князем Цесаревичем Александром Николаевичем, с которым провела более двадцати лет в мире и согласии. Этот брак долго считался образцовым. Хотя при Дворе говорили о мимолетных увлечениях Цесаревича, а затем Императора Александра Николаевича, но ничего серьезного замечено не было. Казалось, что подобные разговоры — всего лишь светские домыслы.

Однако с конца 60-х годов при Дворе и в петербургском высшем свете возникли слухи о том, что у Императора Александра II появилась постоянная привязанность: молодая фрейлина княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. Родилась она в Москве в 1847 году и происходила из древнейшего княжеского рода. Многие находили ее красавицей, другие же, и таких было немало, не разделяли подобных утверждений. Но никто не решался опровергать очевидное и оспаривать несомненную привлекательность молодой и стройной княжны, смотревшей на мир широко раскрытыми глазами. Одни считали, что это взгляд «испуганной газели», недоброжелатели же полагали, что ее облик выдает в ней авантюристку.

Царь впервые увидел будущую свою привязанность, когда той было всего лишь десять лет. Он тогда проездом посетил имение Долгоруких Тепловку и невольно обратил внимание на живую и

улыбчивую девочку, нарушившую этикет и самовольно решившую познакомиться с императором. Эти живость и непосредственность подкупали.

В конце 50-х годов отец княжны, Михаил Михайлович, увлекся предпринимательской деятельностью, и это увлечение закончилось полным разорением. Некогда большое состояние улетучилось без следа. Вскоре папенька умер, и дети князя (две дочери и четверо сыновей) остались без всяких средств. Александр II проявил трогательное участие: имение было взято в опеку, а сироты стали Императорскими подопечными.

Дочери были определены в Институт благородных девиц в Петербурге, который чаще называли Смольным институтом (по названию расположенного по соседству Смольного монастыря). Основанный Императрицей Екатериной II в конце XVIII века по образцу Сен-Сирского института мадам де Ментенон (фаворитки, а затем жены Людовика XIV), он предназначался для представительниц русских дворянских фамилий и находился под патронажем первых лиц Императорской Фамилии. Царь регулярно посещал это аристократическое учебное заведение и всегда интересовался успехами своих подопечных, но особенно — Екатерины Долгорукой.

В семнадцать лет княжна закончила Смольный институт и получила место фрейлины при дворе Императрицы Марии Александровны. Ее переполняли романтические мечтания, но бесприданнице устроить благополучную семейную жизнь было непросто. Однако скоро в ее судьбе все так резко и так бесповоротно переменилось — в нее влюбился Царь. Она не могла не заметить, что уже давно повелитель огромной державы оказывал ее персоне невероятные знаки внимания: дарил подарки, часто и охотно беседовал, на зависть другим, подолгу прогуливался с ней наедине. Но когда однажды в укромном уголке Петергофского парка объяснился в любви, она обомлела. Молодая и неискушенная княжна представляла себе любовь совсем по-другому. Она ждала молодого красивого принца, а перед ней был человек, годившийся в отцы.

Император был почти на тридцать лет старше княжны Долгорукой. В 1868 году ему исполнилось пятьдесят лет, но он считался видным мужчиной. Известный французский писатель Теофиль Готье (1811–1872), увидевший Царя на балу в Зимнем Дворце в 1865 году, оставил красочный портрет Монарха:

«Александр II был одет в этот вечер в изящный военный костюм, выгодно выделявший его высокую, стройную и гибкую фигуру. Он был одет в белую куртку, украшенную золотыми позументами и спускавшуюся до бедер. Воротник и рукава были

оторочены мехом голубого сибирского песца. Светло-голубые брюки в обтяжку, узкие сапоги четко обрисовывали ноги. Волосы государя было коротко острижены и хорошо обрамляли высокий и красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными художником. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому тону лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определенны, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица, величественно-спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой».

Княжна Долгорукая не восприняла вначале серьезно признания Монарха. Она готова была повиноваться Самодержцу, но ее сердце ему, как мужчине, тогда еще не принадлежало. Она приходила на тайные свидания с Царем, была мила, участлива, но умело ускользала из его объятий, играя роль шаловливой и беспечной девчонки. Позднее она призналась своей ближайшей приятельнице Варваре Шебеко: «Не понимаю, как я могла противиться ему в течение целого года, как я не полюбила его раньше».

Император же был настойчив и терпелив. Он любил молодую княжну со всем пылом своей души, и эта поздняя страсть не давала покоя ни днем, ни ночью. Он ничего не мог с собой поделать, и если долго не видел свою возлюбленную, то становился грустным и раздражительным. Постепенно и Екатерина Долгорукая все больше и больше привязывалась к своему влюбленному повелителю.

1 июля 1866 года, в одном из павильонов парка Петергофа, при очередном тайном свидании девятнадцатилетняя девушка отдалась почти пятидесятилетнему мужчине, который услышал то, что давно желал слышать: она его любит всем сердцем и будет ему верна до конца.[4] И он ей сказал нечто, на что она не рассчитывала, но что так согрело ее истерзанное сердце: «Увы, я сейчас не свободен. Но при первой же возможности я женюсь на тебе, ибо отныне я навеки считаю тебя своей женой перед Богом».

С Монархом случилось что-то невероятное. Человек, который должен был всегда стоять неколебимо на охране основ и традиций, обязанный неукоснительно выполнять свой долг, преодолевать собственные прихоти и наклонности во имя высших интересов Династии и Империи, все забыл и всему изменил.

Нет, конечно, сам факт интимной близости Царя с молодой фрейлиной писаные законы и традицию еще не нарушал. Адюльтеры и случайные связи были всегда распространены, и на них многие смотрели как на неизбежный атрибут светской жизни. Давать же своего рода брачный обет, зная, что его исполнение

приведет в громкому скандалу, — это выходило не только за рамки общепринятого, но и за пределы всего известного ранее.

Может быть, он не рассчитывал, что доживет до времени, когда «будет свободным», а может быть, лишь хотел скрасить горести молодой барышни, потерявшей невинность и испытывавшей страхи перед будущим. Но через четырнадцать лет, когда поведет ее к алтарю, то вспомнит о том давнем обещании («слове мужчины»), а в беседах с близкими будет ссылаться на него, как на причину бесповоротного и скандального решения.

Тогда в Царском окружении припомнят другое. В 1868 году, давая согласие на брак герцога Евгения Аейхтенбергского (кузен Александра И, внук Императора Николая I, сын его старшей дочери Марии) на фрейлине цесаревны Дарье («Долли») Опочининой (1844–1870), Александр II сказал Наследнику Александру: «Я дал согласие на брак Евгения, поскольку не вижу никакого реального препятствия. Лейхтенберги не Великие князья (титул Великого князя переходил к внукам лишь по мужской линии. — А. Б.), и мы можем не беспокоиться об упадке их рода, который ничуть не задевает нашей страны. Но запомни хорошенько, что я тебе скажу: когда ты будешь призван на Царствование, ни в коем случае не давай разрешения на морганатические браки в твоей семье — это расшатывает трон».

А через три года после того наотрез откажет своему сыну Алексею связать свою жизнь с Сашей Жуковской и разобьет безжалостной рукой их высокую и искреннюю любовь.

Сама княжна Долгорукая, ставшая для Императора «дорогой Катрин», далеко вперед не заглядывала. Главное: она любит и сама любима. Все остальное вначале не имело особого значения. А этого, «всего остального», было более чем достаточно, чтобы отравить жизнь.

Не занимая видного поста при Дворе, она как фрейлина обязана была участвовать во многих церемониях и смогла близко наблюдать и прочувствовать холодную и напыщенную атмосферу той «золотой клетки», где находился ее возлюбленный.

Позже она отказалась от своих фрейлинских обязанностей, но не в силу прихоти или своеволия, а потому что находиться в придворной среде становилось непереносимо, и потому что надо было воспитывать детей, которых у нее от Императора родилось четверо: Георгий (1872–1913), Ольга (1873–1925), Борис (1876), Екатерина (1877–1959). В 1874 году Екатерине Михайловне и ее детям именным Императорским указом были пожалованы дворянские права (внебрачные дети таких прав не имели), а в 1880 году — родовой титул «светлейшей княгини Юрьевской».

Первые месяцы после того июльского события 1866 года в Петергофе Екатерина Долгорукая испытала немало волнений и переживаний. Она расставалась на несколько месяцев с Царем, чтобы избавиться от этого наваждения, но уже в 1867 году решила раз и навсегда предоставить все судьбе.

Император ей постоянно говорил о любви. Крепость собственных чувств у княгини уже сомнений не вызывала. Она отдала любимому мужчине всю себя без остатка, все чувства, мысли, воображение, заботы. Княжна стала не только возлюбленной Царя; она сделалась для него целым миром, миром тайным и сладостным, где Монарх находил успокоение и утешение от своей трудной и непрерывной миссии. Долгорукая уверовала в том, что Александр II сдержит обещание, и если Богу будет угодно, то он преодолеет трудности и станет законным мужем. Она верила возлюбленному, когда он говорил, что после встречи с ней не имел близости ни с одной женщиной, в том числе и с женой.

Екатерина Михайловна, выполнявшая некоторое время фрейлинские обязанности, прекрасно знала, что Императрица Мария Александровна серьезно больна и редкий день чувствовала себя хорошо. Царица только и была занята здоровьем, своими детьми и бесконечными молитвами и панихидами, а для «бедного Александра» у нее совсем не оставалось времени. Близко наблюдая Императрицу, княжна не сомневалась в своем женском превосходстве, но оставалось многое другое, что женским чарам было неподвластно.

Княжна следовала за Царем повсеместно. Весной 1867 года она инкогнито приехала в Париж, остановилась в небольшом отеле и каждую ночь встречалась с Александром II. Он, к ужасу русской тайной полиции, без сопровождения посещал ее в отеле; принимал в саду Елисейского Дворца, столь любимом когда-то легендарной фавориткой Людовика XV мадам де Помпадур. Она ездила за ним в Крым, жила на частной даче, и Император ее навещал. Они встречались в павильонах Петергофа, на прогулках в Павловске и Красном Селе. В Петербурге местом их свиданий стали две небольшие комнатки на первом этаже Зимнего Дворца, где жил последние годы и где скончался Император Николай I.

Из личных Царских покоев на втором этаже сюда вела тайная лестница, и Император, проведя вечер в кругу родных и близких, ближе к полуночи, спускался незамеченным вниз, чтобы встретить свою желанную. Она всегда его ждала. Он это знал и был рад, что есть человек, преданный ему целиком, до конца. Императору было хорошо в обществе княжны, так свободно, так раскованно, как никогда раньше и не было. Не надо было ничего

сочинять, не надо было быть царем, а можно остаться лишь мужчиной и ощущать тихую радость простого семейного очага.

Катрин готовила чай, помогала снять сапоги, окружала таким теплом и заботой, которых в других местах и иных помещениях царь и не знал никогда. Когда он целовал ее, то у него кружилась голова и он, человек, проживший уже большую жизнь и испытавший на своем веку немало сердечных привязанностей, трепетал, как зеленый юнец. Царь был счастлив. Позже он поселил «дорогую Катрин» со своими отпрысками в верхних апартаментах Зимнего Дворца, прямо над покоями Императрицы, не усмотрев в том ничего зазорного…

Хотя Царь свою связь с Долгорукой старался держать в секрете, но тайна Самодержца всех интересует и всем принадлежит. О серьезном увлечении Александра II и о его конспиративных свиданиях очень скоро стало известно сначала придворным, а затем и всему высшему обществу. Конечно, никто открыто не обсуждал столь щекотливую тему, но в интимных собраниях об этом много судачили. Как всегда бывало в таких случаях, правда перемешивалась с вымыслом, факты — с ложью.

В общих же чертах картина в 70-е годы XIX века сложилась вполне объективная: у Императора появилась вторая семья. Но почитание Самодержца в России было еще столь прочным, что никто не решался хоть как-то осудить повелителя. Все стрелы критики и поношения направлялись лишь по адресу Екатерины Долгорукой. Беспощадная молва приписывала ей самые невероятные поступки, немыслимое скандальное поведение, шокирующие высказывания.

Говорили, что княжна была невероятно развратна чуть ли не с пеленок, что она ведет себя нарочито вызывающе и, чтобы «разжечь страсть Императора», танцует перед ним обнаженная на столе, что в непристойном виде проводит целые дни и якобы даже принимает посетителей «почти не одетой», что она вымогает драгоценности и за бриллианты «готова отдаться первому встречному». И много чего еще говорили, рисуя облик молодой Долгорукой в самом непривлекательном виде.

Чадолюбивые мамаши, наслушавшись подобных разговоров, только и думали о том, как бы ненароком их молодые дочери, которых начинали вывозить в свет, даже издали не смогли бы увидеть ту, которую называли то Мессалиной, то куртизанкой. Родня же возлюбленной Царя тоже была обеспокоена, и Екатерине пришлось фактически прекратить близкие общения и с сестрой, и с братьями.

Княжна пожертвовала всем во имя любви и почти перестала таиться. Пусть будет так, как будет, а что делать — это должен

решать Александр. Но постепенно роман Императора перестал быть «горячей темой» в свете. Всё было сказано, всё было многократно обсуждено, а новых деталей и подробностей уже и выдумать было нельзя. Когда же жители столицы встречали на прогулке в Летнем саду Императора под руку с Катрин, то лишь скрыто улыбались, обменивались многозначительными взглядами и только иногда шепотом комментировали: «Император прогуливает свою мадемуазель». Интерес вновь невероятно усилился после смерти Императрицы Марии Александровны.

Александр II понимал двусмысленность собственного положения, но ничего не мог с собой поделать. Его привязанность к княжне Долгорукой приобрела маниакальный характер. Чувство долга уступило чувству любви. То, чему учил своих сыновей, нарушалось им самим. Это было тяжелым испытанием и для него, и для его близких, и в первую очередь для Императрицы. Мария Александровна беззаветно любила Александра всю жизнь: от первой встречи в пятнадцатилетием возрасте в Дармштадте до самой смерти.

Когда эпатирующая связь Императора с молодой княжной уже ни для кого не составляла секрета, то у многих невольно возникали вопросы: как на это смотрит Императрица? Неужели она ничего не видит, ничего не знает?

Она видела и знала. Факты ей были не нужны. Женское сердце трудно обмануть, любящее женское сердце обмануть невозможно. Безмерно почитая своего супруга, она никогда не позволила себе ни единого слова, ни малейшего намека, который мог бы выдать ее неудовольствие и бросить хоть тень на официально-добропорядочный образ Самодержца. В Царской Семье было наложено негласное табу на тему об увлечениях Императора и имя Долгорукой в присутствии Царицы ни разу не было произнесено.

Дети Александра II неукоснительно соблюдали это правило и даже между собой никогда не приближались к опасному рубежу. Они все уже были взрослые, некоторые имели собственные семьи, детей и, конечно же, знали о скандальной истории не только с чужих слов. Случались неловкие сцены, неприятные встречи.

Однажды в Царском Селе отца на прогулке в экипаже сопровождали сын Сергей и дочь Мария (герцогиня Эдинбургская). Совершенно неожиданно в глубине парка, почти у самого Павловска, Император попросил остановиться, попрощался с детьми и на их глазах пересел в экипаж, где помещалась Долгорукая со своими детьми.

Позднее, вспоминая этот эпизод, Великий князь Сергей Александрович заметил своей знакомой: «Поверите ли, во время

всего пути от Павловска до Царского мы с Марией не только не обмолвились ни одним словом об этом событии, но и взглядом не обменялись». Эта «игра в молчанку» длилась долго, но она не могла продолжаться бесконечно. В 1880 году весь прозрачный камуфляж стал рушиться просто на глазах.

Когда Императрица Мария Александровна вернулась в начале 1880 года в Россию, то мало у кого оставалась надежда, что она долго проживет. Она слабела с каждым днем, и врачи определенно уже говорили, что смерть наступит очень скоро.

Царица уже не вставала с постели, ее мало что интересовало. Сил хватало лишь на молитву и на краткие встречи с детьми. Порой приходил супруг, и в эти мгновения наступало просветление.

В ней вдруг пробуждались какие-то силы, и она становилась бодрее, даже улыбка появлялась на бескровных губах. Мария радовалась видеть мужа. Ни в чем не упрекала, ни на что не жаловалась, а лишь интересовалась его делами. Император же ощущал себя неловко. Лишь ненадолго присаживаясь на краешек стула у кровати, говорил какие-то ничего не значившие слова, гладил ее руку и, уходя, целовал в мертвенно-бледную щеку. Не раз приближенные видели, что выходя из опочивальни жены, на глазах Императора блестели слезы.

Все ждали неотвратимого будущего. В наиболее сложном положении находился Цесаревич. Занимая второе место в династической иерархии, Наследник волей-неволей оказывался в центре неприятных и нежеланных событий. Он видел, что вокруг происходит, но сохранял удивительное самообладание, внешнее спокойствие.

Сдержанный и послушный Александр Александрович долго не позволял себе обсуждать деликатную ситуацию даже со своей Минни. Оба они знали, что в то время как Императрица умирает, Александр II проводит почти все вечера и ночи в обществе любовницы, начинавшей вести себя всё более заносчиво и самоуверенно. Говорили, что некоторые особенно расторопные царедворцы нащупывали возможность установить с княжной отношения, видя в ней будущую хозяйку не только Зимнего Дворца, но, кто знает, может быть и России. Утверждали даже, что она, пользуясь близостью к Императору, оказывала протекцию некоторым дельцам, проталкивавшим сомнительные финансовые проекты. Все это было неприятно и порой вызывало возмущение в душе, но Цесаревич молчал.

Мария Федоровна тоже молчала. На людях не позволяла себе никаких намеков и замечаний, хотя ей это давалось значительно труднее, чем мужу. Она очень чтила свекровь, считая ее

искренним и добросердечным человеком. Всю жизнь, обладая юношеской свежестью чувств и искренностью восприятий, Мария Федоровна с большим трудом переносила ложь и притворство в личных отношениях. Живя в России, знала, что воля Монарха — есть воля Империи, а решения и поступки Самодержца никогда не подлежали публичному не только осуждению, но даже обсуждению. Это являлось азбучной истиной, и Датская Принцесса приняла ее без колебаний.

Ей было непонятно и неприятно поведение некоторых родственников, позволявших в своем кругу нелицеприятные обмолвки и высказывания, так или иначе задевавшие честь особы государя. Особенно досаждала Великая княгиня Ольга Федоровна, считавшая возможным вести предосудительные разговоры и гневно клеймившая «проходимцев», якобы окруживших Царя. Чтобы избавить себя от ненужных переживаний и не участвовать в подобных недопустимостях, Мария Федоровна старалась как можно реже видеться с «тетей Ольгой» и уж во всяком случае не оставаться с ней наедине.

Бывшая Датская Принцесса всегда оставалась сострадательным человеком, женщиной большой души и любвеобильного сердца. Почти каждый день она посещала свекровь и не могла без слез смотреть на нее. Она сама уже много пережила; смерть уже оставила неизгладимый след в ее памяти, но привыкнуть к этому было невозможно, как невозможно было равнодушно наблюдать за всем происходившим вокруг. Она не раз тихо плакала, но не могла излить своих чувств даже мужу, которому самому было невероятно тяжело.

Позднее она будет удивляться, как ей удалось «пережить весь этот кошмар». Невообразимы были муки женщины, знающей, что ее муж находит утешение в объятиях другой! Боже мой, эту пытку и представить себе немыслимо! Свекровь же несла этот крест до последнего мига своего земного бытия!

Однажды Цесаревна не сдержалась и откровенно сказала Царю, пригласившему ее на вечер к себе, что «не хочет присутствовать там, где так много нежелательных лиц». Любивший невестку Император был обескуражен подобным пренебрежением, меланхолически заметив, что «стоит ему проявить к кому-то расположение, как семья начинает ненавидеть этого человека». Минни промолчала, но на вечере не была.

Рано утром 22 мая 1880 года Императрица Мария Александровна умерла. Ангел смерти так тихо пролетел, что даже сиделки не могли с точностью указать минуту ее кончины. За несколько времени до кончины Императрица выразила свою мечту умереть в тишине и одиночестве, без душераздирающих

сцен прощания с родными и близкими. «Не люблю я этих пикников возле смертного одра», — заключила она. Казалось, что Господь услыхал и исполнил ее последнюю волю.

Весть о кончине Царицы быстро облетела столицу, и в Зимний Дворец спешили родственники и близкие. У двери опочивальни скопилась большая толпа. Первым должен был войти Государь, но он был в Царском Селе со своей «Катрин», все ждали его. В 10 часов утра Александр II прибыл и молча прошел к покойной. Двери затворились. Стояла напряженная тишина, и время как будто остановилась. Самодержец вышел с красными от слез глазами.

Затем наступил черед детей, членов Династии, приближенных. Почти все плакали. Столько искренних слез любви и сожаления Зимний Дворец, наверное, никогда не видел. Большинство прощалось не с Царицей, а с добрым, сердечным человеком, прожившим праведную жизнь и ушедшим в мир иной тихо и незаметно. Когда провели вскрытие, то выяснилось, что одного легкого у Марии Александровны уже не существовало, а от второго осталось меньше половины, и было чудом, что в таком состоянии она так долго жила.

Был объявлен национальный траур, начались печальные церемонии, продолжавшиеся больше недели. Два раза в день у белого гроба, покрытого национальными флагами России, служились панихиды: сначала в церкви Зимнего Дворца, а затем в соборе Петропавловской крепости. На них непременно присутствовал Царь, и нельзя было не заметить, что поведение Монаха в этот период было безукоризненным. Свой последний долг усопшей жене и матери его детей отдавал как истинный христианин, как верный муж, глубоко опечаленный тяжелым несчастьем. Затем в присутствии Императорской Фамилии и самых близких придворных состоялось погребение.

После похорон Царская Фамилия переехала в Царское, но в середине июля семья Цесаревича, неожиданно для многих, отбыла на известный водолечебный и климатический курорт на западной окраине Российской империи Гапсаль (современный город в Эстонии Хаапсалу). Этот отъезд был неприятен Александру II, который имел резкий разговор с Наследником, но тот объяснил, что Минни неважно себя чувствует, ей нужен отдых и морские купания. Скрепя сердце, Царь уступил.

Дочь Императора Мария, герцогиня Эдинбургская, недоумевала: «Как старший брат мог оставить Папа в такую минуту». У нее у самой уже давно была семья и дети, но в этот момент она решила уделять все свое внимание, все свои заботы исключительно отцу. Позднее она признается одной из близких

фрейлин, что ее тогда обуревало наивное желание сблизить отца с семьей и отвратить от общения «с той, другой». Это была лишь иллюзия, и герцогиня очень скоро в том убедилась.

В Гапсале, в маленькой вилле на берегу Балтийского моря, Цесаревич с Цесаревной и их дети вели тихий и спокойный образ жизни. Кругом были сосны, море, зеленые острова на горизонте. Всей семьей много гуляли, читали различные книги, несколько раз ходили слушать музыку в курзале. Минни много купалась и почти каждый день рисовала свои любимые морские пейзажи.

Спокойствия же на душе не было. Оставаясь вдвоем, они много говорили, теперь уже без утаек и недомолвок. Александр еще в Царском передал свой разговор с отцом, повергший Наследника в состояние ужаса. Тогда «дорогой Папа» сообщил сыну, что принял решение, «выждав положенный срок», жениться на княжне Долгорукой, «которой он многим обязан» и перед которой как мужчина «имеет обязательства». Сын буквально онемел и ничего внятного ответить не мог. Даже не попытался отговорить отца от невероятного шага.

Уже покинув Петербург, Александр иногда сожалел, что не высказал своего возмущения и не попытался что-то предпринять. Но что можно было сделать? Папа ведь все равно бы его не послушал, и все закончилось бы лишь ненужными пререканиями. Минни же была настроена более решительно, но и она понимала, что их слова вряд ли что-нибудь смогли бы изменить. Они никому ничего не сказали, но сделали то, что считали нужным сделать: удалились, предоставив событиям идти своим чередом. Если бы на то была их воля, то уже бы и не вернулись в столицу, предвидя, что грядущее будет безрадостным, сулит им одни лишь неприятности. Они не ошиблись в своих предчувствиях.

Глава 13
Невероятный брак

Все шло своим чередом и свершалось то, что должно было случиться. Смерть Императрицы развязала руки Александру И, и Царь, уже не скрываясь, стал появляться с Юрьевской на публике.

Давно он не возобновлял разговора о браке с Катрин, но через месяц после смерти Марии Александровны сам вернулся к этой теме и объявил, что 6 июля обвенчается с ней. Сердце женщины радостно затрепетало, и она была так взволнована, что не нашлась что сказать. Так как после смерти Царицы был объявлен годичный траур, то Самодержец решил обставить все дело тайно, без всякой огласки, посвятив в свой план лишь нескольких верных людей. Всех, к кому бы он ни обращался, подобное намерение повергало в состояние шока. Монарх же старался этого не замечать.

Неприятный разговор произошел с министром Императорского Двора верным давним другом графом Александром Адлербергом (1818–1888). Занимая столь влиятельный пост с 1872 года, граф прекрасно был осведомлен о жизни Императорской Фамилии. Его ведомство заведовало обширным хозяйством Царской Фамилии, повседневным укладом как большого Императорского Двора, так и малых великокняжеских дворов.

Почти все денежные выплаты и расходы проходили через контору министра Двора, и Александр Владимирович Адлерберг прекрасно был осведомлен о многом, о чем говорить было не принято. Знал и о связи Императора с Долгорукой. Если бы понадобилось, то с точностью до рубля мог определить, во что эта романтическая история обошлась его ведомству; все счета за подарки и подношения княжне проходили через его руки. Однако он и представить не мог, что Александр II вознамерится соединить свою жизнь с этой дамой у алтаря. И когда завел о том разговор? Ведь только минуло сорок дней со дня смерти Императрицы!

Вечером 4 июля 1880 года Царь пригласил к себе министра Двора, сообщил о решении вступить в брак и попросил того быть свидетелем. Граф вначале опешил, но затем, собравшись с духом, буквально выпалил все, что было на уме у многих: этот шаг будет иметь самые неблагоприятные последствия, он поведет к падению престижа Династии и Империи, к умалению ореола верховной власти и может вызвать даже брожение в стране.

Выслушав все это, Император остался непреклонен. Мало того, заявил, что, имея право давать разрешения на морганатические браки членам Династии, вправе распорядиться и своей персоной. Хотя министру стало ясно, что Александр II желает брака любой ценой, но он все продолжал приводить какие-то аргументы, думая, что речь идет об отдаленном будущем. Когда же сановник узнал, что венчание назначено на послезавтра, то понял, что все уже бессмысленно.

Затем у Адлерберга состоялась встреча тет-а-тет с Екатериной Михайловной, с которой он разговаривал впервые в жизни. Министр пытался и невесте доказать опасность, пагубность предстоящего, но быстро пришел к заключению, что с таким же успехом мог бы убеждать и «дерево». Княгиня на все доводы и аргументы неизменно отвечала одной фразой: «Государь будет счастлив и спокоен, только когда повенчается со мной».

В момент этого «диспута» дверь в комнату приоткрылась, и Самодержец робко спросил, может ли он войти. В ответ на это избранница Царя закричала: «Нет, пока нельзя». Это было сказано таким тоном, которым, по наблюдениям Адлерберга, приличные люди не разговаривают «даже с лакеем». Это потрясло царедворца. Граф был сломлен, растерян, и когда Государь в очередной раз попросил его стать шафером, то уже с полным отрешением дал свое согласие.

Через два дня, 6 июля 1880 года, вскоре после полудня, в небольшой комнате нижнего этажа Большого Царскосельского дворца у алтаря походной церкви состоялся обряд венчания. Государь был в голубом гусарском мундире, невеста в простом светлом платье. Священник трижды повторил: «Обручается раб Божий, благоверный Государь Император Александр Николаевич с рабой Божьей, Екатериной Михайловной». Они стали мужем и женой.

Свидетелями на церемонии были: граф Александр Владимирович Адлерберг, начальник Главной императорской квартиры Александр Михайлович Рылеев (1830–1907) и генерал-адъютант Эдуард Трофимович Баранов (1811–1884). Император попросил всех присутствующих сохранять происшедшее в тайне. Но сразу же возник вопрос о реакции Наследника, который граф Адлерберг и задал. На это Александр II заметил, что сам сообщит ему по приезде из Гапсаля и что он не видит тут никаких препятствий, так как Государь «единственный судья своим поступкам».

Минни и Александр мирно гуляли вдоль моря и не подозревали, что в Царском Селе произошло такое драматическое

событие. Лишь по их возвращении в августе Император сообщил о случившемся старшему сыну и его жене. Он просил их быть добрыми по отношению к Екатерине Михайловне и заверил, что никогда не будет навязывать им ее общество. Мало того. Он попросил сына войти в состав небольшой комиссии приближенных, готовивших указ об обеспечении прав Юрьевской и ее детей в случае его преждевременной кончины.

Цесаревич стоял как громом пораженный, безропотно приняв волю Царя. Мария Федоровна от полученного известия чуть не лишилась чувств. Затем появилась Юрьевская, которая поцеловала руку Цесаревне и сказала, что Император сделал ее супругой, что она вполне счастлива и «никогда не позволит себе выйти из своей скромной роли».

После расставания с Царем и «его дамой» у Минни с Александром состоялся долгий, «просто душераздирающий разговор». Нет, они конечно же не исключали, что отец и свекор рано или поздно может осуществить свое намерение, но что это случится так быстро, всего через шесть недель после смерти Марии Александровны — такого и представить не могли. Это просто выходило за рамки человеческого разумения, не имело прецедента. На душе у обоих было так тоскливо, что передать нельзя. Но сердце Царево в руках Божьих и Он один ему судья. Они пытались смириться, но человеческие чувства все равно порой прорывались наружу.

Цесаревич, обладая сильным характером, держался стоически, хотя окружающие замечали отрешенность и грусть, не покидавшие Наследника после возвращения из Гапсаля. Куда девалось его жизнелюбие и веселость, и даже на фамильных обедах, в присутствии своих. Теперь он почти ничего не говорил, не интересовался едой и большую часть времени неотрывно и сосредоточенно смотрел лишь на тарелку. Мария Федоровна тоже ужасно переживала, но ей удавалось соблюдать необходимый стиль поведения, хотя это и давалось с большим трудом.

Постоянным испытанием являлись личные встречи с новоиспеченной женой Императора, которых Цесаревич и Цесаревна всеми силами старались избежать, но это не было в их власти. У Царя вскоре возникла навязчивая идея сблизить старую семью с новой, и в этом своем желании он не считался с чувствами сына и невестки. Однажды Мария Федоровна прямо заявила Александру II, что не желает общаться с Юрьевской, на что тот возмущенно заявил: «Попрошу не забываться и помнить, что ты лишь первая из моих подданных». Так с ней он никогда еще не позволял себе разговаривать…

Самые же большие потрясения ждали впереди. В конце

августа Император отбыл в Ливадию, попросив Цесаревича приехать к нему с семьей. Сын обещал. Обсудив ситуацию, Александр и Минни пришли к заключению, что во имя мира в Императорской Фамилии они должны смириться и беспрекословно выполнять волю Монарха. Нетрудно было предположить, что в Ливадии их ждут тяжелые обстоятельства. Они уже знали, что Юрьевская с детьми впервые открыто поехала в Царском поезде, хотя это вызывало повсеместное недоумение, так как о браке Императора наверняка знал лишь ограниченный круг лиц. Никаких сообщений и заявлений публично все еще сделано не было.

Через три недели после отъезда Императора в Крым выехала семья Цесаревича. Александр и Мария Федоровна тешили себя надеждой, что Государь сдержит обещание и не будет навязывать им общество своей новой семьи. Они, но особенно Мария Федоровна, очень любили бывать в Ливадии.

Минни первый раз вместе с мужем оказалась там летом 1869 года. Цесаревич тоже тогда впервые видел Крым. Впечатлений у обоих была масса. Марию Федоровну очаровала красота пейзажа, живописность туземных нарядов населения, голубизна необозримого моря. Она еще не бывала на берегах теплых морей (кратковременное пребывание в Ницце в трагических обстоятельствах 1865 года в счет не шло) и не думала, что морская вода может иметь такой изумрудно-голубой цвет. Она выросла на берегу моря, но здесь оно было и такое же, и совсем другое. А эти невыразимо прекрасные закаты и восходы? Она и такого яркого солнца еще никогда не видела.

Царская резиденция в Крыму возникла благодаря усилиям и стараниям Императора Александра И, но особенно Императрицы Марии Александровны. Обширная Ливадийская усадьбы была приобретена Министерством Императорского Двора у графа Потоцкого в 1860 году. В тот период она не представляла из себя ничего примечательного. Все кругом еще было диким и мало пригодным для долговременного проживания.

За обустройство принялась Мария Александровна. По ее желанию придворный архитектор Ипполит Монигетти в 1862–1867 годах воздвиг здесь целый ряд сооружений и главное среди них — Большой Дворец, предназначавшийся для Императора и его семьи. Он был построен из камня, но весь отделан деревом, что придавало ему легкость и теплоту. Недалеко построили небольшую виллу-дворец для Цесаревича.

Были проложены аллеи, разбиты цветники, устроены мраморные фонтаны и беседки. Кругом же заповедные, совсем девственные места: заросшие деревьями и густым кустарником

склоны гор, уносившиеся в небо утесы, пропасти, с ручьями, журчащими внизу, огромное количество птиц и животных. Мария Александровна много раз бывала в Ливадии и одна, и вместе с семьей, все члены которой тоже очень любили бывать здесь. Эти чувства разделяла и Мария Федоровна.

В этот же раз поездка мало радовала. Они и раньше знали, что во время пребывания в Крыму Императора Юрьевская тоже бывала там, но жила уединенно и на глаза Двору не показывалась. Как-то будет теперь? Дорога была длинной: от Петербурга до Севастополя — главной военно-морской базы русского флота на Черном море — ехали в поезде почти двое суток. Затем плыли на корабле. Всю дорогу одна тема занимала. Терялись в догадках, не хотели верить плохим предчувствиям. Ситуация сразу же стала проясняться по прибытии на рейд Ялты.

На причале встретил Александр И. После первых приветствий и поцелуев он огорошил заявлением, что княгиня нездорова и не могла приехать на встречу. Мария Федоровна не знала, как реагировать, а лишь спросила: «Как же я могу с ней видеться, если ваш брак содержится в тайне?» Императора вопрос не смутил, и с видом беспечного ребенка он заявил: «О, здесь так трудно что-либо скрыть, моя свита не может ничего не знать». «Но моя-то совершенно ничего не знает, потому что я верно хранила доверенную мне тайну», — возразила Цесаревна и разрыдалась к неудовольствию Императора. Пока ехали в экипажах из Ялты в Ливадию, Цесаревич и Цесаревна не проронили ни слова. Но испытания только начинались.

Войдя в Ливадийский Дворец, прибывшие были встречены Юрьевской и ее детьми: сразу стало ясно, что она во Дворце распоряжается как полноправная хозяйка. И это в доме, который так долго, любовно и заботливо создавался покойной Императрицей, где все было пронизано воспоминаниями о ней, где кругом находились ее портреты и личные вещи! За что такое наказание, чем мы провинились перед Тобой, Господи, получив эту страшную душевную муку! Мария Федоровна испытывала стыд перед слугами, ей казалось, что все они возмущены и опечалены происходившим.

Беззаботной была лишь новая хозяйка. Да и Императора, по всей видимости, вполне устраивало всё, и он не чувствовал неловкости и двусмысленности сложившейся ситуации. Он несомненно не просто любил эту женщину, но находился под сильным ее влиянием. Не замечал даже бестактностей по своему адресу, которые всем остальным бросались в глаза. «Эта Катрин» на людях говорила ему «ты», могла без стеснения прервать его на полуслове, и Монарх принимал все это как должное!

Однажды Александр II пригласил Цесаревича и Цесаревну с собой на прогулку в коляске и не нашел ничего лучше, как привести их к тайному домику, где он встречался раньше с Юрьевской, заставил их пить там чай и «ублажал» рассказом о том, как ему здесь было хорошо вдвоем с княгиней! Во время этой интермедии Минни все время казалось, что она вот-вот упадет в обморок!

Александр держался, как мог, а Минни плакала чуть не каждую ночь, и однажды «эта женщина» позволила ей, Цесаревне, сделать замечание, что у нее почему-то по утрам красные глаза! Поводы для слез возникали постоянно. Как можно было сдержаться, когда видишь собак, лежащих в кресле покойной Царицы; как можно было сохранять самообладание, когда за семейном обедом княгиня по любому поводу начинала учить и давать советы.

А эта брошка на ее груди, с выложенными бриллиантами датой: 6 июля? Она ее почти не снимала, хотя у нее было вдоволь других украшений, и Мария Федоровна, понимая толк в таких вещах, не могла не заметить, что все драгоценности Юрьевской были высокого качества и несомненно очень дорогими. Комментируя данное обстоятельство, она язвительно заметила, что «у Императора несомненно был вкус».

Раздражали эти ужасные дети, эти «бастарды»! Они совершенно невоспитанные и вели себя «как в конюшне». Особенно досаждал старший, Георгий, «их Гого». Редкий день он не выделывал что-нибудь такое, от чего хотелось встать и выйти из дворца навсегда. Он все время лез то к Императору, то к матери, то к ее Ники. Никакой управы на него не было. Мария Федоровна не могла не заметить, что Император с неподдельной нежностью и лаской относился к нему, с какими никогда не относился к законным внукам.

Невольно просыпались в душе смутные опасения, всплывали в памяти, как казалось, совершенно абсурдные слухи о том, что Император со временем намерен короновать Юрьевскую и сделать этого самого Гого Наследником. Конечно, подобный шаг мог совершить лишь безумец. Это привело бы к катастрофе, к распаду всех основ, к трагическому расколу не только Династии, но и всей Империи. Об этом страшно было и подумать. Самодержец не сможет подобного сделать. Но, с другой стороны, то, что казалось абсурдным в Петербурге, здесь, при каждодневном общении, не виделось столь уж нереальным. Царь несомненно полностью закабален, почти лишен воли, и «эта дама» может заставить его сделать что угодно.

Особенно нестерпимым для Марии Федоровны являлось то,

что подобное неприличие разворачивалось на глазах ее детей, и она горько сожалела, что послушалась мужа и привезла их в Ливадию. Какое воздействие подобное зрелище окажет на них, в первую очередь на старшего, Николая, которому исполнилось двенадцать лет и он уже многое видел и понимал. Мария Федоровна воспитывала его честным и правдивым человеком. Теперь же ей самой приходилось лукавить, а иногда и просто лгать, объясняя происходящее.

Уже на первом семейном обеде Юрьевская так по-амикошонски вела себя с Императором, что мальчик спросил: «Эта дама нам родственница?» Мария Федоровна обомлела и рассказала сыну сочиненную наскоро историю о том, что Император женился на вдове и усыновил ее детей. Матери показалось, что Ники ей не поверил, так как тут же последовал новый вопрос: «Как он мог это сделать, мама? Ты ведь сама знаешь, что в нашей семье нельзя жениться так, чтобы об этом не узнали все». Вечером он сказал своему гувернеру: «Нет, тут что-то неясно, и мне нужно хорошенько поразмыслить, чтобы понять». У Марии Федоровны разрывалось сердце от горечи и досады.

Александр II забыл об обещании «не навязывать общество княгини» и всячески старался сблизить родственников. Но тут уж проявила характер Мария Федоровна. Она мирилась, когда их ставили в оскорбительные ситуации, но интересы детей для нее были выше собственных амбиций. При молчаливо отстраненном поведении мужа она одна встала за защиту своего потомства и выиграла это тяжелое сражение. Вернувшись в столицу, Цесаревна поделилась с фрейлиной графиней А.А. Толстой (1818–1904) незабываемыми впечатлениями «от отдыха» в Крыму.

«Я плакала непрерывно, даже ночью. Великий князь меня бранил, но я не могла ничего с собой поделать. Чтобы избежать этого отвратительного общества, мы часто уходили в горы на охоту, но по возвращении нас ожидало прежнее существование, глубоко оскорбительное для меня. Мне удалось добиться свободы хотя бы по вечерам. Как только заканчивалось вечернее чаепитие и государь усаживался за игорный столик, я тотчас же уходила к себе, где могла вольно вдохнуть. Так или иначе, я переносила ежедневные унижения, пока они касались лично меня, но, как только речь зашла о моих детях, я поняла, что это выше моих сил. У меня их крали как бы между прочим, пытаясь сблизить их с ужасными маленькими незаконнорожденными отпрысками.

И тогда я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детенышей. Между мной и Императором разыгрались тяжелые сцены, вызванные моим отказом отдавать ему детей помимо тех часов, когда они по обыкновению приходили к

дедушке поздороваться. Однажды в воскресенье перед обедней в присутствии всего общества он жестоко упрекнул меня, но все же победа оказалась на моей стороне. Совместные прогулки с новой семьей прекратились, и княгиня крайне раздраженно заметила мне, что не понимает, почему я отношусь к ее детям, как к зачумленным».

Новая супруга Монарха или не понимала, или действительно делала вид, что не понимает того, что существовали писаные и неписаные правила, непререкаемые традиции, нормы воспитания, наконец. Мария же Федоровна это знала великолепно и всю свою жизнь вела себя так, чтобы ничем не нарушить их. Как человек высокой самодисциплины, воспитала в себе редкую, даже для людей ее круга, способность приспосабливаться к формальным требованиям, превращая поведенческую формулу «так надо» в «так должно быть». Это ей очень помогло позже, когда она стала Царицей и обязана была, невзирая на личные пристрастия и желания, ежедневно делать «что надо». Не в последнюю очередь именно благодаря своему умению вести себя, не выказывая на публике внутренних настроений и неудовольствий, она пользовалась неизменным авторитетом и уважением в Империи.

Той осенью Мария Федоровна многое пережила и перечувствовала. Она одержала победу как женщина-мать, отстояла свои права, но многое и изменилось. Она впервые ощутила нерасположение Императора. Он неизменно много лет питал к ней симпатию и даже позволял быть своенравной. Но он не мог ей простить пренебрежение к той, которую любил больше всего на свете. Государь впервые тогда критически отозвался о невестке, заметив, что у невестки «вздорный характер».

В тот раз в Ливадии Цесаревна в первый раз в жизни ощутила, что формулу «так надо» не принимает ее натура. Ведь помимо чувства долга существовали и другие чувства, не позволявшие уподобиться бессловесной овечке, смиренно идущей на закланье.

Цесаревна не осуждала мужа, который, стиснув зубы, наблюдал за происходившим. Ей было жаль его — большого, сильного и такого беспомощного — страдавшего не меньше, но мало что высказывавшего вслух. Она видела, как он усердно молился, как был задумчив и печален все дни, и знала, что он никогда не пойдет против воли отца. Она же будет с Сашей, что бы ни случилось потом. Саша ей дороже жизни. Его судьба — это и ее судьба тоже.

Ливадийская пытка продолжалась два месяца, и в ноябре Александр и Минни вернулись в Петербург. Они были разбиты морально и физически, но следовало вернуться к своим

обязанностям и делать повседневные дела, скрывая личные эмоции. Досаждали родственники, выпытывавшие у них детали и подробности столь продолжительного пребывания в Крыму. Нельзя было не заметить, как грустна чета Престолонаследника, и возникали предположения о каких-то роковых событиях в Ливадии. Многим хотелось знать все из первых рук.

Особенно настойчивой была Великая княгиня Ольга Федоровна, тоже некоторое время находившаяся в Крыму в имении Ай-Тодор и многое успевшая разглядеть и запечатлеть в своей бездонной памяти. От Минни же она почти ничего не узнала нового.

14 ноября наступил день рождения Марии Федоровны. Ей исполнилось 33 года. В Аничковом Дворце состоялся торжественный обед, прошедший в траурной атмосфере. У некоторых присутствующих возникло впечатление, что они находятся на панихиде. Фигурально говоря, так оно и было: не хватало лишь физического покойника. Но было прощание с прошлым, с дорогими воспоминаниями и чертами жизни, которым вряд ли найдется место в будущем, становящимся непредсказуемым. Так или иначе, но это все понимали, однако реагировали по-разному.

Подавляющее большинство покорно смирялось. В их числе — Наследник с женой. Во имя мира и согласия в Династии они приняли нежеланные условия существования. В декабре Цесаревич Александр Александрович послал письмо брату Великому князю Сергею Александровичу, находившемуся вместе с братом Павлом в Италии. В этом послании излил душевную боль.

«Про наше житье в Крыму лучше и не вспоминать; так оно было грустно и тяжело! Столько дорогих незабвенных воспоминаний для нас всех в этой милой и дорогой, по воспоминаниям о милой Мама, Ливадии! Сколько было нового, шокирующего! Слава Богу, для вас, что вы не проводите зиму в Петербурге; тяжело было бы вам здесь и нехорошо! Ты можешь себе представить, как мне тяжело все это писать, и больших подробностей решительно не могу дать ранее нашего свидания, а теперь кончаю с этой грустной обстановкой и больше никогда не буду возвращаться в моих письмах к этому предмету. Прибавлю только одно: против свершившегося факта идти нельзя и ничего не поможет. Нам остается одно: покориться и исполнять желания и волю Папа, и Бог поможет нам всем справиться с новыми тяжелыми и грустными обстоятельствами, и не оставит нас Господь, как и прежде!»

Некоторые родственники и царедворцы безропотно приняли

правила игры при Дворе, демонстрируя симпатию новой хозяйке Зимнего Дворца. Великий князь Николай Николаевич (Старший), давно игнорировавший собственные династические обязанности, при каждом удобном случае рассыпался в любезностях и комплиментах по адресу Юрьевской. Однажды на Царском обеде он так увлекся беседой с ней, воспоминаниями о прошлом времени, что просидел долго, повернувшись спиной к Цесаревне, находившейся рядом. Минни не смолчала и при всех сделала родственнику замечание.

Вечером, сообщая об этом эпизоде близкой фрейлине, заключила: «Гордыня не в моем характере. Я охотно подам руку солдату или крестьянину, когда это нужно, но неблагородные манеры Великого князя меня так возмутили, что я даже не постеснялась присутствия Государя».

Смирялись не все. Единственная дочь Царя герцогиня Эдинбургская отправила из Лондона отцу резкое письмо, где были такие безжалостные слова: «Я молю Бога, чтобы я и мои младшие братья, бывшие ближе всех к Мама, сумели однажды простить Вас».

Александр II был расстроен и говорил потом, что не ожидал от Мари такого удара. Однако герцогиня была далеко, а находились недоброжелатели и ближе, которые вызывали неудовольствие, а порой и гнев повелителя Империи. В письме младшему брату Великому князю Михаилу Николаевичу Царь предупреждал: «Что касается тех членов моей семьи, которые откажутся выполнять мою волю, я сумею их поставить на место». Без всякого сомнения, Монарх имел в виду в первую очередь жену брата Михаила, Великую княгиню Ольгу Федоровну. Та сразу же поняла намек, заметив: «Я не настолько глупа, чтобы махать революционным флагом перед лицом Израиля. Я думаю о карьере моих шестерых сыновей и сделаю все, что мне прикажут, но не более того». Сходную позицию заняла и Мария Федоровна.

Зима 1880–1881 года выдалась в Петербурге на удивление неустойчивой. Сильные морозы и вьюги сменялись почти весенними оттепелями, когда над столицей многие дни стоял густой туман. Всё было серо и тоскливо. На душе и у Александра, и у Марии тоже было безрадостно. Царь со своей новой семьей возвратился из Крыма в конце ноябре, и через несколько дней в Зимнем Дворце возобновились вечера и приемы.

Раньше за право участвовать в таких собраниях избранных боролись; теперь же многие страшились получить приглашение. Некоторые находили в себе мужество, сославшись на болезнь, не являться, другие же — в тоске и печали — вымучивали положенные время во дворце и потом долго приходили в себя от

всего виденного.

У Цесаревича и Цесаревны возможности уклониться не было. Они должны были регулярно присутствовать, созерцать новых, неприятных людей, окружавших Императора и теперь задававших тон всей придворной жизни. Однажды Александр сорвался и наговорил отцу резкостей о нем и о Юрьевской. Тот, придя в неописуемую ярость, начал кричать на сына, топать ногами и даже пригрозил выслать его из столицы.

Слово было произнесено, и старые опасения о возможном изменении династической субординации возродились с новой силой. Циркулировали упорные слухи о подготовке к коронации Юрьевской, причем некоторые при Дворе уверяли, что уже даже заказан вензель для новой Императрицы «Е.III» (Екатерина III). Терпение Наследника явно истощалось, и он однажды прилюдно заявил, что мечтает «удалиться куда угодно, лишь бы не иметь больше ничего общего с этой кабалой». Вспоминая то смутное время, близкий ко Двору граф С. Д. Шереметев (1844–1918) позже написал, что тогда «в воздухе пахло гарью».

В конце февраля 1881 года начался Великий Пост. По православной традиции в пятницу, накануне исповеди, все просили друг у друга прощения. Быстро стало известно, что Цесаревна проявила своеволие и, встретившись в Юрьевской, отделалась лишь рукопожатием, но не обняла и не попросила.

Царь был взбешен и устроил Марии Федоровне разнос. Его раздражение лишь усугубил синяк на лице невестки, который та накануне получила во время неудачного катания с ледяной горы. Александр II без обиняков заявил ей, что «она обязана вести себя пристойно» и не забывать, что она не может делать, «что вздумается».

Цесаревна проявила удивительную кротость и во время обличительной Царской тирады не проронила ни слова. Когда обвинительный монолог завершился, она подошла к Александру II и попросила у него прощения «за то, что обидела его». Император был тронут почти до слез, тут же сменил гнев на милость и сам попросил прощения у невестки. Обстановка разрядилась. В день причастия, 28 февраля, Монарх сказал своему духовнику Василию Бажанову (1800–1883): «Я так счастлив сегодня — мои дети простили меня!»

На следующий день наступило 1 марта 1881 года. Было воскресенье. По давно уж заведенному порядку, в этот день Император присутствовал на разводе караулов. Прослушав обедню и позавтракав, Александр II зашел проститься с Юрьевской и сказал ей, что вернется около трех и тогда, «если хочешь, мы пойдем гулять в Летний сад».

Портрет Императрицы Марии Александровны. Художник Ф. С. Журавлев

Император Александр II. Середина 1860-х гг.

Король Христиан (Кристиан) IX и Королева Луиза. Художник Л. Туксен

Датская Королева Луиза с детьми (слева направо): Тира (Тюра), Вальдемар, Александра, Дагмар. 1863 г.

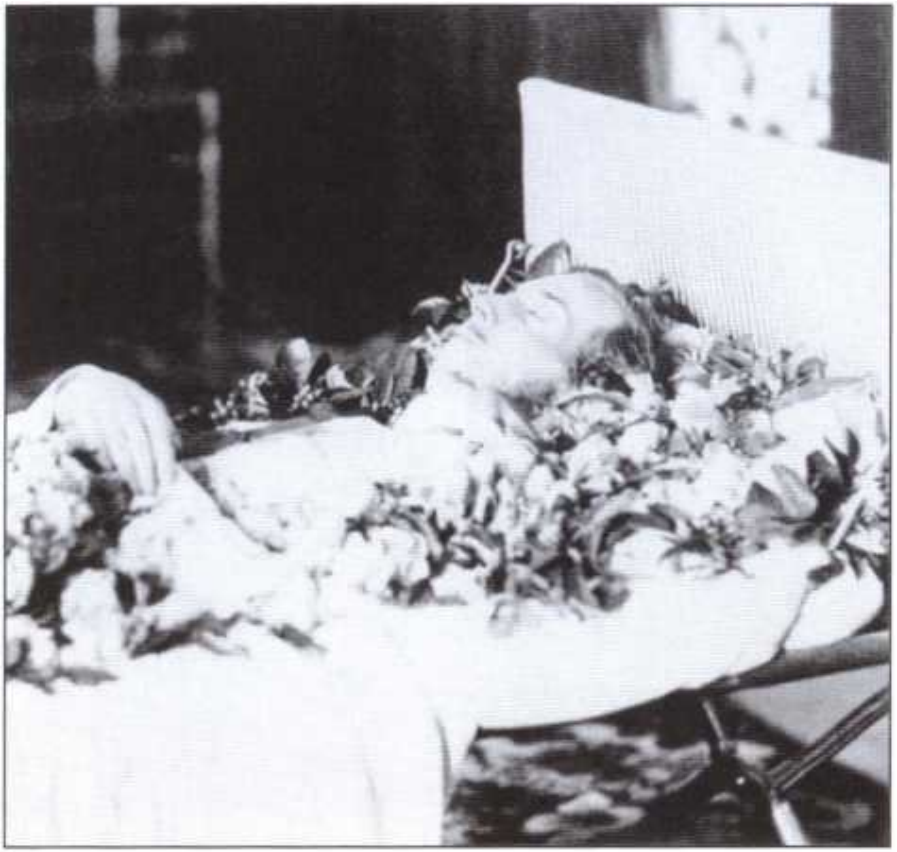
Цесаревич Николай Александрович («Никс»)

Принцесса Дагмар — невеста Цесаревича Николая Александровича. 1864 г.

Прибытие Принцессы Дагмар в Петербург в сентябре 1866 года. Акварель Т. Тейхеля

Портрет Великого князя Александра Александровича в мундире казачьего Лейб-Гвардии Атаманского полка. Художник С. К. Зарянко. 1867 г.

Портрет принцессы Дагмар. Художник А. Гунаус. 1866 г.



Цесаревич Николай Александрович в гробу. Апрель 1865 г.

Принцесса Дагмар. 1865 г.

Великий князь Александр Александрович. 1865 г.

Цесаревич Александр и Цесаревна Мария Федоровна. Конец 1866 г.

Цесаревич Александр. 1873 г.

Портрет кучера Григория. Работа Марии Федоровны. Холст, масло. 1870 г.

«Автопортрет» и стихи Принцессы Дагмар, оставленные в дневнике Цесаревича Александра после помолвки

Цесаревич и Цесаревна с сыном Николаем. 1870 г.

Комната командующего Рущукским отрядом Великого князя Александра Александровича в Брестовце. Художник В. Д. Поленов. 1878 г.

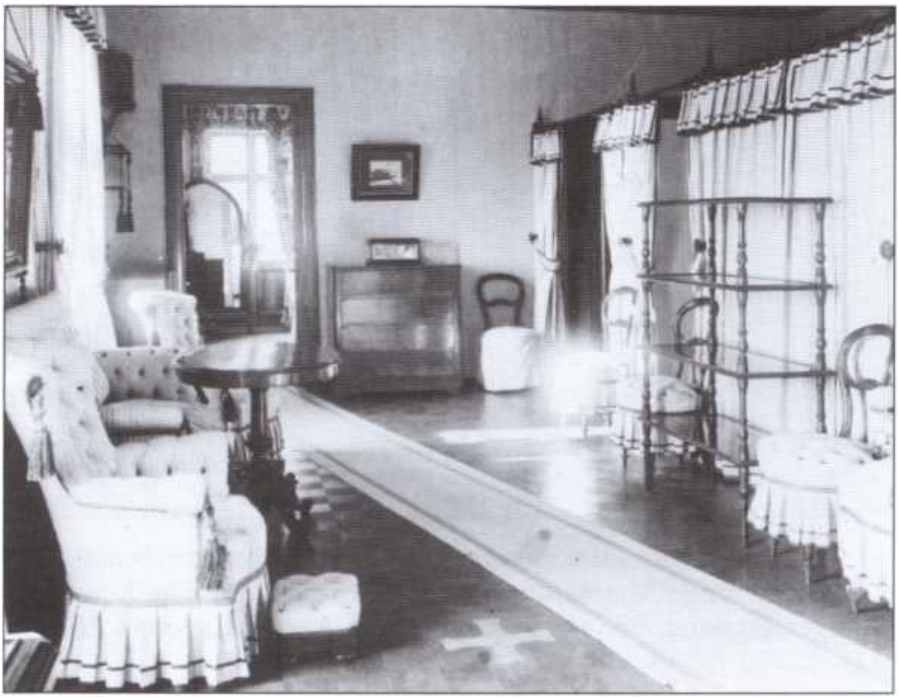
Коронация Александра III. Представление делегаций. Художник В. Е. Маковский

Цесаревна Мария Федоровна с сыном Николаем. 1871 г.

Мария Федоровна с детьми (слева направо): Георгием, Ксенией и Николаем. 1877 г.

Слева направо: Великий князь Сергей Александрович, Императрица Мария Федоровна, Великая княжна Ксения Александровна, Великий князь Павел Александрович. 1883 г.

Дворец в Ливадии, в котором скончался Император Александр III



Комната во дворце и кресло, в котором скончался Император Александр III.

Крестом на полу отмечено место, где находилось кресло 20 октября 1894 г.

Императрица Мария Федоровна на борту английского дредноута «Мальборо». Апрель 1919 г.

Три сестры-вдовы. Слева направо: Герцогиня Камберлендская Тира, Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, Вдовствующая Королева Александра. 1913 г.

Императрица Мария Федоровна со своим верным Лейб-казаком И. Т. Ящиком в Копенгагене. Середина 1920-х гг.

Императрица Мария Федоровна в гробу

В огромном Михайловском манеже церемония не заняла много времени. Уделив несколько минут беседам с послами Германии, Австрии и Франции, присутствовавших тут же, Царь заехал ненадолго к своей кузине Великой княгине Екатерине Михайловне (в замужестве герцогиня Мекленбург-Стрелицкая), где наскоро выпил чашку чая и в начале третьего часа отбыл в Зимний Дворец.

Царскую карету сопровождали шесть казаков на лошадях, а один располагался на козлах. За каретой в двух санях ехали офицеры полиции. Через несколько минут кортеж выехал на Екатерининский канал и двинулся вдоль решетки сада Михайловского Дворца.

Это место было малолюдным, только несколько одиноких фигур маячили на всей перспективе. Вдруг раздался страшный взрыв. Когда рассеялись клубы дыма, то перед глазами предстала страшная картина. На тротуаре лежали убитые наповал мальчик-прохожий и два казака. Все кругом было залито кровью людей и лошадей. Царская карета была полностью уничтожена, но сам Император не пострадал. Он бросился к лежащим, хотя чины полиции умоляли его немедленно в санях отправиться во Дворец.

Царь не послушался, так как хотел увидеть схваченного анархиста, бросившего бомбу. В это время другой заговорщик, стоявший опершись на перила канала, бросил еще одну бомбу прямо под ноги Царя. Через мгновение все увидели Александра II лежащего на земле, всего в крови, а из разорванного в клочья мундира торчали раздробленные ноги. Зрелище было ужасающим. Глаза его были открыты, но казалось, что он ничего не видит. Подоспевшему брату, Великому князю Михаилу Николаевичу Царь прошептал: «Скорее во дворец, там умереть». Это были его последние слова.

Через несколько минут весть о злодейском покушении на Государя стрелой облетела Петербург. Одними из первых об этом узнали Цесаревич и Цесаревна в Аничковом дворце. Александр, в чем был, сразу бросился на улицу, на первом попавшемся извозчике помчался в Зимний. Мария Федоровна с детьми прибыла туда следом.

На парадной мраморной лестнице там и тут виднелись следы крови. Император лежал на кушетке в своем кабинете, около письменного стола, почти под портретом дочери Марии. Глаза были закрыты, и мертвенно-бледный цвет лица свидетельствовал о безнадежном состоянии.

Через три дня Мария Федоровна в письме к матери описала то кошмарное зрелище, которое ей открылось: «Бедный безвинный Император, видеть его в этом жутком состоянии было душераздирающе! Лицо, голова и верхняя часть тела были невредимы, но ноги — абсолютно размозжены и вплоть до колен разорваны в клочья, так что я сначала не могла понять, что собственно я вижу — окровавленную массу и половину сапога на правой ноге и половину ступни — на левой. Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Нет, это было ужасно!»

Около умирающего суетились врачи, металась княгиня Юрьевская, отдававшая распоряжения медикам и прислуге. Старого протопресвитера Рождественского так трясло, что он с трудом держался на ногах, но успел причастить умирающего, в бессознательном состоянии сумевшего проглотить святое причастие.

В ранних мартовских сумерках 1 марта 1881 года Император Александр II испустил свой последний вздох, и душа его отлетела. Когда лейб-медик С. П. Боткин (1832–1889) объявил об этом, то новый Император Александр III бросился перед телом отца на колени, рыдая навзрыд. Это был первый случай в жизни, когда он так открыто проявлял свои чувства на публике. Рыдали и многие другие.

Затем новый Самодержец поднялся, увидел княгиню

Юрьевскую, находившуюся в полуобморочном состоянии, подошел к ней и обнял. К телу усопшего начали подходить другие родственники, приближенные, высшие сановники империи.

Смерть Монарха сняла все возражения, затмила все прошлые обиды и унижения. Императорская Фамилия, двор, огромная Россия искренне горевали по поводу безвременной кончины Царя.

Мария Федоровна плохо соображала, находилась как в тумане, и потоки слез лились, не останавливаясь. Вслед за мужем распростерлась перед телом покойного. Поднявшись, подошла к несчастной княгине, обняла ее, и обе женщины стояли так обнявшись и плакали. Горе их было огромным и искренним. В тот момент это были только две женщины, сердца которых страдали. Но то было лишь кратковременным единением. С каждой минутой дистанция между ними все увеличивалась, делаясь непреодолимой.

Одна, теперь уже Царица, другая, потерявшая безмерно любимого и которой, может быть, не хватило всего «пяти минут», чтобы стать хозяйкой Трона. Мария Федоровна получила судьбу, которую по праву рождения и положения должна была иметь, а Екатерина Михайловна не дождалась того, на что могла рассчитывать лишь как возлюбленная Венценосца. Все встало на свои места.

На следующий день была интронизация новых монархов, и в Зимнем творилось что-то невообразимое. Парадные мундиры и роскошные туалеты резко контрастировали с тем, что творилось в душе у большинства. Две недели шли панихиды, траурные церемонии, прерываемые громогласным «ура» при появлении нового Царя. Александру III присягали должностные чины всех рангов по всей необъятной России. Радость и печаль, боль и надежда, отчаяние и уверенность — всё было перемешано, всё сливалось в единый поток впечатлений и настроений, окрасивших те солнечные весенние дни.

15 марта 1881 года в соборе Петропавловской крепости состоялось погребение покойного. Кончилось одно время, начиналось другое. Эпоха царствования Императора Александра II («Царя-Освободителя») сменилась эпохой Императора Александра III («Царя-Миротворца»).

Отовсюду шли сочувственные послания. Королева Виктория той весной прислала Александру III два проникновенных письма, где выражала соболезнования и добрые пожелания новому Царю, к которому обращалась «мой дорогой брат». Она сообщала о том, что ее охватили «чувства глубокого отчаяния и истинной грусти». «Я до сих пор пребываю в ужасе от этого страшного события,

этого жуткого преступления, которое было также воспринято везде в моем королевстве», — восклицала в письме от 20 марта 1881 года.

Королева разрешила поехать в Петербург сыну Берти и его жене Александре. В середине апреля того года Королева писала из Осборна в Петербург: «Для меня было большим удовольствием думать, что присутствие моих детей рядом с Вами и Минни в эти ужасные дни и в этот момент, такой простой и волнительный, наполненный всякого рода сложными вещами, стало для Вас обоих и большим удовольствием и большим утешением».

Глава 14
Хозяйка Царского дома

Александр Александрович не мечтал о короне, но когда смерть отняла отца, проявил удивительное самообладание и смирение, приняв то, что давалось лишь по воле Всевышнего.

Александр III, любя Россию искренней, сыновней любовью, прекрасно видел и понимал, что в Империи много неполадок, что многое надо изменять и усовершенствовать, но был убежден, что надо искать только национальные пути в будущее, что Россия слишком своеобразная страна, чтобы легкомысленно пытаться использовать здесь западные модели.

Мария Федоровна разделяла подобные представления. Бывшая Датская Принцесса, а теперь Русская Царица, не играла и никогда не пыталась играть самостоятельной роли в политике. Она была рядом с тем, кто принимал главные решения, кто один мог распоряжаться судьбами и жизнями миллионов подданных. Так исстари повелось. На этом принципе, базировавшимся на Божественном соизволении, веками стояла Россия.

Она знала, как бывает в других местах, при иных общественных устройствах. Ей были известны проблемы, заботы и трудности своего отца, порой сталкивавшегося в Дании со сложными политическими коллизиями, неизбежными при парламентском строе.

Брату Вильгельму в Греции приходилось еще труднее. У него там постоянно возникали неприятности, и он даже серьезно подумывал об отречении от Престола.

В России же все по-другому: тут нет этих парламентов, здесь не могут бросить в лицо Монарху обвинения и оскорбления, вполне допустимые в некоторых странах. И газеты ведут себя совершенно иначе. Они не смеют печатать всякие небылицы о жизни ее семьи, в то время как во многих прочих местах они позволяют себе невозможные вещи.

Что уж говорить о Франции, когда даже в Англии, где люди испытывают такое уважение к Королеве и к Королевской семье, и то появляются статьи, за которые приходится краснеть и переживать. Ей Алике об этом не раз рассказывала, да и сама она кое-что читала.

Александр III и Мария Федоровна поначалу проявили искреннее великодушие к вдове убитого Отца и ее детям. Старые неудовольствия предавались забвению, княгиню окружили заботой и вниманием. Мария Федоровна навещала ее, безропотно

уступала ей первое место на траурных церемониях. По решению нового Монарха за ней сохранялись апартаменты в Зимнем Дворце; она до конца дней своих обеспечивалась рентой из казны.

Ей были оставлены все вещи и подарки, принадлежавшие ранее. Дочери могли рассчитывать на Царское приданое, а сын имел право получить образование за счет государства. Юрьевская недолго оставалась в Петербурге и скоро уехала за границу.

Молодая вдова вела себя неумно и вызывающе и не слишком учтиво как по отношению к Императорской Фамилии, так и по отношению к памяти своего покойного мужа. Оказавшись в Берлине, она решила нанести визит Императору Вильгельму I (дяде покойного Царя) и «просить благословения для своих детей». Но старый кайзер ее не принял, передав через адъютанта, что «не имел понятия, что Император Александр был второй раз женат».

Обосновавшись во Франции, на Лазурном Берегу, Екатерина Михайловна давала интервью, принимала без разбора различных визитеров, повествуя им о своей жизни и о своей любви к Императору. Ее имя было окружено скандальным ореолом, что чрезвычайно угнетало и расстраивало последних Царей: Александра III и Николая И.

Первые годы она нередко приезжала в Россию, и эти «турне» доставляли немало переживаний Венценосцам. По словам Марии Федоровны, «она полагала, что обладает неоспоримыми правами на нас. Но время сделало свое дело, и она не находила у нас ничего, кроме простого проявления вежливости. Тогда она стала закатывать сцены. Государь ей предложил заняться воспитанием сына, она в ответ дошла до того, что заявила, будто он не заслуживает ее доверия из-за своего отношения к ней. Она была так груба, что даже я позволила себе сказать ей несколько нелицеприятных слов, чтобы напомнить, сколько мы перестрадали из-за нее…

В один из своих приездов в Россию княгиня заявила нам, что как только ее дочери подрастут и станут выезжать в свет, она вернется в Петербург и станет давать балы. Эта затея ничуть мне не улыбалась, так как я предвидела, какие неприятности нас могут ожидать. Я ничего не ответила, но Государь, следивший за разговором, вмешался и произнес всего одну короткую фразу, которая подействовала на мечтания княгини, как ушат холодной воды. На Вашем месте, — сказал ей Государь очень спокойным тоном, — вместо того чтобы давать балы, я бы заперся в монастыре».

С этой особой у нового Монарха на первых порах возникало немало хлопот. Ее статус оставался неясным. Вела же она себя

слишком шумно, эпатирующие, чтобы можно было, даже во имя светлой памяти покойного монарха, долго сохранять расположение. В одном из своих писем княгиня заметила, что почти все время «находится в полусознательном состоянии». Александр III не исключал, что, может, так оно и было на самом деле. Как очень скоро убедился Император, «полусознательное состояние» являлось чертой ее натуры, а благовоспитанностью и тактом княгиня явно не блистала.

Молодую вдову обуревали страсти и желания, подаваемые с отталкивающей аффектацией. То она вдруг начинала претендовать на одну из Императорских резиденций, то требовала к себе внимания, «соответствующего вдове Императора», то выражала негодование, что ей не вернули «два канделябра», купленные ей покойным. Она могла без приглашения, совсем неожиданно, примчаться в Аничков и устроить скандал придворным, не желающим ее пускать к Императору, «которому она обязана сообщать важные вести», а затем сетовала и негодовала «на непочтительное отношение». Постоянные претензии «светлейшая княгиня» часто обосновывала «волей Того, который ушел, но который с небес все видит».

Играя на сыновних чувствах, «друг Екатерина» нередко просила Александра III о невозможном. Причем непременно ссылалась якобы на волю умершего Монарха. Так случилось, когда она потребовала себе орден Святой Екатерины (им награждались представительницы Династии и в редчайших случаях другие дамы, но лишь за выдающиеся заслуги), а затем стала настаивать на зачислении ее сына Гого в Царскую роту Преображенского полка, «как того желал его Отец». Домогательства нежеланной родственницы не находили отклика в душе Александра III.

Юрьевская рассчитывала занять прочное место возле Трона, наивно полагая, что ее ухищрения и напор могут изменить ситуацию, сделают ее «своей» в семье нового Царя. Но чем дальше, тем больше здесь она встречала холодное безразличие, лишь усугублявшееся ее претензиями. В России она год от года бывала все реже и реже, а со временем эти приезды совсем прекратились. Ее визиты были явно нежеланны, и она поняла, что на своей родине она уже никому не нужна.

Роль была уже сыграна, и ее фигура навсегда осталась в далеком прошлом, когда она любила и была любима первым человеком России, самым могущественным властелином мира.

Постепенно на имя несостоявшейся Императрицы «Екатерины III» в Царской Семье было наложено табу. Ее не только больше не принимали, но о ней не хотели и слышать.

Мария Федоровна давно уже готовилась стать русской Царицей, но не знала, когда придет этот срок. И в марте 1881 года он наступил. Теперь она должна была жить с максимальным самоотрешением, ни на минуту не забывая, что все ее дела, мысли и слова должны быть ответственными.

Она редко обсуждала с мужем политические вопросы, целиком доверяясь «своему Саше», которого считала честным и умным правителем. Он ей рассказывал о наболевшем, о трудностях, сомнениях и разочарованиях, нередко им испытываемых. Минни была внимательна и участлива, всеми силами стараясь облегчить его ношу, и одобряла решения, казавшиеся ему наилучшими. За его же широкой спиной никогда не обсуждала ничего, что хоть как-то могло затронуть его прерогативы, не попыталась навязать собственные решения, никогда не стремилась играть какую-то политическую партию… [5]

Царица с достоинством, не ропща и не уставая, исполняла то, что должна была делать как супруга первого лица. «Для монархов не существует усталости», — не раз говорила приближенным. Приемы, балы, посещения общественных мест, парадные завтраки и обеды, благотворительные занятия. Ее личный бюджет в начале царствования составлял 200 тысяч рублей, из которых на благотворительные цели она выделяла не менее трех четвертей!

Она всегда теперь была на виду и умела делать «царское дело» так, чтобы ни у кого не возникло и тени обиды или неудовольствия.

Сложнейшее испытание ей пришлось перенести в мае 1883 года: коронование в Москве. Великое национальное событие было обставлено с имперской пышностью и величественной торжественностью. Церемониям предшествовала длительная подготовка, в которой были задействованы тысячи людей.

По случаю Коронации раздавались Царские милости, амнистировались провинившиеся, забывались старые грехи и обиды. Событие привлекло пристальное внимание в других странах: засвидетельствовать почтение Царю и Царице прибывали уполномоченные представители со всех концов света. Присутствовали герцог и герцогиня Эдинбургские, князь Черногорский, князь Александр Болгарский, Греческая Королева Ольга, принц Датский Вальдемар, принцы из Германии, Греции, Швеции и специальные послы из других стран.

Само венчание на Царство происходило 15 мая, но Александр III с Марией Федоровной и детьми прибыли в Москву еще 10 мая. Остановились в знакомом по другим приездам Петровском дворце. Затем был торжественный въезд в Москву и Царский

кортеж растянулся на несколько километров. Зрелище было бесподобным по своей величественности. Красавцы лейб-гусары с плюмажами, развевавшимися на ветру, удалые наездники-казаки в залихватски заломленных шапках, представители азиатских и кавказских народов в живописно-неповторимых одеяниях, царь верхом на белом коне, золоченые кареты с Царской семьей, открытые фаэтоны с чинами Двора, членами Императорской Фамилии, высшими должностными лицами Империи, послами и почетными гостями.

Тысячи флагов развивались, гирлянды цветов обрамляли фасады и балконы домов, стояли на вытяжку шеренги полицейских и солдат, звучали колокола сотен храмов Москвы. Кругом, сколько хватало глаз, несметные толпы людей, приехавших и пришедших со всех уголков необозримой страны. Крики «ура» звучали непрестанно, а национальный гимн «Боже, Царя Храни» исполняли не переставая. Казалось, что тысячу лет стоит Россия, и еще тысячу лет стоять будет.

Мария Федоровна ехала в Царской, запряженной восьмеркой цугом, карете вместе с дочерью Ксенией, чувствуя радость и счастье несказанное. Несколько раз готова была расплакаться от умиления, но торжественность момента и присутствие дочери заставляли сдерживаться.

Самый важный момент — в Кремле. Под огромным Царским балдахином, который несли шестнадцать генералов, Александр III и Мария Федоровна прошествовали из Царских покоев в Успенский собор, где после целования креста и прикладывания к соборным иконам заняли места на Тронах.

Затем началась процедура венчания, происходившая в соответствии с древним церковным чином. Она продолжалась несколько часов, во время которых читались молитвы митрополитами, а Царем и Царицей — Символ веры, возлагались короны и прочие царские регалии. По окончании венчания певчие запели «Многая лета», а снаружи раздался 101 орудийный залп. Невзирая на дождливую, сумрачную погоду, настроение у Царицы было светлым.

Во время пребывания в Москве напряжение было огромным, и Венценосцы сильно уставали. Александр III, несмотря на свою мощную комплекцию, выматывался настолько, что вечером валился в постель почти замертво и тут же засыпал.

Мария Федоровна тоже страшно уставала, но впечатлений оставалось так много, что еще долго не могла уснуть; вспоминала и переживала заново величественные моменты. Она благодарила Господа, что Он послал ей это счастье, позволил ощутить такую радость. Сколько бы ей ни было отведено времени на этом свете,

она никогда не забудет пережитого и сделает все, чтобы быть достойной этой великой чести — носить звание Русской Царицы.

Приемы следовали один за другим, а по вечерам — балы, гуляния, посещения театров. Впервые в истории Москва вечерами озарялась электричеством: 3500 «лампочек Эдисона» высвечивали неповторимые контуры кремлевских стен, башен, соборов. 28 мая 1883 года Царская Чета отбыла обратно в Петербург, в свою родную Гатчину.

Новое царствование изменило географию жизни Венценосцев. Александр III всегда не любил главную Императорскую резиденцию — Зимний дворец, а став царем, просто возненавидел это место. С ним было связано столько горького, тяжелого, невыносимого. Здесь умер его дед, здесь скончалась обожаемая матушка, здесь простился с жизнью и дорогой Папа. А эти вечера с Юрьевской, вся эта пошлость и глупость — разве можно такое забыть?

Никогда не было ощущения, что ты у себя дома. Все время казалось, что ты или на плацу, или в манеже. Толпы придворных, какой-то вечный шум и гам. И погулять некуда выйти. Разве в этот чахлый садик у западного фасада, да оранжереи внутри. Вокруг же Дворца какая-то каменная пустыня! В плохую погоду, особенно зимой и осенью, так дуло, что чуть с ног не сбивало у самого дворца.

Марии Федоровне тоже этот помпезный Дворец не нравился. Она любила природу, тишину, а здесь разве мыслимо это? Они менее двух недель прожили в Зимнем: переехали сюда через два дня после смерти Александра II и уехали сразу после его похорон. С тех пор Цари уже здесь не жили. Огромное здание в самом центре Петербурга осталось главной Императорской резиденцией, где происходили приемы и балы, но этот Дворец уже не являлся Царским Домом.

Они остались жить зимой в Аничковом, а с весны переезжали в Гатчину, в двенадцати верстах от имперской столицы. В 60-е годы XVIII века это было имение известного фаворита императрицы Екатерины II графа Григория Орлова, одного из главных участников переворота 1762 года, приведшего ее к власти. После смерти в 1783 году «любезного графа» усадьба была куплена императрицей, подарившей ее своему сыну — будущему императору Павлу I. Более десяти лет нелюбимый отпрыск провел здесь, деятельно занимаясь переустройством дворца и благоустройством парка. С тех пор Гатчина стала одной из загородных резиденций Царской семьи.

Казавшийся огромным Гатчинский дворец (некоторые даже находили сходство с Виндзорским замком) был устроен внутри

так удобно, что масштабы здания почти не ощущались. Небольшие светлые комнаты, пологие лестницы, неброская отделка стен, удобная и уютная мебель. Дворец окружал великолепный парк с множеством павильонов, искусственных озер, каналов, мостов. Здесь было приятно жить, работать и отдыхать. Мария Федоровна особенно ценила это, понимая, что мужу очень трудно, но в Гатчине он часто может бывать на воздухе и совершать полезные для здоровья прогулки.

Император работал много и напряженно. Редко спать ложился раньше полуночи, а вставал часто еще затемно. Мария Федоровна нередко ложилась одна, Саша все еще работал в кабинете, и просыпалась, когда мужа уже не было. Она все понимала, никогда не упрекала, а только сочувствовала.

В исключительных случаясь удавалось целый день провести вместе. Это случалось лишь на короткое время или когда плавали на яхте, или когда отдыхали в Ливадии, в Спале или Беловеже. Да еще были счастливые семейные дни, когда выезжали к родителям в Данию. Там уж они были неразлучны. Однако Император не мог долго отсутствовать, погостив несколько дней у тестя и тещи, уезжал. Минни позволяла себе большую свободу и оставалась подольше, а порой наносила визиты своим многочисленным родственникам в различных частях Европы.

О муже, о своем Саше, ни на день не забывала. Она любила его, как и прежде, и это чувство с годами становилось лишь шире и глубже. Александр стал для нее всем, и с ним она в мыслях никогда надолго не расставалась. «Мой милый душка собственный Саша! Сегодня все мои мысли находятся только и исключительно рядом с тобой, с моими самыми нежными пожеланиями и мольбами, чтобы Бог осыпал тебя своими благословениями во всем и всегда, озарил твой путь и сделал твою тяжелую цель более легкой, мой дорогой и любимый Саша», — восклицала она в одном из писем в мае 1884 года.

Возвращалась в Россию с неизменной радостью и трепетала при встрече с Александром, как в далекие уже годы, когда была юной и наивной Принцессой. Теперь она — Русская Царица, и Россия ее страна, самая дорогая и близкая, где было столько уже всего пережито. Здесь она стала женщиной, познала настоящую любовь, остро и навсегда ощутила жизненные обязанности перед людьми и перед Всевышним. Тут были уже родные могилы: незабвенного Никса, малютки-сына Александра и русских родителей, дорогих Марии Александровны и Александра II.

Александр и Минни уже не имели даже мелких тайн друг от друга. Он все ей рассказывал, что его заботило и волновало. Она слушала неизменно с большим вниманием, но советы старалась

не давать. Политика — не женское дело. Саша сам все сделает «как надо». Однако, чтобы находиться в курсе политических событий, Царица попросила присылать ей выписки из самых важных дел, обсуждавшихся в Государственном Совете. Несколько лет ей таковые предоставлялись, но особого интереса они у нее не вызывали.

У Марии Федоровны имелись свои заботы, собственные сферы и темы, где ее приоритет безоговорочно признавался Мужем-Императором. Ну конечно, воспитание и обучение детей. Отец так их любил, что готов был баловать и дозволять непозволительное. Мать же всегда оставалась начеку и не допускала шумных шалостей, резких разговоров, непочтительного поведения, нарушения распорядка дня.

Внимательно следила, чтобы дети себя вели просто и достойно при встречах с людьми, на церковных службах, на официальных церемониях. Радовалась, что сыновья и дочери не заставляли краснеть. Правда, младшие, Михаил («Мишкин») и Ольга («Беби»), иногда умудрялись нарушить этикет, но зато старшие вели себя почти безукоризненно. Особенно душа радовалась за первенца, Ники; такой спокойный, послушный, рассудительный и учится прилежно.

Ее заботила не только собственная семья, но и положение дел в Императорской Фамилии. По долгу Царицы она несла династическую ответственность за все, что происходило в этом небольшом, но таком противоречивом сообществе. Она обязана была выступать честным и объективным арбитром в бесконечных спорах и пререканиях, давать моральную оценку тем или иным поступкам. Здесь проблем — не перечесть, и порой трудно было понять, как их решать, и можно ли их вообще решить.

Александр III получил «в наследство» две громкие скандальные истории, связанные с личной жизнью братьев покойного Императора, великих князей Константина и Николая Николаевичей. Отношение к ним требовало от Царя и Царицы особой деликатности. Самодержец, вне зависимости от возраста, считался всегда старшим, а его распоряжения надлежало строго и неукоснительно соблюдать. Конечно, можно вызвать их, отдать приказ, подвергнуть каре и даже сослать. Это было исконное право Царя. Однако в семейных вопросах силовой натиск не годился.

Александр III и Марии Федоровна жалели непутевых великих князей. Они запутались со своими любовницами-танцовщицами, имели внебрачных детей, положение которых было неопределенным. И тот и другой так слились со своими новыми семьями, что почти забыли про старые, про своих жен и детей.

Константин Николаевич без всякого стеснения ездил отдыхать с возлюбленной Анной Кузнецовой (1847–1922) в Крым, прогуливался с ней в людных местах. Марии Федоровне передавали, что он, представляя ее знакомым, говорил: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь — законная». Мария Федоровна была вне себя, когда о том узнала. Какое неприличие! Бедная тетя Сани, что ей только приходится переживать!

Царица хорошо знала, что жена Константина Николаевича Александра Иосифовна взбалмошная дама, с причудами. У русских это называется «с зайчиком в голове». Каждый визит к ней — жди сюрприза. Несколько раз Мария Федоровна заставала ее в странном виде: в каком-то то ли шлафроке, то ли пеньюаре, с немыслимым чепчиком на голове, с Евангелием в руках, лежавшую почти без чувств на кушетке в комнате с опущенными шторами.

Зрелище было не из приятных, и Мария Федоровна в начале испугалась, тем более что Александра Иосифовна начала говорить, что она ждет смерти, что уже «чувствует ее приближение», что жить ей осталось недолго. Когда нечто подобное Царица увидела во второй раз, то уже успокоилась, а когда примерно та же интермедия была разыграна снова, то это вызвало улыбку.

Подобная меланхолия был совершенно непонятна Марии Федоровне. Сколько же можно сетовать на жизнь и убиваться! У нее ведь пятеро детей (шестой сын, Вячеслав, умер семнадцатилетним в 1879 году). Правда, старший Николай изгнан из столицы, но ведь у остальных все благополучно. Дочь Ольга замужем за ее братом Вильгельмом и, хотя живет в Афинах, часто приезжает в Россию. У них большая и дружная семья. То же и у второй дочери тети Сани, Веры, вышедшей в 1874 году замуж за принца Вюртембергского.

А ее сын Константин? Учтивый, образованный человек. Поэт. Он читал Марии Федоровне свои стихи, и они ей понравились. Кроме того, занимается переводами Шекспира и, говорят, у него хорошо выходит. Живет вместе с матерью в Мраморном дворце, и так заботлив и внимателен. Младший же, Дмитрий, такой честный, добрый, серьезный, религиозный. Минни была бы счастлива, чтобы, когда наступит срок, подобный молодой человек стал бы мужем Ксении.

От всех них по сути отрекся отец! И во имя кого и во имя чего? Александр неоднократно рассказывал Минни, что в свое время Константин Николаевич слыл заядлым либералом, все подталкивал Папа к каким-то новым реформам и чуть ли не за конституцию ратовал. Законник! А Божеский закон преступил и

уж сколько лет живет во грехе!

Второй Царский дядя, Николай Николаевич — не лучше. Мало того, что он открыто уже переехал из своего дворца в частную квартиру на Почтамтскую улицу к своей «этуаль», бывшей балерине Числовой (1845–1889), но стал добиваться от Императора разрешения зачислить своего старшего незаконнорожденного сына в гвардейский полк!

Дядя Низи вообще очень изменился. Раньше был серьезным и деликатным, а в последние годы сделался просто невозможным. Куда делись манеры, благовоспитанность! Теперь это какой-то лавочник: грубый и вульгарный. Разговаривая с ним, все время кажется, что ты в кухмистерской! И это сын Императора! Не зря же существует поговорка, что если хочешь услыхать грубую брань, то женись на кухарке. Какие позволяет высказывания о своей законной жене Александре Петровне! Невозможно даже повторить эти мерзости. Но ведь надо что-то делать!

Александр III не раз обсуждал скандальное положение с Марией Федоровной. Император не хотел обижать своих дядей, но не мог оставить все по-прежнему. Когда в свое время его отец узнал об этих историях, то ужасно негодовал. Потом смирился, и история с Юрьевской наверное была причиной того. В конце концов Александр III принял решение, порадовавшее «дядю Коко» и «дядю Низи». Их гражданским женам и детям были пожалованы дворянские права и новые фамилии: Князевы (семье Константина Николаевича) и Николаевы (семье Николая Николаевича).

Венценосную чету, но в первую очередь Марию Федоровну, занимали и другие темы, волновали иные истории, привлекавшие внимание высшего общества и затрагивавшие интересы фамилии, престиж Династии.

Александр III вступил на Престол, когда не были женаты три его брата, а несколько кузенов и кузин подходили к порогу брачного возраста. Согласно закону и традиции, на каждый брак лица Императорской Фамилии надлежало получать согласие старшего в роду — Царя. Одобрение чаще всего давалось. Но прежде Александр III очень внимательно выслушивал мнение Минни. Она была строга в оценках, но неизменно сердечна и участлива и чрезвычайно симпатизировала брачным партиям, возникающим по взаимной любви.

Она искренне радовалась за Великого князя Константина Константиновича, когда тот решил соединить свою жизнь с принцессой Елизаветой Саксен-Альтенбургской. Свадьба состоялась в апреле 1884 года в Петербурге, и новая Великая княгиня получила имя Елизаветы Маврикиевны. В кругу Романовых ее заглазно стали называть «Маврой». Новая

родственница не очень нравилась Царю, который в узком кругу ее называл «уродиной». Однако Костя настоял на своем выборе.

И тетя Сани была рада: невестка ей нравилась, она была так внимательна.

Много внимания Царь и Царица уделяли браку Великого князя Сергея Александровича. Это был сын умершего и брат правившего Монарха. Минни прекрасно знала, что Саша очень любит своих младших братьев Сергея и Павла. Когда она приехала жить в Россию, то это были еще дети. Сергею тогда исполнилось девять лет, а Павлу — шесть.

Теперь это уже взрослые молодые люди и надлежало подыскивать соответствующие их положению партии. Но Павлу еще рано, а вот Сергею не мешало бы серьезно над этим задуматься. Но тот не проявлял желания вступать в брак. Он служил в Преображенском полку, ему нравилась служба, и однажды сказал, что он еще подождет, пока брат «Алексей женится». Но Александр и Мария Федоровна знали, почему Алексей Александрович живет холостяком. Он все еще любил милую Сашу Жуковскую, с которой расстался по воле отца.

Для Сергея была на примете невеста: вторая дочь Гессенского герцога Людвига IV Елизавета (Елизавета-Александра-Луиза-Алиса), родившаяся в 1864 году. Александр III хорошо знал Гессенскую семью, так как из этого владетельного дома происходила его мать. Неоднократно и с родителями и с Минни посещал Дармштадт и видел всех детей Людвига, приходившего Императрице Марии Александровне племянником, и его супруги, урожденной Английской Принцессы Алисы. У них была такая добрая и сердечная атмосфера в семье. Покойная матушка однажды, уже почти на смертном одре, выразила свою мечту, чтобы ее любимый сын Сергей со временем женился на Елизавете.

Сергей Александрович, боготворивший мать, несколько лет не решался на ответственный шаг. В пользу этого брака была очень расположена сестра, герцогиня Эдинбургская, писавшая без обиняков Царю в 1882 году: «Сергей будет просто дурак, если не женится на ней. Красивее и милее принцессы он никогда не найдет». После длительных переговоров и уговоров в ноябре 1883 года в Дармштадте состоялась помолвка. Великий князь Сергей сообщал брату-императору: «Я счастлив и доволен». Елизавета любила Сергея и во имя него отвергла предложения других претендентов, среди которых был принц Прусский Вильгельм (будущий Германский Император Вильгельм II) и принц Баденский.

Александр III и Мария Федоровна тоже были довольны. Невеста князя Сергея прибыла в Россию в конце мая 1884 года, а

3 июня состоялась их свадьба. Это было по-настоящему Царское торжество. Такого парада великолепия и роскоши давно никто не видел. Новая Великая княгиня получила имя Елизаветы Федоровны, а в фамильном кругу ее называли «Элла». Вместе с ней в Россию приехали ее отец, брат и сестры. Среди них была и юная серьезная девочка, с распущенными белокурозолотистыми волосами, смотревшая на мир умными и грустными глазами.

Это была младшая сестра Елизаветы — Алиса, но все на немецкий манер ее звали Алике. Ей было всего двенадцать лет. Самый способный провидец не рискнул бы предположить тогда, что этой прелестной девочке суждено стать последней Русской Царицей и через тридцать четыре года погибнуть вместе со своим мужем и детьми в тесном подвале на далеком Урале. Но никто не знал своей судьбы.

Жизнь была еще увлекательной книгой, страницы которой хотелось быстрей и быстрей перелистывать. Именно в том мае Алиса впервые увидела того, кто стал ее обреченным счастьем. Это был Наследник Престола Николай Александрович. Красивый, воспитанный юноша, выполнявший обязанности шафера на свадьбе своего дяди Сергея. Цесаревичу только исполнилось шестнадцать лет. Гессенские барышни ему чрезвычайно приглянулись. Сначала очень понравилась Элла, но через некоторое время его симпатии целиком были отданы Алисе.

Царь и Царица чрезвычайно были внимательны по отношению к княгине Элле. Тут никак не сказывались этнические предубеждения, хотя Марию Федоровну многие считали «ярой германофобкой».

В жилах самой Марии Федоровны текла германская кровь, но она никогда не имела собственно прогерманских настроений. Стойкую неприязнь вызывало Прусское королевство, но после 1871 года, когда была провозглашена Германская Империя под главенством Династии Гогенцоллернов, Пруссия стала олицетворять в глазах многих всю Германию.

С такой подменой не могла согласиться Мария Федоровна, всегда проводившая грань между собственно Пруссией и Германий. Ее антипатии распространялись лишь «на пруссаков». Уже в годы Мировой войны, в одном из писем призналась, что «в течение пятидесяти лет я ненавидела пруссаков, но теперь питаю к ним непримиримую ненависть». К Гессенскому же Дому нерасположения не было. К тому же Элла была наполовину англичанкой, внучкой Королевы Виктории, что тоже требовало соответствующего уважения.

Первые годы своего пребывания в России Великая княгиня Елизавета Федоровна — дорогой и желанный гость Царского

Дома. Минни охотно с ней общалась неофициально: вместе жили в Гатчине, гуляли, рисовали, играли на фортепьяно. Отношения между двумя женщинами серьезно ухудшились через несколько лет, и от былой задушевности не осталось и следа. Причиной тому стал вопрос о женитьбе Наследника Престола.

Александр III питал к новой родственнице неизменно теплые чувства и всегда был рад видеть эту добрую, улыбчивую и, как казалось, совсем бесхитростную жену брата Сергея. Император испытал просто радость, когда она, по доброй воле, приняла в 1891 году решение присоединиться к Православию. Через три дня после этого события Царь писал Сыну-Цесаревичу Николаю: «Я должен сознаться, что был глубоко проникнут серьезностью и знаменательностью этого события, и чувствовалась близость и участие чего-то таинственного и присутствие самого Господа!» У княгини Эллы был выбор, и она могла сохранить преданность лютеранской конфессии, но сердце подсказало иное: путь, приведший ее к Православию.

Марии Федоровне приходилось не только заниматься обсуждением и решением важных брачно-династических проблем. Ей нередко приходилось участвовать и в государственно-дипломатической деятельности. Встречи и отношения с иностранными Монархами, послами и визитерами являлись непременной обязанностью Царицы. Никаких «шагов» и «демаршей» в вопросах внешней политики России она не предпринимала, но ее взгляды, высказывания, поведение, ее «куртуазность» волей-неволей налагали отпечаток на атмосферу межгосударственных отношений и служили отражением характера самих этих отношений.

С Германией у России связи все более становились прохладными. Когда Императрице приходилось проездом бывать в Берлине, то непременно случались встречи и визиты, избежать которые было невозможно и которые приходилось терпеть «стиснув зубы». К Императору Вильгельму I Царица особой любви не питала, но и неприязни не выказывала.

Когда в мае 1884 года, проезжая через Германию, Император посетил ее в поезде, то она была тронута и писала Царю, что «нашла его очень старым и неуверенно держащимся на ногах до такой степени, что я боялась, как бы он не упал в вагоне. Он был очень вежлив и разговорчив, все время спрашивал о тебе». Старику было почти девяносто лет, и одно это обстоятельство обязывало к учтивости.

Во многих же других случаях вела себя по-иному. Когда за три месяца до того на Царском балу в Петербурге появился секретарь германского посольства, недавно прибывший сын

всесильного канцлера князя Отто Бисмарка (1815–1898) Герберт Бисмарк (1849–1904), то Императрица откровенно его игнорировала. Дело доходило то того, что когда Бисмарк-младший оказывался рядом, то Царица демонстративно поворачивалась к нему спиной. Министр иностранных дел Николай Карлович Гире (1820–1895) умолял оказать германскому представителю знаки внимания, но Царица оставалась непоколебимой.

Только вмешательство обер-церемониймейстера князя А.С. Долгорукова (1842–1912) возымело действие. Он убедил Императрицу, что «это нужно Императору». Лишь тогда она подошла к Бисмарку и мило с ним побеседовала.

Еще больше шокировали многих германофилов при Русском Дворе события лета 1890 года, когда в гости к Царю собирался приехать молодой Германский Император Вильгельм II. Александр III не питал расположения к этому напористому «несносному мальчишке», а Мария Федоровна заняла еще более резкую позицию.

Ей неоднократно намекали различные лица, что с ее стороны уместно было бы послать приглашение Императрице Августе (урожденной принцессе Шлезвиг-Гольштинской), приходившейся к тому же родственницей Марии Федоровне. Но Царица — «как оглохла». Наконец, Великая княгиня Ольга Федоровна, одна из самых ярых германофилок, в открытую поговорила с Минни и та неожиданно, с обескураживающей легкостью ей сказала, что не собирается этого делать, так как «это было бы очень скучно».

Представителям других держав царица уделяла куда больше внимания. Это касалось и гостей с Британских островов. Хотя официальные отношения между Лондоном и Петербургом все еще были далеки от дружеских, но тенденция к сближению несомненно уже просматривалась. Это стало ясно во время визита влиятельного британского политика, занимавшего одно время ключевой пост канцлера казначейства в консервативном кабинете Роберта Солсбери сэра Рандольфа Черчилля[6] (1849–1895). Он прибыл вместе с женой Дженни (урожденная Джером) 11 декабря 1887 года.

Супруги провели в Петербурге несколько недель. Никакой официальной миссии визитеры из Англии не выполняли, но гостям был оказал радушный прием. Уже на третий день по приезде они были приняты в Гатчине Царем и Царицей. Причем Мария Федоровна была невероятно обворожительна и покорила Черчилля и его жену.

Затем были другие приемы в Царских дворцах в кругу самых избранных, а на интимных ужинах Черчилль непременно

приглашался за стол Императрицы, что было необычно и непривычно. Кто такой этот господин, что он удостаивается подобной чести? Этот вопрос в те дни чрезвычайно занимал столичное общество. Александр III был скуп на публичное выражение эмоций, а Минни не стеснялась хвалить английских гостей, в том числе эту даму, которая была американкой, что, по представлениям аристократии, было синонимом почти дикарки!

Черчилль же остался в восторге от приема, от Петербурга и неоднократно заявлял о своей симпатии к России и о нелюбви к Германии. Эти речи доставляли удовольствие в столице Российской Империи многим, в том числе и Венценосцам. Черчилль уезжал из России как друг Царя и Царицы.

Мария Федоровна, став Царицей, не могла отказаться от своей давней привязанности к балам. В первые годы она нередко «позволяла себе забыться»; танцевала и танцевала и порой до пяти часов утра не сходила с паркета. Однажды призналась, что особенно любит бывать на балах у других, так как там «чувствует себя свободней».

Иностранные принцы, послы, высшие придворные чины, офицеры свиты и гвардии были счастливы исполнить тур с Царицей, и кавалеров на балах у нее всегда было вдоволь. Она была первой Царицей, которой довелось танцевать при электричестве: первый подобный бал состоялся в Зимнем Дворце 15 января 1887 года, и «море солнца» обеспечивало несколько сот ламп, дававших столько света, сколько могли дать 160 тысяч восковых свечей.

Александр Александрович, уставая за день, порой с большим трудом выдерживал эту «светскую муку» и не знал, как остановить супругу, потерявшую счет времени. Однажды в феврале 1883 года на балу в Аничковом он несколько раз передавал Царице, что «пора заканчивать», но та все хотела исполнить «еще один танец».

В конце концов, Император не выдержал и приказал оркестрантам покинуть зал. Они стали по одному уходить, так что около четырех утра Мария Федоровна заканчивала контрданс лишь под скрипку и барабан. Об этом случае немало говорили с улыбкой в Петербурге, но никто не мог обвинить Марию Федоровну ни в чем предосудительном.

Она радовалась жизни, наслаждалась ею, как будто предчувствуя, что во вторую половину своего земного срока у нее будет мало счастливых и беззаботных минут, а со временем они совсем исчезнут.

Глава 15
Груз алмазного венца

Мария Федоровна любила светские удовольствия и, в отличие от мужа, находила в них немало приятного. Но порой и она уставала, чувствуя себя подавленной и разбитой. Ей иногда опять хотелось быть молодой и беззаботной, преданной своим мечтам и порывам, и всей душой устремленной в радостное будущее.

С годами отношение к будущему не было уже столь же восторженным; жизнь научила в полной мере довольствоваться настоящим и не стремиться туда, где все так непредсказуемо, где могут ожидать тяжелые испытания, где старость, холод и тлен. Но жизнелюбия Царица не теряла, старалась не обременять себя тяжелыми думами, зная наверняка, что все равно будет так, как угодно Всевышнему.

В свои сорок лет она нередко изумляла непосредственностью и свежестью чувств. Это могло показаться легкомыслием, которое, впрочем, никогда не граничило с глупостью. Ее облик сохранял удивительное изящество и грациозность молодости. Она внешне мало изменилась за годы замужества и нередко выглядела ровесницей дамам, моложе ее на многие годы. Изящество фигуры, живой блеск глаз, кокетливая улыбка — все осталось таким же, как в юности. Она пленяла сердца и воображение молодых.

Великий князь Константин Константинович, человек тонких художественных восприятий, поэт и эстет, в 1888 году посвятил ей нежное лирическое стихотворение, наверное, самое трогательное в ряду различных сочинений в прозе и поэзии об этой Русской Царице.

На балконе, цветущей весною,
Как запели в садах соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя в кроткие очи твои.
Тихий голос в ушах раздавался,
Но твоих я не слышал речей:
Я как будто мечтой погружался
В глубину этих мягких очей.
Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живет в задушевных мечтах,
Все сказалось так просто и ясно
Мне в чарующих этих очах.
Не могли бы их тайного смысла

Никакие слова превозмочь…
Словно ночь надо мною нависла,
Святозарная, вешняя ночь!

Мария не была злопамятной, умела прощать людям их заблуждения и ошибки. Не прощала лишь подлости. Однако всегда была великодушна к тем, кто уходил из жизни, и не говорила о покойных дурно. Уж сколько у нее было неудовольствия от Ольги Федоровны, сколько неприятных минут ей доставила эта Великая княгиня, но когда она умерла весной 1891 года, то Мария Федоровна искренне печалилась и вспоминала ее лишь добрыми словами.

С живыми у Царицы было много хлопот. Когда требовалось, то умела подчеркивать свое нерасположение к тем, кого не любила или считала нарушителем династических норм, фамильного достоинства.

В 80-е годы на небосклоне петербургского света начинала всходить еще одна великосветская звезда — Великая княгиня Мария Павловна, происходившая из рода Мекленбург-Шверинских герцогов. В двадцатилетием возрасте пышнотелая Принцесса стала женой третьего сына Александра II Великого князя Владимира Александровича и получила имя Марии Павловны.

В Романовском кругу ее звали «Михень». Женщина неглупая, но чрезвычайно тщеславная и претенциозная, она тратила немало сил и времени на самоутверждение. Первые годы в России Михень себя мало проявляла, но после смерти Александра II мало-помалу начинала претендовать на звание первой «гранд дамы Империи». Но тогда это место прочно было занято Ольгой Федоровной, и между старой и молодой Великими Княгинями быстро установились недружелюбные отношения.

Великий князь Владимир, преданно любивший свою Мари, все больше и больше подпадал под ее влияние и постепенно начал говорить и действовать лишь с ее голоса. Александр III крепился некоторое время, а затем решил все-таки объясниться со своим младшим братом. Его особенно раздражали постоянные и многомесячные поездки Владимира и Михень по европейским курортам.

К тому же великокняжеская пара вела себя за границей слишком вызывающе. Мало того, что они обосновывались там всегда по-царски (лучшие апартаменты, многочисленная прислуга, богатый выезд, непременная ложа в театре), но Михень старалась играть и заметную общественную роль. Встречи с

правителями и принцами, с политическими деятелями и журналистами, с известными актерами, писателями, художниками. Брат Царя вызывал повсеместный интерес, и Мария Павловна просто купалась в лучах известности и пиетета. Без мужа она не любила выезжать, так как в таком случае не было необходимого внимания.

Царь долго терпел, но в конце концов не выдержал. В октябре 1884 года он писал Владимиру: «Вообще мне и многим другим кажется странным, что вот уже почти 10 лет подряд, что ты каждый год ездишь за границу без всякой нужды; это тебе очень вредит в глазах и мнении твоих подчиненных и неправильно в служебном отношении» (Великий князь в это время занимал пост Командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа).

Мягкое увещевание Монарха имело лишь краткосрочный эффект, а через некоторое время заграничные вояжи Михень и Владимира возобновились. В феврале 1889 года произошло резкое объяснение между братьями. Александр III с горьким сожалением писал брату: «Теперь я вижу, что ни мои просьбы, ни мои желания, ни предложения вами не принимаются. То, что хочет твоя жена, ты будешь добиваться во что бы то ни было и никаким моим желаниям не подчинишься. То, что Папа и Мама было легко делать, мне невозможно: это приказывать! Как может брат брату приказывать! Это слишком тяжело!»

Император был возмущен и свое нерасположение продемонстрировал отказом навестить Михень в день ее рождения 2 мая 1889 года. Объясняя свой афронт, Царь сообщал Владимиру: «Действительно, я недоволен твоей женой. Несмотря на все мои просьбы, желания, предложения и требования, она преспокойно прокатилась за границу и настояла на своем. Как же я должен смотреть на это? Промолчать и проглотить явное глумление над моим желанием и ждать, что это будет продолжаться всякий раз, когда она этого пожелает!? Вдобавок возвратиться накануне своего рождения и ждать, чтобы ехали к ней с поздравлениями; это уж чересчур бесцеремонно и странно».

Завершая послание, Александр III задал брату вопрос: «Почему ни с кем из семейства у меня таких столкновений не было, как из-за твоей жены?» Ответа он не получил. Михень же и дальше продолжала вести себя слишком своенравно, что граничило с неуважением к особе Государя и не могло вызвать симпатию.

Муж Марии Павловны занимал высокое место в династической иерархии. После Царя и его сыновей он был следующим по старшинству, и это обстоятельство очень

укрепляло самомнение бывшей Мекленбургской Принцессы. Во дворце Великого князя постепенно образовался влиятельный салон, где обсуждались, а часто и осуждались важнейшие аспекты государственной политики, все сколько-нибудь заметные династические истории.

При этом Михень позволяла себе делать критические замечания о Царе, о Царице и даже злословила на их счет. Это было возмутительно, раздражало Александра III и Марию Федоровну, но изменить они ничего не могли. Власти Самодержца было недостаточно, чтобы заставить близких родственников вести себя подобающим образом.

Но Мария Федоровна не могла смириться и сделала то, что должна была сделать: она перестала подавать руку Михень. Сухой кивок головы на официальных церемониях и семейных трапезах — это все, на что могла рассчитывать Мария Павловна. Но иногда она получала и такие удары, от которых долго не могла прийти в себя.

На одном из придворных балов Мария Федоровна публично прокомментировала внешний облик родственницы. «Бог знает, на что она похожа, она такая красная, что можно подумать, что она пьет», — заметила Императрица.

Высказывание Царицы со скоростью электричества облетело все гостиные. Конечно, его находили не слишком изящным, но зато «пуля попала точно в цель». После таких потрясений тридцатилетней Великой княгине, считавшей себя неотразимой красавицей, действительно надо было срочно ехать лечиться в Биарриц или Баден-Баден!

«Холодная война» между Марией Федоровной и Михень продолжалась несколько десятилетий. По временам наступали периоды затишья, но «баталии местного значения» неизбежно возникали.

Марии Федоровне приходилось нелегко со многими родственниками; постоянно надо было опасаться каких-то нежелательных вестей, скандальных событий, задевавших непосредственно Царскую Семью. Одно из таких происшествий случилось в самом начале 1888 года.

2 января Императрица вместе с Александром III была на обеде у Великого князя Алексея Александровича, а затем Царь поехал к себе в Аничков заниматься, а Минни — в Михайловский театр. Настроение было спокойным, впечатления дня были самые обычные, и казалось, что ничего уже непредвиденного произойти не может. Но произошло.

На обратном пути из театра она ехала в карете вместе с Великим князем Сергеем Александровичем и от него услыхала о

событии, о котором, оказывается, знала уже чуть ли не вся Фамилия, но она об этом ничего еще не слышала… Выяснилось, что старший сын старого греховодника дяди Низи, Великий князь Николай Николаевич (Младший) состоит уже несколько лет в связи с купчихой, некой Бурениной, что ей уже сорок лет, она имеет двоих сыновей. Сам же Великий князь сгорает от любви и добивается, не больше и не меньше, права вступить с ней в брак! И это кузен Императора!

Императрица не очень хорошо знала Николашу, так как он мало бывал при Дворе, все больше был занят военной службой. И вдруг всплыли такие подробности биографии! Перед Царицей предстала неприглядная картина: отец живет с танцовщицей, а сын — с торговкой! Самое ужасное, что якобы отец, Николай Николаевич Старший, этот старый рамолик, добился у Саши разрешения на брак! Как такое возможно; этого не может быть! Почему он ей ничего о том не сказал!

Около полуночи Мария Федоровна ворвалась в кабинет мужа, по его словам, «как фурия». Царь в таком возбужденном состоянии Минни давно не видел. Состоялось горячее объяснение, из которого выяснилось, что к Императору за этим действительно обращались, но он не придал истории особого значения и «забыл рассказать». Царица была возмущена такой забывчивостью, но главным образом поведением родственников, все время повторяла, что это касается ее лично, так как «у нее тоже есть сыновья».

Ночь прошла почти без сна. Мария Федоровна все снова и снова переживала известие, передумывала сложившуюся ситуацию и больше всего, конечно, беспокоилась не за судьбу Николаши (Бог ему судья!), а за будущее своих детей. Какой пример они получат? Как станут они относиться к своему долгу и закону, если увидят, что во имя страсти можно переступить через происхождение, пренебречь положением и делать непозволительное? Александр успокаивал, как мог, но волнение жены передалось ему, и он пообещал завтра же покончить со всей этой историей.

Слово сдержал. Брак был безоговорочно запрещен. По Петербургу потом ходил анекдот, очень похожий на правду, что якобы Александр III, узнав о намерении своего кузена, в сердцах воскликнул: «Я в родстве со всеми Дворами Европы, а вот с Гостиным Двором в родстве еще не был!»

Через три года случилось еще одно возмутительное происшествие. Второй сын Великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны тридцатилетний Великий князь Михаил Михайлович без благословения родителей и без согласия

Императора в феврале 1891 года обвенчался тайно за границей с графиней Софией Меренберг, графиней де Торби (1868–1927).

Ее отцом был принц Николай Вильгельм Нассауский (1832–1905), а матерью — дочь поэта Александра Сергеевича Пушкина Наталья Александровна (1836–1913), которая, как морганатическая супруга лица королевской крови, не могла носить фамилию мужа. Владетельным принцем Георгом Виктором Нассауским ей был пожалован титул графини Меренберг. В это время возникла и еще одна матримониальная связь между боковой ветвью Романовых и Меренбергов (Пушкиных). В 1895 году брат Софии граф Георг Николай (Георгий Николаевич) Меренберг женился на дочери Александра II и княгини Юрьевской — Ольге Александровне Юрьевской.

Нассауская династия правила в Нидерландах, а в 1890 году Адольф Нассауский (старший брат Николая Вильгельма) занял трон Великого герцогства Люксембург. София Меренберг приходилась близкой родственницей влиятельному европейскому Королевскому Дому и считалась красавицей. Но все это не смягчило реакцию в Петербурге. Император Александр III отправил Великому герцогу Люксембургскому телеграмму, где говорилось: «Этот брак, заключенный наперекор законам нашей страны, требующим моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имеющий места».

Возмущалась и Мария Федоровна. Она знала Михаила. Это был незлобивый, романтический юноша, не блиставший умом. В 1887 году он всех поставил в неловкое положение. Поехал свататься в Лондон, где его хорошо принимали. Великий князь должен был сделать предложение старшей дочери Наследника Английского Престола Альберта-Эдуарда Принцессе Виктории. Но все закончилось конфузом. При встрече Великий князь объявил девушке, что готов на ней жениться по династическим соображениям, но любить ее не сможет.

Семья принца Уэльского была потрясена такой глупой бесцеремонностью, и Алике с грустью об этом написала Минни. Естественно, что о сватовстве после этого уже и речи не было. Мария Федоровна знала, что Михаил Михайлович был с детства в своей семье объектом злых насмешек.

Мать, Ольга Федоровна, и братья, особенно Николай и Александр Михайловичи, постоянно издевались над ним, все время высмеивали его медлительность, неуклюжесть; публично обзывали то «колпаком», то «дураком». Мальчик не раз прибегал в расположенный по соседству Мраморный дворец, где со слезами рассказывал тете Сани и ее сыновьям о своих обидах.

Император и Императрица сочувствовали Михаилу, но после скандального случая с принцессой Викторией их отношение изменилось. Они не могли оправдать подобное поведение, а Император не сдержался и в сердцах назвал его «Мишка — дурак». И вот теперь — новый фортель! Родители были просто убиты. Даже Михаил Николаевич не мог сдержаться и рыдал много раз.

Ольга Федоровна вообще не находила себе места. С февраля 1891 года, как только поступило известие о свадьбе, она находилась в состоянии глубокой депрессии. Царь и Царица искренне сочувствовали родителям, но помочь ничем не могли. Вдруг постаревшая и как-то сразу затихшая Великая княгиня Ольга Федоровна по совету врачей в конце марта 1891 года отбыла в Крым, в свое имение Ай-Тодор. Но по дороге она простудилась и 31 марта в Харькове скончалась. Ей не было еще и шестидесяти лет. Кончина наступила так скоро, так внезапно, что некоторые сначала даже не поверили.

Эта смерть сделалась на несколько недель злобой дня в аристократических салонах. Какой трагический финал! Всю сознательную жизнь, не жалея ни времени, ни сил, бороться за видное место «под царским солнцем», беспощадно осуждать всё, что не соответствовало ее представлениям о приличиях, не стесняясь критиковать других и выгораживать своих, требовать к себе уважения чуть ли не как к Царице. Всю жизнь купаться в роскоши и почете, а умереть в каком-то захолустье, чуть ли не в станционной будке, в полном одиночестве. А перед кончиной испытать страшный удар, нанесенный сыном!

Александр III и Мария Федоровна восприняли горестную весть из Харькова как большое несчастье. Они еще на подъезде к Петербургу встретили траурный поезд и проявили к мужу покойной и ее детям трогательное внимание. Особенно участлива была Минни, который было так жалко доброго дядю Мишу. Все дни прощания с усопшей она была рядом с ним и тоже часто плакала.

С Ольгой Федоровной исчезал целый мир — яркий, сложный, резкий, невозвратный — и сколько уходило с ней воспоминаний молодости, всего того, что было дорого и близко Царице. О чем думала Мария Федоровна в те дни начала апреля 1891 года, когда стояла у гроба со слезами на глазах: о Ней, о Себе, о Них?

Но не только матримониальные и погребальные дела заставляли много переживать и страдать. Случались и иные тяжелые испытания. Осенью 1888 года Царская Семья посетила Кавказ. Мария Федоровна впервые оказалась здесь, была поражена красотой и своеобразием этого края. Она была

восхищена восторженностью встреч. Таких ярких впечатлений у нее уже давно не было. По окончании поездки Императрица заметила, что отныне «не желает больше ничего видеть».

В середине октября отправились обратно: сначала по морю в Крым, а оттуда в Петербург. Царский поезд тянули два локомотива. Состав включал пятнадцать вагонов и двигался со средней скоростью 65 верст в час. 17 октября был обычный дорожный день. В полдень сели завтракать. В столовой собралась вся Царская Семья и свита — всего 23 человека.

За большим столом сидели Александр III, Мария Федоровна, несколько свитских дам, министр путей сообщения генерал-адъютант К. Н. Посьет (1819–1899), военный министр П. С. Ванновский (1822–1904). За невысокой перегородкой, за отдельным столом, завтракали дети и гофмаршал князь В.С. Оболенский (1847–1891). Трапеза должна была скоро закончиться, так как до Харькова, где ожидалась торжественная встреча, оставалось ехать менее часа. Лакеи, как всегда, обслуживали безукоризненно. В ту минуту, когда уже подавали последнее блюдо, очень любимую Александром III гурьевскую кашу, и лакей поднес Государю сливки, всё вдруг куда-то исчезло.

Потом Мария Федоровна будет бесконечное количество раз с волнением вспоминать тот случай. Она навсегда запомнила, что всё вокруг как-то сразу закачалось, раздался страшный треск, и она очутилась под грудой обломков. В письме, написанном через три недели после происшествия брату Греческому Королю Георгу I, Царица описала свои впечатления: «Все падало и трещало как в Судный день. В последнюю секунду я видела еще Сашу, который находился напротив меня за узким столом и который затем рухнул вниз вместе с обрушившимся столом. В этот момент я инстинктивно закрыла глаза, чтобы в них не попали осколки стекла и всего того, что сыпалось отовсюду… Все грохотало и скрежетало, а потом вдруг воцарилась такая мертвая тишина, как будто в живых никого не осталось».

Смертельный ужас объял ее. Она теперь была лишь жена и мать и в несколько минут, показавшихся вечностью, пережила и перечувствовала столько, сколько хватило бы на иную жизнь. «Это был самый ужасный момент в моей жизни, когда я поняла, что я жива, но что около меня нет никого из моих близких. Ах! Это было очень страшно. Единственно, кого я видела, были военный министр и бедный кондуктор, молящий о помощи!»

Вдруг откуда-то перед ней появилась дочь Ксения. «Она, — вспоминала Императрица, — явилась мне как ангел, явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался голос

сына Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно так же, как брат его Михаил. После них удалось, наконец, Государю и Цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненых возле нас. Во всём этом была видна рука Провидения, нас спасшего».

Маленькую Ольгу спасла нянька, которая, когда стали рушиться стены и потолок, успела вытолкнуть на насыпь железной дороги. Все члены царской семьи оказались живы. Эта радость была омрачена открывшимся им зрелищем. «Но какую скорбь и ужас испытали мы, увидев множество убитых и раненых, наших дорогих и преданных людей. Душераздирающе было слышать крики и стоны и не быть в состоянии помочь им или просто укрыть их от холода, так как у нас самих ничего не осталось!»

Выяснилось, что поезд сошел с рельс и большинство вагонов полностью разрушены. Погибло 23 человека, в том числе и лакей, подававший сливки Государю. Из Царской Семьи серьезно не пострадал никто. У Царя была защемлена нога, у Марии Федоровны была помята левая рука, а у шестилетней княжны Ольги ушиблена спина. Было много раненых из числа прислуги и свиты.

Позднее была образована государственная следственная комиссия, на основании выводов которой принимались надлежащие меры: кого-то уволили в отставку, кого-то повысили в должности. Пересмотрели весь артикул движения Царского поезда. По всей Империи служились молебны, возносилась хвала Господу, спасшему семью Помазанника от смерти. На месте крушения, у местечка Борки, в 43 верстах от Харькова вскоре был заложен храм.

День 17 октября навсегда остался днем памяти, когда неизбежно приходили на ум мысли о случайности всего земного, о непредсказуемости жизни. Через месяц после катастрофы Александр III писал брату Сергею: «Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и, наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего Моего Семейства от мала до велика! Что мы перечувствовали, что мы испытали и как возблагодарили Господа, ты можешь себе представить! Этот день не изгладится никогда из нашей памяти. Он был слишком страшен и слишком чуден, потому что Христос желал доказать всей России, что Он творит еще чудеса и спасает от явной погибели верующих в Него и в Его великую милость».

Через семь лет, пережив другие страшные невзгоды, Мария Федоровна в одном из писем сыну Георгию вернется к событиям

октября 1888 года и напишет: «Завтра, 17-е, Волшебный день, после которого я вдвойне оценила мое счастье и смогла, благодаря Богу, который сохранил жизнь всем моим самым близким на земле, почувствовать то незабываемое счастье вновь найти просто под обломками обожаемого Папу и всех моих дорогих детей целыми и невредимыми. Я спрашиваю себя: почему же мы спаслись? Пережить такое несчастье, чтобы потом так страдать! Это так ужасно и так страшно. Но это воля Божья, и мы не можем ее обсуждать. Надо слепо подчиниться Его воле и сказать себе, что это нам во благо, что Он посылает нам страшные терзания и испытания».

Но на земле было слишком много дел и забот, чтобы можно было надолго погружаться в размышления о вечности. Семья Венценосцев находилась в фокусе всеобщего внимания, была центром огромной империи, и надо было жить «как надо». Встречи, приемы, балы, свадьбы, панихиды, торжественные приемы, парадные обеды и ужины.

Нельзя было надолго укрыться, невозможно было оторваться ото всего, что окружало, радовало, раздражало и выматывало с утра и до позднего вечера. Всё чаще и чаще стало возникать желание побыть лишь в кругу семьи, а не проводить время неизвестно где и невесть с кем, хотя бы на этих несносных «cercle», где надлежало добрый час, а то и два, обходить застывших в почетном благоговении дам и говорить с ними ни о чем.

Раньше Марию Федоровну все это не угнетало, но после сорока лет стала уставать так, как никогда не бывало прежде. Понимала, что и Саше теперь необходимо уделять больше внимания, а это удается далеко не всегда. Он последние годы очень изменился; постарел, начал жаловаться на бессонницу. Даже придворные с притворной лестью стали задавать вопрос: как себя чувствует Император?

Но она и без них видела, что с каждым годом он выглядит все хуже: очень располнел, цвет лица стал нездорово-желтым, под глазами появились мешки, наверное, с сердцем не все в порядке. Особенно его вид ухудшился после крушения поезда. Однако на ее просьбы изменить режим дня, больше гулять, меньше курить, сократить обязательные встречи и не сидеть за-полночь за чтением деловых бумаг он совсем не реагировал.

Да и заботы о детях Царицу-Мать не оставляли. Они росли, и возникали новые проблемы. Им надо будет создавать семьи, а сделать это в их положении весьма непросто. В первую очередь старшему, Ники. В 1888 году ему исполнилось двадцать лет, и хотя время женитьбы еще не наступило, но Мария Федоровна уже

думала о его семейном будущем. Ничего определенного долго не было. Она знала, что Германский Император Вильгельм II, после восшествия на престол в 1888 году, первое время вынашивал абсурдный план женить Цесаревича на своей сестре, Маргарите Прусской. Принцесса не блистала красотой, но была молода (родилась в 1872 году) и, как говорили, довольна умна. Но это ничего не меняло.

Антипрусские настроения Царя и Царицы были непреодолимы. Марию Федоровну глубоко возмутило отношение кайзера к другой своей сестре Принцессе Софии Прусской, вышедшей в 1888 году замуж за племянника Царицы, наследного Греческого Принца Константина. Когда Германский Император узнал, что София приняла Православие, а во время пребывания в Берлине бывала в церкви русского посольства на службе, то потребовал от родственницы обязательно посещать и лютеранские храмы. Когда же та отказалась, то неуравновешенный Вильгельм вообще запретил родственнице наведываться в Германию!

Да и сам Цесаревич не проявлял никакого желания связать свою жизнь с костлявой Маргаритой. Отец и мать никогда не смогли бы заставить сына жениться. Они слишком дорожили счастьем детей, чтобы принуждать их. Но для Ники подыскать невесту было нелегко. Брак непременно должен быть равнородным. Этого требовала традиция, престиж Династии и Империи. Одно время Мария Федоровна хотела заинтересовать сына Еленой — дочерью претендента на французский престол Людовика-Филиппа-Альбера герцога Орлеанского, графа Парижского (Бурбона). Однако Николай Александрович не проявил никакого интереса. Его сердце уже принадлежало другой.

У старшего сына Александра III и Марии Федоровны — последнего русского царя Николая II — было четыре увлечения, четыре любви, последняя из которых стала судьбой. В свои юношеские лета воображение захватила его ровесница и кузина, дочь Альберта-Эдуарда и Александры английская принцесса Виктория Уэльская.

Потом Престолонаследник увлекся княжной Ольгой Александровной Долгорукой (в замужестве — Дитрихштейн), а позже — Матильдой Феликсовной Кшесинской. Всё это были лишь скоротечные увлечения, юношеские влюбленности.

Настоящая же любовь у него была одна — красавица Алиса из Дармштадта. Он вторично встретился с Принцессой зимой 1889 года, когда она приехала в Россию погостить у своей сестры Елизаветы. Именно тогда в Его сердце возникло большое и не

исчезавшее чувство к этой девушке.

Кто знает, возник бы союз двух сердец, если бы ему не способствовали родственники Николая Александровича: дядя Сергей и тетя Элла. Почти пять лет они предпринимали всё, чтобы сделать желаемое возможным, и проявили в этом деле незаурядную настойчивость и последовательность. Великая княгиня Елизавета Федоровна стала доверенным возлюбленных, передавала приветы друг от друга, фотографии, записки, убеждала и разъясняла. Жену целиком поддерживал Великий князь Сергей, взявший на себя задачу уговорить отца Гессенской Принцессы.

Летом 1890 года Сергей имел обстоятельный разговор с тестем, владетельным герцогом Гессенским Людвигом. Отец с удивлением узнал, что его дочь серьезно влюблена в Русского Престолонаследника, а тот, по словам Сергея, только и мечтает, как бы на ней жениться.

Сразу же возникло несколько вопросов: как отнесутся к перспективе этого союза Царь и Царица, но еще больше волновала реакция другого влиятельного родственника: Королевы Английской Виктории. Она очень любила свою внучку и строила в отношении нее собственные матримониальные планы, в которых русские женихи не фигурировали. После скандального поведения Великого князя Михаила Михайловича Королева была так раздосадована и возмущена, что, по словам Людвига Гессенского, «не переставала кипятиться» и через два года. Надо было выждать время.

Царица долго не подозревала, что за ее спиной уже несколько лет существует «целый заговор», что милая Элла и любезный Сергей заняты устройством семейной жизни Ее Сына.

Минни почти всегда безоговорочно разделяла человеческие привязанности своего Саши. Младший брат Царя и его супруга находились в числе особо близких лиц. Душевной симпатии был нанесен страшный удар, когда выяснилась роль Сергея и Эллы в сватовстве Цесаревича. Роль же эта оказалась ключевой.

Елизавета Федоровна проявила необычайную целеустремленность, делая все возможное (и невозможное) для устройства женитьбы Престолонаследника на своей младшей сестре, которой надлежало преодолеть немало препятствий. Труднейшее среди них — перемена религии. Будущая Царица не имела права оставаться вне Православия.

Алиса Гессенская любила Русского Принца и не скрывала от Эллы своих чувств. Летом 1890 года она посетила Россию в третий раз, но с Ники тогда ей встретиться не удалось. Но мысли и чувства все время были устремлены на Восток. Вернувшись в

Англию, сообщала сестре: «Мне было так грустно уезжать из России. Не знаю отчего, но каждый раз, когда я покидаю место, где мне было хорошо, и страну, где живут особенно дорогие мне люди, к горлу подступает комок. Когда не знаешь, вернешься ли сюда снова когда-нибудь, и что произойдет за это время, и будет ли так же хорошо, как прежде».

Княгиня Элла же была более уверена в будущем. В октябре 1890 года в письме Цесаревичу заметила: «Посылаю тебе фотографию, которую она передала мне для тебя и просила, чтобы ты хранил ее тайно, только для себя. Твоя фотография, которую я послала ей, находится на ее письменном столе под моей фотографией, невидимая и близкая. И она может в любое время смотреть на нее. Мы можем лишь молиться и молиться. Я верую в то, что Бог даст решимость и силу». Тетушка постоянно сообщала Племяннику о своей сестре, о ее любви к нему.

Весной 1891 года она определенно уже утверждала, что Алике обожает Ники. В мае того года Елизавета Федоровна писала Николаю Александровичу: «Теперь все в руках Божьих, в Твоей смелости и в том, как Ты проявишь себя. Будет трудно, но я не могу не надеяться. Бедняжка, Она так страдает, я единственный человек, кому Она пишет и с кем Она говорит об этом, и оттого Ее письма часто так печальны».

В свою очередь, Великий князь Сергей Александрович деятельно был занят тем, чтобы «свеча любви» не погасла в душе Ники. 30 августа 1890 года дядя писал Цесаревичу: «Большое смущение — религия — оно понятно, но это препятствие будет преодолено — это можно заключить из Ее разговоров. Элла смотрит на это так серьезно и добросовестно: по-моему, это хороший залог и верный. Вообще Ты можешь быть спокоен — ее чувство слишком глубоко, чтобы могло измениться. Будем крепко надеяться на Бога; с его помощью все сладится в будущем году».

Завершая свое интимное послание, Великий князь изрек: «Если кто осмелится прочесть это письмо кроме Тебя — да будет ему постыдно вовеки!!!» Конспиративная деятельность по устройству брака русского Престолонаследника продолжалась несколько лет, и все вдруг неожиданно выплыло наружу в конце 1893 года.

Глава 16
Неисповедимы пути твои, господи!

Императрица думала о будущей женитьбе Сына, но была спокойна и уверена, что все решится по милости Всевышнего, для счастья ее, Саши, России и самого Ники. Ей и в голову не могло прийти, на это просто не хватило фантазии, что в столь важном, первостепенном деле они с Императором окажутся в стороне до самого последнего момента.

Цесаревич несколько раз говорил о своей любви к Гессенской Принцессе, но Мария Федоровна не принимала близко эти уверения и старалась переключить беседу на другие темы. Эта партия не вызывала у нее расположения. Нет, ничего компрометирующего Алису она не знала. Но тайное женское чувство ей подсказывало, что эта холодная красавица не может сделать Ники счастливым. Неоднократно возникал такой простой, извечный материнский вопрос: что Сын в ней нашел? Ответов вразумительных не было.

Ники лишь сказал, что «любит Алике». Он-то, может быть, ее и любит, но вот любит ли она его? Мария Федоровна знала, что Принцесса не хочет менять конфессию, а раз это так, то и говорить не о чем. Значит, надо думать о других комбинациях.

И вдруг совершенно неожиданно осенью 1893 года выяснилось, что Ники хотел бы поехать на встречу с Алисой, для «серьезного объяснения». У Марии Федоровны возникли вопросы, и мало-помалу стала вырисовываться вся картина. Оказалось, что Сергей и Элла уже несколько лет заняты устройством брака Ники!

Известие вначале показалось неправдоподобным. Мария Федоровна решила во всем разобраться до конца. Сын, который никогда не обманывал мать, показал ей переписку по этому случаю с дядей Сергеем и тетей Эллой. И обнаружились потрясающие вещи! Оказывается, Сергей и Элла давно вели все переговоры и с Алике, и с ее отцом, а после его смерти в 1892 году с его братом Эрнстом-Людвигом, ставшим владетельным Гессенским герцогом. К осени 1893 года дело очень подвинулось вперед, и Элла была убеждена, что вопрос о религии уже не будет препятствием. Дядя Сергей убеждал Цесаревича поехать в Германию и самому провести решительное объяснение.

Мария Федоровна была оскорблена до глубины души. Она немедленно все рассказала мужу, и тот был удивлен и озадачен. Согласия на поездку Сына Царь не дал.

Когда Сергей и Элла вернулись из-за границы в конце 1893

года, то тогда для них и грянул гром. Мария Федоровна просто клокотала от негодования. Она имела резкое объяснение с Сергеем, но тот проявил «удивительную бестактность» и не только не ощутил неловкости от всей этой истории, но и стал выговаривать ей, матери, и даже уверять ее, что «она губит счастье своего Сына!». Царица же заявила, что требует от Сергея и его жены, чтобы они никогда больше не касались этой темы и раз и навсегда усвоили, что это не их дело.

В свою очередь, Сергей Александрович считал, что это и «его дело», что как член Династии и как русский человек он обязан содействовать тому, чтобы женой Наследника и будущей Царицей стала девушка серьезная, образованная, любящая своего супруга. Лучше же Гессенской Принцессы невесты ведь не найти.

Александр III ни с братом, ни со свояченицей обо всей этой истории не говорил, но Мария Федоровна знала, что он одного с ней мнения. Ну, хорошо: Сергей мог себе это позволить. От него всего можно ожидать. Но Элла? Казалась такой чистосердечной, такой открытой. Она-то как посмела? Хватило же характера, нашла в себе мужество так вести себя! Неудивительно, если бы так поступила Михень, но Элла! Какая интриганка! Когда стала с ней об этом говорить, то Мария Федоровна не заметила у Эллы ни тени раскаяния. Мало того, Элла заявила, что без ее помощи уговорить Алике не удастся.

Почему кого-то надо годами уговаривать? Ее Сын — Наследник Престола, красивый и умный молодой человек, и Царицу шокировали все эти «уговоры». Они ей казались оскорбительными.

Все это не добавляло Марии Федоровны симпатий к Алике. В декабре 1893 года Царица заключила, что Гессенская история завершилась. Ники получил сообщение от Принцессы, что она окончательно решила не менять свою веру, а, следовательно, вопрос о браке, как казалось матери, отпал сам собой. Николай же все еще не терял надежду и упросил родителей позволить ему самому переговорить с той, которую одну только и любит. Родители не стали возражать.

Случай представился весной 1894 года, когда в Кобурге должна была происходить свадьба Гессенского Герцога Эрнста-Людвига (брата Алисы) с дочерью Марии и Альфреда Эдинбургских Викторией-Мелитой, племянницей Александра III. В столицу Саксен-Кобург-Готского Герцогства съезжались именитые гости со всей Европы во главе с Королевой Викторией. Николай Александрович должен был представлять там Дом Романовых.

Мария Федоровна была убеждена, что вся «его история»

близка к завершению и Ники лишь испытает моральные муки. Она сочувствовала ему.

2 апреля 1894 года из Петербурга вышел поезд, в котором ехали: Наследник Престола Николай Александрович, Великий князь Сергей Александрович, Великая княгиня Елизавета Федоровна, Великий князь Владимир Александрович, Великая княгиня Мария Павловна и Великий князь Павел Александрович. Четвертого апреля русские гости прибыли в Кобург.

Мария Федоровна оставалась в России, ждала известий и переживала. 7 апреля она писала своему сыну Георгию на Кавказ: «Бедный Ники был на грани отчаяния, потому что именно в день его отъезда Ксения получила письмо от сестры Эллы, в котором она сообщала, что никогда не переменит религию и просит сообщить об этом Ники. Ты представляешь, как приятно нам было это узнать и, главным образом, Ники уезжать под ударом этой новости. Если бы она написала об этом раньше, он бы, конечно, не поехал. Но в последний момент уже невозможно было изменить решение.

От всего этого я ужасно переживаю за Ники, которого все эти годы ложно обнадеживали «два Сержа». Это же настоящий грех. В этот раз я говорила об этом с Сержем, а он ответил, что разочарован моими взглядами. Ну, в общем — это самая идиотская история, какую только можно представить. Она не только грустная, но и показательная. Все мои надежды только на Бога. Он все делает к лучшему, и если Он хочет, чтобы это свершилось, это свершится, или же Он поможет нам найти настоящую (невесту)».

Но искать больше «настоящую» не пришлось. На следующий день, 8 апреля, в Кобурге было объявлено о помолвке Цесаревича и Принцессы Алисы. Любовь сломала все преграды. Счастливый Жених писал матери: «Милая Мама, Я тебе сказать не могу как Я счастлив и также как Я грустен, что не с вами и не могу обнять тебя и дорогого милого Папа в эту минуту. Для Меня весь свет перевернулся, всё, природа, люди, всё кажется милым добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись… хотелось страшно посидеть в уголку одному с Моей милой Невестой. Она совсем стала другой: веселою и смешной и разговорчивой и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое благодеяние».

Мария Федоровна была счастлива тоже. Она предала забвению все свои опасения и неудовольствия. На все воля Божья, а с этим спорить было невозможно. Летом 1894 года Императрица писала сыну в Англию: «Наша дорогая Алике уже совсем как дочь для меня… Я более не хочу, чтобы Она звала меня «тетушка»; «дорогая мама» — вот кем я для Нее буду с этого момента».

Разрешение брачного вопроса Ники убавило переживаний. Но у Императрицы оставались другие поводы. Мария Федоровна знала, что «Всевышний дает нам радость лишь как награду за страдания». Была благодарна судьбе, когда выдавались счастливые мгновения. Старалась наслаждаться ими. Но все время возникали новые нежелательные случаи и обстоятельства, неожиданные осложнения, которые рвали ее сердце, сердце матери, сестры, дочери, жены. У нее была большая и любящая душа. Часто бывало тяжело, но никогда отчаяние не посещало. Лишь один раз это случится, осенью 1894 года, в Крыму…

У дочери Ксении благополучно семейное счастье устроилось. Летом 1894 года она выходила замуж за своего двоюродного дядю Великого князя Александра Михайловича. Мария Федоровна видела, как сияла ее любимая дочь, когда получила родительское согласие на брак в начале 1894 года (официально о помолвке было объявлено 12 января, а свадьба состоялась в июле).

Мать была рада ее радостью, но какое-то щемящее чувство не проходило. Милая Ксения теперь будет редко с ней видеться, у нее появился свой мир, свои самые близкие, а родители будут теперь где-то вдалеке. Но таков закон жизни и изменить его никто не в силах.

После помолвки старшего сына и замужества Ксении у Марии Федоровны особенно болело сердце за сына Георгия. Осенью 1890 года он вместе с Ники отправился в кругосветное путешествие, которое должно было расширить кругозор сыновей, познакомить их с бытом и нравами других народов и стран, научить жить самостоятельно.

Мария Федоровна вначале не одобряла этот вояж; ей всё казалось, что непременно что-то случится, если дети надолго оторвутся от родительского дома. Она всё еще не могла свыкнуться с мыслью, что одному сыну уже 22 года, а второму — девятнадцать. Они для нее оставались еще маленькими. Но Александр настоял, и 23 октября 1890 года сыновья Императора с небольшой группой сопровождающих, после воскресной обедни, покинули Гатчину. Они должны были встретиться с родителями лишь летом следующего года.

В Афинах к экспедиции присоединился кузен великих князей, веселый и бесшабашный греческий принц Георгий. Все шло, как и намечалось. Дети писали бодрые письма родителям и были довольны. Они получали массу впечатлений.

В начале ноября фрегат «Память Азова», на котором плыли Царские сыновья, прибыл в Египет. Несколько недель осматривали древние достопримечательности, присутствовали на

приемах и праздниках. Затем двинулись дальше через Красное море и Индийский океан. В начале декабря сделали остановку в Адене, а рано утром 11 декабря 1890 года подошли к Бомбею.

К этому времени на фрегате царила уже подавленная атмосфера. Великий князь Георгий Александрович заболел. У него начались сильные поясные боли, поднималась временами высокая температура, и дело доходило до того, что в отдельные дни он не мог ходить. Корабельный врач заверил, что это ревматический приступ и что он должен непременно пройти от тропического климата.

Состояние не улучшалось. Запросили Петербург. Несколько недель шла интенсивная телеграфная переписка, и в итоге Царь и Царица, переговорив со всеми лейб-медиками, приняли решение отозвать второго сына из путешествия. 23 января Георгий Александрович пересел в Бомбее на русский военный корабль «Корнилов» и отправился назад.

Марию Федоровну вести о плохом самочувствии второго сына серьезно расстроили. Она еще не знала ничего определенного о диагнозе, но материнское сердце чувствовало недоброе. А надо было делать «Царское дело». Отменить новогодние парады и балы не было никакой возможности, и почти каждый день приходилось встречаться, улыбаться, принимать поздравления, разговаривать с множеством лиц. В одном из писем мужу в 1894 году Мария Федоровна заметила: «Должна тебе сказать, что все это невыносимо, когда каждый день расписан и невозможно ничего поправить».

Нервное напряжение еще раньше стало давать о себе знать. Многолюдный и изысканный Царский бал в Зимнем дворце в конце января 1891 года, начавшись как обычно и протекавший в блеске и веселье (за три часа несколько сот приглашенных опорожнили более тысячи бутылок шампанского), вдруг, неожиданно для многих, закончили значительно раньше обычного (еще не было и 2 часов ночи) по причине плохого самочувствия Императрицы. Такое случилось впервые…

Сын Георгий так и не выздоровел. Скоро у него начались кровохарканья, и врачи диагностировали туберкулез. Мария Федоровна не хотела этому верить. Боже мой, у Джорджи чахотка! Эта такая страшная, изнуряющая и беспощадная болезнь. Она хорошо помнила все те страдания, все мучения Императрицы Марии Александровны — и теперь то же самое выпало на долю Георгия.

Более восьми лет будет продолжаться борьба за жизнь дорогого сына, и мать почти не будет знать покоя: кратковременные периоды улучшения сменялись затяжными

периодами обострения болезни. Но будет верить и надеяться до самого конца. Великого князя возили по лучшим средиземноморским курортам, показывали самым известным врачам в Европе и в России. В конце концов, врачи подыскали для него прибежище на самом Юге Российской Империи, в Закавказье, в местечке Абастуман (Абас-Туман), славившемся своим целебным высокогорным воздухом. Здесь Великому князю Георгию Александровичу, ставшему после воцарения Николая II в 1894 году Наследником Престола, пришлось прожить большую часть последних лет своей жизни. Здесь он и скончался 28 июня 1899 года.

Царица интересовалась, переживала и страдала не только за своих близких в России. Ее великодушное и отзывчивое сердце все время болело и за других своих родственников, от которых по воле судьбы была вдалеке. Здесь главная забота и переживания — родители.

Королеве Ауизе в 1887 году исполнилось семьдесят лет, король Христиан IX был всего на полгода моложе жены.

Здоровье их порой внушало опасения. Она им, как и раньше, регулярно писала и с трепетом распечатывала письма из Копенгагена, боясь узнать что-нибудь недоброе. Но многие годы все обходилось. Королева Луиза тихо скончается на 82 году жизни в сентябре 1898 года, а Король — в начале 1906 года, не дожив двух лет до девяностолетия. Мария Федоровна потом однажды скажет, что «благодарит Бога, что он отпустил родителям такой земной срок». Эти смерти долго будет оплакивать Императрица.

Царица радовалась, сочувствовала и переживала за своих сестер. Старшая, Александра, вышла замуж по любви и, несмотря на все «фокусы» Берти, все-таки была счастлива. Младшей же сестре Тире повезло меньше. Уже в двадцатипятилетием возрасте, в декабре 1878 года, Принцесса вышла замуж за Принца Эрнста-Августа герцога Кумберлендского — сына последнего Ганноверского Короля.

После Австро-прусской войны 1866 года, когда Ганновер выступил на стороне Австрии, это Королевство было ликвидировано и его территория стала прусской провинцией. Отрекшийся от престола слепой король Георг V (1819–1878) и его семья превратились в изгнанников. Приютил Австрийский Император Франц-Иосиф, предоставивший в распоряжение Кумберлендских величественный замок на берегу озера в живописном местечке Гмунден в Верхней Австрии, в полусотне километров от Зальцбурга.

Английский Королевский Дом тоже не остался безучастным к

судьбе Ганноверских родственников (еще в начале XVIII века на английский престол взошел представитель Ганноверской династии Георг I), и Эрнст-Август получил приглашение на английскую военную службу.

В семье Кумберлендских было восемь человек детей, и Тира отдавала им все свое доброе сердце. Герцогиня Кумберлендская и ее свекровь, старая и любезная вдова Короля, урожденная принцесса Мария Саксен-Альтенбургская (сестра «тети Сани»), сделали дом в Гмундене открытым для актеров и музыкантов.

Принцесса Тира была великолепной пианисткой, и те, кто понимал толк в музыке, высоко оценивали ее мастерство. Мария Федоровна несколько раз бывала в Гмундене и прекрасно была осведомлена о семейной жизни своей сестры. Муж ее был человеком неприятным: капризный, эгоцентричный, не считавшийся со своими близкими. Тира молчаливо сносила выходки, причуды и оскорбительное поведение супруга. Она никогда и никому не жаловалась, но сестра Дагмар и без того многое видела и чувствовала.

Но самой близкой родственницей за границей, помимо отца и матери, для Русской Царицы осталась навсегда старшая сестра Александра. Тира была значительно моложе Дагмар и была еще ребенком, когда та покинула Данию. У них не осталось задушевных воспоминаний. С Александрой же было все наоборот. Они не только выросли вместе, не только очень походили друг на друга и внешне и психологически, но их объединяли и девические тайны, незабываемые впечатления ранней юности. И потом, когда у обеих существовали уже свои семьи и жили они на разных концах Европы, то и тогда сердечная близость не проходила.

Всё время писали друг другу и практически каждый год встречались под родительским кровом в Дании. В 1866 году наследник Британского Престола присутствовал на свадьбе Минни и Александра в Петербурге, а в 1873 году Цесаревич и Цесаревна нанесли ответный визит. Мария Федоровна навсегда сохранила светлую память об этой поездке, вспоминая различные эпизоды ее и через многие годы.

Этот визит долго планировался и подробно обсуждался в Петербурге и Лондоне. В России тогда больше полагались на сотрудничество с Берлином, но заинтересованность в установлении более теплых отношений с Великобританией существовала. Надлежало всё обставить так осторожно, чтобы не ущемить имперские интересы и не умалить престиж Династии.

Трудно сказать, сколько бы лет продолжались еще эти обсуждения и согласования, если бы у Марии Федоровны не существовало сильного желания совершить эту поездку, желания,

которое питалось чувствами симпатии к близкому человеку. Александр Александрович сочувствовал этому, но в таких случаях больше полагался на мнение дорогого Папа, который один и мог решать подобные вопросы. Император Александр II разрешил.

18 мая 1873 года из Петербурга вышел поезд, в котором ехали Император, его сыновья Александр, Владимир и Цесаревна Мария Федоровна. Вместе с ними путешествовали и сыновья Наследника Николай и Георгий. Через два дня именитые русские прибыли в Вену. Их ждала торжественная встреча. В столице Австрии провели неделю и были окружены чрезмерным вниманием Императора и всего высшего общества.

Затем отбыли в Штутгарт, в столицу королевства Вюртемберг. С этим владетельным домом Романовых связывали давние и тесные родственные узы. Король (с 1864 года) Вюртембергский Карл I (1823–1891) был женат (1846) на сестре Императора Александра II Великой княгине Ольге Николаевне, а матерью Короля (женой Короля Вильгельма I) являлась русская Великая княгиня Екатерина Павловна — дочь Императора Павла I.

Вюртембергское Герцогство стало Королевством в 1806 году по воле «неистового корсиканца» Наполеона I, смело перекраивавшего политическую карту Европы. После разгрома Бонапарта Вюртемберг сохранил статут только благодаря поддержке России. В Штутгарте русских гостей принимали по-родственному. Здесь вместе провели три дня, а затем ненадолго заехали в Дармштадт к Гессенскому Герцогу Людвигу III.

В Дармштадте расстались: Царь с сыном Владимиром поехал на север Германии в Эмс, где лечилась Царица, а Александр с Минни и детьми отправились дальше одни.

Посетили родственников Минни во Франкфурте, затем на пароходе прибыли в Кельн. Здесь состоялась примечательная встреча со свергнутой французской Императрицей Евгенией и ее семнадцатилетним сыном Евгением-Людовиком. Беседа была краткой и радости никому не принесла. Александр помнил гордую и величественную Императрицу на приемах в Париже во дворце Тюильри. Теперь же это была состарившаяся несчастная женщина, оплакивающая своего скончавшегося в январе 1873 года мужа Императора Наполеона III. Она была занята теперь лишь проблемами своей распавшейся семьи.

Из Кёльна на поезде отправились в Антверпен и по пути, на одной из станций, их приветствовали Король и Королева Бельгийские. Поздно вечером 31 мая перешли на Императорскую яхту «Штандарт». Здесь провели двое суток, и так приятно было пожить среди своих, без официальных церемоний. Читали, ходили по магазинам, гуляли с детьми. Выжидали положенное

время: протокол не позволял прибыть в Англию ранее оговоренного срока, к тому же у Александра выскочил флюс, и надо было привести себя в приличный вид. Затем тронулись к берегам Альбиона.

В середине дня 4 июня 1873 года Царская яхта прибыла в устье Темзы и стала на якорь в местечке Вулич. Здесь встречали Алике и Берти. Были объятия, поцелуи, слезы радости. В открытом экипаже двинулись в Лондон в сопровождении королевских драгун. По пути следования стояло много публики, что было весьма трогательно. В половине четвертого прибыли в резиденцию Уэльских — дворец Мальборо-хауз. Гостей поместили на третьем этаже, рядом с детьми хозяев.

У Альберта и Александры к этому времени родилось уже пятеро детей: Альберт-Виктор, Георг, Луиза, Виктория и Мод. В семье Цесаревича было двое сыновей: пятилетний Николай и двухлетний Георгий. Но мать со слезами часто вспоминала и своего умершего сына Александра; каждый год молилась на его могиле в день кончины.

Гости немного освоились, отдохнули, а вечером их повезли в Королевский театр Ковент-Гарден на оперу Дж. Верди «Эрнани» с несравненной Аделиной Патти и с не менее знаменитым Франческо Грациани.

Последующие дни были заполнены встречами, поездками, балами. Цесаревича дружески опекал Английский Престолонаследник, а Минни почти не разлучалась с Алике. 8 июня лорд Каррингтон, которого Александр еще знал по Висбадену, повез Русского Принца и сопровождающих его лиц на скачки в Хэмптон. Сам правил экипажем, запряженным четверкой. Эта поездка прошла весело и интересно.

Первые дни Королева Виктория не выказывала желания видеть русских гостей. Но вот на пятый день, на субботу 9 июня, приглашение в Виндзор было получено. Александр и Минни завтракали с Викторией и ее младшими детьми: двадцатилетним сыном Леопольдом и шестнадцатилетней дочерью Беатрисой.

Приём был любезный, но довольно непродолжительный и не произвел особого впечатления. По окончании высочайшего завтрака Королева предложила осмотреть парк, что сделали с большим удовольствием. Эта прогулка понравилась. Всё в Виндзорском парке радовало глаз. «Парк идеальный и что за аллеи — чудо!» — записал Цесаревич.

Александру и Минни многое нравилось в Англии. Неповторимый английский пейзаж, удивительные парки и цветники, благоустроенные улицы и аккуратные дома в городах, распорядительность и воспитанность всех сопровождающих и

прислуги. Александр с борта Королевской яхты «Виктория и Альберт» наблюдал за маневрами британской военной эскадры на рейде Портсмута и нашел флот в прекрасном состоянии.

Цесаревича почти все время сопровождал принц Альберт-Эдуард, с которым Цесаревичу было просто; они оставались добрыми друзьями. Берти его возил в театры, в аристократические клубы («Marlborough Club»), где допоздна задерживались за партией в вист. Однажды в Лондоне поехали смотреть новую английскую игру в Поло, где участвующие были верхом на лошадях. Александру вообще очень нравилось, как подобные публичные мероприятия организованы в Англии.

Немало было и других впечатлений. Почти два месяца семья Цесаревича провела в Англии. Много путешествовали. Александр несколько дней потратил на поездку на северо-восток Англии в город Гулль, где по его заказу строилась яхта «Цесаревна». В присутствии хозяина судно было спущено на воду и совершило пробное непродолжительное плавание. Александр был в восторге от судна, и его радовала мысль, что теперь и у него будет собственная яхта.

Русским гостям были показаны Королевские резиденции: Букингэмский и Сандригэмский дворцы в Лондоне, резиденции в Виндзоре на запад от столицы и Осборн — на юге страны на острове Уайт. Наиболее сильные воспоминания остались от Виндзора. Огромный замок, заполненный замечательными художественными и историческими предметами, казался сказочным, производил неизгладимое впечатление. Один из дней им почти целиком посвятила дочь Королевы Принцесса Елена (в замужестве герцогиня Шлезвиг-Гольштинская), показавшая парк, мавзолей и капеллу Сент-Джордж. Александр подробно осмотрел лошадей в конюшнях и псарню, где содержались знаменитые гончие Королевы.

Русскому престолонаследнику многое нравилось в Британии, но существовали причины и для недовольства. Королева вначале не проявляла желания демонстрировать свое расположение к гостям из России. Лично Александра это ничуть не задевало; ему по-человечески это было безразлично. Но как Наследник Александр имел право рассчитывать на большее внимание. Он прекрасно помнил, что когда Берти приезжал в Петербург, то Папа уделял ему столько времени, не стесняясь показывал всем, что Наследник Британской Короны — гость Царя.

Они же с Минни фактически оказались не гостями Королевы, а гостями Берти и Алике. К тому же первые недели их пребывания совпали с приездом в Лондон Шаха Персидского, которой был в центре внимания и забот официального Лондона. В честь

восточного владыки давались балы, устраивались приемы, смотры, концерты, торжественные спектакли. Александра Александровича и Марию Федоровну тоже приглашали, но они невольно делались как бы лишь присутствующими, но не виновниками. И при этом было столько утомляющей суеты.

11 июня Александр записал в дневнике: «Вообще нельзя до сих пор сказать, что было сильно весело и приятно наше пребывание в Лондоне. Так мне надоели все эти празднества для Шаха. Несносно и даже нет времени спокойно провести время и посмотреть хорошенько Лондон. Утром бывает прескучно, потому что я встаю почти всегда в 9 час и остаюсь один до 12, а иногда и позже, так что никого раньше 12 не увидишь, все спят; такая тоска берет, что просто ужас».

Мария Федоровна проявляла значительно меньше неудовольствия. Ей нравилось в Англии. Она была рада, что наконец-то посетила дом милой Алике и могла проводить с ней много времени каждый день. Она быстро познакомилась с окружением сестры и уже через несколько дней чувствовала себя почти как дома. В отличие от мужа, ее не раздражали официальные церемонии, блеск и шум, окружавшие жизнь высочайших особ. Ей это было по душе.

Дети Уэльских и Романовых сразу же подружились, и они с Алике с удивлением обнаружили, что их сыновья Джорджи и Ники (последний был на три года моложе английского кузена) удивительно похожи друг на друга. С годами эта похожесть будет возрастать, и когда уже Цесаревичем Николай приедет на свадьбу Георга в 1893 году, то несколько раз возникнут забавные истории, когда их перепутают даже придворные. Потом они с Мама будут не раз смеяться над этим.

Мария Федоровна хоть и не слышала сетований от сестры на свою семейную жизнь — Алике самозабвенно любила Берти, — но знала, что ей в Англии живется непросто. Королева, лишившись собственной семейной жизни после смерти незабвенного принца-консорта Альберта, проявляла повышенный интерес к семейной жизни своих детей. Первой невестке постоянно приходилось выслушивать строгие замечания свекрови о том, что «она неподобающим образом» одета, что «допускает излишнюю мягкость в воспитании детей», что «не уделяет мужу должного внимания». Когда случалось, что по вине Берти они опаздывали с ним к Королеве на несколько минут, то виноватой почему-то всегда была именно Герцогиня.

Много несправедливых упреков и колкостей приходилось бывшей Датской Принцессе выслушивать от неулыбчивой Королевы, авторитет которой был непререкаемым. Она старалась

изо всех сил заслужить расположение, но не чувствовала, что ей это удается. К тому же Алике была глуховата, а Королева не считала нужным повышать голос в разговоре с ней, и многое герцогиня Уэльская просто не слышала (может быть, и к лучшему!). Мария Федоровна обо всем этом знала и с ранних лет не питала к нелюбезной Английской Королеве никаких симпатий. Не рассчитывала и на проявления добрых чувств с ее стороны.

Когда первые дни Виктория их игнорировала, то Минни не была удивлена; она даже старалась убедить Александра, что «ничего другого ожидать не приходится». Им передавали, что Королева была недовольна тем, что русские прибыли к ней лишь через семь лет после свадьбы, что по пути к ней они заезжали к другим. Они всё это слышали, но не считали подобные упреки справедливыми. Они представляют ведь не какое-то вассальное княжество, а великую Империю и не обязаны ездить на поклон в Лондон лишь только для того, чтобы удостоиться чести позавтракать с Ее Величеством. Они вообще не думали, что Королева Виктория может быть объективной и беспристрастной.

Во время пребывания семьи Цесаревича в Англии летом 1873 года за кулисами династического мира разворачивалась одна история, приведшая к неожиданным для многих европейским династическим пертурбациям. Второй сын Королевы герцог Саксен-Кобург-Готский, граф Кентский, герцог Эдинбургский Альфред, влюбленный в дочь Царя Александра II Великую княжну Марию Александровну, вознамерился просить ее руки. Мать-Королева, невзирая на всю свою русофобию, не могла воспрепятствовать и дала согласие на брак, заметив сыну, что она не только согласна, но «и желает этого».

Надлежало выяснить лишь мнение Царя, так как русская Великая княгиня тоже проявляла симпатию к бравому морскому офицеру. Несколько раз Альфред вечерами заходил к Александру и допоздна обсуждал с ним свой предстоящий шаг. Цесаревич отнесся к этой истории чрезвычайно внимательно и был рад за Мари, которая, если согласится Папа, может обрести свое семейное счастье.

В конце июня герцог Эдинбургский поехал для решительного объяснения в Югенхайм, где в то время находились Царь, Царица и их дочь. Туда же на несколько дней отбыл и Александр. И 29 июня о помолвке было объявлено официально. Свадьба была назначена на следующий год. Для Минни и Александра это стало радостным событием. Когда все, казалось бы, было уже решено, вдруг возникло непредвиденное обстоятельство. Минни с нарочным прислала мужу письмо, где сообщала следующее: Виктория имела разговор с Александрой, передав через нее

пожелание познакомиться с невестой сына, предложив, чтобы отец привез к ней дочь в Осборн.

Александр немедленно отправился к Царю, тот был удивлен и обескуражен. О подобном визите не могло быть и речи. Суверенный Монарх не может ездить на поклон к другому Монарху, да к тому и без официального приглашения. Царь просил передать тем же путем Виктории, что он «очень занят» и, к сожалению, не может воспользоваться случаем и погостить в Осборне. На этом все в тот раз и закончилось, а Александр II нанес официальный визит в Великобританию лишь в мае 1874 года, уже после бракосочетания дочери Марии и герцога Эдинбургского.

Цесаревич и Цесаревна находились в Англии до 1 августа 1873 года и отбыли с острова Уайт на Царской яхте «Штандарт». Последние недели их пребывания Королева проявляла больше внимания, и неоднократно им доводилось присутствовать на завтраках и обедах в Осборне, где тогда находился Английский двор. Но разговоров серьезных не было, и Виктория лишь подробно беседовала с Минни о детях, об их здоровье и воспитании.

Мария Федоровна, в совершенстве владея мастерством светской беседы, была великолепна и даже, как заметила позже сестра Александра, говорила по-английски «почти как англичанка». Цесаревич и Цесаревна уехали, полные впечатлений и эмоций. Оба чрезвычайно сочувствовали Алике, которой, как они теперь точно знали, было так нелегко. Она страдала от притеснений Виктории. Но в несравненно большей степени досаждал Берти, не проявлявший необходимого внимания и порой попадавший в неловкие ситуации.

Пройдет восемнадцать лет, и в июне 1891 года, комментируя судебное разбирательство в Лондоне дела о нелегальном игорном притоне, дела, в котором одним из фигурантов окажется герцог Уэльский, Император Александр III напишет Императрице:

> «Какой скандал этот процесс в Лондоне из-за карточной игры в бакара и, с позволения сказать, этот глупый Берти, который тоже замешан в этой грязи! К чему он сунулся в суд, оставался бы в стороне, подумал ли он, как приятно должно быть бедной Alix и детям, что отец их, Наследник Престола, и замешан в эту мерзость! Подробности процесса возмутительны. Нет, слава Богу, подобные истории могут быть только в Англии, чтобы замешаны были Наследник и высшее общество Лондона! Бедная Alix, через что она только не проходит, благодаря

ее безмозглому и развращенному мужу! Ей-Богу, противно!»

Царь был прав: подобных дел с участием членов династии в России не было, но здесь хватало других, «своих историй».

Мария Федоровна постоянно вспоминала сестру, думала о ней. В самом начале 1892 года Царица получила известие, что умер ее старший сын Альберт-Виктор, «ее Эдди», которому было всего 28 лет. Этого внука очень любила бабушка, Королева Виктория, мечтавшая, чтобы он и ее другая внучка Алиса Гессенская поженились. Однако дармштадская принцесса в 1889 году наотрез отказалась соединить свою жизнь с Эдди, и его мать немало переживала по этому поводу. Но это теперь уже не имело значения. Смерть все перевернула.

Мария Федоровна по себе знала, какое это несчастье, какая это рана в сердце матери на всю жизнь — похоронить собственного ребенка. И она плакала. Это горе было и ее тоже. Проведя целый вечер у Императрицы, Цесаревич Николай записал в дневнике 2 января 1892 года, что «Мама очень удручена этой кончиной».

В памяти Марии Федоровны навсегда запечатлелась их поездка с Сашей в Англию в 1873 году. Она увезла тогда не только впечатления, не только радостные эмоции, но и груз переживаний. Всю жизнь будет питать антипатию к Английской Королеве Виктории.

Нет, она никогда не позволит себе злословить или на публике критиковать Английского Монарха; она просто навсегда сохранит к ней нелюбовь. Ее, в отличие от мужа, мало занимали нюансы протокольных коллизий, ущемлявших династический престиж. Она не любила ее, как может не любить одна женщина во всем отличающуюся от нее другую женщину. Здесь снисхождения уже не могло быть.

Мария Федоровна встретилась с Викторией еще раз весной 1896 года на юге Франции. Русская Царица приехала на Лазурный Берег проведать своего сына Георгия. Старая Английская Королева отдыхала в Каннах, и визит был необходим. Виктория была слабой, в мрачном расположении духа. Две вдовы поговорили о погоде и расстались.

В январе 1901 года патриарх европейских Монархов и последняя коронованная представительница Ганноверской Династии Королева Виктория умерла. Россия выразила соболезнование, а Императрица Александра Федоровна особенно тяжело переживала смерть своей бабушки, заменившей еще в детстве мать. Из Петербурга в Англию выехала на похороны

представительная делегация во главе с братом Царя Наследником Престола Великим князем Михаилом Александровичем.

В день похорон, в далекой от Виндзора столице Российской Империи случилось неожиданное. Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, с осени 1894 года не снимавшая траур по своему мужу, именно в этот день траур сняла и приехала впервые за много лет в Мариинский театр, чтобы насладиться оперой Э. Ф. Направника «Дубровский». Что заставило ее это сделать? Может быть, радость от сознания того, что ее любимая Алике отныне освободилась из гнетущего плена?

Мария Федоровна приедет в следующий раз в Англию лишь через тридцать четыре года, когда Английским Королем под именем Эдуарда VII будет Берти, а Королевой — ее сестра Александра.

Глава 17
Трагический рубеж

Александр III был искренне счастлив в браке. Счастлив со дня свадьбы и до последнего земного мига. Будучи цельной и откровенной натурой, он никогда бы не смог хоть на минуту забыть о святых узах брака и позволить даже мимолетный флирт или невинную салонную интрижку за спиной своей милой и единственной. Большой и сильный, наделенный огромными правами, Император опирался в жизни на веру в Бога, на любовь к России, на любовь к Минни и на любовь Минни.

Маленькая, хрупкая, жизнелюбивая, она стала для него всем, она сделалась воздухом, которым дышал. Без нее было невыразимо тоскливо, одиноко и душа «пребывала в тоске». Даже разлука на несколько дней угнетала. После отъезда жены и детей летом 1872 года в Копенгаген записал в дневнике: «Грустно было войти в пустой дом, так еще недавно оживленный, а теперь все завешено, скучно и пусто. Ох, как тяжело оставаться семейному человеку одному и как везде скучно бывает».

Их расставания редко продолжались более трех-четырех недель. Лишь один раз случилась долговременная разлука. В 1877 году Цесаревич Александр Александрович отбыл на русско-турецкую войну. Там он командовал военным отрядом, участвовал в сражениях. В Петербург вернулся в начале февраля 1878 года, где и встретился наконец со своей семьей, дорогой Минни после почти восьмимесячной разлуки. Тогда он был еще молод, а в молодости все переносится легче.

С годами же расставания делались нестерпимыми. Даже когда не видел жены, работая часами у себя в кабинете, или присутствовал на различных мероприятиях, то и тогда сердце согревала мысль, что вот только освободится и сразу же пойдет к Минни. Если она была рядом, то ему было хорошо и спокойно. Но как только она уезжала (к родственникам в Европу или к сыну в Абастуман), то становилось несказанно пусто и тоскливо. У него не было друзей (а у какого правителя они были?). Он в ранние годы переживал по этому поводу, но потом успокоился и начал воспринимать обделенность дружбой как должное, как неизбежную плату за свое происхождение и положение.

Чем дальше, тем реже у Императора Александра III появлялось желание общаться в своем доме с чужими. Сам преданный и верный, он ценил преданность и верность других, но кроме самых близких, ни у кого не находил таких качеств.

Поэтому так любил собак, и когда они умирали, то переживал искренне.

«Сегодня я воздержался кого-либо приглашать. Была закуска у меня в кабинете, и я ел один. В подобных случаях страшно недостает хотя бы собаки; все же не так одиноко себя чувствуешь и я с таким отчаянием вспоминаю моего верного, милого Камчатку, который никогда меня не оставлял и повсюду был со мною; никогда не забуду эту чудную и единственную собаку! У меня опять слезы на глазах, вспоминая про Камчатку, ведь это глупо, малодушие, но что же делать — оно всё-таки так! Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не может, а пёс может, и Камчатка был такой», — делился своими мыслями в письме Марии Федоровне от 14 апреля 1892 года[7].

Через две недели вернулся к этой теме: «Теперь я много бываю один, поневоле много думаешь, а кругом все невеселые вещи, радости почти никакой! Конечно, огромное утешение дети, только с ними и отдыхаешь, наслаждаешься ими и радуешься, глядя на них». Но старшие дети уходили в свой мир, у них появлялись собственные интересы и привязанности, где места «дорогому Папа» не было.

В апреле 1892 года, когда Императрица в очередной раз уехала к сыну Георгию на Кавказ, Царь послал ей из Гатчины уникальное письмо-исповедь.

«Ники всё еще в Петербурге, что Он делает — не знаю, Он ничего не телеграфирует, не пишет и не спрашивает у меня какие-либо известия от тебя. Я должен сознаться, что для меня лично это приятно, так как здесь Он скучает, не знает что делать, а знать, что Он остаётся здесь только по обязанности, и видеть скучающую фигуру для меня невесело. С маленькими детьми гораздо лучше, и они и я довольны, и нам отлично вместе. Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать дома — невесело родителям, да что же делать? Так оно в натуре человеческой.

Да, и Ксения теперь меня вполне игнорирует, я для неё совершенно лишний; разговоров никаких, никогда ничего не спрашивает, ничего не попросит, а я рад был бы так сделать ей удовольствие хоть в чём-нибудь. Например, в прошлом году зимою, когда Ники не было, я ездил с нею раза два-три кататься в санях и сказал ей, что если когда она захочет, чтобы сказала мне, и я с удовольствием возьму ее с собой. Она ни разу не попросила меня. В эту зиму я надеялся, что хоть раз сделает мне удовольствие и попросит покататься с ней; нет, я так и не дождался. Наконец, я сам ей предложил раз поехать со мной, но неудачно, так как она должна была ехать с тобой в тот день. Я

надеялся, что она мне скажет хоть что-нибудь потом, что ей жаль, что это не удалось, и что она попросит меня поехать с ней в другой раз, но не слыхал от нее ни одного слова, как будто я ей ничего не предлагал и ничего не говорил.

Меня это очень, очень огорчило, но я не хотел об этом говорить, потому что мне было бы слишком тяжело, а главное — к чему? Если нет этого чувства ко мне у неё, это значит, я виноват; не сумел внушить ей доверия и любви ко мне… Я должен сказать, что постоянно радовался и ждал того времени, когда она подрастет, чтобы с ней кататься, ездить в театр, увеселять её, но ничего этого нет; я ей не нужен, со мной ей скучно, и ничего общего между нами нет, только утром поздороваемся, а вечером — спокойной ночи и все! Умоляю тебя ничего ей об этом не говорить, будет ещё хуже, так как будет ненатурально, а для меня ещё тяжелее, и окончательно это её оттолкнет от меня…

Тоже и Жоржи меня ужасно огорчил за эту зиму. Написал только одно письмо, и это ещё в ноябре, после Крыма. К моему рождению я не получил ни одной строчки от него. Мало того, он пишет тебе одно письмо из Абас-Тумана в самый день 26 февраля (день рождения Царя. — А. Б.), говорит, что едет в церковь и ни одного слова поздравления или пожелания тебе и мне. Все это меня мучило за эту зиму, которая и без того была невеселая, но я не хотел об этом говорить; слишком тяжело было, ну а теперь все равно сорвалось, так уж нечего делать!»

Одинокая душа русского Царя! Об этом никто не знал, никто не догадывался, кроме той, кто был и оставался ему самым близким и дорогим. Мария Федоровна, находясь в вынужденном отъезде, часто писала супругу, понимая и чувствуя, как ему грустно. «Я пишу тебе уже третье письмо, а от тебя еще не получила ни одного. Как медленно ходит почта! Я жду его с таким нетерпением, потому что мне тебя так не хватает, что не могу даже этого описать. Ведь письма — единственное утешение при такой невыносимой разлуке».

Она подробно сообщала о переездах, встречах, времяпрепровождении. Успокаивала и старалась развеять тоску Саши, описывая всякие мелкие происшествия и бытовые детали. В Абастумане у Джорджи ездили в горы на пикники, и Мария Федоровна посылала затем подробный отчет мужу, сообщая, что было так хорошо и они «почти весь день смеялись». Она хотела, чтобы он всё-всё знал и чувствовал, что и на расстоянии они вместе. Она любила Александра, как и раньше, и всё, что его касалось, было делом первостепенной важности. Но она видела окружающее в более радужных красках и считала, что

меланхолия непременно пройдет, так как «мир прекрасен».

Когда она получила вышеприведенное меланхолическое письмо мужа, то не на шутку расстроилась. Она не ожидала, что он может оказаться в плену таких мрачных мыслей. Немедленно села писать ответ.

«Весь день я думала о тебе с грустью и настоящей тоской. Мне тебя страшно не хватает. А мысль о том, что ты сейчас так одинок и печален в Гатчине, буквально всю меня переворачивает. Я не могу тебе этого описать. Она мне омрачает всю радость моего пребывания рядом с Георгием». И далее, возвращаясь к самому тексту письма, царица восклицала: «Должна тебе сказать, что все, что ты пишешь в отношении детей, несправедливо. Как ты можешь допустить мысль, что ты для них ничто! И что они тебя не любят! Это почти сумасшествие, мой дорогой! Я так огорчилась из-за тебя, что даже плакала и не могла заснуть вчера вечером, так меня это взволновало!»

Она все время переживала за него. Любое его недомогание вызывало ее обеспокоенность, особенно когда была от него вдали. Как только в мае 1891 года, находясь с Георгием в Ливадии, она узнала, что у Саши простуда, тут же изложила свои волнения на страницах письма.

«Как я расстроилась, что ты опять простудился, так сильно, что даже не могу тебе передать словами. А теперь без меня ты, естественно, не сможешь нормально вылечиться, и кашель будет продолжаться до бесконечности. Я тебя прошу, позаботься о себе ради меня и никогда не одевайся перед открытым окном, тем более при этом холоде. А когда ты возвращаешься с прогулки мокрый от испарины, это очень опасно. Можно запросто схватить воспаление легких. И если рядом нет надежного врача, чтобы лечить тебя, и меня, чтобы ухаживать за тобой, это тревожно, уверяю тебя».

Александр III почти ничего не писал о государственных делах и заботах. Это жене было неинтересно. О душевном состоянии и о своей домашней жизни сообщал подробно. «Твою телеграмму из Севастополя я получил в 3 часа; воображаю, какая радость встретиться с Жоржи и как он был счастлив увидеть наконец тебя и Ксению. Как тяжело и грустно не быть с вами в эту счастливую минуту, с нетерпением жду свидания с милым Жоржи, а теперь, пока вы счастливы и рады, я грущу и тоскую здесь один! Какое счастье, что Миша и Ольга со мною, а то было бы невыносимо» (24 мая 1891 года).

«Жду с нетерпением твоего первого письма, но не знаю, когда получу его. Скучно и пусто без тебя здесь (в Гатчине), и весь день

как-то иначе, всё не то; отвратительно оставаться одному и опять быть в разлуке с тобой, милая душка Минни!» (26 мая 1891 года).

«Я полагаю послать еще одного фельдъегеря в пятницу или субботу и надеюсь, что он будет последний. Становится очень грустно без тебя, моя милая душка Минни, и пора вам вернуться домой» (1 июня 1891 года).

«Я постараюсь написать еще одно письмо или в Харьков, или в Москву. С нетерпением ожидаю вашего возвращения; слишком грустно и пусто в доме, и не люблю я расставаться с тобой, душка Минни, хотя и на короткое время» (23 февраля 1892 года).

«Так скверно было вчера, простившись с тобой, вернуться в твои комнаты в Гатчине; как пусто и разом всё изменилось» (11 апреля 1892 года).

«Благодарю от всего сердца за твое милейшее письмо, которое я получил сегодня; оно мне доставило огромное удовольствие и было сюрпризом, а в особенности, что ты подумала сделать мне это удовольствие. Сегодня утром в 11 часов была заупокойная обедня в крепости, и я горячо молился вместе с тобой у дорогих могил. Чудная была служба, я так люблю Пасхальную службу и Христос Воскресе и прочее пасхальное пение» (12 апреля 1892 года).

Царь писал и другим родственникам и делился с ними впечатлениями о многих событиях. Все династические новости из Европы находились в центре внимания. Родственники тоже писали. Но радости доставляли далеко не все послания. Родня нередко старались добиться «от милого Саши» определенных решений и санкций, а иногда и втянуть Царя во внутрисемейные распри и конфликты. Но существовала и другая корреспонденция, возникавшая лишь по зову сердца. Царю так было приятно получать весточки от сестры жены герцогини Уэльской Александры. Письма были простые, нежные, родственные.

Алике любила его и Минни, и это нежное чувство сквозило в каждой строке.

> «Мой душка Саша! Я как настоящая дура позабыла тебе передать письмо для обожаемой Минночки; оно у меня было в муфте во время нашего прощания. Я надеюсь, что вы хорошо доехали и что милая Мама не страдала от холода; был ужасный туман и ничего не было видно. Прошу тебя телеграфируй мне, как только вы приедете в Париж» (24 ноября 1874 года).
>
> «Я часто вспоминаю о столь приятном пребывании всех вас в милом старом Фреденсборге. Нам недостает всех вас, и мы никак не привыкнем к жизни без вас.

Ужасно, что мы должны всегда жить отдельно» (30 декабря 1887 года).

«Мой дорогой Саша! Два слова благодарности тебе и твоей милой Минни за те восхитительные вещи, которые вы прислали к Рождеству; вы нас ужасно балуете. Нам очень грустно было узнать, что и ты и дети болели скучной инфлюэнцей; она теперь так распространена. Минни мне сообщает, что она у тебя повторилась два раза: это действительно очень скучно… Я так часто думаю о нашем прекрасном пребывании в Бернсдорфе и о нашем печальном прощании, когда ты уехал один со своим маленьким Джорджи» (30 декабря 1889 года).

Самыми же дорогими и желанными всегда оставались письма от Минни. Непременно читал их внимательно, по несколько раз, порой с трудом разбирая не очень аккуратный почерк. Опять куда-то спешила! Все время у нее не хватает времени, постоянно она устремлена на какие-то встречи, беседы, занятия. То уйдет на несколько часов на каток, то поедет смотреть какую-то оранжерею, то целый вечер будет болтать о каких-то пустяках со своей задушевной подругой Александрой Оболенской («Апрак»). Но неужели интересно битый час говорить о том, кто был в каком туалете на недавнем балу? И ведь это мать семейства, жена, царица, наконец! Сколько в ней еще ребяческого, наивного. И чуть ли не всем верит на слово и скрывает от него проступки прислуги, чтобы не последовало наказания. У неё добрая душа и любящее сердце!

Ворча и иногда подтрунивая над супругой, Александру все время не хватало её общества. Хотя знал точно, что она его любит, но каждую минуту желал бы в том убеждаться снова и снова. Александр готов был во имя нее пойти на все, что угодно. Он был снисходителен к ней, как только и может быть влюбленный. Когда она уезжала, то он следил за тем, чтобы ее комнаты не потеряли жилой вид. Их убирали и отапливали, как всегда, и во всех вазах непременно стояли цветы, так любимые хозяйкой. Он каждый день приходил и нередко сидел подолгу в одиночестве…

Только ради нее последние годы он выдерживал эту «муку адову» — зимние балы в Петербурге. Последний полный бальный сезон при Александре III был в первые месяцы 1893 года, когда веселились «как угорелые».

Брату Сергею Царь писал 11 февраля 1893 года:

«Прости, что так поздно отвечаю тебе, милый Сергей, на твое письмо, за которое сердечно благодарю,

но времени у меня свободного было немного на Масленице, и мы все порядочно были утомлены невозможной неделью. Как я счастлив наступлению Поста; просто наслаждение отдых, и можно опомниться, а то я чувствовал, как с каждым днем я тупел и все забывал, а ложиться спать часто приходилось в 5 часов утра! Мы все-таки, несмотря на короткий сезон, дали 4 бала в Зимнем Дворце, 1 — в Эрмитаже и 2 — в Аничкове. На Масляной Алексей дал бал у себя, а кроме того, был ещё на балу у французского посла Монтебелло».

В следующую зиму такого веселья уже не было.

В январе 1894 года царь заболел «скучной инфлюэнцей», переросшей в пневмонию. Несколько дней его положение было очень тяжелым, и у некоторых стали возникать мысли о трагическом исходе. На Аничков Дворец были обращены взоры и России и Европы. В Петербурге знали, что Александр III занимает комнаты на третьем этаже с видом на Невский проспект. Всё время болезни, продолжавшейся почти две недели, за дворцовой оградой можно было видеть группы публики, ждавшей известий. Другие же, проходя по главной улице столице, останавливались, снимали шапки и крестились, глядя на окна Дворца. Они желали всей душой выздоровления Императору.

Больше всех переживала Мария Федоровна. Она всегда беспокоилась за здоровье Саши, но тем январем беспокойство чрезвычайно усилилось. Она всё время пыталась добиться от мужа, чтобы он вел более размеренный образ жизни, не переутомлял себя.

Разве это нормально, что он почти каждую ночь ложится спать в 2 или 3 часа, а иногда и позже. Нередко бывало, что он отправлялся в опочивальню, когда на дворе уже совсем светло. Она часто вставала за полночь, шла к нему в кабинет и уговаривала Александра идти в постель. Он давал обещания, но еще долго не освобождался. Муж много раз говорил, что «его дело за него никто не сделает» и он не имеет права игнорировать свои обязанности. Минни, конечно, всё понимала. Она видела все время множество папок с докладами и бумагами, требовавших высочайших резолюций.

Александр возмущался, что от него нередко требовали санкций по самым второстепенным вопросам, спокойно решаемых на уровне ведомства. Но нет, чтобы не попасть впросак, «на всякий случай», посылали на его «благоволение».

Он на всю жизнь запомнил «дурацкий случай», происшедший

с ним еще в молодости, когда он решил перестроить свои конюшни. Все было обсуждено и решено с управляющим двором и архитектором, но шло время, а работы не начинались. Когда спросил через несколько недель, почему так, то узнал, что прежде чем начинать работы, необходимо одобрение проекта Царем. Чертежи посланы на Высочайшее Имя, но ответа ещё нет. Боже мой, на такую ерунду отвлекать Государя! Александр Александрович был возмущен. Возмущение еще более усилилось, когда выяснилось, что посланные бумаги «где-то потерялись». Почти полгода длилась эта канитель, пока Цесаревич получил у Монарха необходимую резолюцию.

Расхлябанности, неделовитости и краснобайства Александр III терпеть не мог, о чем все знали. Его распоряжения исполнялись, и самодержавная система работала на полную мощность, но это требовало огромных затрат времени и душевных сил от самого Самодержца. Царь не жалел себя. Лучше всех об этом знала Царица.

Мария Федоровна всю свою семейную жизнь боролась против чрезмерностей в жизни мужа, но добиться победы на этом фронте ей так и не удалось. Александр III спокойно выслушивал сетования жены, но к своей «Царской работе» относился с полной самоотдачей. Он ведь себе не принадлежит и ничего в собственной судьбе изменить не может.

Несмотря на свою солидную комплекцию, Император в пище был ограничен и очень хотел похудеть. Его с юности мучило неудовольствие от собственного вида, который он находил «нехорошим». Пилка и рубка дров, разгребание снега, езда на лодке, колка льда — подобные занятия должны были, по его мнению, заставить его похудеть. Царь отдавался им с рвением и усердием.

Он никогда не злоупотреблял алкоголем, а про него пустили гнусную сплетню, ставшую непременным атрибутом многих сочинений об Александре III, что он был чуть ли не заправским пьяницей. Эту злонамеренную ложь с упоением тиражировали (и до сих пор тиражируют) многочисленные сочинители, хотя не существует даже единичного свидетельства о том, что Александр III хоть единожды в жизни был пьян. Он иногда выпивал рюмку-другую водки, а в последние годы пристрастился к мадере, но всегда знал меру. На официальных приемах почти всегда пил шампанское, разбавленное водой. Из безалкогольных напитков больше всего любил квас, которым угощал и иностранных гостей, воспринимавших его как «русскую экзотику».

Мария Федоровна очень радовалась, когда семье удавалось уехать из Петербурга. В Дании или в Царских резиденциях в

Ливадии, Спале (недалеко от Варшавы), в Беловеже было значительно спокойней. Хоть и туда через день-два прибывали фельдъегеря с толстыми пакетами бумаг из столицы, но всё-таки там Саша имел возможность больше отдыхать. Она понимала, как ему тяжело, видела, что с каждым годом его вид становится все хуже. Но не могла сломить упорство мужа, категорически противившегося всем попыткам Минни обследоваться у докторов.

Главным Лейб-медиком Царской семьи долго был Сергей Петрович Боткин, известнейший врач, родоначальник школы русских клиницистов, но он умер в 1889 году. К другим же «эскулапам» у Царя доверия не было, и когда случались простуды и недомогания, то пользовался народными приемами. Малина, мед, парная баня, обтирание холодной водой, травяные настои — вот основные методы лечения.

Мария Федоровна, напротив, к врачам относилась с большим почтением и даже делала иногда невероятные исключения из правил повседневной жизни. Так, с Лейб-хирургом Густавом Гиршем (1828–1907) она нередко говорила на его родном немецком языке, хотя в иных случаях никогда не пользовалась «языком гуннов». Царица внимательно слушала рекомендации врачей, которым непременно следовала, когда это касалось здоровья её и детей. Побороть же медицинский скептицизм мужа у неё не хватало сил.

На отдыхе Царица имела больше возможностей находиться неотлучно около супруга и устанавливать более щадящий для него распорядок дня. Муж любил бывать на охоте, и Мария Федоровна с удовольствием разделяла эту давнюю привязанность. Она сама стреляла и, затаив дыхание, могла часами сидеть «на номере», ожидая появления дичи. В Спале охотились главным образом на оленей, и стены двухэтажного царского дворца там были увешаны огромными рогами. По окончании охоты устраивались трапезы в лесу, во время которых живо обсуждали впечатления происшедшего. Мария Федоровна там была распорядительницей.

Вообще всё, что касалось стола, ее живо интересовало, и она вникала в малейшие детали как организации торжественных застолий, так и камерных завтраков и обедов в кругу своих. Дневной же чай — это было в буквальном смысле целиком её рук дело. Она сама заваривала его и сама же разливала гостям.

Заботливая хозяйка никого не обделяла вниманием. Царица устраивала «чайную церемонию» в английском вкусе, продолжавшуюся обычно около часа.

Царь в семейной жизни почти всегда повиновался Минни, но некоторые вещи были введены в оборот по его инициативе. С

детьми разговаривали всегда только по-русски, и некоторое время лишь для маленькой княжны Ольги делалось исключение. Выросший на руках няни-англичанки порфирородный ребенок первые годы умел изъясняться лишь по-английски.

Сама же Императрица тоже старалась говорить на языке своей «второй родины», но акцент сохранила и некоторые слова так и не научилась правильно произносить. Например, вместо «воспрещается» упорно произносила «уоспрещается». Между собой Царь и Царица говорили нередко и по-французски. Этим же языком пользовались часто и в обществе, где французский давно уж был вторым (для многих и первым) родным языком. На официальных церемониях, на встречах при поездках по России из уст Венценосцев слышали только русскую речь.

Когда Александр III заболел в январе 1894 года, то Мария Федоровна чрезвычайно обеспокоилась. У него была высокая температура, беспрестанно мучил кашель. Старый Гирш успокаивал, говорил, что это простая инфлюэнца, но волнение не проходило. По настоянию Царицы были вызваны другие врачи, которых сначала не хотел видеть Царь.

Но супруга проявила такой напор, что он отступил и позволил себя осмотреть и прослушать. Мнение было единодушным: положение серьёзное, но не очень опасное. Так оно и оказалось. Но в этот раз он выполнял все предписания врачей, и жена зорко следила за этим. В конце января Монарх оправился от простуды. Но теперь уже Мария Федоровна взяла в свои руки заботу о здоровье супруга. Однако даже при этой поддержке обстоятельного обследования проведено не было, и врачи не разглядели острую форму сердечной недостаточности.

Потом вроде бы всё нормализовалось. Царь стал появляться на официальных церемониях, принимал, посещал смотры и парады. 26 февраля ему исполнилось 49 лет, и никто не предполагал, что это последний день его рождения. Внешне он мало изменился, но состояние здоровья было неважным, о чем почти никто не догадывался, кроме Минни. По своей деликатности Царь не любил рассказывать о своем самочувствии (ну зачем ее расстраивать!), но она и без его рассказов видела, что Саше плохо бывает. Каждый день, по несколько раз спрашивала о самочувствии, и он ей почти никогда не жаловался.

Летом же состояние заметно ухудшилось, скрывать это уже было невозможно. Гирш диагностировал хроническое заболевание почек. Однажды на учениях в Красном Селе Царю стало очень плохо, от резкой опоясывающей боли он чуть не потерял сознание, и его пришлось спешно отправлять домой, прекратив учебные занятия войск.

То лето жили в Петергофе, в милом Коттедже. Одно время, как показалось, наступило улучшение. В начале августа для консультаций был приглашен известный врач-терапевт из Москвы Григорий Захарьин (1829–1897). После осмотра пациента он без обиняков сказал Царице, что опасается за ближайшее будущее и что следует принимать решительные меры. Во-первых: необходима строжайшая диета, а во-вторых, надо немедленно перейти на лечебный режим и покинуть столицу.

После обсуждения с придворными, родными и лейб-медиками было принято решение ехать в Беловеж, где Император любил бывать на охотах. Даст Бог, что чистый воздух хвойных лесов, размеренный режим дня и уход дадут благоприятный результат. Но в Беловеже стало плохо. В начале сентября переехали в Царское охотничье имение Спалу, недалеко от Варшавы. Положение не улучшалось. Отсюда 8 сентября 1894 года Александр III написал письмо дочери Ксении в Крым, где рассказал о самочувствии.

«Прости, что только теперь отвечаю на твои милейшие письма, которые доставили мне огромное удовольствие. С тех пор, что переехали сюда, чувствую себя немного лучше и бодрее, но сна — никакого, и это меня мучит и утомляет ужасно, до отчаяния. В Беловеже я совсем не охотился, и бывали дни, что не выходил из дома, такая мерзкая была погода. Здесь я почти каждый день на охоте, и погода чудная, летняя… Сегодня катались с мама и беби. Мама и беби набрали много грибов, а я больше сидел в экипаже, так как очень слаб сегодня, и ходить мне трудно. К сожалению, я не обедаю и не завтракаю со всеми, а один у себя, так как сижу на строгой диете и ничего мясного, даже рыбы не дают, а вдобавок у меня такой ужасный вкус, что мне всё противно, что я ем или пью. Больше писать сегодня не могу; так меня утомляет это».

Он больше уже вообще никому не написал. Ему оставалось всего 42 дня жизни.

В Спале пробыли недолго и 21 сентября уже были в Крыму. Врачи нашли, что сухой южный климат может улучшить состояние. В Ливадии Царь поселился не в Большом дворце, а в той сравнительно небольшой вилле, где он жил ещё Цесаревичем.

Ему всё время было плохо. Пульс не опускался ниже 100, ноги сильно опухли, полная бессонница по ночам и сонливость днём, мучительное чувство давления в груди, невозможность лежать, сильная слабость. Он почти не мог ходить. Последний раз его вывели на улицу 2 октября, когда с женой совершил небольшую поездку в коляске. Со следующего дня он уже больше не покидал комнат на втором этаже. Ужасно похудел. Некогда

большой и мощный, он как-то усох; исчезли его могучие плечи, большая голова вдруг стала маленькой, с трудом державшейся на тонкой шее.

К началу октября 1894 года почти все приближенные чувствовали и знали, что Царь долго не проживет (об этом вполне определенно говорили врачи).

Императрица же не теряла надежду. Она верила, что Господь не допустит такой несправедливости: она останется жить, а Саша умрет? Мария Федоровна не раз говорила мужу, что уверена в том, что умрет раньше. Он не любил этих ёрнических разговоров и всегда порицал ее за них. Никому не дано знать о своем земном сроке. Но она даже вообразить не могла, что расстанется с бесценным мужем. Царица делала всё, что могла.

В Ливадии Мария Федоровна почти полностью изолировала Монарха от всех визитеров (кроме врачей и членов семьи к нему никто не допускался), день и ночь не отходила от больного. Ее мольбы возымели действие. Последние недели своей жизни Александр III передал большинство поступающих к нему бумаг на рассмотрение Цесаревича, оставив за собой лишь дела по дипломатическому и военным ведомствам (последний приказ подписал за день до кончины).

Врачи осматривали умирающего, что-то советовали, но Александр III отказывался исполнять их предписания, и лишь мольбами и слезами жене удавалось заставить мужа принять лекарство, сделать новую перевязку, согласиться на осмотр медиком.

У Царя, вследствие сильного отека ног, все время был сильнейший кожный зуд, и он из последних сил расчесывал руки и ноги. Врачи умоляли этого не делать, и Императрица сама часами делала ему легкий успокаивающий массаж. Но как только она отвлекалась, то случалось непредвиденное. Царь несколько раз заставлял сына Михаила, предварительно заперев дверь на ключ, чесать ему ноги щеткой. Узнав это, Мария Федоровна весь свой гнев обрушила на сына. Мужа она лишь просила этого избегать.

Все кругом находились в каком-то оцепенении, и Марии Федоровне часто приходилось неоднократно просить о чем-то, прежде чем ее желание-повеление исполнялось. Одному из врачей она в сердцах призналась, что «ее опутывают интригами даже в эти тяжелые минуты». А минуты были тяжелые.

Царь убедил Царицу, что надо послать вызов невесте Цесаревича Принцессе Алисе Гессенской. Он хотел успеть благословить детей. Со слезами на глазах Мария Федоровна дала согласие, и Принцесса уже шестого октября была на пути в

Ливадию.

К началу октября в Ливадию стали прибывать члены Династии. Приехали братья Царя Великие князья Владимир, Алексей, Сергей, Павел, Великая княгиня Александра Иосифовна, Великая княгиня Мария Павловна. Из Афин с детьми прибыла Греческая Королева, кузина Царя Ольга Константиновна. Недалеко от Ливадии в своем имени Ай-Тодор находился Великий князь Михаил Николаевич, его сыновья и Великая княгиня Ксения Александровна со своим Сандро.

Настроение у всех было подавленное, и, чтобы его поднять у окружающих, Царь распорядился устроить 9 октября фамильный завтрак с оркестром. Когда все собрались за большим гофмаршальским столом и под музыкальное сопровождение, казавшееся кощунственным, пытались принимать пищу, то Царь у себя, тайно от всех, кроме Императрицы, исповедовался и приобщался Святых Тайн у духовника Отца Иоанна Янышева (1826–1910). Многие чувствовали, что грядет трагическое событие, способное перевернуть весь ход вещей.

10 октября в сопровождении Великой княгини Елизаветы Федоровны прибыла Алиса Гессенская. Ее на дороге из Симферополя встретил Цесаревич, и около пяти вечера они прибыли в Ливадию и сразу же из экипажа прошли в Царю. Невеста Сына держала в руках большой букет белых роз, который и оставила в комнате Императора.

Царь был очень рад встрече, обнял, поцеловал. Он так изменился, что Алиса в первое мгновение даже его не узнала. Она вышла из комнаты со слезами на глазах. Это были Ее первые слезы в России. Здесь их у Нее потом будет еще очень много.

В официальном бюллетене Министерства Императорского Двора, выпущенном 18 октября, говорилось: «В состоянии здоровья Государя Императора произошло значительное ухудшение. Кровохарканье, имевшееся вчера при усиленном кашле, ночью увеличилось и появились признаки ограниченного воспалительного состояния (инфаркт) в левом легком. Положение опасное».

Наступило 20-е октября. Всю ночь Царь не смыкал глаз, закуривал и тут же бросал одну папиросу за другой, чтобы хоть как-то отвлечь себя. С ним в комнате была Императрица и один из врачей. Они пытались занять больного разговорами. В пять утра он выпил кофе с женой. Больного посадили в кресло в середине комнаты.

В 8 утра пришел Цесаревич. Затем стали приходить другие: Великий князь Владимир и герцогиня Эдинбургская, только накануне вечером приехавшая. Постепенно собралась вся

Фамилия.

Государь был со всеми ласков, но почти ничего не говорил. Лишь улыбался и кивал головой. Полулежал в глубоком кресле, рядом сидела Царица, а остальные стояли: кто ближе, кто дальше в коридоре. Но почти никто не говорил. Все в каком-то оцепенении смотрели на того, кто олицетворял силу и мощь огромной Империи, кто был повелителем всех и вся, символом и хранителем власти и страны, а теперь готовился покинуть земные чертоги. Монарх сохранил самообладание до последней минуты. Вспомнил и поздравил с днем рождения Великую княгиню Елизавету Федоровну, которой исполнилось в тот день тридцать лет.

В половине одиннадцатого Александр III пожелал еще раз причаститься. Вся семья встала на колени, и умирающий неожиданно уверенным голосом стал читать молитву «Верую Господи и исповедую».

Не было ни одного человека там, в этом Ливадийском доме, кто бы не плакал. Императрица была в сомнамбулическом состоянии. Она измоталась вконец. Почти не спала последние ночи и почти ничего не ела. Но усталости не было. Было какое-то отупение. Происходившее, всех окружающих она видела как в тумане и лишь одного различала ясно, за одного молилась, не переставая.

Её Саша, её любовь, радость, жизнь, её — всё. Нет, нет, этого никогда не может случиться! Господи, спаси нас, пощади! Она готова была пожертвовать чем угодно, только бы он остался с ней! Не плакала. Не было сил.

Стояла на коленях у края кресла, обняв его голову руками, закрыв глаза и крепко-крепко, как только могла, прижимала его к себе. Голова к голове, сердце к сердцу, как всегда, как всю жизнь. И никто, никогда их разлучить не сможет. Она чувствовала его тихое дыхание и не слышала и не чувствовала больше ничего. Священник читал отходную молитву, многие рыдали навзрыд.

Около трех часов дня доктор потрогал руку Императора и сказал, что «пульса нет». Самодержец скончался. Обливаясь слезами, родные стали подходить прощаться, но Мария Федоровна все сидела в том же положении, и когда прощание уже заканчивалось, лишь тогда заметили, что Царица без сознания.

После вскрытия и бальзамирования, состоявшего 22 ноября, врачи составили медицинское заключение, гласившее, что «Государь Император Александр Александрович скончался от паралича сердца, при перерождении мышц гипертрофированного сердца, интерстициальном нефрите (зернистой атрофии сердца)».

Глава 18
Жить после смерти!

Судьба бывает необъяснимо жестокой; она порой наносит удары такой сокрушительной силы, что кажется — лучше небытие. Но Господь послал жизнь, и христианин не вправе отринуть Его Великий Дар.

Мария Федоровна долго находилась без чувств. Одни говорили, что — тридцать минут, другие — час. Когда ее внесли в спальню и положили на кровать, пульс почти не прощупывался. Потом она открыла глаза и увидела перед собой склоненное лицо доктора Николая Вельяминова (1855–1920). Она протянула ему руку и сказала «merci».

Это было первое слово, которое Царица произнесла после того, как вернулась из черного провала. И в этом своем состоянии полужизни она оставалась добросердечным человеком, поблагодарив человека, с которым делила горести последних недель.

Ее же никто успокоить не мог. Она пришла в себя уже совсем другим человеком. Многое, очень многое ушло безвозвратно, и следовало учиться жить «как надо» теперь уже без Саши. Мысль о его отсутствии была непереносимой. И неужели она его никогда больше не увидит? Неужели не услышит его голос, его неспешные и уверенные шаги, не почувствует больше запах его сигар и папирос, не ощутит его прикосновения?

Многие годы, наперекор беспощадному здравому смыслу, ей часто будет казаться, что Саша непременно вот-вот появится. Он должен появиться. Она его ждет. О нем постоянно напоминали вещи, комнаты, здания, ритуалы, дневные занятия, всё, чем жила и что окружало потом. Проведя без него тридцать четыре годы, она не забывала о нем ни на минуту, и если бы случилось невозможное, и Александр III восстал бы из мертвых, и пришел бы к ней, то кроме беспредельного восторга ничего бы не ощутила. Даже и не удивилась бы. Он навсегда остался для неё живым.

Ни разу не взглянула на Александра в гробу. У неё не было сил на это. Это страшное зрелище в ее памяти не запечатлелось. Часто видела мужа во сне и разговаривала, но стеснялась делиться с окружающими этими своими радостными встречами. Она боялась оскорбительных усмешек. Это осталось её тайной. Мария Федоровна перестала страшиться смерти, зная, что будет лежать рядом со своим милым и уж там-то, в том мире, их никто

уже не разлучит. Когда кончина приближалась, то мысль о том, что она не будет покоиться («пока не будет») рядом с Сашей, окрашивала горечью последний срок бытия.

В трагические же недели октября — ноября 1894 года в душе овдовевшей Императрицы была лишь темнота. Уже 20 октября, вечером, служилась в спальне первая панихида. Маленькая, изящная, вся в черном, Царица-Вдова напоминала мрачное изваяние. В ней как будто и жизни не осталось. Все делала как-то механически и ни на что не реагировала. Лишь слезы, текшие по лицу, выдавали человека с раненым сердцем. Она не могла уединиться, чтобы в тишине и печали оплакать свою невосполнимую потерю. Горе её было беспредельным.

Греческая Королева Ольга Константиновна в те дни писала из Ливадии своему брату Великому князю Константину Константиновичу в Петербург: «Надо только удивляться, что сердце человеческое может выдержать подобные волнения!

Императрица убита горем; с каждым днем это горе становится тяжелее, потеря ощущается всё больше, пустота ужасная! Конечно, один Господь может утешить, исцелив такую душевную боль. Перед ее скорбью как-то не решаешься говорить о своей, а ведь нет души в России, которая не ощущала бы глубокой этой скорби; это собственная боль каждого русского человека!»

На Престол вступил сын умершего Монарха Николай И, и уже 20 октября ему начали присягать на верность члены Династии и чины свиты. Он был молод, неопытен. Придворные и родственники знали его лишь как «милого Ники», и первое время он терялся. Обращались к Марии Федоровне, и та, превозмогая себя, должна была следовать своему долгу, делать «Царево дело». С ней согласовывали все детали траурных процессий, предстоящих похорон.

Надо было безотлагательно решать и еще один важнейший государственный вопрос: устройство семейной жизни нового Царя. Невеста находилась в Ливадии и 21 октября в 10 часов утра в маленькой Ливадийской дворцовой церкви была миропомазана, став православной благоверной Великой княгиней Александрой Федоровной. Надлежало определиться со свадьбой.

Невеста успела получить благословение Александра III, но возникла драматическая коллизия: как устроить свадьбу, чтобы не оскорбить память ушедшего и не нарушить церковный закон и традицию. Жизнь и смерть, горе и радость, надежда и безысходность — можно ли их совместить? Как соединить несопоставимое?

Мать и Сын пришли к мысли, что уместно провести скромный обряд венчания сразу же после миропомазания, под крышей

Ливадийского дома, пока их незабвенный отец и муж находится с ними. Но это предложение вызвало бурную реакцию в Императорской Фамилии. Большинство родственников считало, что нельзя этого делать в семейной обстановке, что брак Царя — акт государственного значения и это все надлежит осуществлять лишь в столице.

У Марии Федоровны не было сил спорить, а Николай II еще слишком терялся перед своими старшими по возрасту родственниками и не находил в себе мужества им противоречить. Было решено отложить бракосочетание до Петербурга. Пока же главные заботы вызывали предстоящие похороны.

Вся Империя оплакивала смерть Монарха. Большой, далекий, грозный, он вызывал страх, восхищение и раболепный восторг у подавляющей части населения. Он обитал где-то в заоблачной выси, почти там же, где Господь, олицетворяя закон, высшую правду, суд честный и скорый. Все те же непорядки и несправедливости, вокруг наблюдавшиеся, это — от чиновников, от бессовестных богачей и бар-белоручек. Царь не знает. Вот если ему бы рассказать…

Мало кому из простых людей выпадало счастье лицезреть Самодержца хоть издали. Вернувшиеся со службы солдаты рассказывали односельчанам, как раз, на учениях, они видели «самого Царя». И вопросам не было конца, и сидели долгими осенними вечерами в тесных крестьянских избах и слушали, бессчетное количество раз повторенные, повествования о ЦАРЕ.

Другие же вспоминали, что вот тем годом, когда на Троицын день ударил мороз, они были в губернском городе, там как раз проезжал Государь. Такой большой, грозный, ну впрямь как Илья-пророк на колеснице. Кто-то вспоминал иные незабываемые случаи встреч. И обсуждали, и горевали, и многие плакали на панихидах в церквах, плакали, как будто расставались с самым близким. Александра III любили многие подданные, любили так, как только и могут любить правителя в России: безмерно, необъяснимо, до конца. Так же страстно в России умеют и ненавидеть…

Царица-Вдова была безутешна. 23 октября в Ливадию прибыли из Англии Алике и Берти, и Мария Федоровна была счастлива горьким счастьем, что ее милая Алике будет с ней теперь. Герцогиня Уэльская осталась надолго. Она провела в России два с половиной месяца, не отходя почти от несчастной Минни.

Через неделю после смерти Александра III, 27 октября, в половине девятого утра гроб с телом покойного покинул Царскую резиденцию в Ливадии. Его на плечах несли казаки и стрелки

конвоя. Эти несколько километров до Ялты Мария Федоровна шла пешком за гробом, и, из-за уважения к ней, все остальные тоже двигались пешком. Сохранились фотографии той печальной церемонии, на которой с большим трудом можно разглядеть небольшую женскую фигуру Марии Федоровны, почти слившуюся с толпой женщин в траурных одеяниях.

В тот же день, ближе к вечеру, прибыли в Севастополь, где уже ждал специальный поезд. Здесь состоялась и еще одна тяжелая церемония: Мария Федоровна прощалась с сыном Георгием, которому надо было возвращаться в Абастуман. В 17 часов 20 минут поезд тронулся. Покойному предстояло преодолеть еще многие сотни верст, чтобы обрести последнее пристанище в далекой северной столице, в родовой усыпальнице Царской Династии.

Царица почти не выходила из своего купе. С ней вместе все время была лишь сестра. Сердце болело, не переставая. Вся жизнь осталась позади, а что будет впереди — один Господь ведает. 28 октября исполнилась годовщина их свадьбы. Боже мой, неужели всё это было на самом деле! Как любила этот день раньше, как была по-настоящему счастлива. А теперь, через двадцать восемь лет после того незабываемого октября, она едет в поезде с гробом Саши! Господь милостив к ней, иначе давно бы лишилась рассудка!

Она нашла в себе силы сесть за письмо сыну Георгию. После происшедшего он стал ей еще дороже, сделался самым близким: несчастный больной мальчик, совсем один, в немыслимой глуши, после всего перенесенного. Он плакал в Ливадии так горячо и так часто, что матери, самой находившейся в потрясенном состоянии, даже несколько раз приходилось его успокаивать. Она ни о чем другом не могла писать, кроме того, что занимало её всю, с чем не расставалась ни на мгновение.

> «Ты знаешь, как тяжело опять быть в разлуке с тобой, особенно теперь, в это ужасное время! И это путешествие в том самом вагоне, где только пять недель назад наш Ангел Папа был вместе с нами! Видеть его место на диване всегда пустым! Повсюду, повсюду мне кажется, что в любой момент он может войти. Мне чудится, что я вижу, как сейчас появится его дорогая фигура. И я все не могу осознать и заставить войти в мою голову эту страшную мысль, что все кончено, правда, кончено, и что мы должны продолжать жить на этой грустной земле уже без него!»

На грустной земле было пусто и одиноко. Если бы не милая

сестра Алике, то не знала, как бы и справилась со всем, что наваливалось каждый день. Надо было держаться. По пути следования всё время бывали остановки, служились панихиды, и Царица-Вдова на них присутствовала. Она обязана была делать своё дело достойно, во имя памяти ее незабвенного.

1 ноября прибыли в Петербург. Здесь встречала вся Фамилия, высшие должностные лица. Четыре часа от вокзала многолюдная и скорбная процессия тянулась до Петропавловской крепости. После панихиды поехали в Аничков. Снова нахлынуло непередаваемое отчаяние.

«С того момента, как началась для меня эта чернота, мы пережили тяжелые и душераздирающие моменты, и главным образом это был приезд сюда, в наш любимый Аничков, где мы были так счастливы в течение 28 лет. А теперь всё кажется мне таким пустым и страшным. Любимые комнаты, когда-то такие родные и симпатичные, а теперь пустые и грустные. Я чувствую себя в них абсолютно потерянной. Я ощущаю, что душа их покинула», — писала мать сыну в Абастуман.

Каждый день служились панихиды в крепости, и в Аничкове, и ни одной Императрица не пропустила. Было очень тяжело, неимоверно трудно. 2 ноября Мария Федоровна потеряла сознание по пути в церковь. Забеспокоились, забегали. Но как только пришла в себя, не сетуя, продолжала нести земную тяжелую ношу и как вдова, и как Царица.

Мысль о Саше ее не оставляла, и порой делалось так спокойно за него. «Мое единственное утешение сознавать, что он покоится в мире, что он счастлив и больше не страдает.

Мы могли это увидеть по экспрессии и лучезарной улыбке, которую отражало его дорогое лицо. Сейчас он молится за нас и готовит нам дорогу. Мы должны стараться следовать его хорошему примеру, который он показал здесь, и жить так, как Бог считает достойным, а затем присоединиться к нему, когда настанет наш час».

Погребение Царя в Петропавловской крепости состоялось 7 ноября. Гроб с телом опустили в могилу рядом с могилами дорогих родителей: Александра II, Марии Александровны, его деда Николая I и брата Николая. День был теплый, но густой туман заволакивал все перспективы «Северной Пальмиры». Когда гроб опускали в могилу, зазвучали оружейные выстрелы, загремели артиллерийские залпы. Люди снимали шапки, крестились. Народу в крепости собралось великое множество, и у многих на глазах были слезы. На лице Марии Федоровны их не было.

Она была величественна в своей горести и боль своего сердца

не выносила на обозрение посторонних. Это было внутри и осталось с ней навсегда. Когда ее подвел к гробу Николай II для прощального поцелуя, то не открыла глаз и не помнила, как это произошло. Она так ни разу своего обожаемого Сашу после Ливадии и не видела. Ей рассказывали, что лицо мало изменилось, а в профиль он совсем не изменился.

Ей не говорили, конечно, что бальзамирование было проведено неудачно, и признаки разложения стали проступать на теле Царя уже вскоре после смерти, которое в течение двух недель скрывали различными медицинскими и косметическими ухищрениями. Она этого не знала, и ей этого не надо было знать.

«О как это было страшно и ужасно — последнее прощание. Это было повторением незабываемого 20 октября, когда добрый Бог отобрал у меня того, которого я лелеяла и любила больше всего на свете и который всем вам был лучшим из отцов», — восклицала в письме сыну Георгию.

Она все время думала, но почему так случилось, но почему именно он должен был уйти так рано, так необъяснимо скоро.

Ведь Александр нужен был не только ей, не только детям, но и стране. Она видела скорбь людей, видела, как искренне оплакивают его кончину разные, большей частью совсем незнакомые люди, и понимала, что это не только её потеря. Но для неё она самая большая и невосполнимая.

> «Я так и не могу привыкнуть к этой страшной реальности, что дорогого и любимого больше нет на этой земле. Это просто кошмар. Повсюду без него — убивающая пустота. Куда бы я ни отправилась, везде мне его ужасно не хватает. Я даже не могу подумать о моей жизни без него. Это больше не жизнь, а постоянное испытание, которое надо стараться выносить не причитая, отдаваясь милости Бога и прося Его помочь нам нести этот тяжелый крест! Да, как говорят, Бог, видимо, находит самых хороших и самых чистых и не оставляет их надолго между нами грешниками. Да, он сделал свое дело. Ведь в каком ужасном состоянии он получил Россию. И во что он превратил её за тринадцать лет своего царствования и чего только не сделал для неё. Это чувствуется и видится повсюду».

Воспитание и самообладание помогали Марии Федоровне соблюдать все положенное. Она не только присутствовала на траурных церемониях, но и встречалась со множеством людей.

На похороны Александра III приехали делегации со всех концов света, в том числе и представители королевских домов:

Король Дании Христиан IX, Король Греции Георг I, Наследник Британской Короны принц Альберт-Эдуард, князь Черногорский, брат Германского Кайзера Генрих Прусский, брат Австрийского Императора эрцгерцог Карл-Людвиг, герцог и герцогиня Эдинбургские и многие другие принцы и принцессы. Более ста именитых гостей из почти всех владетельных домов Европы сочли необходимым отдать последний долг русскому Царю. Такого представительного съезда в столице Российской Империи еще не было.

Через неделю после похорон, 14 ноября 1894 года, в день рождения Императрицы Марии Федоровны и накануне Рождественского поста, когда по православной традиции можно было ослабить строгий траур, в большой церкви Зимнего Дворца состоялось бракосочетание Николая II и Александры Федоровны.

Торжественное шествие в церковь по дворцовым анфиладам открывала Мария Федоровна под руку со своим отцом Датским Королем. За ней шел Николай II и Александра Федоровна. По окончании бракосочетания из церкви вышли другим порядком, и вторая пара двигалась первой. В тот день в России появилась новая Царица, а Мария Федоровна получила официальный титул «Вдовствующей Императрицы». Но переход на вторую роль мало беспокоил. Её сердце переполняли совсем другие чувства; горечь одиночества осознавалась всё острее.

Чуткий и наблюдательный Великий князь Константин Константинович после церемонии записал в дневнике: «Больно было глядеть на бедную Императрицу. В простом, крытом белым крепом вырезном платье, с жемчугами на шее, она казалась ещё бледнее и тоньше обыкновенного, точно жертва, ведомая на закланье; ей невыразимо тяжело было явиться перед тысячами глаз в это трудное и неуютное для неё время».

Марии Федоровне всё это казалось дурным сном, её душа не принимала этих праздников чуть ли не у края могилы. Но так было надо, а следовать долгу — её земной удел, её святая обязанность. В письме же сыну Георгию позволила выплеснуться потаенным чувствам.

«У нас два дня назад наш дорогой Ники женился. И это большая радость видеть их счастливыми. Слава Богу, этот день прошел. Для меня это был настоящий кошмар и такое страдание. Эта церемония с помпой при такой массе народа! Когда думаешь, что это должно проходить публично, сердце обливается кровью и совершенно разбито. Это более, чем грех. Я всё еще не пониманию, как я смогла это перенести. Это было жутко, но добрый Бог дал сверхчеловеческие силы, чтобы перенести всё это. Без Него это было бы невозможно. Ты представляешь, как же

должно быть страшно, несмотря на эмоции и резкую боль, присутствовать на свадьбе Ники без любимого Ангела Папы. Однако я чувствовала его присутствие рядом с нами, и что он молился за счастье нашего дорогого Ники и что его благословение всё время снисходит на нас свысока».

Публично же свой душевный дискомфорт она не демонстрировала. Из Зимнего Дворца уехала первой и в Аничкове готовилась к торжественному приему Новобрачных. Когда те прибыли, то встречала их на пороге с хлебом-солью и затем распоряжалась на торжественном обеде. Но в тот день праздничного настроения в этом Дорце, где всё еще витал дух умершего Александра III, не было. Но зато в других местах открыто демонстрировали радость.

В Виндзорском замке в день свадьбы Русского Царя был устроен большой банкет, на который было приглашено всё высшее общество и русское посольство в полном составе. На нём престарелая Королева подняла бокал и провозгласила: «Хочу предложить тост за здоровье их Величеств Русского Императора и Императрицы, моих дорогих внучат». Затем Виктория стоя выслушала русский гимн, а по окончании банкета имела любезную беседу с русским послом. Она открыто демонстрировала расположение к новому правителю России, как бы подчеркивая, что эпоха англо-русских размолвок времени Александра III подходит к концу.

Марии Федоровне было неприятно ощущать новые веяния. Она видела в этом оскорбление памяти умершего. Трудно было не заметить, как быстро становится прошлым всё, связанное с правлением её Саши, как моментально стали переориентировать своё внимание на новый Двор многие сановники и царедворцы, которых Царица-Вдова переставала интересовать.

Близкие видели и понимали, что Марии Федоровне очень нелегко. Ей старались помочь, но помочь никто не мог. Человеческое участие лишь смягчало боль. Конечно, это великое счастье, что рядом с ней ее близкие: Папа, Алике, брат Вальдемар. Дети были очень внимательны. Особенно Ники, которому самому было так трудно. Она не могла все еще осознать, что он теперь на Троне вместо Саши! Но это так, и надо помогать Ему, хотя бы не обременять его ненужными и утомительными сетованиями и просьбами. Новый Царь, исключительно из-за уважения к матери, поселился в Аничкове, где Он провел первую зиму своей семейной жизни. Дорогой Мама будет не так одиноко!

Ей было хорошо с ними, но было одиноко. Родственники почти все сразу же после похорон разъехались, и лишь герцогиня

Уэльская задержалась в Петербурге дольше предполагаемого. Она не сомневалась, что свекровь, Королева Виктория, будет недовольна, но что же делать. Она не может оставить любимую Минночку в этот тяжелый период. Александра встретила с Марией Рождество и Новый год, а 4 января 1895 года отбыла домой. Мария Федоровна тяжело переживала расставание и плакала на станции. В тот день Николай II записал в дневнике: «Сердце сжимается при мысли, что теперь дорогая Мама останется одна наверху! Помоги ей, милосердный Бог!»

Император сохранил все прерогативы и привилегии, принадлежавшие раньше Царице-Матери: назначение статс-дам и фрейлин, заведование Ведомством учреждений Императрицы Марии (крупнейшее благотворительное ведомство России, занятое призрением больных и бедных, учреждено еще в конце XVIII века супругой императора Павла I Марией Федоровной, урожденной принцессой Софией-Доротеей Вюртембергской) и Обществом Красного Креста.

На всех же церемониях Вдовствующая Императрица занимала место впереди Царствующей. Мария Федоровна получала возможность сохранить за собой все прежние резиденции и двор, всё содержание которого новый Монарх принял на свой счет. Последний Император любил мать. Никогда это светлое чувство не было омрачено интригами, наветами и недоразумениями, которых было более чем достаточно в 22-летней истории последнего Царствования.

Почет, царские апартаменты и драгоценности заменить потерянного не могли. Мария Федоровна не только лишилась любимого Саши, она рассталась со всей прежней жизнью. Всё изменилось вокруг и еще многое изменится. Она в этом не сомневалась. Теперь её роль лишь присутствовать, а Царствовать будет другая.

Удаленная от дел государственного правления и раньше, Мария Федоровна знала тогда, что служит опорой тому, кто повелевает, тому, кто решает судьбу России и мира. Теперь же она лишь почетный гость на балу жизни у других. И ничего нельзя изменить. Всё так и должно было быть. Ум принимал новые реальности, но вот сердце… Оно не хотело считаться с доводами рассудка, с традицией и буквой государственной нормы. Оно жило по своим законам.

Две Царицы и один Царь. Две женщины и один мужчина… Сама судьба должна была создать внутреннее напряжение, которое неизбежно и возникало. Они так не походили друг на друга. Старая Царица — милая, обходительная, умеющая нравиться, знавшая назубок правила поведения во всех ситуациях

и почти никогда не пренебрегавшая своими венценосными обязанностями.

Александра же Федоровна во многом являла прямую противоположность: замкнутая, даже нелюдимая, мало склонная завоевывать популярность, не желавшая знать и видеть тех, кто не отвечал ее представлениям о благонадежности и добропорядочности. Мария Федоровна считала, что Алиса, при всей своей внешней красоте, лишена того, что всегда ценила в людях: «душевной экспрессии».

Конечно, она не подозревала, что её Невестка походит на потухший с виду вулкан, что у неё внутри пылает пламя безбрежных чувств. Об этом никто тогда не знал, никто, кроме Николая II, который умел хранить семейные тайны. Только после того, когда случился вселенский обвал, пала Монархия, рухнула в бездну Россия Царей, лишь тогда многое прояснилось.

Были опубликованы письма убитой Царицы, которые давали ясное представление о сильнейших страстях, обуревавших Александру Федоровну, как и о том, какой она была ранимой и незащищенной. Неизвестно, смогла ли Мария Федоровна в изгнании познакомиться с этими душераздирающими свидетельствами (первое издание писем вышло в Берлине в 1922 году), но вряд ли у нее появилось бы желание читать интимную переписку, ей не предназначенную. Она для этого была слишком воспитанна и слишком старомодна.

Нельзя сказать, чтобы Мария Федоровна не любила Александру Федоровну. Нет, нелюбви не было. Но не было и душевного расположения. По отношению к себе она его тоже не ощущала. Отношение свекрови к Невестке эволюционировало. Сначала было безразличие, потом ласковая снисходительность, сменившаяся сожалением и сочувствием к Сыну, к Александре Федоровне и ко всем, кто оказался заложником драматических коллизий Последнего Царствования. Она видела, что Ники любил Алике, и это было самое главное. Своим чувствам здесь она не придавала особого значения.

Самолюбие же нередко уязвлялось. Вот поздней осенью 1900 года, когда Николай II серьезно заболел брюшным тифом в Ливадии. Мать тогда находилась в Дании, но быстро получила известие и сильно обеспокоилась. Немедленно в Крым из Копенгагена полетели телеграммы, где настоятельно рекомендовалось выписать врачей из Европы и содержалась просьба сообщить, когда ей приехать. Александра Федоровна сделала все по-своему: лишь любезно поблагодарила, но приглашения не последовало. Эта холодная деликатность была оскорбительна, но Мария Федоровна не нагнетала страсти.

Формально Александра Федоровна вела себя безукоризненно: писала свекрови письма, наносила ей визиты, передавала приветы, непременно поздравляла с праздниками, не роптала, когда шла сзади нее на торжественных церемониях. Но Мария Федоровна все время убеждалась, что Невестке она не нужна, что та тяготится ее присутствием и не расположена была продолжать общение дольше приличествующего. Жена Сына не искала сближения. Вдовствующая Царица платила ей тем же.

Александра Федоровна, любя мужа больше жизни, ни с кем не желала делить свое полное и неоспоримое право на него. Через две недели после свадьбы она записала в дневник мужа: «Отныне нет больше разлуки. Наконец Мы соединены, скованы для совместной жизни, и когда земной жизни придет конец, мы встретимся опять на другом свете, чтобы быть вечно вместе».

Живя первую зиму под одной крышей, встречаясь ежедневно, молодой Царь проявлял к матери не только теплые сыновьи чувства. Он советовался с ней и по вопросам государственного управления, особенно внимательно прислушиваясь к ее рекомендации при назначениях на высшие административные посты, понимая, что «дорогая Мама», конечно же, знала сановный мир лучше, чем он. Другие политические темы с матушкой мало обсуждались, а в скором времени они вообще исчезли из разговоров и корреспонденции.

Весной 1895 года Мария Федоровна уехала на несколько месяцев в Данию. Тем летом произошло первое недоразумение между Сыном и матерью. Николай II впервые отказался удовлетворить ее просьбу. Повод был малозначительный.

В Копенгагене к вдовствующей царице сумела попасть княгиня Ольга Лопухина-Демидова (урожденная Столыпина), жена свитского генерала Николая Петровича Лопухина-Демидова. Она рассказала печальную историю своей жизни: семья оказалась совершенно без средств, все имущество заложено, нет денег платить проценты, кругом одни долги, и княгине не на что жить и «в пору идти по миру с сумой». Она была так убедительна, так искренне плакала, что сердце Марии Федоровны не выдержало. Она написала Сыну, прося помочь несчастной, списать долги и выдать миллионную ссуду из казны.

Император был обескуражен. Он не хотел отказом обидеть дорогую Мама, но, с другой стороны, сумма долга была очень значительной (500 тыс. руб.), а выдача ссуды вообще выходила за все рамки возможного. Он написал ответ матери, преподав ей первый в её жизни урок политэкономии.

«Самое большое облегчение, которое ей можно оказать (и то очень много!), — это простить долг; но после этого подарить ей

миллион — это сумасшествие, и Я, милая Мама, именно зная, как незабвенный Папа относился к такого рода просьбам, никогда на это не соглашусь… Хороши были бы порядки в Государственном Казначействе, если бы Я за спиной Витте отдал бы тому миллион, этой два и т. д. Таким способом всё то, что было накоплено и что составляет одну из самых блестящих страниц царствования дорогого Папа, а именно финансы, будут уничтожены в весьма немного лет».

Царь был возмущен поведением просительницы и задал вопрос: могла бы она с подобным ходатайством обратиться к Его отцу? Отрицательный ответ был очевиден, и Мария Федоровна это знала. Её Саша не только бы не сделал никаких послаблений, но мог бы устроить настоящей разнос и ей, и просителям. Она это понимала, но ей так хотелось помочь. И хотя Николай II распорядился погасить долг княжеской четы, но чувство неудовлетворенности у матери осталось. Она потом не обращалась к сыну с подобными просьбами.

В ноябре 1895 года истек годичный срок траура по Александру III, и начало сезона 1896 года ознаменовалось каскадом балов. Столичное общество истосковалось по веселью, и все стремились насладиться власть. Мария Федоровна оставалась в трауре и уже теперь не танцевала. Но на балах, некоторые из которых давались и в Аничкове, бывала. Она отнюдь не считала, что другие должны лишаться того, на что имеют право.

Особенно мать переживала за свою любимую Ксению, которая до свадьбы мало веселилась, а после свадьбы начались трагические обстоятельства, и веселья никакого вообще уже не было. Ей необходимо воспрянуть духом после тяжелой беременности и первых родов (ее первая и единственная дочь Ирина появилась на свет 3 июля 1895 года). На балах люди веселились от души.

Императрица-Мать смотрела на это, пыталась радоваться, но печаль не проходила. Конечно, было тоскливо от сознания того, что жизнь так стремительно несется, что годы летят всё быстрей и быстрей. Она уже пожилая дама, у нее уже есть две внучки (вторая внучка Марии Федоровны Великая княжна Ольга Николаевна родилась в Царской Семье 3 ноября 1895 года). Всё это было замечательно, но рану сердца веселье других излечить не могло.

Потеря незабвенного Саши перечеркнула, отбросила в прошлое главное из того, чем жила и чем счастлива была: свою любовь и любовь к себе. Теперь же, если и случалась радость, то лишь с не проходившим привкусом горечи.

16 января 1896 года писала сыну Георгию: «Это было в

прошлый четверг, в день большого бала, на котором я хотела видеть Ксению в бальном туалете. Она была очень хороша, вся в белом со своей великолепной, очень ей идущей изумрудной диадемой на голове. Но я не могу выразить тебе, как мне стало грустно от одного вида этой розы бала и толпы людей, которая, как и прежде, прибывала во дворец, и от сознания того, что прошло всего два года с тех пор, как наш обожаемый Папа тоже бывал здесь и приветствовал этих же самых людей — и теперь всё это продолжается без него! Это меня так потрясало и нервировало, что я едва смогла скрыть мою беспредельную тоску от бедной Ксении, которая также была взволнована, отправляясь на бал».

Как матери повезло с любовью к этой дочери! Она многое не видела, многое не узнала и не испытала потрясения от правды. Она не заметила, как дочь из ласкового и кроткого существа превратилась в недоброжелательного и злоязычного человека, знавшего и ценившего только себя и своего мужа-фанфарона Сандро. «Милая Ксения», уж потом, когда Мария Федоровна ушла из мира живых, совершила и вообще невозможное: фактически обворовала сестру Ольгу, присвоив себе драгоценности скончавшейся матери.

Марию Федоровну расстраивало дуновение «ледяного ветерка» со стороны Александры Федоровны и ее окружения. О том, что две Царицы не питали расположения друг к другу, приближенные знали, как обычно, раньше, чем это нерасположение хоть как-то проявилось на самом деле. В салонах, конечно же, появились разговоры о «ненависти», о том, что якобы старая Царица «не хотела отдавать» Молодой Коронные Драгоценности, что она «устраивала истерики сыну» и т. д. Словом, пошло-поехало, как обычно бывало в свете. Вдовствующая Императрица мало придавала значения великосветским суждениям, слишком хорошо зная их истинную цену.

В то же время она не могла не обратить внимания на то, что в подругах у Невестки появились три дамы, о которых ничего приятного сказать не могла. Две черногорское принцессы Милица Николаевна (жена Великого князя Петра Николаевича), Анастасия Николаевна (жена герцога Георгия Лейхтенбергского) и Великая княгиня Мария Павловна. Двух первых Мария Федоровна почти не знала; говорили о них разное. Но вот третья была известна не понаслышке.

Там, где Михень, там непременно жди эпатажа, сплетен, интриг, скандала. Бедная Алике, она еще так неопытна в придворном мире, ее могут легко обмануть. Но Мария Федоровна

недооценивала Невестку. Александра Федоровна далеко не была так проста, как могло показаться, и уж меньше всего была способна стать управляемой. Напористой и самоуверенной Марии Павловне пришлось быстро убедиться, что невозможно стать ментором Александры Федоровны, и их близкие отношения скоро сошли на нет.

В мае 1896 года в Москве проходили пышные коронационные торжества. Венчался на Царство Николай II — Последний Русский Монарх, хотя никто о том, что он «последний», тогда не знал. Организация важнейшего государственного акта велась фактически весь период по восшествии на Престол Николая И, а сама программа копировала предыдущую Коронацию.

Март и апрель 1896 года Мария Федоровна провела вне России. Она находилась на Лазурном Берегу у сына Георгия, у которого в конце зимы отмечалось обострение туберкулеза и начались сильные кровохарканья. Потом они прекратились, мать немного успокоилась и мило проводила время вместе с сыновьями Михаилом, Георгием, сестрой Александрой и ее дочерьми Викторией и Мод. Много гуляли, ездили в горы, ходили по магазинам. Но дела не давали покоя.

3 мая Вдовствующая Императрица вместе с сыном Михаилом Александровичем отбыла в Россию. Заехали в Петербург, а в Москву приехали 8 мая, к самому началу празднеств.

Всё было чинно, величественно и торжественно. Одно мероприятие сменяло другое, а 14 мая в Успенском соборе Кремля состоялся сам обряд Коронования. Всё было хорошо, все радовались, но у Марии Федоровны на душе было тоскливо. Мучили воспоминания о теперь уже сказочном времени, тринадцать лет тому назад, когда они с Сашей проходили через те же ответственные испытания.

Время жестоко, оно ни для кого не делает исключений, и всё, хорошее и плохое, все уходит. Лишь память остается хранительницей минувших событий. Она помнила всё до мельчайших деталей, и слезы порой навертывались на глаза. На публике держалась. Улыбалась, принимала поздравления и знаки внимания, мило общалась с иностранными принцами — гостями. Вечерами, когда оставалась одна, незабываемые эмоции одолевали с неимоверной силой, и уж тогда слез не боялась.

Через несколько дней случилось ужасное. Рано утром 18 мая, за Тверской заставой, на Ходынском поле, там, где собрались сотни тысяч людей для получения Царских подарков, произошла давка и многие погибли. Мария Федоровна, когда узнала, не хотела верить. Боже мой, какой ужас, и в такое время! Какой это недобрый знак! Естественно, что сразу же вся Фамилия

заволновалась, начали искать виноватых. Кто винил Московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, кто министра Императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова (1837–1916), кто министра внутренних дел, кто чинов полиции, кто всех сразу.

Императрица-Мать теперь уже не питала расположения к Великому князю Сергею (история со сватовством Ники не прошла бесследно), но она была далека от мысли все сваливать на него, и уж тем более не считала, что можно использовать этот печальный случай для безоглядной критики всего. Откуда вдруг столько в людях обнаружилось ненависти, нетерпимости, как многие досаждают бедному Ники, требуя от него безответственных решений! Ну и в других странах бывало же такое.

В первую очередь ведь сами люди виноваты: но почему надо было устраивать это столпотворение? Но об этом никто не говорит. Возмутительно поведение «Михайловичей», особенно ее зятя Сандро и его брата Николая. Они смеют учить Ники, главу Фамилии, как Ему себя вести и что делать.

Она пыталась урезонить родственников-злопыхателей, но все было бесполезно. Они были такими же пламенными, как их покойная мать, но и во многом превосходили ее. Расстроенная, с не проходившей головной болью, 26 мая покинула Москву. Вернувшись в Гатчину, смогла перевести дух. Скоро написала письмо сыну Георгию, полное горьких и печальных чувств. Это одно из самых проникновенных ее писем.

«Наконец-то я счастлива от того, что все это уже позади. Я благодарна Богу за то, что Он помог мне справиться с моими собственными чувствами, и за то, что Он помог мне выполнить этот страшный, но священный долг — присутствовать на короновании моего дорогого Ники и помолиться за Него и рядом с Ним в этот самый большой и важный момент, самый серьезный в Его жизни. У Него был такой трогательный и проникновенный вид, что я этого никогда не забуду».

Мать была счастлива за Сына, но не могла обойти молчанием и наиболее драматическую сторону события.

«Но ужасная катастрофа на народном празднике, с этими массовыми жертвами, опустила как бы черную вуаль на все это хорошее время. Это было такое несчастье во всех отношениях, превратив в игру все человеческие страсти. Теперь только и говорят об этом в мало симпатичной манере, сожалея о несчастных погибших и раненых. Только критика, которая так легка после! Я была очень расстроена, увидев всех этих несчастных раненых, наполовину раздавленных, в госпитале, и почти каждый из них потерял кого-нибудь из своих близких. Это

было душераздирающе.

Но в то же время они были такие значимые и возвышенные в своей простоте, что они просто вызывали желание встать перед ними на колени. Они были такими трогательными, не обвиняя никого, кроме себя самих. Они говорили, что виноваты сами и очень сожалеют, что расстроили этим Царя! Они как всегда были возвышенными, и можно более чем гордиться от сознания, что ты принадлежишь к такому великому и прекрасному народу.

Другие классы должны бы были с них брать пример, а не пожирать друг друга, и главным образом своей жестокостью возбуждать умы до такого состояния, которого я еще никогда не видела за 30 лет моего пребывания в России. Это ужасно, и семья Михайловичей везде сеет раздор с насилием и злобой, совершенно неприличными».

Но молитвы и сетования Царицы-Матери ничего изменить не могли. Кровавое колесо русской истории ускоряло свой бег.

Глава 19
У времени в плену

Вдовствующая Императрица проводила много времени за границей и большую часть его на «первой родине» — в Дании. После смерти матери не проходило беспокойство за отца. Он с каждым годом становился все слабее и слабее, но сохранял ясность ума, да и памяти не коснулось разрушительное воздействие лет.

В конце августа 1905 года Мария Федоровна вместе с сыном Михаилом поехала в Копенгаген, думая вернуться назад в Россию к Рождеству. Обстоятельства же так сложились, что ей пришлось задержаться. Христиан IX был очень плох и просил Дагмар побыть с ним. Она не могла отказать, но душа рвалась обратно, туда ее влекли и мысли и чувства.

Мария Федоровна все время переживала за Сына-Царя, которому последнее время было особенно тяжело. Когда в январе 1904 года эти коварные японцы, без объявления войны, напали на русский флот в гаванях далеких восточных морей, то она была страшно возмущена и целиком солидаризировалась с Николаем II, считавшим, что агрессора «надо проучить».

Русско-японская война оказалась неудачной. Россия потерпела серию поражений и потеряла значительную часть флота. Уже к концу 1904 года, после падения русской крепости Порт-Артур, особенно остро обозначилось трагическое положение дел.

Еще страшней было то, что внутри страны начались волнения, забастовки и беспорядки, сопровождавшиеся убийствами и невиданным насилием. Европейские газеты ежедневно публиковали репортажи из России, говорили о том, что там революция.

Мария Федоровна многое не могла себе объяснить. 9 января 1905 года в самом центре Петербурга случилось ужасное: толпа под руководством какого-то попа-анархиста прорвалась к Зимнему Дворцу, войскам пришлось стрелять, и более ста человек погибло. Грандиозная провокация радикалов и престоленавистников полностью удалась. Это был какой-то кошмар!

Полицейские власти оказались совершенно беспомощными и не смогли предотвратить то, о чем они заранее знали. В тот же день Царица-Мать бросила все и приехала к Сыну в Царское, чтобы поддержать Его в этот тяжелый момент. На своей половине

Александровского Дворца она оставалась несколько дней, проводя с Сыном всё Его свободное время.

Потом вроде бы обстановка несколько успокоилась. Но это было затишьем перед бурей. Прошло менее месяца, и 4 февраля 1905 года в центре Москвы был убит Великий князь Сергей Александрович. Затем, почти не переставая, случались все новые и новые несчастья.

Благополучию Династии грозили опасности со всех сторон. В сентябре 1905 года случилось династическое скандальное событие, чрезвычайно расстроившее Марию Федоровну и Николая II.

Кузен Царя Великий князь Кирилл Владимирович тайно за границей обвенчался со своей кузиной, Принцессой Викторией-Мелитой (дочерью Альфреда и Марии Эдинбургских), которую все родственники звали «Даки». В 1894 году она вышла замуж за владетельного Гессенского Герцога Эрнста-Людвига (брата Императрицы Александры Федоровны), но через шесть лет брак фактически распался и они развелись. Теперь же Великий князь, без согласия Государя, презрев все нормы, женился на разводке.

Кирилл Владимирович только недавно вернулся с фронтов русско-японской войны, где, как говорили, вел себя храбро и чудом спасся после гибели броненосца «Петропавловск». Николай II проникся к нему сочувствием и разрешил поехать отдохнуть за границу. А он нанес такой удар! Давно было известно, что Великий князь влюблен в Даки, но Император был против женитьбы. Зная это, Кирилл Владимирович уверял Его в письме: «Конечно, я не пойду против Твоего желания и ясно осознаю невозможность этого брака».

И вот теперь всё было забыто, все обещания были нарушены. Возмутительно! Как же должна была себя чувствовать мать невесты герцогиня Эдинбургская?

Дочь Александра II Мария Александровна всегда была честным, открытым человеком, умевшим говорить прямо самые нелицеприятные вещи. Когда в 1902 году ее младший брат Павел Александрович (дядя Николая И) также тайно обвенчался за границей с разведенной дамой, с Ольгой Пистолькорс (урожденной Карнович), то Мария Эдинбургская чуть ли не больше всех возмущалась, а брату Павлу написала: «Как мог ты это сделать, как мог ты изменить данному слову из-за совершенно фальшивой идеи о чести, как мог ты бросить свое Отечество, службу и прежде всего своих бедных, бедных, теперь совсем осиротевших детей! Бросить для чего, главное, для кого? Честь ни в том состоит, мой милый, всем жертвовать для женщины: и ведь ты русский Великий князь, а не какой-нибудь

господин Иванов или Петров, на которого никто не обращает внимания. Где твои прежние принципы, где твое чувство долга?»

Великий князь Павел Александрович подвергся заслуженной каре: уволен со службы и ему было запрещено появляться в России. Это тогда восприняли как должное. Теперь же и ее собственная дочь замешана в похожую скандальную историю. Нет, здесь не было мезальянса, как в случае с Павлом, но нарушение традиции и пренебрежение долгом бросались в глаза.

Марию Федоровну просто шокировали подробности. Оказалось, что после венчания Кирилл решил поехать к Николаю II и сам Ему всё объяснить. Наглец: думал, что Ники будет его слушать? Он надеялся какими-то объяснениями добиться расположения и избежать наказания. Какая наивность! Оказалось, что этот совет ему дала его мать — Великая княгиня Мария Павловна. От Михень ничего хорошего ожидать не приходится, но невольно поражала самоуверенность и беспардонность. Никаких моральных границ!

Закон один для всех, и нарушитель неминуемо должен подвергнуться наказанию. Это безусловно справедливо, и спорить тут не о чем. Император был так возмущен, что решил прибегнуть к беспрецедентной мере: помимо прочих кар еще и снять с Кирилла Владимировича титул Великого князя. Мария Федоровна не была уверена, что это следует делать, хотя не сомневалась, что остальное: увольнение со службы, лишение мундира, лишение великокняжеского содержания и воспрещение появляться в России — меры вполне заслуженные.

Николаю II писала: «Свадьба Кирилла и его приезд в Петербург? Это такое глупое нахальство, еще небывалое. Как он смеет являться Тебе после этого акта, отлично зная, что его ожидает, и поставить Тебя в эту ужасную ситуацию. Это просто бесстыдно, и поведение тети Михень в этой истории просто необъяснимо… Что меня сердит больше всего, так это то, что они думают только о себе и по существу насмехаются над всеми принципами и законами, да это еще в такое тяжелое и опасное время, когда у тебя уже достаточно мучений и беспокойств и без этого».

Через два года сердце Императора смягчилось, он простил Кирилла Владимировича, а его жена получила титул Великой княгини Виктории Федоровны. Однако Вдовствующая Царица так и не приняла этой брачной партии.

Скандальная история с женитьбой Великого князя Кирилла Владимировича разворачивалась как раз в то время, когда многие устоявшиеся и, казалось бы, незыблемые представления, устои и порядки начинали колебаться. Той осенью 1905 года всё было

поставлено на карту.

Когда Мария Федоровна отбывала в Копенгаген, то казалось, что самое страшное уже позади. Война с Японией завершилась, и С. Ю. Витте удалось в американском городе Портсмуте заключить вполне достойный для России мир. Стачки и беспорядки, бушевавшие с зимы и достигшие накала летом 1905 года, когда они распространились даже на флот и армию, начали потихоньку сходить на нет, и в конце лета, как представлялось, положение в стране стало стабилизироваться.

Вдруг в сентябре всё вспыхнуло с небывалой силой. Началась всеобщая политическая стачка, с каждым днем охватывавшая все новые группы населения, новые районы и отрасли. К середине октября в стране наступил почти полный паралич. Не работали фабрики и заводы, железные дороги, почта, телеграф. Кругом происходили собрания и шествия с антиправительственными лозунгами. Появились новые понятия: митинг, манифестация, прокламация. Страшное слово «революция» повторяли все.

Старая Царица была в отчаянии. Она почти не имела регулярных надежных известий из России, узнавая новости главным образом из европейских газет, на которые набрасывалась с жадностью каждое утро. В то время как она сидит в Копенгагене, во дворце Амалиенборг, в ее России происходит немыслимое!

Всё погрузилось в анархию и хаос, все недовольны, а самое ужасное, что почти вся Империя охвачена разгулом насилия. Где полиция, где должностные лица? Почему они не встанут на защиту порядка и спокойствия? Конечно, реформы нужны, и сам Ники это прекрасно знает. Но нельзя же проводить реформы во время смуты, невозможно заниматься этим в то время, когда льется кровь.

Мария Федоровна хорошо помнила неуютные времена последних лет царствования Александра II, когда тоже бушевало насилие. Но в то время рядом был Саша, тогда все удалось успокоить. А что будет теперь, когда угроза во много раз страшнее? Сердце болело за Ники, за Россию.

Боль усугублялась тем, что многие европейские газеты поддерживали бунтовщиков. Как европейцы далеки от понимания ситуации в России! Ведь то, что хорошо в Дании, Франции или Англии, не может быть принято в России. Там особые условия, всё устроено иначе, и народ, добрый и бесхитростный, еще достаточно неискушен, чтобы воспринять нормы, установившиеся в Европе. Об этом часто говорил покойный супруг, и Мария Федоровна не могла с ним не согласиться. Она и сама многое видела и знала ситуацию не с чужих слов.

Уже с 18 октября 1905 года газеты начали публиковать сообщения из России о том, что в стране провозглашена полная политическая свобода и Царь согласился на введение парламентского правления. Неужели Самодержавию пришел конец? Боже мой, бедный Ники, в какие же условия он был поставлен, если согласился на то, что всегда считал неприемлемым для страны! Что бы сказал Саша, если бы узнал об этом? Его бы сердце просто бы не выдержало такого испытания!

За несколько дней до того она послала Николаю II письмо, где восклицала: «Мне так тяжело не быть с вами! Я страшно мучаюсь и беспокоюсь сидеть здесь, читая газеты и ничего не знать, что делается. Мой бедный Ники, дай Бог Тебе силы и мудрость в это страшно трудное время, чтобы найти необходимые меры, чтобы побороть это зло. Сердце всё время ноет, думая о тебе и о бедной России, которая находится в руках злого духа».

Когда узнала, что Сын принял решение изменить общественное устройство, то быстро смирилась: ну что же, значит, так и должно быть. Значит, так Бог распорядился! Ники такой честный, такой религиозный, и он наверняка просил благословения у Всевышнего.

Известий от Сына долго не было. Мария Федоровна все узнавала от других, которые сами ничего толком не знали, ссылались на газеты, писавшие невесть что: Царь с семьей бежал из столицы (это Ники-то бежал!), что власть перешла к какому-то собранию уполномоченных, что министры арестованы и еще много такого, во что верить не было сил. Надежных сведений из Петербурга не имела.

Наконец, 28 октября в Копенгаген вернулся русский посланник Александр Петрович Извольский (1865–1923) и привез большое письмо от Николая И. Она чуть не разрыдалась, увидав знакомый, такой ровный и аккуратный почерк сына. Посол ей на словах многое рассказал: Государь подписал Манифест о даровании народу политических свобод, положение в стране начинает успокаиваться, создан объединенный Кабинет министров во главе с графом С. Ю. Витте, которому поручено подготовить законы для проведения выборов в парламент — Государственную Думу.

На сердце полегчало. Но больше всего её интересовало то, что скрывалось в конверте, что было написано самим Сыном 19 октября. И она прочла, прочла несколько раз. Плакала, молилась за своих близких, за Россию.

Царь многое объяснил Мама: какая сложилась обстановка в стране, какие меры можно было предпринять и как он пошел навстречу требованиям общественности и согласился на

ограничение своей власти. Это было его добровольным решением, продиктованным пониманием неизбежности этих резких нововведений.

«Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страною: в том главная опасность. Но милосердный Бог нам поможет; Я чувствую в Себе Его поддержку, какую-то силу, которая Меня подбадривает и не дает пасть духом! Уверяю тебя, что мы прожили здесь годы, а не дни, столько было мучений, сомнений, борьбы». Императрица всё поняла и приняла.

Через три дня написала Николаю II ответ: «Это же ужас через какие страдания Ты прошел, и главным образом в той ситуации, когда не знаешь, на что же решиться. Всё это я чувствовала своим сердцем и очень страдала за Тебя. Я понимала, что Ты не можешь мне телеграфировать, но тревога во мне из-за отсутствия новостей была просто невыносимой… И как ужасно осознавать, что все это произошло в России! В конце концов, Ты не мог действовать иначе. Добрый Бог помог Тебе выйти из этой ужасной и просто тягостной ситуации. И так как я уверена, что в Тебе есть большая вера, Он будет продолжать помогать Тебе и поддерживать Тебя в Твоих добрых намерениях. Он умеет читать по сердцам и видит, с каким терпением и покорностью Ты несешь Свой тяжелый крест, который Он Сам Тебе вручил».

Манифест 17 октября 1905 года принес только кратковременное улучшение. В ноябре волнения опять усилились, а в декабре даже дошло до вооруженного восстания в Москве.

Марии Федоровне было невероятно тяжело все это узнавать. Необъяснимым казалось и бессилие властей, какая-то непроходившая растерянность и в центре, и на местах. Но ведь Ники дал всё, что от него хотели (дал даже больше, чем мог!). А вместо того, чтобы объединиться вокруг Престола и начать совместно работать на благо России, опять хаос, снова крайние, нереальные требования, вплоть до создания какой-то «народной республики». Это в стране, веками державшейся, укреплявшейся и защищавшейся Царской Властью! Люди впали в состояние безумия!

Мария Федоровна, находясь далеко от событий, могла лишь письмом поддержать сына. «Дай Бог тебе всего хорошего и помощи в эту страшную минуту. Ты понимаешь, как мне грустно и тяжело не быть с Тобою в это время, так как издали все еще мучительней, просто выразить невозможно. Ни одной минуты сердце не может быть спокойно, так страдаю за Тебя и с Тобою за Россию и за всех, что даже писать трудно… Вот безобразие эти забастовки, полное разорение для страны и для всех. Не чувствуется ни патриотизма, ни власти: это просто ужас. Только

Бог один может из этого хаоса вывести и спасти! Может быть, с Государственной Думой начнется лучшее время, все надеются на неё, дай Бог!»

Хотелось в Россию. Душа рвалась туда, но печальные обстоятельства задерживали в Амалиенборге. Первый раз с 1866 года встретила Рождество вне России. Папа с каждым днем все слабел, и его одного оставить не могла. Король стал совсем беспомощный, и она ему так нужна. Господи, что же делать, как быть? Никто не мог ответить.

А 16 января случилось ужасное: Христиан IX умер на руках Марии Федоровны. Она одна с ним оставалась и провела около него последние минуты земной жизни. «Я благодарна Богу за это счастье», — восклицала безутешная дочь, обливаясь слезами. Потом потянулись дни грустно-томительных похоронных церемоний. Только 15 февраля, почти через шесть месяцев после отъезда, Вдовствующая Императрица возвратилась в Россию.

Она вернулась во многом уже в другую страну. Ники производил хорошее впечатление. Был спокоен, уверен в будущем, но мать не могла не заметить, что Сын сильно постарел. Как-то вдруг впервые осознала, что Он уже немолодой человек. Щемящее чувство жалости к Нему не проходило. Алике тоже изменилась. Стала ещё более замкнутой и какой-то безрадостной, и даже в окружении детей улыбка редко озаряла Ее лицо. А какие прелестные у них дети! Её внуки! Девочки просто красавицы и такие живые, добрые и честные. А Алексей? Бабушка была без ума от Него.

Радость её была великой, когда летом 1904 года у Ники и Алике наконец-то появился сын. Мария Федоровна прекрасно знала, что тогда сбылось заветное, страстное желание Ники и Алике. И была тоже счастлива. Тот день, 30 августа 1904 года, в Петергофе помнила во всех подробностях. Как сиял Ники, когда она увидела Его вскоре после рождения Алексея. Она не могла сдержать слез, которых не стеснялась. Через 12 дней Цесаревича крестили, и Мария Федоровна исполняла роль восприемника. У неё стало спокойнее на душе. Появился прямой Наследник Престола и ее сыну Михаилу не надо больше нести на себе эту ответственность.

Миша не предназначен для роли Монарха, и если бы, не дай Бог, случилась преждевременная кончина Ники, то именно младшему её сыну должна была выпасть участь Венценосца. Но он такой еще ребенок, такой увлекающийся; он слишком мягкосердечен и мало чем интересуется, кроме своей военной службы. К тому же он не женат и никак не может сделать окончательный выбор.

Одно время он был просто без ума от своей кузины, Принцессы Виктории Уэльской, которой чуть ли не каждый день писал. Но до брака дело не дошло. Виктория была на десять лет старше Михаила, и это служило серьезной преградой. Но самое главное, что Принцесса не горела желанием соединить свою жизнь с ним; она любила его лишь «как брата». Эта история доставила переживаний Марии Федоровне главным образом потому, что Михаил после смерти в июне 1899 года Георгия стал Наследником Престола. Теперь, слава Богу, всё образовалось. Начались другие горести.

Положение в Империи было далеко от благополучного. Как только вернулась, сразу же пошли визитеры, жалобщики, плакальщики. Рассказывали ужасные подробности о кровавых событиях, винили всех и вся, но никогда — себя! Имела беседы с графом Витте: как всегда был многословен, полыхал. Уверял, что если бы не он, то Трон спасти бы не удалось.

Мария Федоровна знала его давно. Считала умным человеком, деловые качества которого высоко ценил покойный Саша, а он-то уж умел разбираться в людях. Министр он был крепкий, но человек малопривлекательный: полон желчи и редко о ком отзывался с симпатией. Послушаешь графа, так и выходит, что и положиться не на кого. Все кругом бессовестные и глупые. Его суждениям доверяться безоговорочно нельзя: слишком амбициозен, да и интриган заправский. Да и многие другие не лучше…

Бедный Ники, как ему тяжело, как ему трудно в этой обстановке, так как мало верных, надежных людей, готовых служить не за страх, а за совесть. Такие люди теперь особенно нужны. Вот, слава Тебе Господи, появился сильный деятель Петр Столыпин (1862–1911): в апреле 1906 года стал министром внутренних дел, а в июле возглавил и Совет Министров. Раньше служил Саратовским губернатором, и говорили, что проявил смелость и твердость при подавлении беспорядков.

Вдовствующая Императрица сама Петра Аркадьевича не знала: он из поколения политиков, появившихся в последние годы. Отзывы же были разные, но в том, что он человек честный, знающий и решительный, в этом трудно было усомниться. Ники так хорошо к нему относится, да и сама она прониклась большой симпатией, когда прочла кое-какие его выступления в Государственной Думе. Как он был спокоен, тверд и как эти скандалисты и смутьяны — «народные избранники» — терялись, когда Столыпин выходил на трибуну. Ники сделал хороший выбор, поручив такому человеку проводить нужные России преобразования.

Многое из того, что происходило в стране, Марии Федоровне было непонятно. Она следила пристально за событиями, но не все поддавалось объяснению; столько было нового, необычного. Эти необычности лишь только с каждым годом все множились.

Усиливалось чувство, что в России она мало кому нужна. У детей своя жизнь, семьи, и хоть не могла пожаловаться на невнимание с их стороны, но они всё больше и больше отдалялись. Повседневные интересы занимали. Это так понятно, но и так грустно. Самым заботливым был Ники, но встречаться с Ним могли лишь урывками, а на официальных церемониях человеческого общения почти не было. Она бы с радостью проводила время с Внуком, милым Алексеем, но Алике почти и не допускала таких встреч без Своего присутствия. Она же Мать, и это ее право.

Невестке самой тяжело. Она такая болезненная. Ведь совсем еще не старая, а всё время мучится то сердечными недугами, то ревматическими приступами. Когда Алике только приехала в Россию, то и тогда уже жаловалась на здоровье, а теперь, после всего перенесенного, самочувствие стало еще хуже. Бедная! Да и общая обстановка не дарила радости.

«Ах, когда же, наконец, у нас всё пройдет, и чтобы мы могли бы жить спокойно, как все приличные люди! Обидно видеть, как здесь хорошо и смирно живут, каждый знает, что ему делать, исполняет свой долг добросовестно и не делает пакости другим», — восклицала Мария Федоровна в письме сыну Николаю, написанному в октябре 1906 года в Амалиенборге.

Покоя же в России не было. Одно печальное событие сменялось другим. Вот только вроде бы утих революционный хаос, как начались опять эти подлые нападения на должностных лиц. А 1 сентября 1911 года в Киевском театре в присутствии Царя и Его старших Дочерей был смертельно ранен премьер Петр Столыпин. Вдовствующая Императрица в тот момент находилась в Дании, но очень остро переживала случившееся.

«Мои мысли более чем когда-либо с тобою; не могу Тебе сказать, как я возмущена и огорчена убийством бедного Столыпина. Правда ли, что Твои Дочери и мои Внучки видели этот ужас? Как это мерзко и возмутительно, и еще в такой момент, когда всё шло так хорошо и был общий подъем духа».

Мария Федоровна, как и в молодости, радовалась каждой встрече со своими близкими. Их оставалось всё меньше, и это еще сильнее привязывало к живым. Конечно, милая сестра Александра! Хотя после того как ее муж в 1901 года стал королем Эдуардом VII, а она Королевой, некоторые сложности возникали. Видеться доводилось меньше. У них теперь было много

общественных обязательств, и с этим приходилось считаться.

В феврале 1907 года Мария Федоровна после 34-летнего перерыва приехала погостить к Алике в Англию. Как всё было трогательно, как все были внимательны. Берти сильно изменился за последние годы: теперь это был серьезный пожилой господин, и от былых пристрастий и слабостей не осталось и следа. Вот если бы Саша мог на него нынешнего посмотреть!

С сестрой они почти не расставались. Через неделю после приезда мать писала Сыну-Царю из Букингемского Дворца: «Я уже много видела: были в большом госпитале, очень интересно. Александра показывала, как настоящий гид, Национальную галерею, Уэльскую коллекцию, где самые чудные вещи находятся. Это что-то невероятно красивое. Вообрази, мы были в Виндзоре в день свадьбы милой Алике — 44 год! Мы поехали на моторе, погода была чудная, солнце грело, всё весеннее, цветы уже вышли, крокусы и другие, трава зеленая, так приятно. После завтрака мы осмотрели весь Дворец, и это такое великолепие, что слов нет. Комнаты Алике удивительно красивы и уютны; впрочем, здесь, в Букингемском Дворце, то же самое. Всё так хорошо и артистично устроено. Мы обыкновенно завтракаем и обедаем одни и были несколько раз в театре, что было очень весело и приятно».

Однако Мария Федоровна ни на день не расставалась с мыслями о России. И после восторженных впечатлений нашла нужным задать вопрос: «Что делает Дума? С тех пор что уехала, ничего не знаю». Николай II корреспондировал «дорогой Мама» регулярно, и она хорошо знала о его настроениях и оценках.

Весной 1909 года Вдовствующая Императрица с Королем и Королевой Английскими на их яхте «Виктория и Альберт» совершила большое и приятное путешествие по Средиземному морю. Она была рада, что наконец-то смогла увидеть Италию. Их принимали в своей загородной резиденции король Италии Виктор-Эммануил и Королева Елена (урожденная принцесса Черногорская), но это не оставило глубокого следа. Природа и памятники истории особенно привлекали внимание.

Впечатлений была масса, и Царица на седьмом десятке лет как молоденькая девушка восхищалась увиденным. Её уже давно мучили приступы люмбаго (первый раз это случилось в злосчастном 1894 году в Ливадии), у нее болели ноги, но она мужественно ходила, смотрела, запоминала. Поднималась даже на Везувий, а потом с восторгом сообщала Сыну:

> «Ты не можешь Себе представить, как я наслаждаюсь, так все красиво и интересно, что слов

нет… Сегодня мы поехали в Помней, что страшно интересно. Это просто удивительно, как все хорошо сохранилось».

Генуя, Флоренция, Рим, Неаполь, Палермо, Бари, Венеция. И все хотелось увидеть, запечатлеть в памяти навсегда. Затем были на острове Корфу и навестили брата Вильгельма (Георга I) в Афинах.

Еще раньше, в начале лета 1908 года, Английский король Эдуард VII, королева Александра и их дочь Принцесса Виктория нанесли визит в Россию.

Именитые гости прибыли 27 мая (8 июня) на яхте «Виктория и Альберт» в сопровождении яхты «Александрия» и крейсеров «Минотавр» и «Ахиллес». Встреча произошла в порту Ревеля (Таллина), и на берег англичане не сходили (политическая ситуация в Англии не препятствовала демонстрации дружеских симпатий двух династий, но не позволяла совершить шумный государственный визит). Здесь встречали русские военные корабли, Императорские яхты «Штандарт», «Полярная Звезда», Царь, обе Царицы, некоторые другие родственники и высокопоставленные сановники.

Череда приемов, торжественных обедов, политических переговоров продолжалась все два дня визита. Эдуард VII присвоил Николаю II звание адмирала английского флота (в годы Первой мировой войны Русский Император удостоился и звания фельдмаршала британской армии). Английского Короля Николай II наградил званием адмирала русского флота. Визитеров окружили вниманием, а свиту буквально осыпали дорогими подарками.

После того не прошло и двух лет, как в мае 1910 года Мария Федоровна присутствовала на похоронах Эдуарда VII. Круг замкнулся: когда-то Алике находилась вместе с ней после смерти Саши, а теперь, почти через шестнадцать лет после того, она поддерживает старшую сестру в ее горе. В тот год Русская Царица провела в Англии несколько месяцев.

Из Букингемского Дворца 7 мая 1910 года писала Николаю И: «Сегодня был самый грустный и тяжелый день — похороны дорого дяди Берти. В 9 часов выехали из дому и ехали три часа до станции и были в 1 час в Виндзоре, вернулись сюда только в 6 часов. Всё было великолепно устроено, порядок удивительный, торжественно и трогательно. Бедная моя Алике выдержала всё с большим спокойствием до конца».

Две старые женщины, две вдовы. Они уже не могли друг без друга. Алике очень просила Минни не бросать её и помочь ей с

переездом. По статусу Королевского Дома Александра должна была покинуть главную королевскую резиденцию — Букингемский дворец. Здесь теперь должен был обосноваться новый Английский Король Георг V. Его же мать переезжала в Сандригэмский дворец.

Королева Александра была в плохом состоянии. И Царица ухаживала за старшей сестрой так, как только и умела: внимательно, искренне, от всего сердца. Если бы была её воля, то она вообще бы не расставалась с Александрой, но это было невозможно; они себе не принадлежали.

Вдовствующая Царица возвращалась в Россию и с радостью, и с тревогой. Что-то будет на этот раз? Последние годы, как только ступала на Русскую землю, сразу же окружали заботы, сразу же погружалась в вихрь слухов и утверждений, доставлявших сплошные переживания. Нет, сама ничего не узнавала. В молодости хоть и любила эти светские разговоры и сплетни, но редко и тогда им доверяла. Теперь же тяги уже не было, но укрыться от них не имела никакой возможности. Родственники и приближенные обязательно что-нибудь неприятное сообщали.

Многие были недовольны ее невесткой Александрой Федоровной. Мария Федоровна знала, что Алике не умеет нравиться, что замкнута и не выказывает расположения к «обществу». Она не раз Ей говорила, что надо стараться завоевывать симпатию, её следует добиваться, а не делать вид, что тебя это не касается. Конечно, у Алике слабое здоровье, у неё на руках такое горе — бедный больной Ребенок, но ведь надо преодолевать обстоятельства и появляться на публике.

Люди не прощают пренебрежения к себе даже со стороны Царей. Можно же было устроить бал или организовать вечер. Ничего этого нет. Говорят, что Алике часами молится. Религиозное усердие похвально, но ведь она не монахиня, а Императрица. Она обязана блистать и очаровывать. Это так необходимо, когда престиж Династии всё время подрывается какими-то скандалами и компрометирующими разговорами.

Многие утверждают, что Алике и Ники неофициально принимают какого-то мужика, с такой странной фамилией «Распутин», и якобы проводят с ним часто вечера. Боже мой, неужели это правда? Она пыталась как-то затронуть эту тему с Ники, но он улыбнулся и посоветовал не слушать сплетников. Мария Федоровна и сама это знала.

Однако имя Распутина так часто все упоминали, приводили такие скандальные подробности его жизни, что невозможно оставаться спокойной. В начале 1912 года о нем некий Гучков даже говорил с трибуны Государственной Думы! Она попросила

достать фотографию этого загадочного человека, и ей ее принесли. На ней была изображена группа каких-то дам, а в центре находился простой мужик: в косоворотке, с окладистой бородой, с неинтересным лицом, но внимательными, глубоко сидящими глазами. Говорили, что Алике его почитает за «старца». Но ведь старцы совсем другие. Мария Федоровна сама много раз видела их при поездках по монастырям. Они проводят дни в уединении и молитве, а не разъезжают в автомобиле, не ходят в рестораны и не проводят время в дамском обществе!

Мария Федоровна так до конца своих дней и не узнала, что этот «мужик» спасал жизнь Цесаревича Алексея, что только благодаря ему больной Мальчик не раз возвращался из мира мертвых в мир живых. Нет, она слышала об этом, Ники и Алекс сами ей о том говорили, но поверить в это у Вдовствующей Царицы так и не хватило сил. Она не могла принять то, что не принимало светское общество. Она так навсегда и осталась его пленницей…

Мария Федоровна чувствовала, что милый Ники всё время отдаляется от нее. Он был по прежнему любезен и внимателен, но она ощущала, что душа Его закрыта от матери. А ведь когда-то Он был абсолютно откровенен с ней. Сын очень любит Алике, и та оказывает на Него «нехорошее влияние». Ей казалось, что именно тут — ответ и разгадка всей сложной драматургии. Вдовствующая Императрица невольно становилась жертвой того мира, суждениям которого раньше мало доверяла. Но ведь о «распутинском ужасе» все кругом, чуть ни ежедневно говорили! Мария Федоровна не устояла перед натиском великосветской лжи и начала принимать на веру многие сплетни, хотя раньше имела стойкий «иммунитет» к ним…

В 1913 году прошли национальные торжества, связанные с Трехсотлетием Дома Романовых. Они начались 21 февраля в Петербурге — в день избрания на Престол в 1613 году первого Царя Династии — Михаила Федоровича, а затем продолжались несколько месяцев.

Мария Федоровна была в центре празднеств, выдерживала все церемонии стоически, хотя неважно себя чувствовала: приступы слабости одолевали, да и «поганый люмбаго» время от времени давал о себе знать. Да и подлинной радости на душе не было. Весть о женитьбе сына Михаила, о чем она узнала еще предыдущей осенью, не давала покоя. Дорогой Миша, ее «Маленький», теперь разлучен с матерью; они впервые так долго не имели возможности видеться. Печаль по этому поводу ни на день не оставляла.

Однако надо было делать «Царское дело», уклониться нельзя.

Тем более что Невестка, Александра Федоровна, часто отсутствовала, а когда и бывала, то редко выдерживала протокол до конца. Не может же она оставить одного Ники в такой момент!

Хотя вроде бы всё шло как нельзя лучше, но Марию Федоровну одолевали грустные эмоции. Она смотрела на торжества, на лица представляющихся, на уличные толпы, слышала высокие и хвалебные слова, крики «ура», но не могла не заметить, не могла не ощутить того, что внутренней радости и душевного подъема у многих людей уже не было. Что-то изменилось в русском воздухе, какие-то неведомые превращения случились, и те чувства и настроения, которые она улавливала своим сердцем раньше, теперь куда-то испарились. Но может быть, ей это только кажется? Никто не предвидел, что это был последний праздник Династии и всего через четыре года всё будет сметено враждебным вихрем.

Не прошло и двух недель после начала торжеств, как получили страшную весть: в Греции на улице города Салоники, средь белого дня, был убит Король Георг, ее дорогой брат Вильгельм. Она не могла сдержать слез, которые лились помимо ее воли. Боже мой, опять смерть около. Милосердный Бог, за что Ты так жестоко нас караешь? Но ответа не было. Новое жизненное испытание надлежало выдержать, хотя это было так трудно.

Царица собралась немедленно выехать в Афины на похороны, но Ники и другие родственники отговорили. Они опасались за нее. Она подчинилась. Грусть, пустота и одиночество нахлынули с новой силой. Всё время вспоминала сестру Александру и очень переживала за нее. Она боялась, что у Алике не выдержит сердце.

В мае поехала в Англию. Алике была так рада и сказала, что Минни так желанна в Сандригэмском Дворце. Мария Федоровна и без слов это чувствовала. Теперь уже целыми днями не расставались: вместе гуляли, читали, вспоминали и плакали. Летом случилось и важное событие, которого очень ждала и очень боялась. К ней приехал сын Михаил. Она его не видела целый год, за время которого столько случилось, и он совершил эту ужасную ошибку — женился. Но страхи и опасения не оправдались: сын оставался, как и раньше, добрым и любящим. Мать не сомневалась, что он связал свою жизнь с дамой с сомнительной репутацией лишь по мягкости характера.

Императору Николаю II писала: «Миша приехал в Лондон и оставался несколько дней с нами. Хотя первая встреча была тяжелая, мы оба были смущены, что более чем понятно. Я была счастлива увидеть, что он остался таким, каким он всегда был: милый, добрый и даже более ласковый, чем когда-либо. Мы очень откровенно говорили обо всём, и всё было так хорошо и мирно;

ни одного горького слова не было произнесено, так что мне на душе стало легче первый раз после всех перенесенных мучений, и он, видимо, чувствовал то же самое и даже писал об этом и благодарил меня за мою доброту. Бедный Миша! Ужас как грустно думать, что он, такой милый и честный, попал в такие когти, потому что она никогда его не отпустит от себя. Моя единственная надежда, что она ему этим надоест, лай Бог!»

На следующий год, когда начнется эта ужасная война, Михаил вернется в Россию, чтобы принять участие в сражениях. Царь простит брата, и мать будет счастлива…

В начале 1914 года у Марии Федоровны случилось радостное событие. Состоялась свадьба первой внучки, старшей дочери Ксении красавицы Ирины. Она выходила замуж за родовитого и симпатичного князя Феликса Юсупова графа Сумарокова-Эльстон. Бракосочетание происходило 9 февраля в Аничковом дворце, и бабушка была посаженной матерью. Она была рада за Ирину. Вот и дожила до времени, когда уже внуки обзаводятся своими семьями.

Как несётся время, как неумолимо и беспощадно. Когда-то, так давно и так недавно, она сама молодая танцевала в бальном зале Аничкова, а теперь здесь веселятся ее внуки.

В тот морозный февральский день не знала старая Царица, что это последнее торжество в ее жизни. Больше радостных праздников у нее не будет. Всё, что потом станется, всё, что будет отмечать (но уже не праздновать!), всё будет уже только со слезами на глазах.

Глава 20
На пороге крушения знакомого мира

Летом 1914 года случилось то, чего все давно ждали и опасались: разразилась мировая война. 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России, а затем в события втянулись и остальные важнейшие европейские державы: Австро-Венгрия (спровоцировавшая конфликт бесцеремонным ультиматумом Сербии), Англия, Франция.

В России царило необычное воодушевление и патриотический подъем. Призывы отстоять престиж Империи и защитить братьев-славян объединили представителей почти всех политических течений (кроме крайне левых).

Никто не предвидел тогда, что война окажется затяжной, что она унесет миллионы человеческих жизней, вызовет необратимые изменения всего мирового политического ландшафта и сокрушит три старые династии: Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов. Кровь войны вызовет революционные смуты в различных частях Европы, приведет к падению России и утверждению на ее просторах царства беспощадного и невиданного радикального террора. Но все это случится потом, а пока на улицах и в общественных собраниях Петербурга (в конце августа того года переименованного в Петроград) пели «Боже, Царя Храни», «Многие лета» и кричали «ура» Императору и генералитету.

В середине дня 19 июля Николай II назначил Верховным Главнокомандующим Великого князя Николая Николаевича (Младшего), «впредь до моего приезда в армию», — как заметил Царь в дневнике (в августе 1915 года Император принял на себя обязанности Главнокомандующего).

Вся жизнь огромной страны перестраивалась в соответствии с потребностями военного времени. 20 июля в Николаевском зале Зимнего Дворца на многолюдном приеме высших чинов армии и флота Царь дал обещание: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский солдат не уйдет с земли русской». Все были вдохновлены и объединены патриотическим порывом, единой мыслью и общим стремлением скорее победить врага. В этот самый патетический момент последнего царствования рядом с императором не было матери.

Мария Федоровна в мае уехала в Англию. Она рассталась со старшим Сыном в конце марта, когда тот с семьей отправился в Ливадию. Теперь, когда все в мире пришло в движение, она оказалась вдалеке от России, в отрыве от всего, чем жила и чем

озабочена была её страна, её близкие, её Ники.

Когда перспектива военного столкновения стала необратимой, Вдовствующая Императрица бросила все и уже 19 июля была на пути в Россию. За два дня до того она писала дочери Ксении из Лондона: «Кажется, что все с ума сошли; не верится, что все это так скоро могло случиться. Я совершенно подавлена… Все, что произошло, так ужасно и так страшно, что слов нет. Боже мой, что нас еще ожидает и как это все кончится?» Сердце пожилой мудрой женщины переполняли мрачные предчувствия.

Путь Марии Федоровны пролегал через Германию, и 21 августа она была уже в Берлине. Но здесь случилось непредвиденное: ее поезд отказались пропустить дальше, а Вильгельм II прислал своего представителя, чтобы сообщить Царице об этом.

Возмущению ее не было предела. Она немедленно распорядилась отправиться в Копенгаген, куда и прибыла на следующий день. В этот раз на своей первой родине не задержалась; лишь краткая встреча с племянником королем Христианом X и его женой. Скорее, скорее в Россию. Через Швецию и Финляндию она вернулась домой.

В России её ждали. Поезд доставил Марию Федоровну в Петергоф, где встречал Царь, члены Фамилии, свита и министры. Такого торжественного приема ей давно не оказывали. Все очень переживали за ее судьбу, зная о её дорожных мытарствах, но больше всех волновался Николай И.

Вдовствующая Императрица выглядела на удивление бодро, была полна сил и энергии, и трудно было предположить, что ей скоро — семьдесят. Она готова была служить любимой России в любом качестве. Проклятых пруссаков и австрийцев надлежит наказать. Правда и справедливость на стороне России, и она непременно должна победить! В союзе с ней Англия и Франция, а это — залог успеха.

Все первые дни с Ники виделась ежедневно. Встречалась и с Верховным Главнокомандующим и благословила его. Были встречи с другими военными, смотры войск, отправлявшихся на фронт. Везде появление Марии Федоровны вызывало восторг. Подъём царил повсеместно, и высоко сияло имя её Сына-Императора. Душа переполнялась радостью и гордостью за то, что дожила, что увидела это великое торжество правления. Столько было в прошлом горького и неприятного, но, даст Бог, всё будет преодолено и победа принесет мир и успокоение.

После неё должна наступить совсем другая жизнь. Оставались сомнения и страхи за будущее, но в этот момент она

не имела право придавать им значения. И не придавала. До поры…

Многое менялось: облик людей, их настроения, вид улиц и городов, повседневные занятия и заботы, весь уклад жизни. Мария Федоровна оставляет дорогой Аничков, где теперь должен расположиться госпиталь, и переезжает в Елагин Дворец, удаленный от центра столицы. На два последующих года этот старый Дворец стал ее домом. Она жила тут несколько месяцев вместе с Александром в 1880 году, и вот теперь обстоятельства заставили вернуться.

Здесь 10 августа 1914 года Императрица-Мать наконец-то смогла обнять сына Михаила, вернувшегося из Англии через Скандинавию. На следующий день, 11 августа, в присутствии Марии Федоровны произошла и радостная встреча Николая II с младшим братом. Через несколько дней Михаил Александрович получил назначение на фронт в качестве командира Кавказской конной туземной дивизии.

Теперь долг всех и каждого состоял в служении победе. Это касалось и членов Императорской Фамилии: мужчины отправлялись на фронт, а женщины помогали воинам в тылу, помогали кто как мог. Сестра Царя Ольга Александровна уехала работать в госпиталь в Киев, Греческая Королева-Вдова Ольга Константиновна служила в госпитале в Петрограде, Великая княгиня Елизавета Федоровна не покладая рук заботилась о раненых в Москве. Самоотверженно и страстно важнейшему государственному делу отдалась и Императрица Александра Федоровна. Она и ее старшие Дочери, Великие княжны Ольга и Татьяна, окончили фельдшерские курсы и стали сестрами милосердия.

Мария Федоровна не осталась в стороне. Она не могла остаться. Несмотря на слабость и возрастные недуги, регулярно посещала госпитали, бывала на смотрах войск. Она считала своей святой обязанностью морально поддержать тех, кто отправлялся на поле брани и кто пострадал там, защищая праведное дело. Она ощущала себя матерью этих простых солдат, которые в тяжелый час безропотно и стойко жертвуют своими жизнями во благо родной России.

Царица не могла ими налюбоваться, когда видела их в строю; они ей были еще милей и ближе, когда видела их в госпитальных палатах. В одном из писем в конце 1914 года признавалась: «Я посещаю госпитали так часто, как только могу. Это единственное мое утешение. Все наши дорогие раненые возвышают нашу душу: какое терпение, какая скромность и какой великолепный подъем духа! Я ими любуюсь от души и хотела бы стать на колени перед

каждым из них».

Горестные известия о потерях близких на полях сражений не обошли стороной и Императорскую Фамилию. При атаке на прусские позиции 29 сентября 1914 года был смертельно ранен князь Императорской крови Олег Константинович, третий сын Великого князя Константина Константиновича и Великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

Мария Федоровна всплакнула, услыхав об этом. Самого погибшего она видела всего несколько раз, но его отца знала хорошо и понимала, как тяжела ему эта потеря. Костя такой тонкий, такой впечатлительный, и сможет ли он выдержать столь жестокий удар!

В тот раз Константин Константинович устоял, но прошло восемь месяцев, и постигло новое горе: муж его старшей дочери Татьяны князь Константин Багратион-Мухранский 19 мая 1915 года погиб в бою. Сердце Великого князя, поэта, христианина, чадолюбивого отца не выдержало: через две недели он тихо скончался в Павловске. 6 июня состоялись похороны в Великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости.

Мария Федоровна шла за гробом милого Кости не плача. Смерть так часто ее навещала, что она уже не роптала, зная наверняка, что такова воля Всевышнего и надо смиряться, хотя это и так тяжело.

У нее уже столько было грустно-памятных дат, и почти каждый год приносил все новые и новые: 16 января (смерть Папа), 5 марта (смерть брата Вильгельма), 12 апреля (день смерти Никса), 20 апреля (смерть сына Александра), 14 мая (смерть брата Фреди), 28 июня (смерть сына Георгия), 29 сентября (смерть дорогой Мама), и, конечно же, навсегда черный рубеж — 20 октября — день кончины обожаемого мужа. А были еще дни памяти свекра и свекрови, многочисленных тетушек и дядюшек, бабушек и дедушек и других дальних и совсем близких родственников. Она ни о ком не забывала и всегда молилась за упокой их душ. Но многие другие уже всё забыли.

Людей её поколения уж почти не оставалось. Верная фрейлина Александра Оболенская (1851–1943), да и князь гофмаршал Георгий Шервашидзе (1844–1918). Остальные ушли, и одиночество всё чаще и чаще посещало. Мир становился каким-то неуютным, а порой и враждебным. Она уже многое не понимала, но не потому, что не хотела, а потому, что не могла.

Большинство членов Династии относилось к ней с почтением, но новых близких отношений ни с кем не сложилось. Они совсем другие, чем те, кого помнила и знала по своим старым годам. Какие-то высокомерные, циничные, легкомысленные. К службе и

долгу относятся без должного рвения, а это недопустимо, это подрывает авторитет власти. Все претендуют на какие-то особые права, на исключительное положение, а сами часто палец о палец не ударят, чтобы добиться уважения заслугой. Ведь они первые подданные Государя, должны служить примером, но мало кто об этом задумывается.

Все думали, что начавшаяся война закончится через несколько месяцев, и Рождество Русская армия будет отмечать в Берлине. В этом не сомневалась и Мария Федоровна. Она негодовала, читая о злодеяниях германских войск во Франции, в Бельгии, в Польше. В октябре 1914 года узнала, что немцы заняли и разрушили Спалу (их Спалу!). Возмущению вдовствующей Императрицы не было границ.

Несколько утешала мысль, что из дома успели эвакуировать личные предметы Царской Семьи и, слава Богу, «ни до одной памятной вещи они своими грязными руками не дотронулись». Как это отличалось от поведения русских, которые, заняв охотничий замок Вильгельма II в Восточной Пруссии, оставили всё в неприкосновенности. Марии Федоровне рассказали, что офицеры, найдя там попугая кайзера, несколько дней обучали его грубым словам, которые, как она надеялась, их «он не забудет до будущего посещения Вильгельма».

Жестокая война затягивалась, а в 1915 году наступили тяжелые испытания. Весной германцы нанесли русской армии ряд поражений и продвинулись в глубь Западной России. Неудачи сразу же оживили всех недоброжелателей и злопыхателей, и усиленно начали циркулировать слухи о «темных силах», управляющих страной, о предателях и германофилах, окопавшихся на самых высших этажах пирамиды власти. Эти разговоры и утверждения достигали ушей Вдовствующей Императрицы. Они её беспокоили и печалили. Ну, почему все недовольны, почему так много дискредитирующих верховную власть утверждений?

Петербургское (ставшее теперь петроградским) высшее общество изменило свое название, но не поменяло свой сути. Все искали причины неудач и провалов в других, но никто не винил себя, своё легкомыслие, безверие и краснобайство. Анклавом измышлений и сплетен стала Государственная Дума, где задавали тон те, кто был хорошо известен в столичных либеральных салонах, и те, кто слыл своим в кругах профессиональных врагов Трона и Династии.

Так уж получилось, что чем дальше, тем больше стирались грани между одними и другими. Общественная истерия затмевала сознание даже тем, кто, как казалось, своим

происхождением, положением и судьбой обязан был твердо стоять на страже монархических устоев. Но и они не выдерживали испытания. Убеждение в том, что Россией «управляют не те и не так», становилось расхожим.

Первоначально главная вина возлагалась на отдельных министров, затем на весь кабинет, а затем — на Царицу и Царя! Такого в истории России ещё не бывало. Мария Федоровна это прекрасно знала.

У неё не было сомнений в том, что Ники честен и искренен, и она никогда бы не поверила, если бы ей сказали, что Он безразличен к судьбе России и своими действиями может принести ей вред.

А этот Распутин окончательно дискредитирует и семью и власть, и Ники не хочет ничего менять. Она не раз пыталась затронуть эту тему, но и Ники, и Алике лишь повторяли, что все разговоры о Распутине — только сплетни, и советовали им не верить. Но как же не верить, когда все только об этом говорят?

Елагин Дворец постепенно стал превращаться в центр, куда съезжались недовольные. Тут бывали и члены Династии, и некоторые знакомые по стародавним временам, и офицеры гвардейских полков, шефом которых состояла Вдовствующая Царица. И почти все утверждали одно и то же: в стране творится невесть что, на высшие посты назначаются бездарности и ничтожества по рекомендации проходимца Распутина, которой «закабалил Царицу» и сделал её инструментом своей воли, что за ним стоят враги России и агенты Германии. Сообщали много и другого, что терзало сердце и заставляло проводить ночи без сна.

Не знала тогда старая женщина, что в этих утверждениях почти и не было правды, что всё было не совсем так, а часто и совсем иначе. Но ведь об этом почти все кругом говорили! Она многому поверила, хотя прекрасно знала цену людской молве. В том же, что дела идут все хуже и хуже и радостные дни никак не наступают, стала винить «эту Алису», и впервые её нелюбовь к Невестке порой стала походить на ненависть.

На Елагин «навела мосты» и давняя интриганка Великая княгиня Мария Павловна. Она теперь вела себя мило и учтиво, и уже не было, как раньше, приступов какого-то странного поведения: то начинала беспричинно хохотать, то произносить какие-то бессвязные речи. Мария Федоровна заметила перемену: теперь Михень была серьезна, озабочена, и они один раз проговорили несколько часов, чуть не плача обе навзрыд. Царица откровенно ей сказала, что времена напоминают ей эпоху Императора Павла I, когда тот стал отстранять от себя верных людей и пал жертвой заговора.

Мария Федоровна как добросердечная и открытая натура говорила это той, кто если и не была пока заговорщицей, то готова была ей стать. Мария Павловна встречалась с иностранными дипломатами и без стеснения обсуждала с ними внутри-фамильные темы, а французскому послу Морису Палеологу безапелляционно заявила в феврале 1916 года, что «Императрица (Александра Федоровна. — А. Б.) сумасшедшая, а Государь слеп». И это говорила Русская Великая княгиня иностранцу! Попутно она сообщила французскому посланнику, что Императрица-Мать «устраивала сцены Сыну», «кричала на Него», «оскорбляла», но тот ничего не желает слушать и «груб с матерью». Все эти утверждения не имели ничего общего с действительностью и могли возникнуть лишь в воспаленном воображении заядлой инсинуаторши.

Мария Федоровна говорила с Сыном и несколько раз просила его обратить внимание на настроение общества. Никаких же «сцен» не устраивала и потому, что натура её тому противилась, и потому, что любила, сочувствовала и жалела Сына, но и потому, что оставалась (в отличие от Михень) настоящей русской монархисткой, никогда не забывавшей, что старший в роду — Ники, Ему надлежит повиноваться безусловно.

Некоторые же другие члены Династии о том уже забыли. В великокняжеской среде даже обсуждался план «династического переворота», который должна была возглавить… Мария Федоровна! Но разговоры об этот возникли уж в самый последний момент, когда начало разворачиваться финальное действие. До того же судачили, пережевывали городские и думские сплетни и возмущались, возмущались, возмущались.

Особенно усердствовали «Михайловичи»: прелестный зятек Сандро и его брат Бимбо (Николай Михайлович). Беспринципные краснобаи, ничего толком не умевшие делать сами, но судившие обо всем и обо всех, горели огнем ненависти. Мария Федоровна несколько раз пыталась их утихомирить, призывала к спокойствию и милосердию, но куда там!

Николай II и Александра Федоровна знали о том, что в кругу Императорской Фамилии ведутся предосудительные разговоры, что некоторые члены Династии (Николай Михайлович) встречаются с оппозиционными лидерами, дипломатами и обсуждают с ними политические вопросы. Царь относился к этому спокойно, но Царица, в силу эмоциональности и резкости своей натуры, не могла спокойно это воспринимать.

Александру Федоровну особенно возмущало, что непозволительные беседы ведутся у свекрови, на Елагине, а «дорогая матушка» нисколько им не препятствует. В письмах

мужу Александра Федоровна неоднократно об этом упоминала:

> «Когда Ты увидишь бедную матушку, Ты должен твердо сказать ей, что Тебе неприятно, что она выслушивает сплетни и не пресекает их, и это создает неприятности»
>
> *(16 сентября 1915 года).*

> «Я очень сожалею, что Твоя матушка вернулась в город. Боюсь, что прожужжат ей, бедной, уши нехорошими сплетнями»
>
> *(4 ноября 1915 года).*

> «Это гораздо лучше, что дорогая матушка остается в Киеве, где более мягкий климат, где она может жить более согласно своим вкусам и слышать меньше сплетен»
>
> *(1 ноября 1916 года).*

Александра Федоровна не питала особой симпатии к свекрови. Она всегда ощущала со стороны старой Царицы нерасположение, и Её душа, ранимая и чуткая, не могла с этим смириться. Любя Мужа и Сына больше жизни, Императрица Александра считала себя полноправной хозяйкой Царского Дома и болезненно переживала всякую попытку вторжения в это, Её святая святых.

Она знала, что Муж чрезвычайно чтит мать, всегда заботлив, внимателен и принимает к сведению то, что она Ему говорит. Но ведь «дорогая матушка» оторвана от событий, не знакома с истинным положением в стране, а то, что ей рассказывают, по большей части исходит от недоброжелателей.

Все как с ума сошли и на все лады спрягают их отношения с Распутиным. Некоторые мерзавцы даже намекают на то, что Она, Царица, состоит в интимной близости с Распутиным! Как низко пали люди! Какие у них извращенные мысли и испорченные души! Но Господь всё видит, Он знает истинную цену всему, и в конце концов всем воздастся по заслугам. Молитва Григория защищает Семью, спасает жизнь дорогого Алексея, и уж сколько раз в том можно было убедиться. Но другие этого не знают и не должны знать! Это их не касается. Горько сознавать, что в это тяжелое время мать Ники не находится среди своих…

Всё шло, как должно было идти. В 1916 году на фронтах наступила стабилизация. Русская армия перенесла поражения

предыдущего года и не только восстановила свою военную силу, но и увеличила ее. Было ясно, что Германии не удалось добиться своих стратегических целей и одержать победу ни на Востоке, ни на Западе. Её союзница Австро-Венгрия вообще уже дышала на ладан.

По всем прикидкам и расчетам следующий, 1917 год, должен был стать годом разгрома Германии и Австро-Венгрии и окончания войны. В Париже, Лондоне и Петрограде были согласны с этим прогнозом. Члены Антанты стали разрабатывать общий план совместного наступления, намечая его на весну 1917 года. Однако вскоре случилось то, что опрокинуло все договоренности и детально разработанные планы военной кампании. Пала Россия, пала, по словам Уинстона Черчилля, «заживо съедаемая изнутри червями».

Уже в 1916 году почти все в России ощущали, что социальная почва колеблется, что всё вокруг замерло в ожидании роковых событий. Будущего ждали кто со страхом, кто со злорадством, кто с безразличием. Никто не хотел искать согласия, никто, кроме Императора Николая И, авторитет которого в образованных кругах общества был окончательно подорван слухами и инсинуациями.

Его во всем обвиняли и ему ничего не могли простить. Перемешивая правду с измышлениями, достоверные факты с откровенной ложью, законодатели общественных настроений, как из кругов Государственной Думы, так и вне ее, рисовали трагическую картину русской действительности: власть находится в «плену темных сил», и это тлетворное влияние объясняет и поражения на фронте, и все нестроения в тылу. Царь далеко, в Ставке в Могилеве, а в Петрограде, как утверждалось, все дела «решает Императрица со своим ментором Распутиным».

Мария Федоровна не могла больше оставаться в столице. Её мучили эти разговоры, у нее не было сил слушать ужасные повествования, ей не хватало воздуха. И весной 1916 года она уехала. Уехала в Киев. На душе стало спокойней. Из родных там была лишь дочь Ольга и зять Сандро (Александр Михайлович), командовавший авиацией Юго-Западного фронта, штаб которого находился в Киеве. Вдовствующая Императрица разместилась в импозантном Мариинском Дворце, стоявшем на берегу Днепра.

Она постоянно посещала госпитали, подолгу беседовала с ранеными, и эти встречи благотворно воздействовали. Сколько в этих солдатах искренности, простоты; какие у них открытые лица, как рады видеть её, с каким восторгом глядят, как подробно рассказывают о своей жизни. В них нет никакой злобы, совсем отсутствует недоброжелательство. Вот если бы те, кто наверху

общества, могли бы так же относиться к жизни, с таким смирением и честностью относиться к долгу и к своей судьбы, как бы было хорошо и многих бы проблем совсем не существовало.

Когда погода позволяла, то совершала прогулки в открытом экипаже по живописным улицам старинного города. Люди узнали её, снимали головные уборы, кланялись. «Царица, Царица…», — слышалось в толпе.

В октябре того года исполнялось пятидесятилетие свадьбы Марии Федоровны. Полвека она уже в России. В это трудно было поверить. Какая большая жизнь, какой огромный мир уже за плечами! В тот день утром в Киев прибыл из Могилева Николай II с Сыном Алексеем.

Мать и бабушка встречала своих близких на вокзале. Сразу отправились в Софийский собор, а после службы — во дворец, где дорогие гости провели два дня. Ездили к Ольге в госпиталь, и так обидно было, что в такой момент Ольга была больна и не могла проводить с ними время. Совершили втроем — Царь, Вдовствующая Царица, Наследник Цесаревич — большую автомобильную прогулку по окрестностям. Было хорошо и приятно, и куда-то исчезли опасения и страхи.

Но всё равно нежелательное случилось: 29 октября в Киев прибыла Великая княгиня Мария Павловна, подарившая Вдовствующей Императрице икону, с подписями всех членов Фамилии на обратной стороне, всех, кроме… Царя и Царицы. Михень была демонстративно суха с Императором, и Мария Федоровна нашла это «очень странным». Подобный маленький эпизод не испортил настроение старой Императрице.

Она особенно рада была видеть Внука, который так вырос и возмужал за последние месяцы. Нрав стал меняться: теперь это уже был сосредоточенный молодой человек, хотя Ему всего и было-то двенадцать лет. Больше бабушка Внука не увидит. Никогда на этом свете уже не встретятся…

Накануне приезда Николая II в Киев Мария Федоровна намеревалась решительно поговорить с ним о Распутине, попросить его обратить внимание на настроение общества и удалить некоторых министров, которые обществу были неугодны. Но когда она увидела Сына, с ним они не виделись несколько месяцев, то вся «настойчивая решимость» испарилась.

Он был таким бледным, худым и даже изможденным, что у матери дрогнуло сердце. Ольга Александровна позже вспоминала, что она «была потрясена, увидев Ники таким бледным, исхудавшим и измученным. Маму встревожила Его необычайная молчаливость». Хоть разговор о политическом положении дел Мария Федоровна и затеяла в один из вечеров, но он быстро

прекратился. Сын отделывался общими словами и междометиями, а у матери не было сил тиранить Его просьбами и вопросами, которые Императору были явно не по душе.

В ноябре 1916 года дочь Ольга обвенчалась с Николаем Куликовским. Мария Федоровна дала согласие на брак после некоторых колебаний. Ольга все время боялась разговора с Мама и долго молчала о своем намерении выйти замуж за простого офицера. Но, в конце концов, объяснение состоялось и оказалось совсем не таким, каким его себе представляла Великая княгиня.

Позже она вспоминала, что «больше всего боялась встречи с Мама. Я должна была сообщить ей, что намерена выйти замуж за человека, которого люблю. Я приготовилась к тому, что Мама устроит страшный скандал, но она встретила это известие совершенно спокойно и сказала, что понимает меня. Для меня это явилось своего рода потрясением».

Марии Федоровне трудно было согласиться на разнородную партию дочери. Всю свою жизнь она осуждала пренебрежение долгом, а вот теперь должна принять то, что могло принести счастье дочери, но не соответствовало династической норме. Но Ольга так просила, и Николай II поддержал сестру, и мать не устояла. Потом она об этом не жалела. В начале декабря 1916 года сообщала Императору: «Беби Ольга снова здесь. И такая радость видеть ее сияющей от счастья, слава Богу. Она бывает каждый день у меня, один раз они у меня вместе пили чай. И он очень мил, натуральный и скромный».

Пройдет более сорока лет, и последняя русская Великая княгиня Ольга Александровна — дочь Александра III и сестра Николая II — незадолго перед смертью произнесет слова, ставшие печальным послесловием к истории Династии: «Все эти критические годы Романовы, которые могли бы быть прочнейшей поддержкой трона, не были достойны звания или традиций семьи. Слишком много нас, Романовых, погрязло в мире эгоизма, где мало здравого смысла, не исключая бесконечные удовлетворения личных желаний и амбиций. Никто не удостоверит это лучше, чем пугающий брачный беспорядок, в который включились последние поколения моей семьи. Эта цепь домашних скандалов не могла не шокировать Россию. Но кто из них заботился о впечатлении, которое они производили? Никто».

Последние годы Монархии блюстителем династического канона оставалась лишь Мария Федоровна. Однако при всём её моральном авторитете Великие князья и княгини не были склонны руководствоваться пожеланиями «старой Минни». Она являлась для них человеком другого мира, реликтом далекого прошлого.

В декабре того года произошло и еще одно событие, ставшее предзнаменованием грядущих потрясений. В ночь с 16-го на 17-е декабря в Петрограде, в роскошном родовом дворце князей Юсуповых был убит тот, кого проклинали и ненавидели очень многие в России, но кто нёс душевный покой и давал надежду Царю Николаю II и Царице Александре Федоровне: Распутин.

Весть о событии моментально стала общественным достоянием. Уже утром 17-го об этом узнал Великий князь Александр Михайлович, тут же отправившийся к своей теще. Мария Федоровна ещё была в постели, но как только Сандро сообщил ей, то с невероятной живостью вскочила и несколько раз повторила: «Нет, нет!!»

В первый момент она не знала, что сказать и как реагировать. Радости ей это известие не прибавило. Она чувствовала, что впереди «еще большие несчастья». С одной стороны, возникала надежда, что теперь, после исчезновения этого мужика, положение успокоится, но в то же время не давало покоя сознание того ужасного факта, что в деле об убийстве замешаны члены Императорской Фамилии: муж её внучки Ирины князь Феликс Юсупов и кузен Царя Великий князь Дмитрий Павлович.

Марию Федоровну не столько взволновал сам факт убийства, сколько, как заметила в дневнике, «как все это было сделано». Участие в убийстве «простого мужика» членов Династии — вещь недопустимая. Да к тому Император распорядился «провести расследование», что лишь «усугубит» положение. Это уж совсем казалось невозможным. Через несколько дней после убийства Распутина Мария Федоровна послала Ники телеграмму, прося того «закрыть это дело»…

Последующие дни все были очень возбуждены. Смерть загадочного и одиозного человека в одних вселяла радость и надежду, другим же принесла душевные муки и переживания. В числе последних находились Царь и Царица. Монарх был поставлен в трудное положение: надо было принимать какие-то меры к заговорщикам, но какие? Они ведь члены Династии, и любые расследования и наказания неизбежно вызовут новые недовольства, сетования и нападки на власть. Но ведь нельзя было оставить всё без последствий!

Николай II принял решение: Феликс Юсупов высылался в родовое имение «Ракитное», а Дмитрий Павлович переводился служить в состав русского экспедиционного корпуса в Персию. Несколько Великих князей и княгинь сочли эту меру «жестокой» и обратились к Царю с просьбой помиловать Дмитрия. Император был глубоко возмущен подобным ходатайством и ответил резолюцией на этом письме: «Никому не дано право заниматься

убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне. Николай». Возразить на это было нечего.

Мария Федоровна все время пребывала в подавленном состоянии. Не давали покоя тяжелые предчувствия. Её старое сердце было добрым и сострадательным. Она жалела всех: Николая II, молодых шалопаев Феликса и Дмитрия, Великого князя Николая Михайловича, высланного из столицы за свои резкие разговоры. Бимбо не мог успокоиться и вознамерился послать Царю вызывающее письмо, но прежде решил посоветоваться со старой Минни. Она ему ответила 12 января 1917 года, призывала к спокойствию и выдержке, считая, что не следует делать резких заявлений, а стремиться к тому, «чтобы улеглось озлобление». В заключение заметила: «Надо надеяться, что Господь сжалится над нами и поможет нам рассеять все эти черные тучи».

Сыну Николаю она долго не решалась писать. Лишь 17 февраля 1917 года отправила небольшое послание: «Так давно не имела от Тебя известия, что совсем соскучилась и чувствую потребность, по крайней мере, письменно с Тобой говорить. Так много случилось с тех пор, что мы не виделись, но мои мысли Тебя не покидают, и я понимаю, что эти последние месяцы были очень тяжелыми для Тебя. Ты знаешь, как Ты мне дорог и как мне тяжело, что не могу Тебе помочь. Я только могу молиться и просить Бога подкрепить Тебя и вдохновить Тебя на то, чтобы Ты смог сделать все возможное во благо нашей дорогой России. Так как мы теперь говеем и стараемся очистить наши души, надо покопаться в себе и простить всем и самим просить прощение у тех, которых чтим, либо обидели». Её сыну оставалось Царствовать всего две недели.

В середине января Мария Федоровна получила послание от сестры Александры из Лондона, написанное 13 (26) января. Письмо доставил в Россию лорд Альфред Мильнер (1854–1925), прибывший в Петроград для участия в конференции союзников. Королева-Вдова глубоко переживала горести затянувшейся войны, ее сердце пылало огнем ненависти к врагам: «Когда же наступит долгожданный конец! Может быть после того, как мы основательно уничтожим этих ненавистных немцев! Господь должен простить эти мысли. Мы ведь человечнее; другие — настоящие варвары в наихудшем виде, лишенные человеческих чувств и сострадания».

Александра имела весточки от Минни о драматических событиях декабря 1916 года в Петрограде, была обеспокоена и удручена: «Ты пишешь о Распутине. Это интересует меня

страшно. Бог знает, как всё это устроится… Я не получаю из Петрограда детальных новостей. Что происходит с несчастными великими князьями, которых «выгнали»? Ужасная ситуация. Джорджи (Король Георг V. — А. Б.) и Мэй (Королева. — А, Б.) посетили меня несколько дней назад и с большой жадностью слушали эти новости».

Вдова Эдуарда VII смотрела на мир глазами Минни и считала, что Ники «всё еще влюблен в свою Императрицу, как в первые дни женитьбы». Её вывод был однозначен: «Я даже думаю, что Он у Нее под каблуком».

Подобное умозаключение представлялось Марии Федоровне чрезмерно резким, но в глубине души она готова была с ним согласиться. Это было одно из последних писем от Александры, полученных Марией Федоровной. Их интенсивная переписка, длившаяся более полувека, завершалась.

Оставались считанные дни до того рубежа, за которым все события приобретут совершенно другие очертания и иные, почти исключительно мрачные цвета. Текущая жизнь, повседневные заботы и переживания в одночасье превратятся в далекое прошлое.

Глава 21
Преодоление невозможного

Наступило 2 марта 1917 года. Традиционный порядок вещей кончился. Началась эпоха крушений, всеобщего хаоса и кровавого насилия в стране. В салон-вагоне Императорского поезда, на маленькой провинциальной станции вечером того дня Николай II подписал документ об отречении от престола.

Рано утром 3 марта эта роковая весть дошла до Киева, и сообщил её Марии Федоровне зять Сандро. Со старой Царицей случилась почти истерика. В дневнике 3 марта записала: «Я в полном отчаянии! Подумать только, стоило ли жить, чтобы когда-нибудь пережить такой кошмар!»

Дочь Ольга даже боялась, что Мама не переживет. Но она пережила. Господь решил подвергнуть её еще одному и самому страшному испытанию: стать свидетельницей падения России, присутствовать при крушении всей своей жизни. Как только немного успокоилась — первая мысль: где Ники, что с ним. Скоро пришло известие, что после отречения Он отправился обратно в Ставку, в Могилев, чтобы проститься со штабом и с войсками.

Мария Федоровна сразу же решила ехать к Нему. Её место сейчас там, около того, которому так тяжелого. Он ей теперь самый родной, самый близкий. Именно ему теперь труднее всего. Сандро и Ольга пытались отговорить, но встретили такой отпор, что отступили. Вечером 3 марта Мария Федоровна отправила дочери Ксении в Петроград телеграмму: «Сандро здесь, мы выезжаем сегодня ночью, чтобы встретить Его. Всё так печально, что не хочется верить».

Ночью, с 3 на 4 марта 1917 года, из Киева отправился на Север литерный поезд Императрицы. В полдень, 4 марта, Мария Федоровна прибыла в Могилев. Стояла ужасная погода: было очень холодно, сильный ветер и метель. На вокзале встречал Ники, и старой Царице, лишь мобилизовав все свое самообладание, удалось не лишиться чувств. Они обнялись, поцеловались и несколько часов провели наедине. Ники так изменился: постарел, лицо — землистого цвета, под глазами мешки. Боже, помоги Ему, дай силы пережить!

Дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков (1868–1947) в мемуарах запечатлел эпизод прибытия Вдовствующей Императрицы в Могилев: «По выходе из вагона Императрица, внешне спокойная, обняла подошедшего к Ней Государя, обошла встречавших Ее Великих князей, лиц свиты и чинов штаба с

генералом Алексеевым во главе. Затем прошла с Государем в находившийся на платформе деревянный сарай, где они оставались довольно продолжительное время».

В этом неказистом станционном строении поверженный Монарх объяснил матушке те причины, которые заставили принять роковое решение и, во имя России, принести страшную жертву — отречься от престола. Сердцем мать все поняла и приняла, хотя в ее голове это событие не укладывалось.

В своем дневнике вечером того дня Мария Федоровна записала: «В 12 часов прибыли в Ставку в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции. Горестное свидание! Он открыл мне свое кровоточащее сердце, оба плакали. Бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня». Через два часа к ним пришел Сандро, заставший тещу в слезах, а Николая II — нервно курившим папиросу за папиросой.

Четверо суток мать пробыла рядом с Сыном. Дочери Ксении телеграфировала: «Счастлива быть с Ним в эту самую тяжелую минуту» (5 марта); «Слава Богу, что вместе» (6 марта).

Она в эти дни много молилась, и перед образами в своем поезде, и в городском храме, где 5 марта была на службе вместе с Сыном. Там старая Царица «молилась сначала за Россию, затем за Него, за себя, за всю семью». Сын и мать проводили часы в беседах, и так уж давно они много не общались. Говорили, вспоминали, вспоминали. Вся жизнь теперь была уже в прошлом, а впереди маячила лишь пугающая темнота.

Все близкие советовали Николаю II покинуть Могилев. Ни мать, ни Сын не знали, куда ехать и как уехать. Невзирая на угнетенное состояние, порой близкое к прострации, Мария Федоровна понимала, что Ники вряд ли найдет безопасное убежище в России. Отъезд же за пределы России был сопряжен с непреодолимыми трудностями.

У Него же в Царском Селе остались жена и дети, которые больны корью! Выхода она не видела. Вечером 7 марта записала в дневнике, что люди, призывая Ники покинуть Могилев и как можно скорее отбыть за границу, не учитывали его печальные обстоятельства. «Приехал Александр (принц Александр Петрович Ольденбургский. — *А. Б.*), чтобы убедить Ники ехать сразу же дальше. Легко сказать — со всеми больными детьми. Все ужасно!»

В ранних вечерних сумерках 8 марта мать и Сын расстались. Она уезжала обратно в Киев, а Сын Николай, уже под арестом, должен был следовать к Своей семье в Царское Село. В тот день состоялся последний совместный завтрак. Присутствовали лишь несколько близких, и разговор за столом явно не клеился. Позже

тот момент воссоздал в своих мемуарах Великий князь Александр Михайлович.

> «Мы завтракали вместе. Ники старается подбодрить свою мать. Он надеется «скоро» увидеться с нею. Что-то говорит о своем отъезде в Англию, хотя и предпочитает остаться в России. Без четверти четыре. Его поезд стоит на путях против нашего. Мы встаем из-за стола. Он осыпает поцелуями лицо матери. Потом поворачивается ко мне, и мы обнимаемся. Он выходит, пересекает платформу и входит в свой салон-вагон… Поезд Ники свистит и медленно трогается. Он стоит в широком зеркальном окне своего вагона. Он улыбается и машет рукой. Его лицо бесконечно грустно. Он одет в простую блузу защитного цвета с орденом Святого Георгия на груди. Вдовствующая Императрица, когда поезд Царя скрывается из вида, уже не сдерживает больше рыданий».

Она не плакала на людях уже давно. Но в тот трагический момент она ощущала себя лишь матерью, расстающейся со своим любимым Сыном, и, кто ведает, может быть и навсегда. Вечером того дня Царица записала: «Ужасное прощание! Да поможет ему Бог! Смертельно устала от всего… Все очень грустно!»

Через несколько дней Мария Федоровна написала письмо вдове своего брата Греческой Королеве Ольге Константиновне, с которой поддерживала не только родственные, но и давние душевно-доверительные отношения. В нем она излила всю горечь своего сердца. Она не могла и не хотела забыть все, что видела и что перечувствовала в Могилеве.

> «Я не пойму, как я жива после того, как обошлись с моим бедным, любимым Сыном. Я благодарна Богу, что была у Него в эти ужасные 5 дней в Могилеве, когда Он был так одинок и покинут всеми. Это были самые страшные дни в моей жизни. Слишком сильные испытания посылает нам Господь, и мы должны нести их с достоинством, не ропща. Но так нелегко терпеть, когда вокруг такая людская злоба и ярость. Какие унижения и какое равнодушие пережил мой несчастный Ники, я не могу тебе передать. Если бы я не видела это своими глазами, я бы никогда не поверила. Он был как настоящий Мученик, склонившийся перед неотвратимым с огромным достоинством и неслыханной стойкостью».

Возвращение в Киев оказалось для Императрицы необычным и безрадостным. Всё вокруг резко изменилось. На платформе никто не встречал; не было почетного караула и ковровой дорожки, а у вокзала уже не ожидала Царская Карета, и по городу пришлось ехать в наемном экипаже. А над Мариинским дворцом красовался пустой флагшток, Царского штандарта на нем уже не было.

Старую Царицу все эти невиданные вещи хоть и покоробили, но сильного впечатления не произвели. Ее душа болела за Сына, за все те несправедливости, жестокости и подлости, которые с Ним учинили. Она ни на минуту об этом не забывала и все время пыталась отыскать причину, найти ответ на мучивший вопрос: «почему». И этот ответ, как ей показалось, в конце концов ей явился. Главная причина несчастья — Невестка. Давнее нерасположение Марии Федоровны к Александре Федоровне в тот момент стало приобретать характер ненависти. Дочь Ольга вспоминала, что когда она увидела Мама в день возвращения из Могилева, то была настолько потрясена ее невероятно возбужденным состоянием, что впору «было поседеть».

«Она ни секунды не могла усидеть на месте. То и дело ходила по комнате. Я видела, что она не столько несчастна, сколько рассержена. Она не понимала ничего, что произошло. И во всем винила бедную Алике». Однако Мария Федоровна была слишком добросердечным человеком, чтобы надолго стать рабом ненависти. Вскоре эти сильные отрицательные эмоции по отношению к Супруге Сына притупились, а потом и совсем сошли на нет.

Возвратившись в Киев, Вдовствующая Императрица пыталась сохранить знакомый уклад жизни, привычные формы существования. Да никаких иных форм она не могла себе и представить. Она так же посещала госпиталь, принимала посетителей, писала письма разным лицам. Но с каждым днем устоявшийся мир все более и более походил на фантастическую иллюзию, без остатка разрушаемую жестокой реальностью. Антиромановская истерия набирала обороты; в газетах уже без обиняков называли Романовых «кровопийцами» и «врагами народа», но больше всего стрел ненависти адресовалось последнему Царю.

Мария Федоровна и как мать и как Царица не могла этого не только принять, но не могла и понять случившуюся общественную метаморфозу. В письме дочери Ксении с недоумением и возмущением восклицала: «Как могли подданные так быстро сменить любовь на ненависть! Это непонятно, и все же я уверена, что их любовь к Царю глубока и не может сразу

измениться. Теперь ликуют от радости при слове свобода, и никто не понимает, что это хаос и бесовские игры».

Она слишком давно привыкла чувствовать себя матерью русских людей, и это чувство стало органичным ее натуре. Она никогда не проклинала народ, зная, что революционные безобразия чинит не народ, а выродки, подлецы и мерзавцы, которых везде хватает. Но ее удивляло отсутствие сопротивления разрушительному насилию со стороны тех, кто в этих условиях не струсил и не обезумел.

Ее поражали факты того, что когда унижали, грабили и убивали одних, то другие или молчали, или даже начинали оправдывать злодеяния, изменяя незыблемым принципам, заповеданным Спасителем. Ее же заставить придать великое и святое было невозможно. Она готова была скорее отказаться от земной жизни, чем переступить заповедную черту, отделяющую человеческое от нечеловеческого.

Мария Федоровна не могла изменить действительность, которая чуть не каждый день наносила моральные удары, один тяжелей другого. Прошла всего неделя после возвращения в Киев, и Императрице отказали в посещении раненых. Все было сделано нарочито оскорбительно. Когда прибыла к госпиталю, то двери ей не открыли, а на пороге появился хирург, сказавший умышленно громко, что «в ее услугах больше не нуждаются», и после этой тирады демонстративно захлопнувший дверь. Хамская акция явно готовилась заранее: в окнах госпиталя красовались радостные лица персонала, выражавшие восторг по поводу того унижения, которому подверглась старая женщина…

Это был удар, от которого Мария Федоровна долго не могла оправиться. Вернувшись к себе, она затворилась в своем будуаре и не хотела никого видеть. Зять Сандро и дочь Ольга уже несколько дней уговаривали ее уехать из революционного Киева на Юг, в Крым, где и переждать опасные времена. Приводили разные аргументы: там спокойно и безопасно, туда приедет дочь Ксения с детьми, а Ольге, которая была беременна, особенно необходимо спокойствие. Все эти разговоры не производили на Марию Федоровну никакого впечатления. Она упорно говорила «нет».

Императрица уже никого и ничего не боялась. Ее не страшила собственная участь в погружающейся в хаос стране. Она думала лишь о Ники, о его судьбе, и самое большое желание — находиться вместе. Близкие пугали арестом, заточением и ссылкой, но эти опасения ее не волновали. Зачем ей нужна теперь ее жизнь? Что это за жизнь — находиться вдалеке и ничего не знать? Она должна быть вместе с Сыном, Внуком и Внучками.

Пусть ее тоже арестуют, она готова следовать в Сибирь. Её уже не страшила смерть, она не боялась земных испытаний, она преодолела человеческие страхи.

Лишь после того как ее не впустили в госпиталь, после чего ее пребывание в Киеве становилось совершенно бессмысленным, она сказала, что готова уехать. Если бы была ее воля, то она, не раздумывая, устремилась бы в Царское Село. В Крым отправляться совсем не хотелось. После смерти Саши она там не была ни разу и не сомневалась, что возвращение в эту «страну горя» станет тяжелым испытанием, оживит старые раны. Но ее желание уже ничего не определяло, и надо было принять выбор других.

Она его приняла, но так плохо себя почувствовала, что зятю пришлось почти на руках доставить ее в поезд. Никакого «Собственного Ее Величества Поезда» уже не существовало; новые власти его реквизировали. Великому князю Александру Михайловичу, лишь благодаря его энергии и сноровке, удалось договориться с железнодорожниками о выделении заброшенного состава, находившегося на глухом полустанке за городской чертой. Ночью с 23 на 24 марта 1917 года в этом поезде отбыла на юг Императрица, несколько ее верных людей, семья Ольги Александровны и Великий князь Александр Михайлович.

Лишь почти через три дня беженцы прибыли в крымское имение Александра Михайловича «Ай-Тодор» в Гаспре, расположенном в нескольких верстах от Ливадии. Мария Федоровна разместилась на верхнем этаже, в двух больших и светлых комнатах с балконом, откуда открывался изумительный вид на море. Через несколько дней в Ай-Тодор прибыла из Петрограда дочь Ксения с детьми.

Вскоре в Крым стали прибывать и другие царские родственники. В «Дюльбере» обосновалось семейство Великого князя Петра Николаевича, в «Чаире» — Великого князя Николая Николаевича, а недалеко, в «Коризе», пережидали революционную грозу князья Юсуповы.

Первые недели жили тихо и спокойно, но уже с конца апреля начались осложнения. Революционные власти решили ужесточить контроль «за контрреволюционными элементами», в числе которых на первых местах фигурировали Романовы.

Представителям Временного правительства в Крыму была послана секретная директива, в которой требовалось взять под охрану Царскую Фамилию, установив «комендантский надзор». Отныне членам Династии запрещалось принимать посетителей, отлучаться из имения без разрешения, посылать письма, минуя охрану. Фактически все члены Династии оказались под

домашним арестом.

К ним был приставлен теперь отряд матросов под руководством «особого комиссара Временного правительства», который был только тем и занят, как бы досадить своим подопечным. Особенно возненавидел он Марию Федоровну, которая и в своем униженном состоянии сохраняла поистине Царственное Величие, не удостаивая тюремщиков не только словом, но даже и взгляда. Комиссар очень хотел вывести ее из себя, но к его досаде ничего не получалось. Александр Михайлович потом писал, что он очень сомневался, «замечала ли она его вообще».

Царица-Вдова «революционных бандитов» действительно не замечала. Все эти люди были ей чужды и отвратительны, а таких персонажей она уже давно научилась не видеть. Однако прозреть все-таки пришлось. В конце апреля 1917 года в Ай-Тодоре был проведен многочасовой обыск, устроенный умышленно шумно и оскорбительно. Его не избежала старая Императрица.

Еще не было шести утра, когда в спальную комнату вломилась группа лиц, требуя, чтобы она немедленно встала из постели. Мария Федоровна настолько опешила в первый момент, что не сразу сообразила, что происходит. Когда же она пришла в себя, то стала так кричать и поносить мерзавцев, что другие жители айтодорского дома перепугались за нее не на шутку. Ксения потом признавалась, что у нее возникла мысль, что Мама «теперь непременно расстреляют». Но ее не расстреляли. Наглость революционной черни еще не достигла той звериной стадии, когда убивать начали лишь ради потехи.

В комнате Императрицы было все перевернуто верх дном; даже ее постель. Искали улики «контрреволюционной деятельности», но, конечно же, ничего не нашли. Попутно украли целый ряд вещей, а у Марии Федоровны отобрали ее дневники, письма и семейную Библию, с которой она приехала в Россию в 1866 году и с которой никогда не расставалась. Это была тяжелая потеря. Она просила ей ее оставить и даже предлагала взамен драгоценности. «Мы не воры, — изрек предводитель. — Это контрреволюционная книга, и такая старая женщина, как вы, не должна отравлять себя подобной чепухой». Смысл тирады оказался настолько идиотским, что и возразить было нечего…

Свои впечатления от пережитого Мария Федоровна подробно описала в письме Ольге Константиновне. «В половине шестого утра я была разбужена морским офицером, вошедшим в мою комнату, которая не была заперта. Он заявил, что прибыл из Севастополя от имени правительства, чтобы произвести у меня и в других помещениях обыск. Прямо у моей кровати он поставил

часового и сказал, что я должна вставать. Когда я начала протестовать, что не могу это сделать в их присутствии, он вызвал отвратительную караульную, которая встала у моей постели. Я была вне себя от возмущения. Я даже не могла войти в туалет. У меня было немного времени, чтобы набросить на себя домашний халат и затем за ширмой — легкую одежду и красивый пеньюар. Офицер вернулся, но уже с часовыми и рабочими и 10–12 матросами, которые заполнили всю мою спальню. Он сел за мой письменный стол и стал брать все: мои письма, записки, трогать каждый лист бумаги, лишь бы найти компрометирующие меня документы…Так я и сидела замершая в течение трех часов, после чего они направились в мою гостиную, чтобы и там произвести обыск. Матросы ходили по комнате в головных уборах и смотрели на меня: противные, дрянные люди с нахальными, бесстыжими лицами. Нельзя было поверить, что это были те, которыми мы прежде так гордились».

Но она сохраняла самообладание даже в этих невозможных обстоятельствах. Лейб-казак Т. К. Ящик вспоминал, что когда в то утро, после налета революционной банды, он принес Марии Федоровны утренний кофе, то она казалась невозмутимой. «Я ожидал увидеть ее расстроенной и подавленной, но она встретила меня широкой улыбкой. «С добрым утром, Ящик, сколько шума. Неужели нельзя спокойно утром поспать?».

Даже в самых безумных снах Марии Федоровне не могло привидеться то, что она узрела наяву после 2 марта 1917 года. Казалось, что рано или поздно, но должно прийти тупое спокойствие, мера пресыщения виденным и перечувствованным, чтобы уже ничему не удивляться и не поражаться. Но жизнь оказывалась отвратительней самых страшных видений. «Я готова была умереть, чтобы только не видеть весь этот ужас. Однако на все Воля Божья! Трудно, правда, понять, как Господь допускает эту ужасную несправедливость и все плохое, что происходит вокруг!»

Еще с юности она знала, что Промысел Всевышнего далеко не всегда можно понять и объяснить и надо лишь со смирением подчиняться Ему. Она подчинялась. И хотя роптала, плакала и возмущалась время от времени, но ни единожды в ее сердце не зародилась возмущение по отношению к неисповедимой смертным Воле Творца. «Как только не разорвется сердце, — писала она в одном из писем, — от такого количества горя и отчаяния! Только Господь помогает вынести эти несчастья, поразившие нас с быстротой молнии».

Несмотря на унижения и оскорбления, продолжала сохранять самообладание, демонстрировала то величие духа, которому

поражались близкие. Она сумела остаться Царицей и после крушения Царства, и не только по званию, но по своему поистине Царскому Достоинству, которому ни разу не изменила.

Когда осенью 1917 года в Ай-Тодор удалось попасть князю гофмейстеру двора Императрицы Г. Д. Шервашидзе (1847–1918), то он был несказанно обрадован тем состоянием, в котором находилась вдова Александра III. В письме Великому князю Николаю Михайловичу от 20 ноября 1917 года писал с восхищением: «Ее Величество приводит всех нас в восторг тем достоинством, с которым себя держит. Ни одной жалобы на стеснительное, не снившееся Ей положение, в котором Она пребывает, спокойное и приветливое выражение, одним словом, такая, какой всегда была. Каковою была Она в Москве, в светлый день Своего Коронования, каковой бывала в снегах Абастумана и на банкетах в Букингемском Дворце, таковою же была и здесь 14-го числа, когда мы с нескрываемым волнением поздравляли Ее с днем рождения. Совершенно естественно и весело выражала свое удовольствие, что по случаю торжества к завтраку подали пирог, а к чаю — крендель. Такое Ее поведение немало подымает и наше расположение духа и помогает нам легче переносить тягости заключения и царящего уныния».

Когда осенью 1917 года к власти в Петрограде пришли большевики, а в Ай-Тодоре появился новый комиссар, то это в первые месяца никак не сказалось на положении Марии Федоровны и ее близких. Да собственное положение ее мало занимало. В сохранившихся документах той поры невозможно найти ее сетований на тяготы жизни.

Весной 1918 года к ней удалось приехать датскому офицеру Карлу Кребсу (1889–1971), с которым Мария Федоровна мило проговорила несколько часов. При этом посланник Дании был поражен настроением урожденной Датской Принцессы, которая живо интересовалась состоянием политических дел в Европе, здоровьем своих родственников и ни разу не озвучила ни одной жалобы на свое положение.

Она сердечно поблагодарила своего земляка за привезенные продукты и деньги, а во время беседы совершенно не обращала внимания на находившегося тут же комиссара. Когда в самом начале встречи Кребс сообщил высокородной собеседнице, что ему разрешили с ней встретиться только в присутствии комиссара и непременно при условии, что они будут «разговаривать по-русски», то Царица, не обращая никакого внимания на «носителя власти», ответила ему по-датски, не очень изящно, но бескомпромиссно: «Черт возьми, наплевать мне на них!» И далее как ни в чем не бывало продолжала разговор на языке своей

первой родины. Кребс был восхищен самообладанием Императрицы Марии.

Ее мысли и душа были отягощены иными заботами. Судьба России, «ее России» волновала постоянно. Хотя народ обезумел, но она не теряла надежду на конечное торжество справедливости, на возрождение России во всем ее величии и славе. Даже в этих «невозможных обстоятельствах» у Императрицы Марии не возникала мысль о бегстве из России. Еще в мае 1917 года в письме брату Вальдемару отмела все слухи о том, что она якобы подавала какое-то прошение властям с просьбой разрешить ей уехать, заявив со всей определенностью, что «я и не думаю этого делать». Она об этом не помышляла и в дальнейшем. Это ее страна, это ее беда, это ее боль, и перенести все она должна до конца.

И еще одна мысль, неотрывная и тягостная, «разрывала сердце» — судьба Сына Николая. Она знала, что он в августе 1917 года вместе с Женой и Детьми был отправлен из Царского Села в Сибирь, знала, как этот отъезд был глупо и грубо организован. Для Марии Федоровны это известие «стало шоком» и потому, что она надеялась, ей о том не раз говорили, что Царскую Семью перевезут в Ливадию, и потому, как «подлецы-революционеры» все это организовали.

В письме Ольге Константиновне восклицала: «Их заставили ждать поезда всю ночь — с полуночи до утра — не раздеваясь! Но самое ужасное было то, что вначале им дали понять, что они едут в Ливадию. Наверное, для того, чтобы Они обрадовались. Затем сказали, что Они должны взять с собою теплые вещи, и только после этого Они, бедняжки, наконец поняли, что едут не на Юг. Какой грех причинять людям такое разочарование! Я нахожусь в полном отчаянии и смятении и даже не могу писать об этом. Я только хочу, чтобы негодяи и палачи, придумавшие это, понесли на земле заслуженное наказание!»

Царицу успокаивала лишь мысль, что там далеко, где не так сильно бушуют революционные страсти, Они будут находиться в большей безопасности. Она несколько раз сама Ники написала, но с трудом находила необходимые слова, не знала, о чем говорить. К тому же было известно, что вся корреспонденция проходит через руки охраны, и это было оскорбительным и нетерпимым. Но она находила силы преодолевать обстоятельства.

Последнее письмо поверженному императору она отправила из Ай-Тодора 27 ноября 1917 года. Это стало ее прощальным словом обреченным на смерть дорогим и близким.

«Дорогой мой, милый Ники!

Только что получила Твое дорогое письмо от 27 октября, которое меня страшно обрадовало. Не нахожу слов Тебе достаточно это выразить и от души благодарю Тебя, милый! Ты знаешь, что мои мысли и молитвы никогда Тебя не покидают; день и ночь о Вас думаю, и иногда так тяжело, что кажется, нельзя больше терпеть. Но Бог милостив. Он дает нам сил для этих ужасных испытаний. Слава Богу, что Вы все здоровы, по крайней мере, и все живете уютно и все вместе.

Вот уж год прошел, что Ты и милый Алексей были у меня в Киеве. Кто мог тогда подумать, что нас ожидает и что Ты должен пережить! Просто не верится! Я только живу воспоминаниями, и счастлива прошлым, и стараюсь забыть, если возможно, теперешний кошмар. Миша мне тоже написал о вашем последнем свидании, о вашем кошмаричном отъезде, столь возмутительном!

Твое дорогое первое письмо от 19 сентября я получила и извиняюсь, что до сих пор не могла ответить, но Ксения Тебе объяснила почему. Я ужасно сожалею, что Тебя не пускают гулять; знаю, как это Тебе и милейшим Детям необходимо. Просто непонятная жестокость!

Я, наконец, совсем поправилась после длинной и скучной болезни и могу снова бывать на воздухе после 2 месяцев. Погода чудная, особенно последние дни. Живем мы очень тихо и скромно, никого не видим, так как нас не выпускают из имения, что весьма несносно. Еще, слава Богу, что я вместе с Ксенией, Ольгой и со всеми внуками, которые по очереди у меня обедают каждый день.

Мой новый внук Тихон нам всем принес огромное счастье. Он растет и толстеет с каждым днем и такой прелестный, удивительно любезен и спокоен. Отрадно видеть, как Ольга счастлива и наслаждается своим беби, которого она так долго ждала. Они очень уютно живут над погребом. Она и Ксения каждое утро бывают у меня, и мы пьем какао, так как мы всегда голодны. Провизию так трудно достать, особенно белый хлеб и масло. Мне их очень недостает, но иногда добрые люди мне присылают, чему я очень рада.

Князь Шервашидзе недавно приехал, что очень приятно. Он всегда в духе и забавен и так рад быть здесь, отдохнуть после Питера, где было так ужасно!

Я была очень обрадована письмами Алексея и моих Внучек, которые так мило пишут. Я их всех благодарю и крепко целую. Мы всегда говорим о вас и думаем! Грущу быть в разлуке, так тяжело не видеть, не говорить! Я изредка получаю письма от Алике (Английская Королева-Вдова. — А. Б.) и Вальдемара (брат. — А. £.), но всё так медленно идет, и я всё жду дальнего

послания.

Понимаю, как тебе приятно прочесть Твои старые письма и дневники, хотя эти воспоминания о счастливом прошлом возбуждают глубокую грусть в душе. Я даже этого утешения не имею, так как при обыске весною всё, всё похитили, все ваши письма, всё, что я получала в Киеве, детские письма, 3 дневника и пр. и пр. До сих пор не вернули, что возмутительно, и спрашивается зачем?

Сегодня, 22 ноября, день рождения дорогого Миши, который, кажется, живет в городе. Дай Бог ему здоровья и счастья.

Погода вдруг переменилась, сильный ветер и холодно, только 3 градуса, и хотя топится, но довольно свежо в комнате, и мои руки мерзнут. Никита (сын Ксении. — А. Б.) был у дантиста К. (Кострицкий С. С. — придворный зубной врач, ездил в Тобольск лечить Царскую Семью. — А. Б.), только от него слышала о Вас немного. Радуюсь, что у бедной Алике больше не болят зубы и что он окончил со всеми свою работу. Надеюсь, что Иза Б. (Буксгевден. — А. Б.) благополучно приехала и поправилась после операции.

Пожалуйста, кланяйся им всем, то же Ил. Татищеву (Илья Леонидович, граф, сопровождал царскую семью. — А. Б.), кто с вами из людей? Надеюсь, что добрый Тетерятников поехал с тобою. У меня остались только Ящик и Поляков (казаки конвоя. — А. Б.), которыми я не могу достаточно налюбоваться, такие чудные, верные люди. Они служат у меня за столом и очень ловко подают.

6 декабря (день именин Николая Александровича. — А. Б.) все мои мысли будут с Тобой, мой милый, дорогой Ники. Шлю Тебе самые горячие пожелания. Да хранит Тебя Господь, пошлет Тебе душевное спокойствие и не даст России погибнуть.

Крепко и нежно Тебя люблю.

Христос с вами.

Горячо любящая Тебя Твоя старая Мама».

Все приближалось к концу. Лишь горстка пепла, лишь незабываемые образы былого помогли оставаться на земле. Господь давал нечеловеческие силы пережить мрачное настоящее и остаться в нежеланном будущем.

Когда до нее дошла весть о том, что Николай убит, она этому известию не поверила. Не могла поверить. И осенью 1918 года, получив письмо от своего племянника Датского Короля Христиана X, где тот выражал свои соболезнования, откликнулась ответом, в котором рассказала о своих чувствах.

«Эти вызывающие ужас слухи о моем бедном любимом Ники,

слава Богу, все же неправда, так как после многих недель ужасного напряжения, противоречивых сообщений и публикаций я уверена в том, что Он и Его Семья освобождены и находятся в безопасном месте. Можешь представить себе то чувство благодарности Господу нашему, которое наполнило мое сердце. От Него самого я ничего не слышала с марта, когда Они еще были в Тобольске, потому ты можешь представить, какой кошмар я пережила за эти месяцы, хотя в глубине души и не оставляла надежды».

Она ловила каждое слово, любое известие, подтверждавшие желанную версию о спасении. Она им верила и с этой верой не рассталась до самой могилы.

Глава 22
Царица-изгнанница

Пребывание в Крыму представлялось Марии Федоровне ужасной, затянувшейся до бесконечности фантасмагорией. Трудности и опасности обступали со всех сторон. Но больше всего угнетало не отсутствие продуктов, дров или угля, а отрезанность от мира. Общение с близкими людьми было всегда для нее приятной повседневностью. С теми, кто не был рядом, она общалась письменно и неизменно находилась в курсе семейно-династических событий.

С весны же 1917 года все переменилось. Она не только не могла сама регулярно корреспондировать, но и практически не имела возможности получать известия извне. Весточки в Крым все-таки приходили время от времени, но с большим опозданием и главным образом с надежной оказией, которая случалась все реже и реже. Отрывочные известия она получали из Англии от своей сестры Александры и от своих датских родственников.

Информация о событиях в России тоже поступала по случаю. Она мало что знала о сыне Николае и почти ничего не знала о Михаиле. Кто-то что-то сообщал, ссылаясь на сведения каких-то сторонних лиц, но те, кто ее непосредственно окружал во время крымского заточения, сами ничего толком не знали. Нередко приходила одна и та же мысль: может быть, то и к лучшему, что они мало кого видят, так как все новые люди только и рассказывали о безумной жизни, наступившей с марта 1917 года. Подобные повествования порой действовали столь угнетающе, что возникало лишь одно желание: не быть на этой земле никогда. Но это всегда являлось лишь краткосрочным приступом меланхолии.

Жизнь дарована Господом, и этот бесценный дар Творца благочестивый человек отринуть не имел никакого права. Царица это знала. Знала она и то, что ее родственники за границей пытаются ей помочь, но сама этой помощи не просила и на нее не уповала. Она обращалась с молитвами только к Богу, и не существует ни одного указания на то, что Мария Федоровна просила кого-то из земных обитателей о спасении.

Между тем судьба Царицы серьезно заботила некоторых людей. Среди этих обеспокоенных было мало тех, кто когда-то ей поклонялся и клялся в верности. Эти почти все к концу 1917 года или были убиты, или разбежались и попрятались. В истории крушения России особо поражает один, в сущности

общеизвестный, но упорно замалчиваемый факт: не было предпринято ни одной серьезной попытки спасти Николая II и его Семью, или Императрицу Марию Федоровну. Хотя еще совсем недавно их окружали толпы «верных слуг», уверявших, что «готовы пожертвовать жизнью» за них. Когда же наступил исторический час доказать на практике свою «преданность до гроба», то тут до настоящего дела и не дошло.

Потом, среди тех, кому удалось выбраться за пределы России, циркулировало много сказаний о том, как те или иные группы «верных и преданных» организовывали различные «акции по спасению», которые «в последний момент» срывались по тем или иным причинам. Все эти мифы, может быть, и убаюкивали совесть эмигрантов, но фактическую историю совсем не отражали. Выражений сочувствия и симпатий поверженные правители действительно получали немало, но эти чувства никак не преобразовывались в реальные общественные действия. Дальше каких-то конспиративных разговоров дело так и не сдвинулось.

Старая Императрица ни в какой форме в заговорщицкой деятельности не участвовала, да и не могла участвовать и по складу своей натуры, и в силу тех условий, в которых пребывала. Ей и в голову не приходила подобная идея, хотя окружающая действительность постоянно озадачивала. Почему кругом столько солдат и офицеров, все с красными бантами и нарукавными повязками? Но ведь все они принимали присягу верности Царской Власти при Ники, а иные — и при Александре, и никто их от этой клятвы перед Богом не освобождал! Они сами себя освободили.

Многие с какой-то нечеловеческой радостью стали участниками революционного бесовского действия, которое так им нравилось. Подобное превращение навевало самые грустные мысли относительно грядущей судьбы страны. «Для России все будет кончено, все будет в прошлом», — предрекла Царица в мае 1917 года.

В этих условиях и самой Марии Федоровне не на что было надеяться. Она не могла рассчитывать на благосклонность лютой черни, но, вместе с тем, и не хотела покидать свою, столь жестокую к ней вторую родину. Она представала перед ней в тех образах и тех видах, которые запечатлелись в памяти навсегда в пору ее молодости, во времена ее Саши, при котором она и стала «Хозяйкой Земли Русской».

Несмотря на то что «хозяйку» лишили всего — собственной крыши над головой, почета, благополучия и даже безопасности, — дом этот был родным и близким, он оставался навсегда ее. И хотя кругом все горело и разрушалось, но она

никуда бежать не собиралась, твердо уповая на милость Господа.

Однако подобный фатализм не разделяли люди, которым судьба Марии Федоровны была не безразлична. Особую обеспокоенность проявляла Датская Королевская Семья. Невзирая на то что Король Христиан X не питал любви к своей тетушке, подавлявшей его своим моральным превосходством и невероятным Царственным величием, он не мог остаться в стороне, зная, что здесь речь идет не просто о «Принцессе Дагмар», как ее называли в Дании, но и о судьбе близкой родственницы.

Карту «датской принцессы» и начал разыгрывать Копенгаген и датское посольство в Петрограде еще летом 1917 года, хотя ее десятки раз принимали и чествовали в Дании именно как Русскую Императрицу. Эта игра облегчалась тем обстоятельством, что Временное правительство отменило Императорские титулы, и, согласно этому распоряжению, Мария Федоровна превращалась в «бывшую царицу».

Абсурдность тут была очевидна: титул свой она получила навсегда при акте священного коронования, у алтаря, а не по распоряжению какой-то земной инстанции. И никакое правительство, а уж тем более «временное», священную благодать отнять было не в силах. Но эта «небесная метафизика» совершенно была неведома лютеранскому сознанию, воспринимавшему все события через призму земного, политического интереса.

Деятели же Временного правительства тоже не различали у Марии Федоровны некоего сакрального ареола, но тем не менее очень хотели добиться от нее самой признания того, что она «бывшая». В июне 1917 года в Ай-Тодор приехала комиссия, проводившая дознание об имевших здесь место обысках и произволе, которые якобы проводились «самовольно» местными властями, составили протокол и попросили Марию Федоровну подписать его.

На вопрос же: «Что она должна написать», ей сказали — «бывшая Императрица». Мария Федоровна не стала спорить и поставила подпись: «Вдова Императора Александра III».

Украденное Царице не вернули, но больше никакие официальные визитеры из центра в Крым не наведывались; эта «старуха» стала для них «невыносима». Ее особенно «терпеть не мог» «любимец Февраля» А. Ф. Керенский, ставший летом 1917 года полноправным хозяином Временного правительства.

Когда Министерство иностранных дел Дании весной 1917 года впервые решило поставить вопрос перед Временным правительством о разрешении Марии Федоровне покинуть

Россию, то сразу же в Копенгагене возобладало мнение о необходимости добиться «от принцессы Дагмар» ее собственного обращения к новым властителям. После этого, как представлялось дипломатическому ведомству, датская сторона сможет вполне обоснованно выступить в поддержку данного ходатайства. Но просьбы не последовало. Если Дания признала новую власть в России законной и приемлемой, то Императрица Мария таковой ее не признавала и признавать не собиралась.

Правительство в Копенгагене оказалось в растерянности, никаких четких инструкций в Петроград отправить не могло. В результате датскому посольству приходилось импровизировать. Посол Дании в Петрограде Херальд Скавениус (1873–1939) — двоюродный брат датского министра иностранных дел Эрика Скавениуса (1877–1962) — несколько раз поднимал перед высшими должностными лицами «свободной России» вопрос о «бывшей Императрице».

Смысл всех его бесед сводился к тому, чтобы Временное правительство разрешило ей покинуть пределы России. Ничего определенного он в ответ не слышал. В конце концов, 10 сентября 1917 года Временное правительство «дало принципиальное согласие» на отъезд Марии Федоровны, но с оговоркой, что «само правительство определит дату выезда». Но эту дату «этуали Февраля» так и не назвали.

Когда в очередной раз Скавениус напомнил министру иностранных дел М. И. Терещенко (1886–1856) об обещании отпустить Марию Федоровну в Данию, тот, насмерть перепуганный ревом радикальной революционной толпы, вдруг начал говорить, что «он лично не против отъезда, но этот вопрос имеет столь большое значение для Российского государства, что он должен обсудить все с председателем правительства», т. е. А. Ф. Керенским, который «в принципе» был не против, о чем уже давно уведомил посла.

Все были «не против», но ровным счетом ничего не делали и даже не соизволили через своих комиссаров спросить мнение самой «бывшей Императрицы»: согласна ли она с этим предложением. Прошло еще немного времени, и поздней осенью 1917 года трусливые «министры-демократы» и само Временное правительство исчезли без следа. На роль хозяев России выдвинулись коммунисты-ленинцы, уже вообще, даже теоретически, не признававшие никаких моральных принципов.

Посол Скавениус, по-человечески глубоко симпатизировавший Марии Федоровне, все время держал в фокусе внимания ее положение в Крыму, получая оттуда информацию по неофициальным каналам. С 1918 года положение

там складывалось с каждым днем все более и более тяжелое. Революционные банды чинили зверства в Ялте, Севастополе и других местах, грабя и убивая без разбора всех «бывших». Поступали страшные сообщения, что только количество убитых офицеров исчислялось тысячами.

В середине марта 1918 года посол отправил в Копенгаген тревожную телеграмму: «Полагаю своим долгом сообщить, что жизнь Вдовствующей Императрицы все более и более под угрозой. Вдовствующая Императрица, две ее дочери и зять пребывают в ужасающей обстановке, полностью брошены на произвол облепивших их матросских банд». Послу требовались руководящие указания, но в Копенгагене не спешили, ждали «прояснения политической обстановки», которая все никак «до конца не прояснялась».

Сообщение посла походило на крик отчаяния, и надо было принимать какое-то решение. Через несколько дней после получения депеши от Скавениуса король Христиан X обратился с личным посланием к кайзеру Вильгельму И. К тому моменту был уже заключен в Брест-Литовске «мирный договор» между «Советской Россией» и Германским правительством, договор, являвшийся фактически актом капитуляции России.

Германия, единственная из великих держав к тому моменту признавала советское правительство и имела официального посла в Москве (представительства прочих стран, находившиеся в «Совдепии», не признавали новую власть, а дипломаты не имели легитимации). Король просил не только за Марию Федоровну, а за всех представителей свергнутой Династии, и заканчивал свое обращение к кайзеру вопросом: «Можешь ли ты что-либо сделать, чтобы облегчить судьбу этих, таких близких мне людей».

Король, очевидно, надеялся побудить Германского Императора, состоявшего в близком родстве с Романовыми — Императрица Александра Федоровна приходилась ему двоюродной сестрой, — проявить человеческое участие.

Вильгельм II ответил немедленно. Но этот ответ не содержал ничего определенного. С одной стороны, кайзер выражал «понимание» озабоченностью Христиана «близкой ему судьбой Царской Семьи». Но вместе с тем он уверял, что в «данных обстоятельствах» любой его шаг в этом деле может лишь ухудшить ситуацию, поскольку большевики могут решить, что Германия желает восстановить монархию в России. Он предлагал Королю совсем другой ход: обратиться к Москве с консолидированной просьбой всех Скандинавских стран. И подобный демарш, как считал Император Германии, может произвести «должный эффект», так как все эти страны являются

нейтральными. Было ясно, что кайзер ничего предпринимать не намерен. Копенгаген опять погрузился «в раздумья».

Не получая никаких руководящих указаний от своего начальства, посол Скавениус действовал на свой страх и риск. Благодаря его содействию из России удалось выбраться и спастись немалому числу людей, в числе коих находились: Греческая Королева-Вдова Ольга Константиновна, а также супруга и сын Великого князя Михаила Александровича Наталья и Георгий Брасовы.

Положение Скавениуса в стране, правительство которой Дания не признавала, было весьма сложным и двусмысленным. Он сам не имел возможности вступать в официальные отношения с лицами и институтами новой власти, той власти, от которой как раз во многом зависела судьба всех Романовых, как и «бывшей Императрицы» Марии. Стремясь воздействовать на эту не признаваемую власть, посол прибегал к опосредованным приемам. Первоначально он сам хотел частным образом встретиться с главой новой власти В. И. Лениным (1870–1924), но большевики не проявили никакого интереса. В феврале же 1918 года представилась иная возможность.

Посол поддержал представителя Датского Красного Креста Карла Кребса, перед его поездкой в Крым на встречу с Марией Федоровной, добиться встречи с наркомом иностранных дел Л. Д. Троцким (1879–1940). Красный бонза «аудиенцию дать соизволил» в Смольном, и она произвела на датского офицера неизгладимое впечатление. Собственно, никакой «аудиенции» и в помине не было. Троцкий удостоил краткой беседой во время «движения по коридору» Смольного, из одного кабинета в другой.

Датчанин напомнил наркому, что судьба Марии Федоровны вызывает беспокойство в его стране, что «урожденная Датская Принцесса» пребывает в «плохих условиях» и «хотела бы иметь законное разрешение вернуться домой в Данию». Кребс адресовал этот филантропический монолог деятелю, для которого человеколюбивые аргументы являлись пустым звуком. Его интересовало лишь «дело мировой пролетарской революции», а какие-то там слезливые стенания о «страданиях» представлялись вредной чепухой, с которой он и его «товарищи по партии» считаться не собирались.

Представителю Датского Красного Креста это кредо революционных убийц и насильников его собеседник ясно и кратко изложил. «Множество людей живет в плохих условиях», а правительство Дании не признает новую власть в Петрограде и заморозило счета Российского государства. В конце, перед тем как захлопнуть перед датчанином дверь, Троцкий изрек, что

Мария Федоровна «просто русская гражданка» и «должна подать ходатайство о заграничном паспорте в местный Севастопольский совет».

Хамская отповедь не обескуражила Кребса, и он вознамерился все-таки добиться от обитателей Смольного документальной поддержки. Во-первых, разрешения доставить Марии Федоровне продукты и, во-вторых, разрешения сопровождать «бывшую Вдовствующую Императрицу» при выезде из страны. В посольстве Дании на этот счет было составлено два специальных документа, с которыми Кребс и прибыл опять в Смольный.

Но если в первый раз он ждал Троцкого почти три дня, то теперь его отловить удалось уже в первый день, в приемной у Ленина. «Красный нарком» был явно не в духе, никакой беседы вести не собирался и лишь бросил на ходу одну, поистине сакраментальную фразу: «Мария Федоровна является для нас старой реакционной дамой и судьба ее для нас безразлична».

Урок «революционной философии», преподанный Кребсу, ясно показал, что большевики и разговаривать не будут, пока Дания официально не признает их режим. Но подобное намерение в Копенгагене отсутствовало, а значит, необходимо было действовать исключительно неофициальными путями.

Кребс отправился в Крым без всяких разрешительных документов, но с полного одобрения и при непосредственной поддержке посла Скавениуса. По его инициативе в зашитом вокруг талии поясе датский офицер вез 50 000 рублей, предназначенных для Марии Федоровны и ее близких.

Возможно, для самого Троцкого судьба «старой реакционной дамы» и не представляла никакого интереса, но для иных представителей красной власти Романовы, в том числе и Мария Федоровна, были, что называется, бельмом на глазу.

В апреле 1918 года Ялтинский совет потребовал приговорить всех Романовых к смертной казни. Над обитателями «Ай-Тодора», «Чаира», «Дюльбера» и «Кореиза» нависла смертельная угроза. Злодеяние не совершилось лишь потому, что Ялтинский и Севастопольский советы переругались между собой за право вершить судьбу Романовых. А вскоре и самим большевистским властителям спешно пришлось бежать или укрываться от угрозы расстрела.

Крым заняли германские войска. По просьбе Вильгельма II его зять герцог Эрнст-Август Брауншвейгский отправил своей матери, сестре Марии Федоровны герцогине Кумберлендской, сообщение, что Императрица Мария и ее родственники «пребывают в хорошем состоянии» и что отныне им ничто не

угрожает, так как они находятся под защитой германской армии и лично кайзера. Об этом сразу стало широко известно во всех европейских монарших домах.

В Дании это известие вызвало временное успокоение, но зато в Англии оно привело к совершенно неожиданным результатам: Король Георг V вернулся из оцепенения, к нему вдруг «возвратилась память». Год назад, весной 1917 года, он предал забвению свои родственные связи с Романовыми. После того как в апреле того года, по сиюминутным политическим соображениям, переданное ранее приглашение Николаю II прибыть в Англию было отозвано, Король ни словом, ни делом не проявлял участия.

Теперь же в Лондоне вспомнили, что в России страдают близкие родственники Короля, среди которых находилась и сестра Вдовствующей Королевы, «дорогая тетя Минни». Этот прилив родственных чувств объяснялся просто: кайзер Вильгельм, которого с началом Мировой войны в Англии поносили на всех углах и иначе, как «чудовищем», не называли, выказал удивительное благородство. То была моральная пощечина Королю со стороны повелителя Германии, и сей факт вызвал чрезвычайное волнение английского аристократического истеблишмента.

Георг V счет необходимым лично попросить Министерство иностранных дел, чтобы оно через своего агента в Москве Брюса Локкарта добилось от московских властей «лучшего обращения с Царской Семьей». Агент вскоре отрапортовал, что имел встречу с заместителем наркома иностранных дел Г. В. Чичериным (1872–1936), со слов которого Вдовствующая Императрица вместе с другими Романовыми «взята в плен немцами», которые собираются ее перевести в Киев.

Ничего иного на берегах Темзы не узнали, но на этом английская дипломатическая активность и замерла. Ее не смогла оживить даже двукратная просьба кузины короля принцессы Виктории Баттенберг-Маунбеттен, родной сестры Императрицы Александры Федоровны, с которой она обращалась в Форин Офис «предпринять попытки по спасению Царской Семьи». В конце концов, министр иностранных дел Великобритании лорд Бальфур (1848–1930) посоветовал надоедливой высокородной просительнице на сей предмет самой обратиться к Датскому и Шведскому Королевским Домам.

Георг же V снова на несколько месяцев «впал в оцепенение», из которого его не могли вывести даже мольбы матери — Вдовствующей Английской Королевы Александры.

Несмотря на то что после оккупации Крыма германской армией прямая угроза жизни миновала, Мария Федоровна

пребывала в грустном состоянии. Вести извне по-прежнему приходили крайне редко, да и те, которые поступали, не вселяли радостных эмоций. Ей неоднократно говорили о трагической судьбе ее сыновей Николая и Михаила, но она не только не хотела о том говорить, но и слышать.

В сентябре 1918 года к ней удалось пробраться финскому офицеру Вальдемару Споре, которого Мария Федоровне удостоила милой беседой и передала письма родственникам в Англию и Данию. Через три недели после встречи Споре прибыл в Копенгаген, передал послание и сообщил, что Императрица находится в добром здравии, пользуется «относительной свободой» и жаловалась «лишь на нехватку кофе и масла». Никакого намерения покинуть Россию у старой Царицы визитер не обнаружил.

Не упоминала она о том и в письме, которое ей удалось переправить послу Скавениусу в начале октября 1918 года. «Я надеюсь, — писала Мария Федоровна, — что Вы и Ваша любезная супруга не так сильно страдаете в Петрограде и оба пребываете в здравии. Мы здесь в настоящий момент живем в покое и мире, всегда надеясь на лучшие времена и веря в милосердие Господа нашего. Мне было бы очень радостно, если бы Вы при случае написали мне и сообщили, что происходит и как вы живете. Это было уже так давно, когда я получила известие из дома, а от моей сестры в Англии я ничего не слышала с февраля. Так жестоко быть разлученной со всеми и отрезанной от всего остального мира!»

Ситуация начала резко меняться осенью 1918 года. Германия потерпела поражение в войне, а немецкие войска спешно покидали Россию. 26 ноября эскадра Антанты под командованием английского адмирала Колторпа вошла в гавань Севастополя. Еще раньше, 14 ноября, правительство Великобритании рассматривало по просьбе Короля вопрос: что можно сделать для обеспечения безопасности Вдовствующей Императрицы в Крыму.

Кабинет поручил Адмиралтейству «произвести необходимые приготовления». В секретной директиве командующему эскадрой говорилось: «Вам надлежит рассмотреть возможность отправки корабля при первом случае в Ай-Тодор с тем, чтобы тайно увести Вдовствующую Императрицу и сестер покойного Императора. Дело следует организовать крайне осторожно и тактично. Не следует применять силу, осуществлять вооруженную высадку: следует абсолютно избегать всего, что может привести к конфликту с охраной, которая может находиться в доме».

С этой целью в Крым из Константинополя (Стамбула), где в том момент находилась английская эскадра, были отправлены

два английских корабля под командованием капитана Чарльза Тертла.

В один из темных крымских ноябрьских дней перед Марией Федоровной оказался английский офицер, прибывший по распоряжению высших властей Великобритании. Дальнейшее по дневниковой записи Марии Федоровны выглядело следующим образом.

«Он от имени Джорджи предложил мне уехать отсюда на английском корабле, который будет предоставлен в мое распоряжение… Я сказала, что чрезвычайно тронута и благодарна, но попросила его отнестись с пониманием к моим словам. Я объяснила ему, что никакой опасности для меня здесь больше нет и что я никогда не смогу позволить себе бежать таким вот образом».

Мария Федоровна передала коротенькие послания сестре Александре и Королю Георгу. Предложение же тайно покинуть Крым отвергла без размышлений. Она Царица, она не хочет и не может тайно, ночью бежать из страны, в которой томятся многие другие русские, в том числе и ее близкие. Подобное поведение показалось англичанам безрассудством…

В донесении Тертла в Лондон, предназначенном для Адмиралтейства и Короля, говорилось: «Высадились на пляже к северу от мыса Ай-Тодор рано утром в четверг 21 ноября. Аудиенция у Императрицы Марии. Предложили отвести ее в Константинополь. Она в добром здравии. Не испытывает беспокойства (в отличие от ее свиты). Из расспросов, на которые она нас вынудила, мы узнали, что она придерживается мнения, что Император, возможно, еще жив, и по этой причине она желает остаться в России. При Императрице состоят адмирал князь Вяземский и князь Долгорукий, в то время как поблизости живут Великие князья Александр, Николай, Петр, Георгий, Дмитрий и Великие княгини Ольга и Ксения».

Георг V получил благодарственное послание от русской тетушки: «Только что виделась с командующим Тертлом. Тронута и благодарна за Ваше любезное предложение. Всем привет. Тетя Минни». Отправила Царица и послание Сестре-Королеве. «Ура. В восторге, что наконец могу послать телеграмму. Такая радость увидеть одного из твоих капитанов и получить любезное предложение. Надеюсь, что придут еще корабли открыто и скоро. Всем привет. Сестра Дагмар».

О своей «эвакуации» она не проронила ни полслова. Дело было совсем не в упрямстве старой «сестры Дагмар», а в том, что для Марии Федоровны Царское достоинство, достоинство ее положения, было выше и значимее даже собственной

безопасности. Хотя географически и политически и не существовало уже никакого «Русского царства», но Царица оставалась Царицей при всех обстоятельствах. В этом она видела свой пожизненный нравственный долг.

Перед упорством Императрицы Марии были бессильны родственники, все время уговаривавшие ее «пока не поздно» покинуть Крым. Лишь дочь Ольга категорически не хотела покидать России и в этом была полностью солидарна с Мама.

В конце 1918 года Ольга со своей семьей уехала из Крыма. Она отправилась с полковником Куликовским на Дон, к его родным. Узнав о намерении Ольги, мать устроила ей сцену, требуя отказаться от поездки и обвиняя Куликовского во всем. Но Ольга была непоколебима, ясно понимая, что у нее существовали обязательства не только перед матерью. Она ждала появления ребенка, а голодный и холодный Крым был не лучшим местом для рождения…

В декабре совершенно неожиданно о своем отъезде из Крыма объявил зять — Великий князь Александр Михайлович. Узнав об этом намерении, Мария Федоровна просто опешила. Он оставлял в Крыму жену и детей, а своего поступка так и не смог внятно объяснить. Мать долго по этому поводу говорила с Ксенией, и, как записала Мария Федоровна, «она, так же как и я, полагает, что всему этому нет разумного объяснения, но поскольку ее уговоры никак не помогли, оставляет за ним право поступать, как ему вздумается, ибо она ко всему прочему опасается, что он может свихнуться».

Мария Федоровна, помимо Английского Короля, получила приглашения от Королевы Румынии и от Короля Италии. Поблагодарила, но никакого желания покидать Крым не высказала…

С начала 1919 года положение в Крыму все ухудшалось и ухудшалось. Не хватало продуктов, трудно было отапливать помещения, да и общая ситуация не внушала оптимизма. По Крыму рыскали различные банды, грабили и даже убивали людей, а известия об этом служили темами обсуждений. Невзирая на это, Мария Федоровна оставалась абсолютно спокойной.

15 марта 1919 года записала в дневнике: «Встала рано, вспомнила страшный день тридцативосьмилетней давности, день восшествия на престол. Как это было ужасно! Все представлялось в туманном и мрачном свете, и все же по воле Господа вновь воссияло солнце, он благословил моего любимого Сашу и всю страну и подарил нам 13 лет мира и счастья. Потому-то и позволяю себе надеяться, что Он снова… дарует нам мир и поможет несчастной стране вырваться из лап злой силы».

У окружающих же начинали сдавать нервы. Об отъезде постоянно говорила дочь Ксения. Она все время выставляла на первый план судьбу своих детей, которые не могли получать необходимого воспитания и образования. Она просила, умоляла, рыдала, но все было тщетно. Однако Мария Федоровна слишком любила старшую дочь, чтобы игнорировать ее страдания. В конце концов она сказала долгожданное «да».

Это случилось 25 марта (6 апреля) 1919 года, в день рождения Ксении. Лучшего подарка дочь от своей матери за всю жизнь не получала. Немедленно о том дали знать англичанам. 7 апреля 1919 года командующий английской эскадрой адмирал Колторп уведомил Императрицу, что «Его Величество» предоставил в ее распоряжение броненосец «Мальборо», находящийся на рейде Ялты, и предложил Императрице и ее дочери покинуть опасное место как можно скорее.

Неожиданно, но сразу же, возникло новое препятствие. Мария Федоровна четко и ясно заявила, что она уедет лишь в том случае, если англичане возьмут на борт всех ее родственников и тех русских, «которые пожелают уехать». Это условие оказалось непредвиденным для англичан, вызвав усиленную телеграфную переписку между адмиралтейством, Форин Офисом и командующим эскадрой. В конце концов требование тетушки Короля было принято.

Согласие императрицы сразу же вдохнуло энергию в ее окружение. Был спешно организован специальный комитет, занявшийся организацией отъезда. Как вспоминала позднее княгиня Л. Л. Васильчикова (1886–1948), «многие колебались все еще — ехать или не ехать. Особенно те, кто владел имениями и домами в Крыму, потому что на этот раз все отдавали себе отчет, что мы срываемся с корней на неопределенное время и на неизвестное будущее».

С Марией Федоровной покидали Россию все оставшиеся в живых Романовы, князья Юсуповы и группа лиц из числа придворных и друзей Императрицы. Быстро стало ясно, что всех желающих один военный корабль принять не сможет. И тогда Императрица заявила, что не покинет Крым, если хотя бы один человек останется.

Англичанам пришлось принять новое условие. В Ялту прибыло еще несколько кораблей для эвакуации беженцев. Не существует точных данных о том, скольким людям удалось спастись благодаря заботе императрицы, но, безусловно, речь идет о многих сотнях человеческих жизней. Это было великое благодеяние Марии Федоровны, так как не приходится сомневаться, что большевистская власть в конечном итоге всех

этих «бывших» беспощадно уничтожила бы.

Императрица поднялась на борт «Мальборо» в середине дня 7 апреля 1919 года, который покинул ялтинский рейд 11 апреля. Мимо него шли другие корабли, а на палубе огромного броненосца стояла старая Царица, провожая их печальным взглядом. И ее фигуру рассмотрели на других судах, закричали «ура!», и вдруг, совсем неожиданно, над акваторией ялтинского порта грянул величественный русский гимн «Боже, Царя Храни!» Его запели почти одновременно сотни и сотни русских на разных судах, покидавших родину и прощавшихся со своей Царицей. Мария Федоровна плакала, слезы текли не переставая, но она спустилась в каюту лишь тогда, когда последний корабль с беженцами скрылся из виду.

В дневнике 11 апреля 1919 года Мария Федоровна записала: «У меня сердце разрывалось при виде того, как этот прекрасный берег мало-помалу скрывался за плотной пеленой тумана и наконец исчез за нею с наших глаз навсегда».

Несколько дней «Мальборо» простоял на рейде в Константинополе (Стамбуле), а затем отбыл дальше, на Юг. По пути выяснилось, что «Мальборо» не будет следовать в Англию, а по прибытии на Мальту Императрице предстоит пересадка на другое судно. Первоначально Мария Федоровна наотрез отказалась от подобной комбинации, но после объяснений и уговоров, в которых принял участие даже Король Георг V, приславший в этой связи специальную телеграмму, она согласилась.

Пробыв около двух недель на Мальте, где ее принимали с неподдельным радушием губернатор, все официальные и неофициальные лица, она на крейсере «Нельсон» отбыла в Англию. 9 мая корабль прибыл в английский порт Портсмут, и уже на берегу она увидела свою любимую сестру Алике. Вдовствующая Королева вместе с дочерью Викторией поднялась на борт, и там две старые женщины смогли обнять друг друга и не смогли сдержать слез…

В тот же день вечером прибыли в Лондон, где на вокзале Виктория Марию Федоровну встречали Король Георг, Королева Мария и другие члены Королевской Семьи, а также представители русской колонии Лондона. Встреча оказалась чопорной и формальной, и только прибыв в резиденцию сестры Александры Мальборо Хаус, Царица дала волю слезам. «Я здесь, и это для меня словно сон. Как я рада, что, пережив все эти ужасные времена, мы наконец-то снова собрались все вместе».

Три месяца Мария Федоровна провела в Англии, а 15 августа в сопровождении брата Вальдемара и небольшой свиты из

одиннадцати человек на датском пароходе «Фиония» уехала в Данию. В Англию она потом вернется еще несколько раз, и только после смерти сестры в ноябре 1925 года эти визиты прекратятся.

Александра оставалась для Марии Федоровны до самой смерти близким и дорогим человеком, связывавшим ее с тем миром, который оставался реальностью лишь благодаря памяти сердца. Их связывали не только узы родства, но и каскад воспоминаний и ощущений, неведомый другим. Они могли часами и днями говорить о вещах, события и людях, которых уже никто не помнил, не знал, да и знать не хотел. Они же ничего не забыли; их души радостно обитали в давно улетучившемся мире образов, красок, звуков и ощущений. Это была их «империя чувств», в которой обе являлись полноправными хозяйками.

Кругом же существовал совсем иная, холодная и нежеланная действительность, отводившая сестрам разные роли. Марии Федоровне уже нечего было делать на балу жизни, который для нее давно канул в Лету. Потерявшая почти все и почти всех, она являла лишь печальную фигуру времен минувших.

Сестра же Александра оставалась Королевой и матерью Короля; у нее существовало множество представительских и династических обязательств, которыми пренебрегать была не вправе. И она оставляла «дорогую Минночку» одну. Они не виделись иногда по несколько часов, а то — и целыми днями. Марии Федоровне такие «отлучки» не нравились, Александре — тоже, но изменить никто ничего был не в силах.

Через несколько лет после того, первого «эмигрантского лета в Англии», у Марии Федоровны с Великим князем Александром Михайловичем состоялся по этому поводу примечательный разговор. Зять заметил теще, что ей не надо было уезжать из Англии, так как «разлука с сестрой плохо на Вас действует. Вы захандрили».

В ответ, покачав головой, Императрица сказала: «Ты не понимаешь, Сандро. Мы с ней гораздо ближе друг другу на расстоянии. Когда я жила в Лондоне, я чувствовала себя чужой». Услышав такое, Александр Михайлович обоснованно заключил, что «гордость и застенчивость не позволили ей признать, что она просто отказалась делить сестру с ее семьей и Англией».

Однако же и в родной Дании, куда она прибыла в августе 1919 года, все так сильно изменилось, что и здесь впору было почувствовать себя чужой. Прошло почти 54 года с того дня, как юная принцесса Дагмара покинула страну своего детства, уезжая в неведомую Россию, где стала Царицей без малого сорок лет тому назад: в 1881 году. Теперь же она возвращалась на родину лишь как дочь умершего короля Христиана IX и как тетка

здравствующего Монарха. Никаких иных прав и преимуществ в Дании она не имела, и никто из Датской родни их за ней не признавал.

Хотя ее встречал Король, члены Королевской Семьи и высшие министры, но уже не было ни салюта, ни гимнов, ни русских флагов. Лишь присутствие почти всей русской колонии (к тому времени в Копенгагене находилось около двух тысяч русских эмигрантов), некоторые представители которой не сдерживали восторженных криков при виде Царицы, оживляло официальную сухость церемонии.

Но совершенно непредвиденно и несказанная радость случилась: на одном из стоявших в порту французских кораблей, совершенно неожиданно для собравшихся на причале, оркестр заиграл патетический русский гимн «Боже, Царя Храни!» Казалось, что сам Господь подарил Своей верной рабе этот минутный праздник на той земле, где у нее уже не будет больше никаких праздников.

Мария Федоровна поселилась в своем Видёре, а осенью переехала в Королевский дворец Амалиенборг в центре Копенгагена. С ним у нее было связано столько воспоминаний с юных времен и где все оставалось почти без изменения многие десятилетия. В Амалиенборге Царица-Изгнанница заняла апартаменты, где когда-то жил ее отец. Казалось бы, что теперь старая женщина, столько пережившая на своем веку, сможет обрести покой и в тишине и уединении провести остаток дней. Но этого не случилось. Политические интересы и личные пристрастия невольно вторгались в этот мир, внося в него волнения и переживания.

Правительство Дании сразу же дистанцировалось от «Принцессы Дагмар», не признавая за ней никакого политического статуса. К Марии Федоровне были прикомандированы два датчанина — капитан Г. Амдруп и камер-юнкер Х. Рердам, взявшие под свой контроль всю ее корреспонденцию и с русскими беженцами, и с представителями иностранных государств. Ни одно письмо к ней не могло миновать Министерство иностранных дел, зорко следившее за тем, чтобы любые контакты с ней носили исключительно частный характер.

Вопреки опасениям датских политических кругов, Мария Федоровна и не намеревалась играть какую-то политическую роль, которую и в России не играла. Она была Царицей, православной христианкой, а этот статус и эти качества сохраняла и за пределами России.

К ней обращались многие русские беженцы, прося ее

содействия, защиты и материальной помощи. На эти просьбы и мольбы всегда откликалось ее сердце, но она была лишена практически всех возможностей. Как заметила позже Ольга Александровна, «Мама не приходило в голову, что средств едва хватает на то, чтобы содержать собственную семью, но винить я ее не вправе. Всех эмигрантов, к каким бы классам они не принадлежали, она считала одной семьей».

У Вдовствующей Императрицы не было никаких капиталов, личных сбережений за границей, которые она могла бы употребить на дело помощи нуждающимся. Но так хотелось помочь бедствующим людям, что она выделяла пособия из тех скудных средств, которые были в наличии и которые поступали к ней со стороны лиц и организаций, ей симпатизировавших. Однако этих средств всегда не хватало. В результате — ее расходы все время превышали поступления, а это нервировало и раздражало датскую родню, особенно Короля Христиана X.

Племянник и ранее недолюбливал тетку, а после ее возвращения чувство недоброжелательства лишь усиливалось по мере того, как росли долги «принцессы Дагмар», хотя ни Королевский Дом, ни государственная казна Дании убытков от этого не имели (все расходы оплачивали частные жертвователи). Король же порой просто негодовал, узнавая о «безумных тратах» своей тетушки, позволяя себе допускать по отношению к ней «чисто королевское хамство».

Дочь Марии Федоровны и двоюродная сестра Христиана X Ольга Александровна и через много лет с возмущением вспоминала: «Доходило до того, что Король прогуливался по комнатам, где, естественно, каждый предмет обстановки и большая часть декоративного убранства принадлежали ему. Помню, как он во все глаза глядел вокруг себя, и если ему вдруг казалось, что недостает какой-нибудь безделушки или миниатюры, он, не стесняясь, спрашивал у Маш, уж не заложила ли она ее. Было так обидно, что слов нет». Воспитанной, щедрой и великодушной натуре Марии Федоровны подобное поведение ее племянника представлялось и отвратительным, и оскорбительным.

Но выбора не было, и она продолжала находиться в Амалиенборге, сохраняя то Царственное величие, которым отличалась всегда. Она умела не видеть и слышать того, что не желала замечать, что не соответствовало ее представлениям и положению. И она долго была глуха и слепа по отношению к придиркам и выпадам ее коронованного племянника. Осознавая себя Царицей, она не могла и не хотела стать частным лицом, замкнуться в небольшом личном мирке.

Но все, в том числе и Царское терпение, имеет свой срок. В конце концов Марии Федоровне пришлось покинуть Королевскую резиденцию в центре Копенгагена и переехать на свою виллу Видёре, где она и жила до самой кончины.

Глава 23
Драгоценные реликвии из ларца

Мария Федоровна оказалась за границей почти нищей беженкой. Как написано в целом ряде изданий, она доживала свой век на ежегодное пособие от английского короля в 10 000 фунтов. Подобное утверждение в такой категорической форме неверно. Все обстояло далеко не так, средства к ней поступали из разных источников.

Само же королевское вспомоществование не являлось делом доброй воли Георга V, «сжалившимся» над обедневшей родственницей. Сестра Императрицы Вдовствующая Королева Александра стала инициатором данного начинания. По ее настоянию был образован специальный фонд, пайщиками которого стала она сама, ее сын Георг V, Королева Мери и дочь Александры Принцесса Виктория. Так или иначе, но сам факт английской субсидии не подлежит оспариванию.

Несмотря на значительную материальную помощь с разных сторон, Мария Федоровна владела и огромным личным состоянием — собранием драгоценностей, которое ей чудом удалось вывести из России. Точная стоимость его до сего времени неизвестна, но можно документально утверждать, что в нынешних ценах речь идет о десятках миллионов долларов.

Для того чтобы было понятно, о каком соотношении порядков цен идет речь, сошлемся лишь на один пример. В 1929 году Королева Мария (Мери) приобрела пасхальное яйцо фирмы Фаберже («яйцо-колоннада»), выполненное в 1905 году по заказу Императора Николая II, за которое Министерство Императорского Двора заплатило производителю 30 000 рублей (3000 фунтов стерлингов). Английской Королеве изделие Фаберже обошлось в 500 фунтов, а в начале 90-х годов XX века на аукционе в Лондоне оно уже было оценено в 6 миллионов футов.

Часть коллекции Императрицы, находившуюся в Аничковом Дворце, присвоило себе Временное правительство, но и то, что осталось в ее распоряжении, потрясало своей изысканностью и красотой немногочисленных очевидцев-современников. Слухи о нем не прошли мимо и Короля Георга, рассматривавшего баснословные по своей цене драгоценности в качестве надежного залога, позволявшего надеяться на возмещение с лихвой той королевской субсидии, которую от его имени Царица получала последние годы.

Собрание уникальных камней и неповторимых ювелирных

произведений состояло исключительно из подарков, которые Мария Федоровна получала в России от своих родственников: свекра, свекрови, других членов Династии, глав государств, но главным образом — из дарений супруга. Безусловно, что для начала XX века Мария Федоровна обладала одной из самых утонченных и дорогих коллекцией драгоценностей в мире.

Это были ее личные украшения, которые она так любила, в которых знала толк и которые умела носить, как никто. После смерти Саши она их никогда не надевала. Исключение составляла лишь бриллиантовая брошь, подаренная ее женихом к свадьбе еще в 1866 году. Все остальные предметы на 35 лет были скрыты от глаз людских и предстали перед восхищенными взорами лишь после ее смерти.

Согласно описанию одного знатока, сокровища императрицы Марии включали «низки черного жемчуга, множество изумрудов, зеленых как джунгли, сапфиры, сиявшие как восточная ночь, бриллианты чистейшей воды, редкие византийские украшения, множество рубинов». Среди особо выдающихся ювелирных изделий: тиара из рубинов с алмазами, пояс из алмазов и изумрудов, гарнитур из розовых бриллиантов, корсаж и воротник, шитые бриллиантами.

По счастливой случайности эти сокровища не были отняты у нее во время двухлетнего пребывания в Крыму. Революционеры-мародеры всех мастей, ограбив и даже убив немалое число хозяев дорогих редкостей, не тронули самого главного владельца их — Императрицу Марию Федоровну. В те бесконечно долгие и опасные месяцы крымского заточения сами по себе эти вещи мало что и значили для Романовых-арестантов. Куда чаще и больше волновали заботы, в буквальном смысле слова, хлеба насущного. В Европе же все изменилось.

Сразу же возникла проблема денежных средств, а родственники поняли, что их «мама», «тетушка», «теща», т. е. Императрица Мария, владеет огромным состоянием. Никто в точности не ведал, какие предметы в него входят и в какие суммы они оцениваются, но что они стоят очень дорого, в том сомнений не было.

Энергичный и безответственный зять Александр Михайлович несколько раз обращался к теще с призывом продать ювелирные украшения и «вложить деньги в надежное дело». Мария Федоровна, ничего не понимавшая в коммерции, слишком хорошо знала мужа дочери и не сомневалась, что любое «надежное дело» Сандро неизбежно скоро вылетит в трубу. Предложение это было столь легкомысленным и неприличным, что она по этому поводу с зятем даже и говорить не стала.

Проблема сокровищ Царицы занимала не только членов ее семьи, но и коронованных родственников. Король Христиан X очень хотел посмотреть на коллекцию, но владелица любезно сказала «нет», считая, что это «ее личные вещи». Упорство старой тетки Король воспринял как оскорбление и уже без всяких околичностей бесцеремонно стал требовать, для покрытия ее расходов, продать или заложить драгоценности.

Английского Короля Георга V и Королеву Мери тоже мучило любопытство. Еще в пору молодости Короля, когда он приезжал к деду и бабке в Данию, то видел на тетушке такого высочайшего класса украшения, которых не имела ни одна из его английских родственниц. Даже его бабушка по отцовской линии знаменитая Королева Виктория ни в чем подобном на людях не блистала.

Что же касается Королевы Мери, то она хоть и происходила из древнего аристократического рода Герцогов Тек, но выросла почти в нищете. Родители влачили жалкое финансовое существование, кредиторы осаждали постоянно, и только замужество в 1893 году с Георгом Герцогом Йоркским, внуком Королевы Виктории, позволило Принцессе Виктории-Марии Текской вырваться из беспросветных тисков безденежья.

Восшествие в 1910 году на Британский Престол Георга V все резко изменило в жизни Мери. Она стала Королевой и у нее появилась и средства, и возможность отдаться своему давнему и главному увлечению: коллекционированию драгоценностей. В дорогих ювелирных и антикварных магазинах Лондона Королева приобрела репутацию знатока редкостей.

Собрание Русской Царицы ее живо интересовало, и трудно сомневаться, что интерес Короля к ларцу русской тетушки все время подогревался коллекционерской страстью супруги. Личные же пристрастия Георга V лежали совсем в другой сфере, далекой от мира «красивых вещиц». Дерби и регаты — вот неизменные «хобби» монарха.

Что конкретно удалось вывести «тети Минни», было неясно; сама она драгоценности не показала, а спрашивать о том Венценосная Чета сочла неуместным. Однако Король несколько раз все-таки «по-дружески» советовал ей «надежно хранить свои драгоценности» и даже предлагал «для полной сохранности» поместить их в сейф одного из банков Лондона. Предложение английского коронованного племянника не вызвало никакого отклика у Вдовствующей Императрицы.

Для Марии Федоровны эти блестящие предметы имели не только материальную ценность. Она прекрасно осознавала, что ей, Царице, принадлежат вещи, которых другие не имеют и иметь не могут. Это были осколки пропавшего мира, памятные частицы

той эпохи, в которой она жила прежде и с которой не рассталась до конца. Любая безделушка из коллекции высвечивала в ее памяти неповторимые эпизоды минувшего времени, столь дорогого и незабываемого.

Когда на нее нападала тоска одиночества, она доставала свои сокровища, открывала те или иные футляры, любовалась предметами и погружалась в сладостные воспоминания. Дочери Ксения и Ольга не раз просили Мама что-нибудь им подарить из ее собрания, но она немедленно пресекала подобный разговор одной и той же фразой: «Когда меня не станет, вы получите все».

Родственники и знакомые часто пугали ее, что, «как стало известно», различные аферисты и даже «коммунистические агенты» охотятся за сокровищами Царицы и воспользуются первым подходящим случаем, чтобы их похитить. Об этом ей говорил Георг V; часто эту тему муссировала старшая дочь.

Самолюбивая и тщеславная Ксения не признавала на свете никаких приоритетов, кроме интересов собственного благополучия и благополучия своих детей. Под водительством мужа, амбициозного Великого князя Александра Михайловича, которого она обожала безмерно, даже после того как их брак фактически перестал существовать, Ксения Александровна превратилась в законченную эгоцентристку.

Соображения морального и династического порядка для нее уже не имели значения, а вот драгоценности, способные обеспечить безбедное существование ее и ее отпрысков, не оставляли спокойной. Именно Ксения особенно рьяно все время разжигала в Марии Федоровне опасения и страхи за судьбу ларца с сокровищами, надеясь, что матушка согласится переправить их в Англию под опеку Короля Георга. А со своим кузеном уже будет легко договориться о залоге или продаже каких-то предметов; ведь они всегда так хорошо понимали друг друга, а с Королевой Мей они вообще — задушевные подруги. Однако мать и не помышляла о том, чтобы расстаться с драгоценностями, и все усилия Ксении оказывались тщетными.

Старшая дочь Царицы не собиралась обосновываться в провинциальной Дании, с самого начала беженства решив поселиться в Англии. Король и Королева оказали ей помощь, и Ксения Александровна обосновалась в королевских коттеджах недалеко от Виндзорского замка: сначала временно в Лонгморе, а затем для постоянного проживания во Фрогморе. Получив пристанище, надо было решать финансовую проблему; требовались деньги и для себя, и для обучения собственных сыновей. На поддержку непутевого мужа Сандро рассчитывать было нельзя: он сам почти все время был без гроша в кармане, а

если деньги и появлялись, то тратил их без оглядки.

Неожиданно, как показалось Ксении, представилась новая возможность получить большие средства. Случай этот был связан с именами убитых Николая II и Александры Федоровны. В начале 20-х годов стало известно, что в руках у большевиков оказалась их интимная переписка, выдержки из которой опубликовали под сенсационными заголовками некоторые газеты в Америке. Ксения, ознакомившись с этими фрагментами, писала Марии Федоровне, что письма «самого интимного характера, а некоторые удивительно прекрасны — просто грешно их читать». Мать и сестры убитого Царя были категорически против подобного кощунства: выносить на публику сугубо интимные послания.

Вскоре появились сообщения в английских газетах, что эта корреспонденция готовится к изданию и в Англии. Этому надо было как-то воспрепятствовать, но как? За советом Ксения обратилась к Королю, который свел ее со знатоком по улаживанию деликатных династических ситуаций, поверенным Королевской Семьи сэром Чарльзом Расселом. Опытный юрист посоветовал единственно верный при данных обстоятельствах ход: добиться через английский суд доверенности на управление собственностью Николая II в Англии. Ксению не надо было долго уговаривать, она тотчас согласилась.

Сэр Чарльз взялся за это дело и подал подобное исковое заявление от имени сестры Царя в лондонский суд, которое было удовлетворено, а 17 мая 1920 года Великая княгиня получила желаемую доверенность. Этот судебный эпизод вызвал серию статей в газетах и породил слухи о том, что в английских банках «припрятаны миллионы Русского Царя». Никаких миллионов там и в помине не было, но думается, что именно иск Ксении способствовал тому, что вскоре в холодных водах реки Шпрее в центре Берлина «всплыла лже-Анастасия». Эта история уже упоминалась ранее, и повторяться не имеет смысла.

Что же касается доходов от «управления имуществом Царя Николая II», то в этом деле Ксению ожидало горькое разочарование. Она получила лишь несколько небольших контейнеров из Ипатьевского дома в Екатеринбурге, где в 1918 году была убита Царская Семья. Содержание же их не принесло никаких имущественных надежд. Это были случайные остатки гардероба, какой-то битой посуды и фрагменты поломанных ювелирных украшений. Стоимость всей этой «собственности» не превышала 500 фунтов стерлингов.

Тогда Ксения вознамерилась сама заняться «денежными операциями», показав в этом деле полную неспособность. Хотя

она и продала некоторые из своих драгоценных украшений, но по цене, которая в несколько раз была ниже возможной, а некоторые вещи у нее вообще были фактически украдены. Вся эта история получила широкую известность, и чуть не последней о ней узнала мать, находившаяся в тот момент в Англии. 4/14 апреля 1923 года Мария Федоровна записала в дневнике:

«Ксения сегодня не пришла, так как у нее возникло одно неприятное дело — она была вызвана на допрос по поводу ее прекрасных жемчугов, которые она хотела продать, но ей страшно не повезло. Она попалась в лапы ужасного обманщика еврея, который вместе с другим подлецом выкрал жемчуга и деньги оставил себе. Я ничего об этом не знала и была в совершенном негодовании по поводу этой ужасной истории и в связи с тем, что ей самой пришлось обо всем этом заявить и выступать свидетелем. Совершенно ужасно! И конечно же в тот же вечер я прочитала об этой истории в газетах!»

В результате — единственную надежду на будущее благополучие своей семьи Великая княгиня Ксения начала возлагать лишь на сокровища матери. Но все попытки дочери получить доступ к материнскому богатству оказывались безрезультатными. Не помогало даже постоянное нагнетание страхов.

Постепенно сохранность мемориальных ценностей стала волновать Марию Федоровну. Старая женщина начала бояться потерять овеществленные свидетельства отлетевшей в вечность жизни, хранившиеся в ларце. Она стала держать коллекцию в своей спальне, куда доступа посторонним не было. И в Амалиенборге, и в Видёре она постоянно заставляла дочь Ольгу, выполнявшую при ней последние годы роль доверенной сиделки и медсестры, ставить шкатулку-ларец так, чтобы она могла его видеть и лежа в постели.

Как потом вспоминала Ольга Александровна, «я нередко замечала, с какой тревогой она смотрит на эту шкатулку. Мама словно предвидела, сколько неприятностей будет связано с ней». Конечно, Марии Федоровне и вообразить было невозможно, насколько масштабными и скандальными окажутся эти «неприятности».

Как только Мария Федоровна тихо покинула мир земных страстей, то вокруг драгоценного наследства разгорелась настоящая схватка. Собственно, это была даже не столько схватка, а неприличная интрига, в которую оказались втянутыми не только близкие родственники, но и целый ряд иных влиятельных лиц.

Тело покойной еще не было погребено, а собрание

драгоценностей в полной тайне и с конспиративными предосторожностями уже следовало в Лондон. Детективная история с драгоценностями Императрицы Марии до сих пор так до конца и не прояснена. Достоверных сведений здесь все еще значительно меньше, чем сделанных позже многочисленных тенденциозных «заявлений», «пояснений» и «опровержений». Однако в общих чертах судьбу сокровищ все-таки можно установить. И главный вывод тут не подлежит сомнению: вся эта махинация сделалась возможной благодаря сговору Английского Короля Георга V и Великой княгини Ксении Александровны.

Завещание Марии Федоровны, вскрытое на следующий день после похорон, не содержало никаких сюрпризов. Как вспоминал ее зять Александр Михайлович, «как мы все и ожидали, за исключением пособия слугам, все свое имущество, собственные драгоценности и те, которые были унаследованы от Королевы Александры, моя теща оставила двум своим дочерям».

Мария Федоровна сдержала свое обещание: ее дочери «получили все». Таковая была ее последняя воля, которая, увы, не стала непререкаемым законом для живых. Еще до того, как завещательное распоряжение стало известно, с самой ценной частью имущества уже начались тайные манипуляции.

На похоронной траурной церемонии в Дании присутствовал последний царский министр финансов дел П. Л. Барк (1869–1937), сумевший эмигрировать в Англию и добиться там влиятельного положения: стать советником директора Британского Банка. Управляющий финансами короля Фредерик Понсоби попросил Барка поехать в Данию и сделать все возможное, чтобы сокровища Императрицы Марии как можно скорее прибыли в Англию.

Барк с поставленной задачей справился блестяще: прибыв в Видёре, сразу же встретился с Ксенией, которая и передала ему ларец с драгоценностями, не уведомив о том никого. В своих воспоминаниях Понсоби писал, что эта акция была проведена Барком с полного согласия Ксении и Ольги, в присутствии которых шкатулка якобы «была опечатана и тотчас отправлена» в английское посольство в Копенгагене. В тот же день, на первом же пароходе с надежным сопровождением драгоценности отбыли в Лондон.

На самом же деле Ольге Александровне ничего не сообщили; она узнала обо всем лишь постфактум. Как позже она говорила с горечью, «Ксения сама занялась сделкой. Мне дали понять: меня все это мало касается, поскольку я замужем за простолюдином». Ксения Александровна вдруг решила, что она имеет неоспоримые преимущества, хотя, согласно завещанию Марии Федоровны, обе

дочери являлись равноправными наследницами. Но старшая сестра уже не считала младшую себе равной по причине ее «недостойного брака».

Схожей точки зрения придерживался и Английский Король, не желавший признавать родства со своей кузиной Ольгой. Ее позицией он не интересовался, в то время как с Ксенией поддерживал самые доверительные отношения. Через несколько дней после того, как драгоценности Марии Федоровны покинули Видёре, Король сообщал Ксении: «Посылка, которую мистер Барк прислал из Копенгагена, прибыла в сохранности и сейчас находится у меня в сейфе, в Букингемском дворце, где она останется до Вашего возвращения или пока я не увижусь с Барком и он не сообщит мне о Ваших пожеланиях насчет нее».

Завершая свое послание, Георг V выражал надежду, что Великая княгиня вернется и будет жить во Фрогмор Коттедже, который «ждет ее». «Я надеюсь, — добавлял Король, — что он будет Вашим домом, если только Вы не сочтете, что он слишком мал».

Ксения сразу после похорон матери покинула Данию, а Ольга оставалась еще некоторое время в Видёре и ей пришлось иметь объяснение с Королем Христианом X, выслушивать его оскорбления после того, когда он узнал, что драгоценности уплыли из-под его носа. Он воспылал к своей русской кузине, которая совершенно была далека от всей этой истории, стойким чувством непреодолимой вражды. И отплатил ей, что называется, «по полному королевскому счету»: он навсегда вычеркнул двоюродную сестру из круга не только своих родственников, но и знакомых.

До 1948 года Ольга Александровна со своей семьей оставалась в Дании и много бедствовала. Нередко случались дни, когда она вообще голодала, но Короля это не занимало и никогда не беспокоило. После смерти Марии Федоровны муж Ольги работал конюхом в поместье у датского миллионера Расмуссена, а в 1932 году, получив некоторые средства от продажи Видёре, она с Куликовским купила небольшую ферму «Кмудсминне» в местечке Баллеруп, недалеко от Копенгагена.

Занимались простым крестьянским трудом и этим жили все время до самого своего отъезда из Дании. Христиан X умер в 1947 году, и все это время ее коронованный брат, не «по-королевски», а хотя бы по-человечески ни единожды не протянул ей руку помощи. А ведь этот правитель считался «христианским монархом»!

Темная история связана с продажей виллы Видёре. Вскоре после смерти владелицы все «содержимое дома» было распродано

на аукционе. Какие конкретно предметы продавали, кто покупал и по какой цене — все это вряд ли удастся выяснить. Точно известно лишь, что наиболее ценные вещи отбыли в Англию, в том числе и лимузин Царицы марки «Бельвиль».

Сохранилась одна занимательная подробность: Королева Мери тоже принимала заочное участие в аукционе. Она попросила через Британский МИД приобрести для нее одну «фарфоровую безделушку» и выделила для этой цели 25 фунтов стерлингов. Но ставка не прошла, кто-то заплатил больше. Данный эпизод позволяет заключить: существовал каталог-опись предметов, принадлежавших Марии Федоровне, который был доступен изучению «Ее Величества», а потом испарившийся бесследно.

Сам же дом был продан примерно за 12 тысяч фунтов стерлингов, что ныне равняется приблизительно 200 тысячам фунтов. Сумма хоть явно и не «царского достоинства», но ее трудно назвать незначительной. Надо думать, что после уплаты налогов и комиссионных она существенно уменьшилась. Но самое интересное не это, а вопрос: куда же она подевалась? На него нет до сих пор ясного ответа.

Король Христиан X не только отшатнулся от помощи данному делу, но и хотел как можно скорее покончить «с этой историей», что, естественно, сбило цену. Датская сторона полностью отстранилась от юридической и правовой части купли-продажи, передав дело английским представителям. Но в определении размера долей приняла участие и настояла на том, чтобы доля Ксении была определена в $^{3}/_{5}$, а Ольги в $^{2}/_{5}$ стоимости имущества. Но на этом история с виллой не закончилось.

Как только купчая была совершена, вся сумма немедленно была переведена в Вестминстерский банк в Лондоне на имя П. Л. Барка. Почему это случилось, с чьего согласия дом продавали по указанной цене, по чьей инициативе деньги были переведены на имя человека, который душеприказчиком покойной не являлся, и какие точные суммы в конечном итоге были выплачены наследникам — все эти вопросы тонут в мраке неизвестности.

До сих пор все материалы по этому делу и в Англии, и в Дании недоступны, хотя в обеих странах существуют законы о сроке секретности документов, и эти сроки давным-давно истекли. Но ведь здесь же речь идет не просто о какой-то государственной тайне; здесь затрагивается престиж двух, доныне здравствующих Королевских Династий. Беречь же свои тайны и Виндзоры и Глуксбурги умеют. И хранят многие десятилетия. И можно почти не сомневаться, что если кто-то когда-нибудь и получит допуск в неприступные королевские хранилища, то сразу

же выяснится, что «документы по этому делу отсутствуют».

Абсолютно аналогичная ситуация существует и с материалами, относящимися к продаже драгоценностей последней Царицы.

После смерти Марии Федоровны прошло шесть месяцев, и 22 мая 1929 года в Виндзорском замке ларец с драгоценностями был распечатан. Его бы и раньше вскрыли, но Король Георг V зимой тяжело заболел, а без него Ксения и Королева Мери не рискнули. Сэр Френсис Понсоби оставил краткое описание того события в Королевской резиденции в Виндзоре. «Королева вошла вместе с Великой княгиней, которая увидела, что шкатулка была перевязана лентой так, как она ее отправила. Достали низки самого чудесного жемчуга, все жемчужины подобраны по размеру, самая большая была размером с крупную вишню. Разложили изумруды кабошон и крупные рубины и сапфиры. Затем я потихоньку вышел».

Никто не зафиксировал, сколько времени продолжалось рассматривание драгоценностей, но известно, что вид сокровищ особенно сильно поразил Английскую Королеву, решившую обязательно обзавестись вещами из собрания покойной русской тетушки. Никакой описи при этом составлено не было, никого из специалистов не приглашали, и драгоценности не оценивались, хотя вопрос об их продаже возник сам собой. В этом эпизоде особо замечательно, что вторую наследницу-совладелицу сокровищ Ольгу Александровну не только не пригласили в Лондон, но даже и не поставили в известность о том, как намереваются с наследством поступить.

Насколько можно заключить из глухих документальных свидетельств, целую неделю драгоценности Марии Федоровны хранились у Королевы Мери, у которой было вдоволь времени, чтобы все внимательно рассмотреть и решить, что бы она хотела приобрести.

Через неделю после вскрытия шкатулки в Виндзор был приглашен совладелец известной лондонской ювелирной фирмы «Хеннел и сыновья» господин Харди, который произвел предварительную оценку и тут же предложил через Понсоби для Великой княгини Ксении 100 тысяч фунтов стерлингов аванса. В условиях 1929 года это было целое состояние (в нынешних ценах это около двух миллионов фунтов), и Харди готов был его выложить немедля, понимая, что перед ним находятся невероятные по своей стоимости вещи.

Столь быстрая передача драгоценностей совершенно не устраивала Короля, но главным образом Королеву Мери. В этом случае ей надо было платить по высшему счету, а платить так «их

величества» не желали.

В своих воспоминаниях, вышедших в Англии в 1951 году, сэр Понсоби писал, что Король и Королева рекомендовали не спешить продавать драгоценности и что в конечном итоге за эти украшения «было получено 350 тысяч фунтов», которые якобы были положены в банк на имя великих княгинь. Участник операции с драгоценностями П. Л. Барк чуть раньше оценил их стоимость в 500 тысяч фунтов, и Понсоби писал, что он «был недалек от истины». Но до истины не удалось добраться и до сего дня. Все участники-современники при жизни как в рот воды набрали, и лишь после их смерти стали выясняться некоторые важные подробности.

Молчание Ксении Александровны о том, сколько она в действительности получила из этого легендарного «фонда», можно объяснить тем фактом, что она действительно получала деньги от продажи сокровищ матери, но, сколько и когда, о том она не проронила ни слова. Зависимая многие годы от содержания короля Георга V, Ксения получала деньги на личные надобности, большую часть которых пересылала своим детям, о которых так всегда пеклась. В год смерти царицы-бабушки самому младшему из сыновей Ксении Василию исполнилось 22 года, а старшие — Андрей, Федор, Никитина, Дмитрий и Ростислав — уже успели получить образование, обзавелись собственными семьями. Невзирая на это, Ксения все время за них переживала; ей так хотелось обеспечить им «достойную жизнь». Получаемые деньги она своим великовозрастным «малюткам» все время и переправляла.

Тот же факт, что у сестры Ольги два несовершенных сына и муж-офицер, у которого не было ни связей, ни гражданской профессии, старшую сестру не интересовал. Со своей стороны, Ольга никогда не возмущалась и, насколько известно, ничего от своей сестры не требовала. По складу натуры она не умела и не хотела просить за себя. Истинная православная христианка, со смирением, которым так напоминала своего брата Николая И, она несла земной крест так, как подсказывало ей сердце, а во всех горестях и тяжестях своей судьбы никого из других людей не винила, уповая лишь на милость Господа. Однажды лишь призналась, что отношение родственников к ней после смерти матери было столь оскорбительным и унизительным, что порой «ей жить не хотелось».

Когда весной 1948 года по пути в Канаду Ольга Александровна на несколько недель оказалась в Лондоне, то сочла необходимым нанести визит вежливости теперь уже «Вдовствующей Королеве» Марии, которую Великая княгиня с

детства знала как «Мей» и которая теперь жила во дворце Мальборо-Хаус.

Встреча не была продолжительной и не стала радостной. Произошел обмен пустыми светскими фразами и ничего не значащими любезностями. Когда Ольгу Александровну уже после смерти королевы Марии ее биограф-журналист спросил, почему же она при встрече не коснулась истории с драгоценностями, то Великая княгиня ответила вопросом: «К чему было обострять отношения?» и закрыла тему.

Думается, что дело было не только в том, что и через многие годы вопрос о драгоценностях все еще оставался острым, все еще мог «обострить отношения», которых на самом деле давно уже не существовало.

Ольга Александровна была слишком деликатной и сугубо щепетильной во всем, что касалось ее достоинства, как человека и представительницы древнего Царского Рода. Она не унижалась до просьб и заискивания ни перед кем и ни перед чем. Эти качества наилучшим образом характеризуют Ольгу как дочь, по моральным качествам достойную своих родителей.

Но в то же время все, кто пытается восстановить ту давнюю, но такую поучительную историю, не могут не пожалеть, что младшая дочь Александра III не оставила подробных свидетельств того, как вели по отношению к ней в изгнании ее коронованные и некоронованные родственники. Здесь общую картину приходится восстанавливать по крупицам, полагаясь главным образом на различные косвенные данные. В одном лишь можно не сомневаться: Ольга не только не стала состоятельной благодаря наследству Марии Федоровны, она большую часть своей последующей тридцатилетней жизни фактически прожила в нужде.

А куда же подевались сказочные драгоценности? Они не исчезли, обретя новых, родовитых владельцев, не считавших нужным объяснять подробности, и ни минуты не сомневаясь, что стали их собственниками на вполне законных основаниях. В общем-то так оно и было; с юридической стороны претензии предъявлять вряд ли возможно. Моральные же соображения в мире больших денег никогда не играли определяющей роли.

Однако нельзя упускать из вида, что здесь речь все-таки шла не о каких-то «акулах» биржевых операций и «некоронованных королях большого бизнеса», а о людях, обязанных олицетворять моральные устои монархической власти. То, что мог с легкостью позволить себе какой-либо финансовый махинатор, не имели права позволять корононосители. Иначе исчезала та разница, которая отличала любителя легкой наживы от «правителя

милостью Божией». Как ни удивительно, но эта разница совсем и не различима в деле о продаже драгоценностей Марии Федоровны, а Король Георг V и Королева Мария этот печальный факт и подтвердили.

Когда возникли первые признаки общественного интереса к «бриллиантовой сделке века», а случилось это уже в 60-е годы, после появления в печати авторизованной биографии Ольги Александровны, то это вызвало замешательство самых высокопоставленных лиц в Англии. Хотя умершая уже к тому времени Ольга никаких обвинений против кого-то не выдвигала и никаких претензий не высказывала, но общий контекст ее рассказа о пережитом невольно затрагивал престиж в первую очередь Королевской Семьи. К тому времени на престоле находилась (и находится до сих пор) внучка Георга V королева Елизавета II, что само по себе делало тему весьма злободневной. Появились заявления и опровержения, утверждающие, что сделка с драгоценностями являлась «вполне законной», а Королева Мария за все вещи Царицы «заплатила». Буквально так оно и было.

Однако как эта сделка была обставлена, насколько уплаченные суммы соответствовали действительной стоимости уникальных предметов, о том существуют разноречивые суждения. В конечном итоге появилась цифра в 100 тысяч фунтов стерлингов, полученных за драгоценности, и которая якобы и была переведена на счет Ксении и Ольги. Причем первая получила 60 % суммы, а вторая — 40 %. С указанными ранее 350 тысячами, которые привел в своих воспоминаниях Понсоби, — разница огромная.

Вопиющее несоответствие цифр озадачило еще биографа Ольги Александровны Йена Ворреса, который в авторизованной книге ее воспоминаний, опубликованной в 1964 году, решил в этом деле разобраться. С этой целью он обратился к Эдварду Пикоку, директору Английского банка, в свое время исполнявшему роль распорядителя фонда Великих княгинь.

Тот поведал биографу, что фонд имел в наличии 100 тысяч фунтов, которые он и переводил сестрам последнего Царя. Когда же Воррес назвал сумму в 350 тысяч фунтов, указанную покойным Понсоби, то сэр Эдвард «не смог дать толкового объяснения», заявив, что, возможно, в данном случае «Понсоби изменила память». «Слабоумие» оказалось очень удобным аргументом, который, как представлялось, все объяснял и тему закрывал «раз и навсегда».

Однако сомнения по поводу достоверности приводимых аргументов не исчезли. Самые важные в их ряду. Во-первых, куда

подевалась опись драгоценностей, была ли она вообще? И, во-вторых, — почему опытный ювелир Харди готов был выложить сразу же в качестве залога за них 100 тысяч, при том, что залог всегда и везде отражает лишь часть реальной стоимости? Ну и, наконец, кому все-таки были проданы драгоценности, помимо королевы Мери?

Известно, что некоторые состоятельные дамы, не входившие в круг Королевской Фамилии, носили потом украшения императрицы Марии, например, жена упоминавшегося уже русского экс-министра финансов П. А. Барка. Позже, когда сын Ольги Александровны Гурий Куликовский (1919–1984) попросил фирму «Хеннел» назвать покупателей драгоценностей своей бабки, то вопрос был сразу же отметен ссылками «на коммерческую тайну».

Бескомпромиссные утверждения британской стороны о том, что драгоценности принадлежат Королевской Фамилии «на законных основаниях», с формально-правовой точки зрения являются убедительными. Тем не менее невольно вызывает недоумение нежелание обнародовать материалы этого «законного основания». Казалось бы: прошло столько лет, никто не покушается на британскую собственность, тем более у Марии Федоровны нет уже и никаких правопреемников. Так почему же все держать в секрете? Убедительных объяснений так никто дать и не удосужился, хотя конкретные вопросы возникали снова и снова.

В 1965 году проживающий в Канаде младший сын Ольги Александровны Гурий обратился с письмом в «Хеннел» за разъяснением: сколько было продано предметов, какие суммы были за них выручены и кто являлся покупателем. Фирма удостоила любезным ответом, но, как уже упоминалось, последний вопрос был сразу же снят с обсуждения.

Что касается прочих, то внуку Марии Федоровны было сообщено, что «Хеннел» располагает «полным и подробным отчетом о продаже украшений» и фирма готова его представить, попросив заплатить за услугу 80 гиней (225 канадских долларов). В письме упоминалось, что речь идет о 76 предметах, и хотя проситель заплатил указанную сумму, но обещанный перечень ему так и не был представлен.

Гурий умер в 1984 году, а через год, в 1985 году, журналистка Сузи Менкес опубликовала в Лондоне сенсационную книгу «Королевские драгоценности», где подробно описала историю реликвий Марии Федоровны, в том числе и попытки Гурия Куликовского докопаться до истины. Журналистка утверждала, что Гурий обращался и в Букингемский дворец. «Они

проверили бумаги, — писала Менкес, — и обнаружили правду: Королева Мери держала у себя драгоценности до 1933 года, затем она заявила, что из-за депрессии и обвала рынка жемчуга их цена упала; она заплатила только 60 000 фунтов стерлингов. В 1968 году, через 40 лет после того, как драгоценности Императрицы Марии были извлечены из шкатулки, внучка Королевы Мери Королева Елизавета оплатила долг».

Появилось новое легендарное сказание. Старший брат Гурия Тихон Куликовский (1917–1993), не знавший ни о каких «выплатах королевы», был озадачен подобным повествованием, обратился за разъяснениями и в «Хеннел», и в Букингемский дворец. Ответы поступили, но по содержанию они скорее походили на отповедь надоедливому глупцу из какой-нибудь конторы «по устройству вечной жизни», чем на официальные бумаги из респектабельных учреждений.

Секретарь Королевы сэр Роберт Фелллоуз был лаконичен: «После серьезного наведения справок я не обнаружил никаких оснований для истории в книге Сузи Менкес, утверждавшей, что Королевой делались выплаты вашей семье в 1968 году». Послание от «Хеннел» тоже не было многословным. В нем говорилось, что фирма сменила владельца, что никто из бывших сотрудников в ней не работает и что не существует «никаких следов предыдущей переписки или какой-либо иной работы по этому вопросу».

Прошло еще несколько лет, и в 1994 году в Лондоне вышла книга бывшего редактора финансового отдела газеты «Таймс», а затем банкира Уильяма Кларка «Последняя судьба Царя», посвященная имущественному наследству Царской Династии после революции 1917 года, где излагались различные аспекты этой истории. Особо там шла речь и о драгоценностях Марии Федоровны. Личные связи автора позволили ему получить доступ к конфиденциальной информации, в том числе и касающейся сделок с сокровищами последней царицы.

Книга написана с целью во всем оправдать британскую сторону, но в первую очередь Королевскую Фамилию, поставив последнюю точку во всем этом деле. По его мнению, такой «точкой» и стал аукционный каталог «Хеннел», который, вопреки опровержениям, оказывается, преспокойно хранился в архиве фирмы, откуда и попал в распоряжение автора.

Фактически никакой «точки» так поставить и не удалось. Знания о 76 предметах, которые упоминаются в каталоге, составленном мистером Харди 11 июня 1929 года, т. е. через две недели после того, как шкатулка была вскрыта в Виндзоре, ничего не добавляют к организации самой процедуры их реализации. А это ведь — узловой момент данной истории.

Кроме того, выяснилось, что не все предметы были включены в каталог. По этому поводу автор замечает, что, «вероятно, из-за их низкой цены». Это совсем «невероятно», хотя бы по той причине, что совершенно непонятно, каким образом определялась эта «цена», учитывая, что речь главным образом шла об уникальных предметах. К тому же трудно предположить, что Мария Федоровна в шкатулке с драгоценностями увозила из России какие-то дешевые безделушки, которые у нее там просто не могли находиться.

Из документов аукционной фирмы выяснилось, что из тех 76 предметов, о которых говорится в описании Харди, часть «забрала Ксения» и они на торги не выставлялись. Общая «оценка на глаз» изъятых вещей составила поразительно точную цифру: 3462 фунта. В отчете «Хеннел» всплыла и еще одна удивительная деталь: когда драгоценности поступили в хранилище фирмы, они были сразу же застрахованы на 150 тысяч фунтов. Общая же сумма, вырученная «Хеннел» от продажи драгоценностей, составила 136 624 фунта.

Невольно умиляет та скорость, с которой приступила к покупке вещей Королева Мери. Уже 12 июня, т. е. всего лишь через день после составления описания, она приобрела два украшения, без промедления заплатив за них 6555 фунтов. Как в этой связи замечает Кларк, Королева «ясно знала, что хотела иметь, и заплатила по ходовой цене чеком попечителям фонда». С этим утверждением можно целиком согласиться.

«По ходовой цене» были приобретены Королевой и прочие редкие предметы, а никакого «аукциона» на самым деле не было. Невзирая на это, автор, верный своей исходной мировоззренческой позиции, патетически восклицает: «Представление о том, что Королева Мери воспользовалась своим привилегированным положением для приобретения по бросовым ценам романовских драгоценностей, которые до сих пор носят ее невестки, внучки и другие члены Королевской Фамилии, не подтверждается фактами из оригинального сводного перечня, который вели Хеннелы».

Подобное «резюме» звучит по меньшей мере странно, учитывая, что приводимые в книге журналиста-банкира документы в совокупности свидетельствует как раз об обратном. Все же риторические заявления о том, что драгоценности продавались по низким ценам (этот факт автор не отрицает) в силу мировой финансовой «депрессии» и по причине того, что большевики «выбросили на рынок» массу драгоценных изделий, чем якобы резко и сбили цены, — ничего по существу не проясняют.

А почему надо было торопиться с продажей? Почему надо было спешно избавляться от недевальвируемых ценностей, когда конъюнктура рынка была так неблагоприятна? Ответов нет. Существует и еще множество вопросов, которые здесь не место задавать. Ясно одно: «последней точки» в этой темной истории придется ждать еще долго, а возможно, что ее не будет и вообще…

Дамы Виндзорской Династии, в том числе и Королева Елизавета И, до сих пор появляются на публике в украшениях Марии Федоровны. Особо значимые предметы никогда не выставлялись на продажу, их стоимость не поддается даже приблизительной оценке.

Овальная бриллиантовая брошь с бриллиантовой застежкой, принадлежащая ныне принцессе Кентской, подаренная в свое время ее свекрови, принцессе Марине, позже герцогине Кентской, Королевой Мэри. Брошь с огромным овальным сапфиром кабошон, с бриллиантовой застежкой и с подвеской из жемчужины в форме капли, завещанная Королевой Мэри своей внучке Королеве Елизавете II, которая часто ее надевает в торжественных случаях.

В этих же целях используется нынешней Королевой и бриллиантовая тиара V-образной формы с уникальным сапфиром в центре. Британскому Монарху принадлежит и воротник из жемчугов и бриллиантов — подарок Королеве Елизавете от бабушки Королевы Мэри. Здесь упомянуты лишь экстраординарные предметы. Общее же число драгоценных изделий русского происхождения, находящихся ныне в собственности членов Королевской Семьи, не поддается определению.

Никто не оспаривает того факта, что уникальные изделия, даже если они и приобретались, то по ценам расхожих вещей ювелирного рынка, что в данном случае означало многократное удешевление их. В любом случае Королю Георгу V и Королеве Марии удалось заметно пополнить собрание драгоценностей Английского Королевского Дома за счет своих родственных связей с Романовыми.

Указатель имен и родственно-династических связей Дома Романовых

Адини — см. Александрина, Королева Датская.

Алек — см. Ольденбургский Александр Петрович.

Александр II Николаевич (1818–1881). Император (1855–1881). Старший сын Императора Николая I. Женат (1841) на принцессе Марии Гессен-Дармштадской (Максимилиане-Вильгельмине-Августе-Софии-Марии), в России — Мария Александровна (1824–1880). Дети: Александра (1842–1849), Николай (1843–1865), Александр (1845–1894. Император 1881–1894), Владимир (1847–1909), Алексей (1850–1908), Мария (1853–1920. В замужестве (1874) за сыном английской Королевы Виктории герцогом Альфредом Саксен-Кобург-Готским), Сергей (1857–1905), Павел (1860–1919). Императрица Мария Александровна умерла 22 мая 1880 года, а 6 июля 1880 года Александр II вступил в морганатический брак со своей давней привязанностью, княжной Екатериной Михайловной Долгорукой (1847–1922), получившей в 1880 году титул светлейшей княгини Юрьевской, имевшей от Императора четверых детей: Георгия (1872–1913), Ольгу (1873–1925), Бориса (1876), Екатерину (1878–1959). На жизнь Александра II было совершено 7 покушений, последнее из которых, 1 марта 1881 г., завершилось его гибелью.

Александр Баттенбергский (1857–1893). Принц, сын принца Александра Гессенского, племянник Александра II. В 1879 году был избран князем Болгарским. Отрекся от Престола в 1886 году. После отречения принял титул графа Гартенау.

Александр Гессенский (Людвиг-Георг-Фридрих-Эмиль) — «дядя Александр» — (1823–1888). Третий сын Великого герцога Гессен-Дармштадского Людвига II и брат Императрицы Марии Александровны. Состоял на русской, а затем австрийской службе, где имел звание фельдмаршал-лейтенант. В 1851 году оставил русскую службу, вступив в морганатический брак (28 октября) с фрейлиной сестры графиней Юлией фон Гауке (1825–1895) — дочерью артиллерийского генерала Морица фон Гауке (сын венгерского цирюльника), получившего в 1826 году на русской

службе титул графа и убитого во время восстания в Польше в 1830 году. После замужества Юлия фон Гауке вместе со своим потомством получила от Гессенского герцога титул графини (а в 1858 — принцессы) Баттенберг, но ей был воспрещен въезд в Россию. Родоначальник рода князей (принцев) Баттенберг (Маунбеттен). Дети: Людвиг (с 1917 года — лорд Маунбеттен. 1854–1921. Женат на Виктории, принцессе Гессенской, старшей сестре Императрицы Александры Федоровны, маркизе Мильфорд-Хевен); Александр (1857–1893), Генрих (Генрих-Маврикий (1858–1896) женат (1895) на младшей дочери английской Королевы Виктории принцессе Беатрисе (1857–1944).

Александр дядя — см. Александр Гессенский.

Александр Михайлович — «Сандро» — (1866–1933). Великий князь, генерал-адъютант, адмирал, четвертый сын Великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая И. Председатель совета по делам торгового мореплавания (1900), Главноуправляющий торгового мореплавания и портами (1902–1905). Женат (1894) на сестре Николая II Ксении Александровне. Дети: Ирина (1895–1970. В замужестве (1914) за князем Ф. Ф. Юсуповым), Андрей (1897–1981), Федор (1898–1968), Никита (1900–1974), Дмитрий (1901–1980), Ростислав (1902–1977), Василий (1907–1989). Умер на руках дочери Ирины 26 февраля 1933 года в Рокбрюне (кап Мартен) около Ментоны, где гостил у своего друга офицера лейб-гвардии Конной артиллерии Чирикова. Похоронен там же. На погребении присутствовали: Ксения, Ирина, Король и Королева Датские. Там же в 1960 году была похоронена и умершая в Англии Ксения Александровна.

Александр III Александрович (1845–1894). Второй сын Императора Александра II. Император России (1881–1894). Женат (1866) на Марии Федоровне, урожденной датской принцессе Марии-Софии-Фредерике-Дагмар (1847–1928). Дети: Николай (1868–1918, с 1894 года — Император Николай II); Александр (1869–1870); Георгий (1871–1899); Ксения (1875–1969; замужем (1894) за Великим князем Александром Михайловичем); Михаил (1878–1918; женат (1912) на Н. С. Шереметевской); Ольга (1882–1960; замужем за (1901) принцем П. А. Ольденбургким (развод 1916). Второй раз замужем (1916) за Н.А. Куликовским).

Александра Английская — «Тетя Алике», «Alix» — (1844–1925). Урожденная Датская принцесса, жена (1863) наследника

английского Престола Альберта-Эдуарда, ставшего в 1901 году Королем Эдуардом VII, старшая сестра Императрицы Марии Федоровны. Дети: Альберт-Виктор (1864–1892), Георг (1865–1936) герцог Йоркский, женат (1893) на Виктории-Марии (1867–1953), дочери герцога Текского, Английский Король Георг V (1910–1936); Луиза (1867–1931), замужем (1889) за герцогом Файфским (1849–1912); Виктория (1868–1935); Мод (1869–1938), замужем (1896) за Карлом, принцем Датским (1872–1957), избранным Королем Норвегии в 1905 году под именем Гаокона (Хакона) VII.

Александра Греческая — «Алике», «Alix» — (1870–1891). Дочь Греческого Короля Георга I и его жены русской Великой княгини Ольги Константиновны, племянница Императрицы Марии Федоровны. В 1889 году вышла замуж за младшего сына Александра И, Великого князя Павла Александровича. От этого брака было двое детей: Мария (1890–1958) и Дмитрий (1891–1942). Умерла 12 сентября 1891 года после тяжелых родов сына Дмитрия, будучи в гостях у Великого князя Сергея Александровича и Великой княгини Елизаветы Федоровны в их имении «Ильинское» под Москвой.

Александра Иосифовна — «Тетя Сайт — (1830–1911). Великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, жена (1848) Великого князя Константина Николаевича, третьего сына Николая I. Дети: Николай (1850–1918), Ольга (1851–1926, замужем (1866) за Королем Греческим Георгом I), Вера (1854–1912) замужем (1874) за герцогом Вюртембергским; Константин (1858–1915), Дмитрий (1860–1919), Вячеслав (1862–1879).

Александра Петровна — «тетя Саша» — (1838–1900).

Великая княгиня, дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского, жена (1856) Великого князя Николая Николаевича (Старшего). Дети: Николай (1856–1929) и Петр (1864–1934). Ее брак с Николаем Николаевичем фактически распался в конце 70-х годов. В1889 году приняла монашество под именем Анастасии, настоятельница основанного ею Киево-Покровского женского монастыря.

Александра Федоровна (1872–1918). Императрица, урожденная Гессенская принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, супруга (1894) Императора Николая И. Дети: Ольга (1895–1918), Татьяна (1897–1918); Мария (1899–1918); Анастасия (1901–1918); Алексей, Цесаревич (1904–1918). Убита вместе с семьей в Екатеринбурге 17 июля 1918 года. Канонизирована

Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 году, а Русской Православной Церковью в 2000 году.

Александрина — «Адини» — (1879–1952). Урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, жена (1898) датского принца Христиана (1870–1947), сына Короля Фредерика VIII. Дочь Великой княгини Анастасии Михайловны, правнучка Императора Николая I. В 1912 году Христиан наследовал трон и стал Датским Королем Христианом X. Дети: Фредерик (Фридрих) (1899–1972), Король Дании (1947–1972); Кнудт (19 001 976).

Алексей Александрович — «дядя Алексей «Алексей», «Алексис» — (1850–1908). Великий князь, четвертый сын Императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства (1880 — июнь 1905), член Государственного Совета. В молодости был влюблен в дочь поэта В. А. Жуковского Александру Васильевну (1844–1899), с которой тайно обвенчался (1870) в Италии, но отец, Император Александр II, брак аннулировал. Александра Жуковская имела от Великого князя сына Алексея Алексеевича, получившего в 1884 году титул графа Белёвского (1871–1932). Великий князь Алексей Александрович законной семьи не имел и прожил холостяком.

Алексис — см. Алексей Александрович.

Алике тетя — см. Александра Английская.

Alix — см. Александра Английская.

Alix — см. Александра Греческая.

Alix — см. Александра Федоровна.

Алиса — «Alix» — (1885–1969). Урожденная принцесса Баттенбергская, правнучка Английской Королевы Виктории, дочь старшей сестры Императрицы Александра Федоровны Виктории, жена (1903) принца Андрея Греческого — сына Георга I и Ольги Константиновны. Их сын принц Филипп (род.1921), герцог Эдинбургский — муж Английской Королевы Елизаветы II.

Альберт-Виктор — «Eddy» — (1864–1892). Старший сын наследника Английского Престола Альберта-Эдуарда, принца Уэльского (впоследствии английского Короля Эдуарда VII), внук английской Королевы Виктории. В 1889 году делал предложение

своей кузине Алисе Гессенской, но получил отказ.

Альберт-Леопольд — «Леопольд» — (1835–1909). Герцог Саксонский, принц Саксен-Кобург-Готской, Король Бельгийский Леопольд II (1865–1909). Сын Короля Леопольда I и жены его Луизы, дочери Французского Короля Луи-Филиппа. Женат (1853) на эрцгерцогине Марии-Генриетте-Анне (1836–1912), дочери эрцгерцога австрийского Иосифа, Палатина Венгерского.

Альберт-Эдуард — «Берти», «дядя Берти» — (1841–1910).

Старший сын Английской Королевы Виктории, принц Уэльский, женат (1863) на принцессе Александре, старшей дочери Датского Короля Христиана IX. Стал Королем Великобритании и Ирландии после смерти своей матери в 1901 г. под именем Эдуарда VII. Дети: Альберт-Виктор (1864–1892), Георг (1865–1936. Король Георг V с 1910 года), Луиза (1867), Виктория (1868–1935), Мод (1869–1938).

Альфред дядя — см. Альфред-Эрнест-Альберт.

Альфред-Эрнест-Альберт — «дядя Альфред» — (1844–1900). Герцог Саксен-Кобург-Готский, сын Английской Королевы Виктории. Герцог Эдинбургский, граф Ульстерский и Кентский, муж (1874) Великой княгини Марии Александровны — единственной дочери Императора Александра II. Дети: Альфред-Альберт (1874–1899), Мария (1875–1938), Виктория-Мелита (1876–1936, Великая княгиня Виктория Федоровна), Александра (1878–1942) Гогенлое-Лангебургская и Беатриса (1884–1966), жена инфанта испанского принца Альфонса Орлеанского.

Анастасия — см. Анастасия Михайловна.

Анастасия Михайловна — «Анастасия» — (1860–1922).

Великая княгиня, дочь Великого князя Михаила Николаевича, внучка Николая I, двоюродная сестра Александра III. Замужем (1879) за герцогом Фридрихом Мекленбург-Шверинским (1851–1897), братом Великой княгини Марии Павловны (Старшей). Их старшая дочь Александрина («Адини», 1879–1952) с 1898 года — жена сына наследника Датского Престола Христиана, ставшего в 1912 году Королем Дании Христианом (Кристианом) X, а Александрина — Королевой Дании.

Анастасия Николаевна Черногорская — «Стана» — (1868–1935). Великая княгиня, жена (1907) Великого князя Николая Николаевича (младшего), дочь Короля Черногорского Николая I Негоша. В первом браке (1889) с герцогом Георгом

Максимилиановичем Лейхтенбергским, князем Романовским (1852–1912). Дети: Сергей (1890–1974), Елена (1892–1971, в замужестве графиня Тышкевич). От второго брака детей не было.

Андрей Владимирович — «Андрей» — (1879–1955). Третий сын Великого князя Владимира Александровича, внук Императора Александра II. Генерал-адъютант, двоюродный брат Николая II. Много лет состоял в интимной связи с балериной М. Ф. Кшесинской (1872–1971), имевшей от него сына Владимира (1902–1974), получившего от Николая II (1911) право носить фамилию Красинского и звание потомственного дворянина. В эмиграции Великий князь Кирилл Владимирович присвоил Владимиру, которого шутливо называли «Вово де Руси», титул «князя Красинского». В 1921 году, в Париже, Андрей Владимирович женился на М. Ф. Кшесинской.

Анна — «тетя Анна» — (1836–1918). Вторая жена (1853) Фридриха Вильгельма ландграфа Гессен-Кассельского, урожденная принцесса Прусская, тетка Императрицы Марии Федоровны. Дети: Фридрих-Вильгельм (1854–1883), Элизабет (1851—?), Фридрих-Карл (1868–1940), Сибилия (1877—?).

Баденская Мария Максимилиановна — «Маруся», «тетя Маруся» — (1841–1914). Герцогиня, дочь принца Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852), князя Романовского и Великой княгини Марии Николаевны (1819–1876), внучка Николая I. В 1863 году вышла замуж за принца Вильгельма Баденского (1829–1897).

Баттенбергские — древний графский род, ставший в 1227 году вассалами Гессенского ландграфа. Род прекратился в 1314 году. Далее см. Александр Гессенский.

Баттенбергский Александр (1857–1893). Князь, племянник Александра II, болгарский князь (1879–1886).

Баттенбергский Людвиг — «Людвиг», «Луи», «Вильям» — (1854–1921). Принц, старший сын Александра Гессенского. С 1917 года — лорд Маунбеттен. Женат (1884) на принцессе Виктории Гессенской (1863–1950), сестре Императрицы Александры Федоровны. Главнокомандующий английским флотом. Дети: Алиса (1885–1969) и Людвиг (1900–1979). Сын Алисы от ее брака с греческим принцем Андреем (сын Ольги Константиновны) Филипп (род.1921), герцог Эдинбургский, муж Английской

Королевы Елизаветы II и отец наследника Английского Престола принца Чарлза (род.1948).

Баттенбергский Генрих-Маврикий — «Лико» — (1858–1896). Принц, женат (1885) на Беатрисе, младшей дочери Английской Королевы Виктории.

Беатриса тетя — см. Беатриса, принцесса Баттенбергская.

Беатриса — «Тетя Беатриса» — (1857–1944). Принцесса Баттенбергская, урожденная принцесса Английская, младшая дочь Королевы Виктории, жена (1885) принца Генриха-Маврикия Баттенбергского (1858–1896), тетка Императрицы Александры Федоровны. Дочь Беатрисы Виктория-Евгения Баттенбергская (1887–1969), кузина Императрицы Александры Федоровны, в 1906 году стала женой Испанского Короля (с 1902 г.) Альфонса XIII Бурбона (1886–1941).

Берти, дядя Берти — см. Альберт-Эдуард.

Богарне (Богарнэ) Зинаида Дмитриевна — «Зинаида» — (1856–1899). Урожденная Скобелева, сестра генерала Михаила Скобелева, морганатическая супруга (1878) Евгения Максимилиановича князя Романовского, герцога Аейхтенбергского (1847–1901), возлюбленная Великого князя Алексея Александровича. В 1889 году получила титул графини Богарне.

Вальдемар (1858–1939). Принц Датский, сын Короля Христиана IX и Королевы Луизы, младший брат Императрицы Марии Федоровны. Женат (1885) на принцессе Марии Орлеанской (1865–1909), старшей дочери герцога Шартрского. Дети Are (1887–1940), Аксель (1888–1964), Эрих (1890–1950), Виго (1893–1970), Маргарита (1895–1962).

Вики — см. Виктория, Королева Шведская.

Виктория — «бабушка», «Quenn» — (1819–1901). Королева Великобритании и Ирландии и Императрица (1876) Индии (1837–1901). Дочь Эдуарда, герцога Кентского, четвертого сына Короля Георга III и принцессы Виктории Саксен-Саальфельд-Кобургской. В супружестве (1840) с принцем Альбертом Саксен-Кобургским (1819–1861). Вступила на Престол после смерти дяди Короля Вильгельма IV. Дети: Виктория (1840–1901), замужем (1858) за Фридрихом-Вильгельмом, Императором Германским Фридрихом

III; Альберт-Эдуард (1841–1910. Король Эдуард VII 1901–1910), женат (1863) на принцессе Датской Александре; Алиса (1843–1878), в замужестве (1862) за Людвигом, Великим (с 1877) герцогом Гессенским (1837–1892); Альфред (1844–1900) женат (1874) на дочери Императора Александра II Марии Александровне; Елена (1846–1923) в замужестве (1866) за принцем Христианом Шлезвиг-Гольштейнским; Луиза (1848–1939), в замужестве (1871) за маркизом Джоном Лорном, старшим сыном герцога Арджильского; Артур (1850–1942) герцог Коннаутский, женат (1879) на принцессе Прусской Фридрих-Карл; Леопольд (1853–1884), Беатриса (1857–1944), замужем (1885) за Генрихом, принцем Баттенбергским. Королева Виктория скончалась 22 января 1901 года и похоронена в Виндзоре.

Виктория — «B», «Toria», «Snip» — (1868–1935). Принцесса Уэльская, дочь Английского Короля Эдуарда VII. Первая юношеская любовь Цесаревича Николая Александровича (Николая И). Замужем не была.

Виктория — «Виктория» — (1863–1950). Принцесса Баттенбергская, урожденная принцесса Гессенская, жена принца Людвига Баттенбергского (1854–1921) лорда Маунбеттена (1917), старшая сестра Императрицы Александры Федоровны. Дети: Алиса (1885–1969) и Людвиг (1900–1979. Лорд Маунбеттен Бирманский). Ее дочь Алиса (1885–1969) вышла замуж (1903) за греческого принца Андрея (1882–1944) и их сын Филипп герцог Эдинбургский (род.1921) — муж Английской Королевы Елизаветы II.

Виктория-Мария — «Мэй», «Мау» — (1867–1953). Урожденная принцесса Текская, жена (1893) сына наследника Английского Престола Георга — Короля Георга V (с 1910 года), дочь герцога Текского (Тосканского). Дети: Эдуард-Альберт, принц Уэльский, герцог Корнауэльский (1894–1952. Английский Король Эдуард VIII в 1936); Виктория-Александра (1897), Георг, герцог Кентский (1895–1952. Английский Король Георг VI (1936–1952); Генрих, герцог Глостерский (1900–1974); Джон (1905–1919).

Виктория Прусская — «Vike», «Виктория» — (1840–1901). Урожденная английская принцесса, старшая дочь Английской Королевы Виктории, замужем (1858) за принцем Фридрихом-Вильгельмом Прусским (1831–1888) — Германским Императором Фридрихом III (1888), мать Императора Вильгельма II.

Дети: Фридрих Вильгельм, Император Вильгельм II (1859–

1941), Шарлотта (1860–1919, замужем (1878) за принцем Бернгардом Саксен-Майнингенским), Генрих (1862–1929, женат (1888) на Ирине принцессе Гессенской; Франциск-Фридрих (1864–1866); Виктория (1866–1929, замужем (1890) за принцем Альфредом Шаумбург-Аиппе), Вальдемар (1868–1878), София (1870–1932, замужем (1889) за греческим принцем Константином (с 1913 года — Греческий Король Константин I); Маргарита (1872–1954, замужем (1893) за принцем Фридрихом-Карлом Гессенским).

Виктория Федоровна — «Даки» — (1876–1936). Урожденная принцесса Саксен-Кобург-Готская Виктория-Мелита, дочь Великой княгини Марии Александровны (дочери Александра II) и Альфреда, герцога Эдинбургского, внучка Императора Александра II и Английской Королевы Виктории. Ее сестры: Королева Румынская с 1914 года Мария (1875–1938), Александра (1877–1942) Гогенлое-Лангебургская и Беатриса (1884–1966), жена инфанта испанского принца Альфонса Орлеанского. Имела единственного брата Альфреда-Александра-Эрнста-Альберта (1874–1899), покончившего жизнь самоубийством. В первом браке (1894) за Великим герцогом Гессенским и Рейнским Эрнстом-Людвигом, братом Императрицы Александры Федоровны. Имела от него дочь Елизавету (1895–1903). В 1901 году развелась с герцогом и в 1905 году, против желания и без разрешения Николая II, вышла замуж за своего двоюродного брата Великого князя Кирилла Владимировича. Брак был признан в 1907 году, когда она получила титул Великой княгини. Дети от второго брака: Мария (1907–1951), Кира (1909–1967), Владимир (1917–1992).

Виктория Шведская (1862–1930). Урожденная принцесса Баденская, жена (1881) наследника Шведского Престола Густава, ставшего в 1907 году Шведским Королем Густавом V Адольфом (1858–1950). Дети: Густав-Адольф, герцог Сконийский (1882–1973, Король (1950) Густав VI Адольф), Вильгельм, герцог Зюдерманладский (1884–1965), женат (1908) на Великой княгине Марии Павловне (Младшей) (1890–1958) (развод 1914); Эрик, герцог Вестманландский (1889–1918).

Вилли (Willy) — см. Георг I.

Вильгельм — см. Вильгельм II.

Вильгельм I (1797–1888). Император Германский и Король

Прусский. Сын Прусского Короля Фридриха-Вильгельма III и принцессы Мекленбург-Стрелицкой. Вступил на Прусский Престол в 1861 году, после смерти своего брата Короля Фридриха-Вильгельма IV. Провозглашен первым Императором Германской Империи в январе 1871 года. Женат на Августе (Августа-Мария-Луиза-Катарина) (1811–1890), урожденной принцессе Саксен-Веймарской. Дети: Фридрих-Вильгельм (1831–1888, Император Фридрих III); Луиза (1838–1923), в браке с Великим герцогом Баденским Фридрихом.

Вильгельм II — «Вилли», «Вильгельм» — (1858–1941). Император Германский и Король Прусский (1888–1918). Вступил на Престол в 1888 году после смерти своего отца Императора Фридриха III. Матерью его была старшая дочь Английской Королевы Виктории принцесса Виктория. Женат (1881) на принцессе Августе-Виктории Шлезвиг-Гольштейнской (1858–1921). Дети: Вильгельм (1882–1951), наследный принц Пруссии и Германии, женат (1905) на Цецилии, герцогине Мекленбургской (1886–1954); Эйтель-Фридрих (1883–1942), женат (1906) на Софии-Шарлотте, герцогине Ольденбургской; Адальберт (1884–1948); Август-Вильгельм (1887–1949), женат (1908) на Александре-Виктории, принцессе Шлезвиг-Гольштейнской; Оскар (1888–1958): Иоахим (1890 — покончил с собой в 1920 г.); Виктория-Луиза (1892–1980), замужем (1913) за Эрнестом-Августом, Великим герцогом Брауншвейгским, племянником Императрицы Марии Федоровны. На этой свадьбе присутствовал Николай II.

Вильям (William) — см. Людвиг Баттенбергский.

Владимир — см. Владимир Александрович.

Владимир Александрович — «Владимир», «Дядя Владимир» — (1847–1909). Великий князь, третий сын Императора Александра II, генерал-адъютант, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905), член Государственного Совета, Президент Академии Художеств (с 1876 года). Женат (1874) на принцессе Марии-Александрине-Елизавете-Элеоноре Мекленбург-Шверинской, принявшей в России имя Марии Павловны (Старшей). Их дети: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1946), Андрей (1879–1956), Елена (1882–1957. С 1902 года замужем за греческим принцем Николаем).

Генрих — см. Генрих Баттенбергский.

Генрих Баттенбергский (1858–1896). Герцог, муж (1885) младшей дочери Королевы Виктории Беатрисы (1857–1944).

Генрих Прусский (1862–1929). Принц, брат Императора Вильгельма И, муж (1888) старшей сестры Императрицы Александры Федоровны Ирэны.

Георг-Август, герцог Мекленбург-Стрелицкий (1824–1876). Генерал-адъютант, генерал-инспектор стрелковых батальонов, супруг (1851) Великой княгини Екатерины Михайловны (1827–1894).

Георг I — «Вилли», «дядя Вилли» — (1845–1913). Принц Датский Вильгельм, второй сын Датского Короля Христиана IX, брат Императрицы Марии Федоровны. Принял в 1863 году предложенную Греческим Национальным собранием корону, после того как Россия, Франция и Англия высказали свое согласие. Женат (1867) на Великой княгине Ольге Константиновне (1851–1926). Дети: Константин (1868–1923. Король в 1913–1917 и 1920–1922), Георг (1869–1957), Александра (1870), Николай (1872–1938), Мария (1876–1940), Андрей (1882–1944), Христофор (1888–1940). Георг I был убит 13 марта 1913 года в городе Салоники.

Георг V — «Джорджи» — (1865–1936). Король Великобритании и Ирландии и Император Индии, племянник Императрицы Марии Федоровны. Вступил на Престол в 1910 году после смерти своего отца, Короля Эдуарда VII. Женат (1893) на Виктории-Марии (1867–1953), дочери герцога Текского. Дети: Эдуард-Альберт (1894–1972. Принц Уэльский и герцог Корнуэльский, в январе 1936 стал Английским Королем Эдуардом VIII, но в декабре того же года отрекся от Престола; Георг (1895–1952. Герцог Йоркский, английский Король Георг VI (1836–1952) отец Королевы Елизаветы II), Мария (1897–1965), Генрих (Генри), герцог Глостерский (1900–1974), Георг, герцог Кентский (1902–1942), Джон (1905–1919).

Георг V Ганноверский (1819–1878). Последний Король Ганновера. Сын Короля (с 1837 года) Эрнста-Августа. В 1833 году ослеп. Вступил на Ганноверский Престол в 1851 году. В 1866 году выступил на стороне Австрии в войну с Пруссией. Ганноверские войска были разбиты, территория королевства оккупирована, Георг V бежал в Австрию. Последние годы провел во Франции, где и умер. Его сын Эрнст-Август носил титул герцога

Кумберлендского (см.).

Георгий Александрович — «Джорджи» — (1871–1899). Великий князь, сын Императора Александра III и брат Императора Николая II, наследник Престола (1894–1899). В 1890 году заболел туберкулезом и последние годы жизни жил почти безвыездно в местечке Абас-Туман на Кавказе, куда его отправили врачи. Здесь основал самую высокогорную в мире обсерваторию. Умер от туберкулеза.

Георгий Михайлович — «Георгий (1863–1919). Великий князь, генерал-адъютант, сын Великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая И. Женат (1900) на принцессе Марии Греческой. Дети: Нина (1901–1974, в замужестве (1922) за князем П. А. Чавчавадзе); Ксения (1903–1965, в замужестве (1921) за Вильямом Лидзом (развод 1930), второй раз (1946) за Германом Юдом). Расстрелян в Петропавловской крепости.

Гессен — Великое герцогство Гессен-Дармштадское, с 1866 года — Гессенское и Рейнское. Из Гессенского рода происходили три русские Цесаревны и две Императрицы: первая жена Цесаревича Павла Петровича, будущего императора Павла I Наталья Алексеева (Вильгельмина-Луиза, 1855–1876); жена Императора Александра II Мария Александровна (Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария, 1824–1880); жена Николая II Александра Федоровна (Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, 1872–1918).

Джорджи Английский — см. Георг V.

Джорджи — см. Георгий Александрович.

Дмитрий Константинович — «Дмитрий» — (1860–1919). Великий князь, внук Императора Николая I, третий сын Великого князя и генерал-адмирала Константина Николаевича (1827–1892) и Великой княгини Александры Иосифовны (1830–1911), двоюродный брат Александра III. Генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, командир лейб-гвардии Конно-гвардейского полка. Главноуправляющий государственного коннозаводства (1897–1905). Его очень любила Императрица Мария Федоровна, которая хотела видеть его мужем своей старшей дочери Ксении, но эта партия не состоялась. Расстрелян в Петропавловской крепости, семьи не имел.

Eddy — см. Альберт-Виктор.

Евгений — см. Лейхтенбергский Е. М.

Евгения Мария де Монтихо де Гузман, французская Императрица Евгения (1826–1920). Дочь испанского графа де Монтихо и Теба, герцога Палеранде, с 1851 года жила в Париже, жена (1853) Императора Наполеона III. Сын Луи Наполеон (1856–1879).

Евгения тетя — см. Ольденбургская Евгения Максимилиановна.

Ежен — см. Евгений Максимилианович Лейхтенбергский.

Ежени (Eugenie) — см. Ольденбургская Е. М.

Елена — «Елена», «тетя Елена» — (1846–1923). Дочь Английской Королевы Виктории, в супружестве (1866) с принцем Христианом Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Аугустенбургским.

Елена Георгиевна — «Тинхен» — (1857–1936). Принцесса Саксен-Альтенбургская, урожденная принцесса Мекленбург-Стрелицкая, жена (1891) герцога Альберта (Альбера) Саксен-Альтенбургского (1843–1902). Детей не было.

Елена Григорьевна Шереметева — «Елена» — (1861–1908). Графиня, жена (1879) командира Императорского конвоя графа Владимира Алексеевича Шереметева (1847–1893). Урожденная графиня Строганова, дочь Великой княгини Марии Николаевны от ее второго морганатического брака с Г. А. Строгановым. Внучка Императора Николая I, кузина Александра III. Во втором браке (1896) — за офицером конвоя Григорием Никитичем Милашевичем (убит в 1918 г.).

Елена Павловна — «тетя Елена» — (1806–1873). Принцесса Вюртембергская, жена (1824) Великого князя Михаила Павловича (1798–1849). Основательница Крестовоздвижен-ской общины сестер милосердия, в 1857 году освободила своих крепостных крестьян. Дети: Мария (1825–1846), Елизавета (1826–1845), замужем (1844) за Адольфом-Вильгельмом герцогом Нассауским; Екатерина (1827–1894), замужем (1851) за Георгом, герцогом Мекленбург-Стрелицким (1823–1876); Александра (1831–1832), Анна (1834–1836).

Елизавета Маврикиевна — «Мавра» — (1865–1927). Великая княгиня, урожденная Елизавета-Августа-Мария-Агнесса принцесса Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская. В замужестве (1884) за своим троюродным братом, Великим князем Константином Константиновичем (1858–1915). Дети: Иван (1886–1918), Гавриил (1887–1939), Татьяна (1890–1970), Константин (1890–1918), Олег (1892–1914), Игорь (1894–1918), Георгий (1903–1938), Наталья (1905), Вера (1906–2001).

Елизавета Федоровна — «Элла» — (1864–1918). Великая княгиня, урожденная Елизавета-Александра-Луиза-Алиса принцесса Гессен-Дармштадская, вторая дочь герцога Людвига IV, сестра Императрицы Александры Федоровны. Жена (1884) Великого князя Сергея Александровича (1857–1905), сестра Императрицы Александры Федоровны. В 1910 году приняла монашеский постриг. Убита в Алапаевске 17 июля 1918 года. Причислена к лику святых Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 году, а Русской Православной Церковью в 1992 году.

Жоржакс — см. Мекленбург-Стрелицкий Г. Г.

Жоржи — см. Георгий Александрович.

Зина Лейхтенбергская — см. Лейхтенбергская З. Д.

Ирена (Ирэна) — «Ирина» — (1866–1953). Принцесса Прусская, Урожденная принцесса Гессенская, жена (1888) брата Императора Вильгельма II принца Генриха Прусского (1862–1929), сестра Императрицы Александры Федоровны. Дети: Вальдемар (1889–1945), Сигизмунд (1896–1978), Генрих (1900–1904).

Карл Гессенский (1809–1878). Принц, брат Великого герцога Гессенского Людвига III. Женат (1836) на Елизавете, принцессе Прусской. Его сын Людвиг (Людвиг IV) женился на Алисе, принцессе Английской, дочери Королевы Виктории. Дед Императрицы Александры Федоровны. Дети: Людвиг, Генрих, Анна (1843–1865), Вильгельм (1845–1900. Женат (1884) на Жозефине, баронессе Лейхтенбергской.)

Карл-Фридрих-Александр (1801–1883). Принц Прусский, сын Фридриха-Вильгельма III, брат Императрицы Александры

Федоровны (супруги Николая I), генерал-фельдцейхмейстер Прусской армии.

Карл-Фридрих-Александр (1823–1891). Принц Вюртембергский, с 1864 года — Король Вюртембергский. Муж (1846) дочери Императора Николая I Великой княгини Ольги Николаевны.

Кароль (Карл) (1893–1953). Принц, сын Румынского Короля (с 1914) Фердинанда I (1865–1927, принца Гогенцоллерн-Сигмарингенского и принцессы Марии, дочери герцога Альфреда Саксен-Кобург Готского и русской Великой княгини Марии Александровны, внук Царя Александра II и Английской Королевы Виктории), Румынский Король (1930–1940). Претендент на руку Великой княжны Ольги Николаевны, старшей дочери Николая II.

Катя тетя — см. Екатерина Михайловна.

Кирилл Владимирович — «Кирилл» — (1876–1938). Великий князь, старший сын Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны (старшей), внук Императора Александра II, двоюродный брат Николая II. Окончил Морской кадетский корпус. Контр-адмирал, флигель-адъютант. В 1905 году, нарушив данное царю обещание, женился на своей двоюродной сестре Виктории-Мелите, принцессе Саксен-Кобург-Готской (1876–1936). Дети: Мария (1907–1951), Кира (1909–1967), Владимир (1917–1992). За самовольный брак уволен со службы, ему был воспрещен въезд в Россию. В 1907 году был прощен, вернулся в Россию, его жена получила титул Великой княгини Виктории Федоровны. С 1915 года — командир Гвардейского экипажа. Еще до отречения Николая II перешел на сторону новой власти. В 1917 году эмигрировал в Финляндию, а затем во Францию. В 1922 году в Париже провозгласил себя Блюстителем Престола, а 31 августа 1924 года принял титул Императора Всероссийского Кирилла I. Умер во Франции, похоронен на родине жены в Кобурге (Германия). В 1995 году прах перенесен в Великокняжескую усыпальницу Петропавловского собора в Петербурге.

Коко — см. Константин Николаевич.

Константин — «Тино» — (1868–1923). Старший сын греческого Короля Георга I и Великой княгини Ольги Константиновны, племянник Великого князя Константина

Константиновича, внук Великого князя Константина Николаевича. Король Греческий (1913–1917 и 1920–1922). Отрекся от Престола в 1922 г. Женат (1889) на Софии принцессе Прусской (см.)

Константин Константинович — «Костя» — (1858–1915). Великий князь, второй сын Великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны, внук Императора Николая I, двоюродный брат Александра III. Генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии. С 1891 года — командир Преображенского полка, в 1900–1910 годах — Начальник военно-учебных заведений; с 1910 года — генерал-инспектор военно-учебных заведений. С 1889 года — Президент Академии Наук. Поэт, драматург, переводчик (литературный псевдоним «К.Р.»). Женат (1884) на принцессе Елизавете (Елизавете-Августе-Марии-Агнессе) Саксен-Альтенбургской, получившей в России имя Елизаветы Маврикиевны (1865–1927). Дети: Иван (1886–1918), Гавриил (1887–1955), Татьяна (1890–1970), Константин (1890–1918), Олег (1892–1914), Игорь (1894–1918), Георгий (1903–1838), Наталья (1905), Вера (1906–2001).

Константин Николаевич — «дядя Костя», «Коко», «Костя» — (1827–1892). Великий князь, второй сын Императора Николая I. Генерал-адмирал. С 1855 года управлял флотом и морским ведомством на правах министра, в 1860 году — председатель Главного комитета по крестьянскому делу, наместник Царства Польского (1862–1863), председатель Государственного Совета (1865–1881). Женат (1848) на Александре Иосифовне, принцессе Саксен-Альтенбургской (1830–1911) Дети: Николай (1850–1918), Ольга (1851–1926. В замужестве (1867) с Королем Греческим Георгом I), Вера (1854–1912. В замужестве (1874) с Вильгельмом-Евгением, принцем Вюртембергским), Константин (1858–1915), Дмитрий (1860–1919), Вячеслав (1862–1879). Состоял в длительной любовной связи с балериной Анной Васильевной Кузнецовой (1847–1922), имевшей от него пятерых детей: Сергей (1873), Измаил (1879–1885), Лев (1883–1885), Марина (1875–1941. В замужестве Ершова) и Анна (1878–1920. В замужестве Лялина). В 1883 году дети получили фамилию Князевы и права потомственного дворянства.

Костя — см. Константин Константинович.

Ксения — см. Ксения Александровна.

Ксения Александровна — «Ксения» — (1875–1960). Великая княгиня, старшая дочь Императора Александра III, сестра Императора Николая И. Жена (свадьба — 25 июля 1894) Великого князя Александра Михайловича. Дети: Ирина (1895–1970. В замужестве (1914) Юсупова), Андрей (1897–1981), Федор (1898–1968), Никита (1900–1974), Дмитрий (1901–1980), Ростислав (1902–1977), Василий (1907–1989). Умерла в Англии, где жила все последние годы безвыездно в коттедже в Виндзорском парке или в коттедже парка дворца Балморал. Похоронена вместе с мужем на Юге Франции.

Кузнецова Анна Васильевна (1847–1922). Балерина, с начала 70-х годов — возлюбленная Великого князя Константина Николаевича. Имела от него детей: Сергея (1873—?), Измаила (1879–1885), Льва (1882–1885), Марину (1875–1941. В замужестве за гвардейским офицером А. П. Ершовым), Анну (1878–1920. В замужестве за офицером Н.Н. Лялиным). В 1883 году детям А.В. Кузнецовой была присвоена фамилия «Князевы» и пожаловано потомственное дворянство.

Куликовский-Романов Тихон Александрович — «Тихон» — (1917–1993). Сын Великой княгини Ольги Александровны от морганатического брака ее с Н.А. Куликовским, племянник Николая И.

Кумберлендские — см. Тира.

Лейхтенбергские — Герцогский дом Лейхтенбергских был основан сыном Жозефины Богарне Евгением (пасынком Наполеона I). Евгений Богарне (1781–1824, вице-король Италии в 1805–1914 годах) женился на дочери Баварского Короля Амалии-Августе (1788–1853) в 1806 году. После разгрома Наполеона Король уступил своему зятю за 5 млн франков ландграфство Лейхтенберг и часть княжества Эйхштат, а Евгений Богарне стал герцогом Лейхтенбергским. Сын Евгения Максимилиан (1817–1852) в 1834 году женился на дочери Николая I Марии Николаевне, и герцоги Лейхтенбергские вошли в состав Русской Императорской Фамилии, им был присвоен титул князей Романовских.

Лейхтенбергский Евгений Максимилианович — «Эжен», «Евгений» — (1847–1901). Герцог, князь Романовский, второй сын старшей дочери Императора Николая I, Великой княгини Марии Николаевны. Генерал-адъютант. В1868 году женился на

двадцатитрехлетней фрейлине Цесаревны Марии Федоровны Дарье Константиновне Опочининой («Долли») (1845–1869). Долли умерла при родах дочери Дарьи («Долли». 1869–1937, расстреляна в Ленинграде), в замужестве (1893) за Львом Михайловичем Кочубеем (1862–1927), развод (1911), затем за бароном Владимиром Евгеньевичем Гревенец (1872–1916). Вторым браком Е. М. Лейхтенбергский (1878) женат на Зинаиде Дмитриевне Скобелевой (1856–1899), получившей в 1889 году титул графини Богарне.

Лейхтенбергский Максимилиан-Евгений-Иосиф (1817–1852). Герцог, сын Евгения Богарне, герцога Лейхтенбергского, князя Эйхштадского, пасынка Наполеона I, первый муж (1839) дочери Николая I, Великой княгини Марии Николаевны (1819–1876). Президент Академии художеств, Главнозаведую-щий Горным институтом. Умер от туберкулеза на о. Мадейра.

Лейхтенбергский Николай Максимилианович — «Николай», «Кони» — (1843–1891). Герцог, князь Романовский, старший сын Великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I, кузен Александра И. Генерал-адъютант, шеф лейб-гвардии Конногвардейского полка. Женат (1868) на Надежде Сергеевне, по первому мужу Акинфьевой, урожденной Анненковой (1839–1891, развод 1867), получившей в 1879 году титул графини Богарне. Дети: Николай (1868–1928) — флигель-адъютант, офицер лейб-гвардии Преображенского полка, полковник. Женат (1894) на Марии Николаевна, урожденной Граббе (1869–1948); Георгий (1872–1929), женат (1895) на Ольге Николаевна, урожденной Репниной(1872–1953).

Лейхтенбергский Николай Николаевич (1868–1928). Герцог, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, сын герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского. С 1891 года — в Преображенском полку. Женат (1894) на фрейлине Марии Николаевне, урожденной Граббе. С 1912 года — флигель-адъютант.

Лейхтенбергский Георгий (Юрий) Максимилианович — «Юрий» — (1852–1912). Герцог, князь Романовский, сын старшей дочери Императора Николая I Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. В первом браке (1879) с принцессой Терезией Ольденбургской (1852–1883). От этого брака имел сына Александра (1881–1943). В1890 году женился на Анастасии Николаевне Черногорской. Дети: Сергей (1890–1974.

Восприемником был Цесаревич Николай) и Елена (1892–1971. В замужестве (1917) графиня Тышкевич). Вел весьма свободную жизнь, связался с французской куртизанкой. В ноябре 1906 года его брак с Анастасией Николаевной был расторгнут.

Лейхтенбергский Сергей Георгиевич (1890–1974). Герцог, князь Романовский. Отец — Георгий (Юрий) Максимилианович, мать — Великая княгиня Анастасия Николаевна (Черногорская). Капитан 2-го ранга. Окончил Морской корпус в 1911 году. Участник Первой мировой войны, состоял при командующем Черноморским флотом адмирале А.А. Эбергардте. Летом 1920 года был арестован в Крыму якобы за участие в заговоре монархистов. Выслан Врангелем в Италию, где его тетка была Королевой. Жил в Риме, где возглавлял Русское собрание. Скончался в Риме в 1974 году, где и похоронен.

Лейхтенбергский Сергей Максимилианович (1849–1877). Герцог, князь Романовский, племянник Императора Александра И, флигель-адъютант. Убит в 1877 году на разведке в Рущукском отряде.

Луиза Мама — см. Луиза, Королева Датская.

Луиза (Вильгельмина-Фридерика-Каролина-Августа-Юлия) — «Мама Луиза», «Луиза», «Амама» — (1817–1898). Урожденная принцесса Гессен-Кассельская, дочь Датской принцессы Луизы-Шарлоты, сестры Короля Христиана VIII (1789–1864) и Ландграфа Гессен-Кассельского Вильгельма (1787–1867). Супруга (1842) сына герцога Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбургского, ставшего в 1852 году наследником Датской Короны, а в 1863 году вступившим на Престол под именем Короля Христиана IX. Дети: Фридрих (Фредерик) (1843–1912), Александра (1844–1925. В замужестве (1863) за старшим сыном Английской Королевы Виктории Альбертом-Эдуардом, герцогом Уэльским), Вильгельм (1845–1813. С 1863 года — Король Греции Георг I), Дагмар (1847–1928. Русская Императрица Мария Федоровна), Тира (1853–1933), Вальдемар (1858–1939).

Людвиг — см. Людвиг Баттенбергский.

Людвиг — см. Людвиг Гессенский.

Людвиг Гессенский — «Луи», «Людвиг» — Людвиг IV (1837–1892). Великий герцог Гессенский, правивший в 1877–1892 годах,

после смерти своего дяди Людвига III. Женат на третьей дочери Английской Королевы Виктории Алисе (1843–1878). Дети: Виктория (1863–1950), Елизавета (1864–1918), Ирена (1866–1953), Эрнст-Людвиг (1868–1937), Мария (1874–1878), Алиса (1872–1918).

Мавра — см. Елизавета Маврикиевна.

Макс Баденский (1867–1929). Принц, сын принца Вильгельма Баденского и княгини Марии Максимилиановны Романовой (внучки Николая I). С 1907 года наследник Баденского Престола, с 5 октября по 9 ноября 1918 года канцлер Германской Империи.

Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич — «Жар-жакс» — (1859–1909). Герцог, сын герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого (1824–1876) и Великой княгини Екатерины Михайловны (1827–1891), дочери Великого князя Михаила Павловича (брата Николая I). Штабс-капитан лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, с 1891 года — штабс-ротмистр лейб-гвардии Конногвардейского полка.

Мод (Mand) — (1869–1938). Дочь наследника Английского Престола Альберта-Эдуарда (Эдуарда VII) и Александры, принцессы Датской, племянница Императрицы Марии Федоровны. В 1896 году вышла замуж за датского принца Карла (1872–1957), ставшего в 1905 году Королем Норвегии Гаоконом VII. Умерла в Лондоне.

Мари — см. Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская.

Мария Александровна (1824–1880). Российская Императрица (1855–1880), урожденная Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария, принцесса Гессен-Дармштадская, дочь Великого герцога Гессенского Людовика И, жена (1841) Наследника Русского Престола, а с 1855 года Императора Александра II.

Мария Александровна — «Мари» — (1853–1920). Великая княжна, единственная дочь Императора Александра II. В 1874 году вышла замуж за второго сына Английской Королевы Виктории Альфреда-Эрнста-Альберта, герцога Саксен-Кобург-Готского, графа Кентского, герцога Эдинбургского (1844–1900). Дети: Альфред-Альберт (1874–1899, застрелился); Мария (1875–1938. Замужем (1893) за Фердинандом, принцем Гогенцоллерн-Зинмарингенским, наследным принцем Румынии); Виктория-

Мелита (1876–1936. Замужем (1894) за Эрнстом-Людвигом, герцогом Гессенским. Развелась в 1901 году. В 1905 году вышла замуж за Великого князя Кирилла Владимировича и в 1907 году получила имя Великой княгини Виктории Федоровны); Александра (1878–1942. Замужем (1896) за Эрнестом, принцем Гогенлоэ-Лангебург); Беатриса (1884–1966), жена инфанта испанского принца Альфонса Орлеанского. Мария Александровна умерла в Цюрихе, похоронена в Кобурге.

Мария Георгиевна — «Минни», «Минерли», «Минули», «Минулинская» — (1876–1940). Греческая принцесса, дочь Греческого Короля Георга I и его жены Ольги Константиновны, жена (1900) Великого князя Георгия Михайловича (1863–1919). Дети: Нина (1901–1974) и Ксения (1903–1965). В 1922 г. Мария Георгиевна вышла замуж за греческого офицера Перикла Иоанидиса. В результате морганатического брака потеряла право на титул Великой княгини.

Мария Максимилиановна, герцогиня Лейхтенбергская, княгиня Романовская (1841–1914). Дочь Великой княгини Марии Николаевны, внучка Николая I, жена (1863) принца Вильгельма Баденского (1829–1897).

Мария Николаевна (1819–1876). Великая княгиня, старшая дочь Императора Николая I. В первом браке (1839) за Максимилианом Герцогом Лейхтенбергским (1817–1852). Дети: Александра (1840–1843), Мария (1841–1914), Николай (1843–1891), Евгения (1845–1925), Евгений (1847–1901), Сергей (1849–1877), Георгий (1852–1912). Во втором браке (1856) за графом Григорием Александровичем Строгановым (1824–1879). От этого брака дочь Мария Григорьевна (1861–1908), замужем (1879) за Владимиром Алексеевичем Шереметевым (1847–1893). Во втором браке (1896) за Григорием Никитичем Милашевичем, офицером Императорского Конвоя (расстрелян в Севастополе в 1918 году).

Мария Павловна (Старшая) — «Михень» — (1854–1920). Великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская Мария-Александрина-Елизавета-Элеонора. Жена (1874) Великого князя Владимира Александровича. Дети: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1946), Андрей (1879–1955) Елена (1882–1857. Замужем (1902) за принцем Николаем Греческим). Мария Павловна приняла православие в 1908 г. Эмигрировала из России и умерла во Франции в местечке Контрексевиль, где и похоронена.

Мария Румынская — «Мисси» — (1875–1938). Принцесса Мария, дочь Альфреда, герцога Саксен-Кобург-Готского и супруги его Марии Александровны, дочери Императора Александра И. В 1893 году вышла замуж за принца Фердинанда Гогенцоллерн-Сигмарингенского (1865–1927), ставшего наследником Румынского Престола в 1888 г. и вступившего на Румынский Престол в 1914 г. Дети: Карл (Кароль. 1893–1952, Король Румынии в 1930–1940); Елизавета (1894–1956), жена Греческого Короля Георга И; Мария (1909–1961), замужем за Александром I Королем Югославии (1891–1934); Юлиана (1909-?); Мирсея (1912–1916).

Мария Федоровна — «Минни», «Мама» — (1847–1928). Урожденная принцесса Датская Дагмара (Мария-София-Фредерика-Дагмар), четвертый ребенок в семье Датского Короля Христиана IX и Королевы Луизы. В 1866 году вышла замуж за Наследника Русского Престола Великого князя Цесаревича Александра Александровича. С 1881 года — Императрица. Дети: Николай (1868–1918), Александр (1869–1870), Георгий (1871–1899), Ксения (1875–1860), Михаил (1878–1918), Ольга (1882–1960). Отбыла в апреле 1919 года на английском броненосце «Мальборо» вместе с родственниками из Крыма и последние годы жила большей частью в пригороде Копенгагена в небольшой вилле Видёре (Видёре). Умерла 13 октября 1928 года в Дании на руках своей дочери Ольги. Похоронена в старинном городке Роскилле (около 40 км от Копенгагена), в отдельном склепе древнего собора (XII век), где находится усыпальница Датского Королевского Дома.

Маруся, тетя Маруся — см. Баденская М. М.

Мей (Мау) — см. Виктория-Мария.

Мекленбург-Стрелицкие — герцоги, члены Императорского дома. Род владетельных герцогов укоренился в России после брака в 1851 году внучки Павла I Екатерины Михайловны с герцогом Георгом-Августом Мекленбург-Стрелицким (см. ниже).

Мекленбург-Стрелицкий Георг — «дядя Жорж», «Жорж» — (1824–1876). Герцог, муж (1851) Великой княгини Екатерины Михайловны (1827–1894), генерал-от-артиллерии. Дети: Николай, Мария (умерли в детстве), Елена (1857–1936, в замужестве герцогиня Саксен-Альтенбургская), Георг (1859–1909), Михаил

(1863–1934).

Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич — «Жор-жакс» — (1859–1909). Герцог, штабс-капитан лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, с 1891 года — штабс-ротмистр лейб-гвардии Конногвардейского полка. В феврале 1890 года женился на бывшей фрейлине своей матери Вонлярской Наталье Федоровне (ум.1921), получившей в январе 1890 года от владетельного герцога Мекленбурга Фридриха-Вильгельма титул графини Карловой (по названию имения Мекленбург-Стрелицких «Карловка» в Полтавской губернии). Титул был признан в России. Дети: Екатерина (1891–1940, в замужестве (1912) за князем В. Э. Голицыным), Мария (1893–1979, в замужестве (1916) за князем Б. Д. Голицыным, Наталья (1894–1913), Георгий (1899–1963).

Мекленбург-Стрелицкий Михаил Георгиевич (1863–1934). Герцог, окончил Страсбургский университет, генерал-майор, командир Артиллерийской бригады, командир Армейского корпуса. Семьи не имел.

Минни — см. Мария Георгиевна.

Минни — см. Мария Федоровна.

Минерле — см. Мария Георгиевна.

Мисси — см. Мария Румынская.

Митя — см. Дмитрий Константинович.

Михаил Александрович — «Миша» — (1878–1918). Великий князь, генерал-майор, член Государственного Совета, младший сын Императора Александра III, брат Императора Николая II, Наследник Русского Престола в 1899–1904 году. Осенью 1912 года тайно за границей вступил в морганатический брак с Н. С. Вульферт, урожденной Шереметьевской, по первому браку Мамонтовой (1881–1952). За этот брак над имуществом Михаила Александровича была учреждена опека, а ему был воспрещен въезд в Россию. С началом Мировой войны опека была снята и ему было разрешено вернуться в Россию, а его жене была пожалована фамилия «Брасова» по названию имения Михаила Александровича в Орловской губернии. В годы Мировой войны командовал Дикой дивизией. Михаил Александрович первым из Романовых был варварски убит большевиками. От брака с

Брасовой у него был сын Георгий (1910–1931), получивший титул графа Брасова. Погиб в Лондоне в автомобильной катастрофе в возрасте 21 года.

Михаил Михайлович — «Миша», «Миш-Миш» (1861–1929). Великий князь, внук Николая I, сын Великого князя Михаила Николаевича. В феврале 1891 года, без согласия родителей и без ведома Императора Александра III, вступил в брак с внучкой А.С. Пушкина Софией Николаевной Нассауской, графиней Меренберг де Торби (1868–1927). За этот морганатический брак он был исключен со службы и ему был воспрещен въезд в России. В 1909 году был прощен, ему было возвращено звание флигель-адъютанта, но в Россию он уже не вернулся. Жил в Лондоне, а последние годы на Французской Ривьере. Дети: Анастасия (Зиа. 1892–1977, замужем (1917) за сэром Харольдом Вернером), Надежда (Нада. 1896–1963, замужем (1916) за принцем Джоржем Баттенбергским, маркизом (1921) Мильфорд-Хэвен) и Михаил (Майкл. 1898–1959).

Михаил Николаевич — «Дядя Миша» — (1832–1909). Великий князь, младший сын Императора Николая I, генерал-фельдцейхмейстер («начальник артиллерии»), Наместник на Кавказе (1863–1881), председатель Государственного Совета (1881–1905). Женат (1857) на принцессе Цецилии Баденской (1839–1891), получившей в России имя Великой княгини Ольги Федоровны. Дети: Николай (1859–1919), Анастасия (1860–1922. Замужем (1879) за Фридрихом-Францем, герцогом Мекленбург-Шверинским (1851–1897), Михаил (1861–1929), Георгий (1863–1919), Александр (1866–1933), Сергей (1869–1918), Алексей (1875–1895).

Михайловичи — дети Великого князя Михаила Николаевича.

Михень — см. Мария Павловна (Старшая).

Миша — см. Михаил Александрович.

Миша — см. Михаил Михайлович.

Миша дядя — см. Михаил Николаевич.

Мод (Mand) (1869–1938). Принцесса Английская, дочь старшего сына Королевы Великобритании Виктории Альберта-Эдуарда (Эдуарда VII), племянница Императрицы Марии

Федоровны, кузина Николая И. В 1896 году вышла замуж за сына Наследника Датского Престола Фредерика принца Карла (1872–1957), избранного в ноябре 1905 года Королем Норвегии под именем Гаокона (Хакона) VII. Ее именем названа часть территории Антарктиды (Земля Королевы Мод).

Нассау — графский, затем герцогский дом, известный с XIII века. Его земли находились в долине реки Лан, правого притока Рейна. Столица герцогства находилась в городе Висбаден. В 1866 году владения Нассау были присоединены к Пруссии. Свои прежние преимущества Нассауские получили в 1890 году, когда Адольф (см. ниже) стал Великим герцогом Люксембурским.

Нассауский Адольф, герцог (1817–1905). Вступил на Престол в 1839 году, лишился своих владений, присоединенных к Пруссии после Австро-Прусской войны 1866 года. Великий герцог Люксембургский (1890–1905). Его отцом был Вильгельм, герцог Нассау (1792–1839). Женат (1844) первым браком на Великой княгине Елизавете Михайловне (1826–1845), дочери Великого князя Михаила Павловича.

Низи дядя — см. Николай Николаевич (Старший).

Ники — см. Николай II Александрович.

Николай Александрович — «Никс», «Никса» — (1843–1865). Великий князь, Цесаревич, старший сын Императора Александра II. Умер 12 апреля 1865 года на вилле Бермон в Ницце, похоронен в Петропавловском соборе. На месте виллы Бермон в Ницце по проекту архитектора Гримма был построен собор Святого Николая, освященный в апреле 1868 года.

Николай — см. Николай Михайлович.

Николай Константинович — «Никола» — (1850–1918). Великий князь, старший сын Великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны. В 1874 году совершил святотатство: похитил в кабинете своей матери в Мраморном дворце в Петербурге драгоценные камни с оклада семейной иконы. Краденое пошло на содержание американской куртизанки Фанни Аир. Был признан психически больным и выслан из Петербурга. С 1881 года жил в Ташкенте, где весной 1918 г. умер от воспаления легких. Женат (1882) на Надежде Александровне Дреер (1861–1929).

Николай Михайлович — «Бимбо», «Николай» — (1859–1919). Великий князь, внук Николая I, старший сын Великого князя Михаила Николаевича и Великой княгини Ольги Федоровны. Генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, командующий Кавказской гренадерской дивизией (1897). Историк, энтомолог. Председатель Императорского Русского Исторического Общества и Императорского Русского Географического Общества. Расстрелян 27 января 1919 года в Петропавловской крепости.

Николай Николаевич (Старший) — «Дядя Низи» — (1831–1891). Великий князь, третий сын Николая I, генерал-инспектор по инженерной части (1852), командир Отдельного гвардейского корпуса (1862–1864), командующий, а потом Главнокомандующий войсками гвардии и петербургского военного округа (1864–1880), генерал-инспектор кавалерии (1864), Главнокомандующий армией во время войны с Турцией 1877–1878 гг. Генерал-фельдмаршал. Женат (1856) на принцессе Александре Петровне Ольденбургской (1838–1900). Дети: Николай (1856–1929), Петр (1864–1931). В начале 70-х годов Великий князь вступил в связь с балериной Екатериной Гавриловной Числовой (1845–1889), с которой впоследствии жил открыто и которая имела от него четверых детей: Ольгу, Владимира, Екатерину, Николая, получивших в 1884 году фамилию Николаевых и права потомственного дворянства.

Николай Николаевич (Младший) — «Николаша» — (1856–1929). Великий князь, старший сын Николая Николаевича (Старшего) и его жены Александры Петровны, урожденной принцессы Ольденбургской. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Внук Императора Николая I. Длительное время сожительствовал с дочерью петербургского купца-меховщика потомственной почетной гражданкой Софьей Игнатьевной Бурениной, на которой даже хотел жениться в 1888 году, но Александр III категорически отказал. В апреле 1907 года женился на Анастасии Николаевне, урожденной княжне Черногорской, по первому браку герцогине Лейхтенбергской. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию генерального штаба. С 1871 года — в лейб-гвардии Гусарском полку. 1895–1905 годах — генерал-инспектор кавалерии. 1905–1908 годы — председатель Совета Государственной обороны. 1905–1914 годах — Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. 1914–1915 гг. — Верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами России. В

августе 1915 года уволен от должности и назначен наместником на Кавказ и командующим Кавказскими войсками. 2 марта 1917 года Николаем II вновь назначен Верховным главнокомандующим, а 9 марта отстранен от должности Временным Правительством. Затем находился в Крыму в имении Петра Николаевича Дюльбер, откуда в апреле 1919 года вместе с Императрицей Марией Федоровной отбыл за границу. В эмиграции выдвигался претендентом на Русский Престол. Умер в начале января 1929 года во Франции, похоронен в русской церкви г. Канны.

Николай I Петрович Негош (1841–1921). Князь, с 1910 года — Король Черногории. Наследовал трон в 1860 году. Женат (1865) на Милене (1847–1923), дочери воеводы Петра Вуковича. У них было три сына и 6 дочерей: Зорко (1865–1890); Милица (1866–1951, жена (1889) Великого князя Петра Николаевича); Стана (Анастасия, 1867–1935. В первом браке (1889) за князем Георгием Максимилиановичем Романовским, герцогом Лейхтенбергским, во втором браке (1907 г.) за Великим князем Николаем Николаевичем (Младшим); Даниил, наследный принц (1871–1939), женат (1899) на принцессе Ютте (в православии Милина) Мекленбург-Шверинской; Елена (1872–1952), в замужестве (1896) за Королем (1900) Италии Виктором-Эммануилом III (1869–1947); Анна (1874–1971), в замужестве (1897) за Иосифом Баттенбергским; Мирко (1879–1918); Анна (1874–1971); Петр (1889–1932).

Николаша — см. Великий князь Николай Николаевич (Младший).

Ольга — см. Ольга Александровна.

Ольга — см. Ольга Константиновна.

Ольга Александровна — «беби», «Ольга», «Елка» — (1882–1960). Великая княгиня, дочь Александра III, сестра Николая И. В первом браке (1901) за принцем Петром Александровичем Ольденбургским (1868–1924), сыном принца Александра Петровича и принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. В 1916 году развелась с ним и в ноябре 1916 года вступила в морганатический брак с адъютантом своего мужа ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка Николаем Александровичем Куликовским (1881–1958). Летом 1917 года у Ольги Александровны появился сын Тихон (1917–1993), а через

год сын Гурий (1919–1984). В 1919–1920 годах она жила у родственников мужа на Кубани, в станице Невиномысской (здесь родился Гурий). При подходе красных вместе с семьей уехала через Ростов, Новороссийск в Константинополь, а оттуда — в Данию. После смерти Марии Федоровны семья Ольги Александровны жила на ферме в местечке Баллерупе около Копенгагена. В 1948 году переехала в Канаду, где и скончалась в ноябре 1960 года. Похоронена на кладбище «Норс-Йорк» в Торонто.

Ольга Константиновна — «Ольга», «Тетя Ольга» — (1851–1926). Великая княжна, дочь Великого князя Константина Николаевича, внучка Императора Николая I. Замужем (1867) за принцем Датским Вильгельмом, ставшим в 1864 году Королем Греции Георгом I. Дети: Константин (1868–1923, Наследник Престола, принц Спартанский, Король Греции в 1913–1917 и 1920–1922); Георгий, граф Корфский (1869–1957), Александра (1870–1891) в замужестве (1889) за Великим князем Павлом Александровичем), Николай (1872–1938), Мария (1876–1940, в замужестве (1900) за Великим князем Георгием Михайловичем), Андрей (1882–1944, женат (1903) Алисе Баттенбергской (1885–1969. Их сын Филипп (р. 1921) — муж Английской Королевы Елизаветы II и отец наследного принца Чарльза); Христофор (1888–1940). Ольга Константиновна умерла в Риме.

Ольга тетя — см. Ольга Константиновна.

Ольга тетя — см. Ольга Федоровна.

Ольга Федоровна — «тетя Ольга» — (1839–1891). Великая княгиня, урожденная принцесса Цецилия Баденская, жена (1857) Великого князя Михаила Николаевича. Дети: Николай (1859–1919), Анастасия (1860–1922), Михаил (1861–1929), Георгий (1863–1919), Сергей (1869–1918), Алексей (1875–1895).

Ольденбургская Евгения Максимилиановна — «тетя Евгения», «Eugenie» — (1845–1925). Жена принца Александра Петровича Ольденбургского, урожденная герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская, внучка Николая I, племянница Александра И. Попечительница комитета о сестрах Красного Креста, основательница общины Святой Евгении и Максимилиановской лечебницы. Умерла в Финляндии.

Ольденбургский Александр Петрович — «Алек» — (1844–1932). Принц, сын принца Петра Георгиевича Ольденбургского и принцессы Терезии Нассауской. Генерал-адъютант, член

Государственного Совета, сенатор. В 1870–1876 годах — командир лейб-гвардии Преображенского полка, в 1885–1889 годах — командир Гвардейского корпуса. Основал в Петербурге Институт экспериментальной медицины. В годы Первой мировой войны — Главноначальствующий санитарной и эвакуационной частью. С 1918 года — в эмиграции. Женат на Евгении Максимилиановне, герцогине Лейхтенбергской княжне Романовской (1845–1925).

Ольденбургский Константин Петрович (1850–1906). Принц, генерал-адъютант, брат А. П. Ольденбургского. Служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Женат на Агриппине Джапаридзе, (1855–1929), графине Зарнекау. Их дочь Александра (1883–1957) вышла замуж (1900) за сына Императора Александра II и Е. М. Долгорукой Георгия Юрьевского (1872–1913).

Ольденбургский Петр Александрович (1868–1924). Принц, свиты Его Величества генерал-майор. Сын А. П. Ольденбургского. Женат (1901) на дочери Александра III Ольге Александровне (1873–1925). В 1916 году — развод. Похоронен в Каннах.

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881). Принц, сын Великой княгини Екатерины Павловны от ее брака с принцем Георгом Ольденбургским (1784–1812). Приехал в Россию в 1831 году из-за границы и был определен Николаем I в Преображенский полк, затем был назначен командиром полка. Генерал-адъютант. В1842 году назначен председателем Департамента гражданских и духовных дел. Учредил Училище Правоведения в Петербурге и до смерти был его попечителем.

Павел Александрович — «Павел», «Цып», «Пиц» — (1860–1919). Великий князь, младший сын Императора Александра II. С 4 июня 1889 года состоял в браке с греческой принцессой Александрой Георгиевной (1870–1891), имел двоих детей: Марию (1890–1958) и Дмитрия (1891–1842). В 1902 году вступил в морганатический брак с Ольгой Валерьяновной Пистоль-корс (урожденная Карнович, с 1915 года — княгиня Палей), имел троих детей: Владимира (1896–1918), Ирину (1903–1990), Наталью (1905–1981). В 1890–1896 годах — командир лейб-гвардии Конного полка, в 1898–1902 годах — командир Гвардейского корпуса, генерал от кавалерии, почетный председатель Русского общества охраны народного здравия и покровитель всех поощрительных коннозаводских учреждений в России. Расстрелян в Петропавловской крепости.

Палей Ольга Валерьяновна (1865–1929). Княгиня, урожденная Карнович, дочь камергера Валерьяна Гавриловича Карновича (1833–1891) и Ольги Васильевны, урожденной Мессарош (1830–1919). Первый раз вышла замуж 30 мая 1884 года за ротмистра лейб-гвардии Конного полка Эрика Августовича Пистолькорса (позже — генерал-майор). Имела троих детей: Марианну (в первом браке за поручиком П. П. Дурново, во втором за штаб-ротмистром лейб-гвардии Конного полка И. Х. Дерфельденом), Ольгу (в замужестве Крейц) и Александра. В 1902 году после развода с Пистолькорсом тайно за границей вступила в морганатический брак с Великим князем Павлом Александровичем, имела от него троих детей: Владимира (1896–1918), Ирину (1903–1990, замужем (1923–1936) за сыном Великой княгини Ксении Александровны Федором Александровичем Романовым; Наталию (1905–1981). В 1904 году Баварский Король пожаловал О. В. Карнович-Пистолькорс титул графини Гогенфельзен, а в 1915 году она получила в России титул княгини Палей.

Пиц — см. Павел Александрович.

Сандро — см. Александр Михайлович.

Сани тетя — см. Александра Иосифовна.

Саша тетя — см. Александра Петровна.

Сергей Александрович — «Гег», «Сергей», «Сижа» — (1857–1905). Великий князь, четвертый сын Императора Александра И. В1884 году женился на принцессе Гессен-Дармштадской Елизавете, получившей в России имя Елизаветы Федоровны. С 26 февраля 1891 года — Московский генерал-губернатор, а с 1896 года еще и командующий войсками Московского военного округа. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, член Государственного Совета, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Организатор и председатель Православного Палестинского общества. Убит 4 февраля 1905 года бомбой террориста в Москве.

Сергей Михайлович — «Сергей» — (1869–1918). Великий князь, пятый сын Великого князя Михаила Николаевича, внук Императора Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Генерал-адъютант, генерал от артиллерии. Инспектор (1904) и генерал-инспектор (с 1905)

артиллерии, полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем (1915–1917). Гражданский муж прима-балерины Мариинского театра Матильды Кшесинской. Убит в Алапаевске в июле 1918 года.

София — «Софи» — (1870–1932). Урожденная принцесса Прусская, сестра Императора Вильгельма II, дочь Императора Фридриха III и Императрицы Виктории, старшей дочери Королевы Виктории Английской. С 1889 года — жена греческого наследного принца Константина («Тино»), ставшего в 1913 году Греческим Королем Константином I. Дети: Георгий (1890–1947. Король Греции Георг II (1922–1923,1935–1947); Александр (1893–1920. Король (1917–1920); Елена (1896); Павел (1901–1964. Король (1947–1964); Ирина (1904).

Стана — см. Анастасия Николаевна Черногорская.

Тира (Тюра) — «Тира «тетя Тира» — (1853–1933). Герцогиня Кумберлендская, урожденная принцесса Датская, дочь Короля Христиана IX и Королевы Луизы, младшая сестра Императрицы Марии Федоровны, жена (1878) герцога Эрнеста-Августа Кумберлендского (1845–1923), сына последнего Короля Ганновера Георга V (1819–1878) — сына герцога Кумберлендского, пятого сына Английского Короля Георга III. Умерла в своем замке Гмунден в Верхней Австрии. Дети: Мария-Луиза (1879–1948), замужем (1900) за принцем Максимилианом Баденским (1867–1929); Георг (1880–1912), герцог Армагский, погиб в автомобильной катастрофе; Александра (1882–1963), замужем (1904) за Францем IV (1882–1945), Великим герцогом Мекленбург-Шверинским; Ольга-Аделаида (1884–1958), замужем не была; Христиан (1885–1901); Эрнст-Август (1887–1953), носил титул герцога Брауншвейгского, женат (1913) на Виктории-Луизе (1892–1980), дочери Императора Германского Вильгельма И.

Фердинанд I Кобургский (1861–1948). Князь Болгарский с 1887 года. Царь Болгарский (1908–1918). Отрекся от Престола и бежал в Германию в 1918 году. Сын принца Августа Саксен-Кобург-Готского (1818–1881) и Клементины, принцессы Орлеанской (1917–1907). Женат первым браком на Марии-Луизе, принцессе Пармской (1899–1899). Дети: Борис (1894–1943), князь Тырновский, Царь Болгарский с 1918 года; Кирилл, князь Прославский (1895–1945. Расстрелян коммунистами); Евдокия (1898–1985); Надежда (1899–1958). Вторым браком (1908) женат на принцессе Элеоноре Рейс-Кёстриц (1860–1917).

Фреди — см. Фредерик.

Фредерик — «Фреди» — (1843–1912). Старший сын датского Короля Христиана IX и его жены, Королевы Луизы, с 1906 года — Датский Король. Брат Императрицы Марии Федоровны. Женат (1869) на дочери шведского Короля Карла XV принцессе Ловизе (Луизе. 1851–1926). Дети: Христиан (1870–1947), женат (1898) на Александрине, принцессе Мекленбург-Шверинской (1879–1952), с 1912 года — Датский Король Христиан X); Карл (1872–1957), женат (1896) на английской принцессе Мод, с 1905 года — Король Норвегии под именем Гаоокон VII); Луиза (1875–1906); Гарольд (1876–1949); Ингеборг (1878–1958); Тюра (1886–1945); Густав (1887–1944); Дагмар (1890–1961). Умер от инфаркта в Гамбурге.

Фреди — см. Фредерик.

Фреди дядя — см. Альфред Саксен-Кобург-Готский.

Фридрих-Вильгельм (1826–1884). Ландграф Гессен-Кассельский, муж (1844) дочери Николая I Великой княгини Александры Николаевны (1825–1844). В 1853 году женился на Анне Прусской (1836–1901). Брат Датской Королевы Луизы — жены Короля Христиана IX.

Фридрих-Карл — «Фридрих» — (1823–1891). Король (с 1864) Вюртемберга, муж (1846) дочери Николая I Великой княгини Ольги Николаевны (1822–1892).

Фридрих-Вильгельм — «дядя Фритти» — (1820–1884). Ландграф Гессен-Кассельский, брат Датской Королевы Луизы, дядя Императрицы Марии Федоровны.

Христиан (Кристиан) IX — «Папа», «Апапа» — (1818–1906). Датский Король (1863–1906). Сын герцога Вильгельма Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбурского и принцессы Луизы-Каролины Гессен-Кассельской. Наследовал Трон после смерти Короля Фридриха VII (1863). Женат (1842) на Луизе, дочери ландграфа Гессен-Кассельского (1817–1898). Дети: Фредерик (Фридрих) (1843–1912); Александра (1844–1925.

Английская Королева (1901); Вильгельм (1845–1913. Греческий Король Георг I с 1863 г.); Дагмара (1847–1928. Русская

Императрица Мария Федоровна (1881–1928); Тира (1853–1933); Вальдемар (1858–1939).

Христиан (Кристиан) X (1870–1947). Датский Король с 1912 года, после смерти своего отца Короля Фредерика VIII. Женат (1898) на Александрине (1879–1952), принцессе Мекленбург-Шверинской (правнучка Николая I), племянник Марии Федоровны. Дети: Фредерик (1899–1972), Король Дании Фредерик IX (1947); Кнудт (1900–1976).

Черногорские — см. Николай I Петрович Негош.

Числова Екатерина Гавриловна (1845–1889). Балерина, возлюбленная Великого князя Николая Николаевича (Старшего).

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937). Генерал от инфантерии.

Эдди (Eddy) — см. Альберт-Виктор.

Эдуард VII — «Берти» — (1841–1910). Английский Король (1901–1910). Старший сын Королевы Виктории. Родоначальник Саксен-Кобургской Династии на Английском Престоле. Женат (1863) на принцессе Александре, старшей дочери Датского Короля Христиана IX. Дети: Альберт Виктор (1864–1892); Георг, герцог Йоркский (1865–1836. Король Георг V (1910–1936); Луиза (1867–1931. Замужем (1889) за герцогом Александром Дуфским); Виктория (1868–1935); Мод (1869. Замужем (1896) за Карлом, принцем датским, с 1905 года — Королем Норвегии Гаоконом VII).

Элла — см. Елизавета Федоровна.

Эрнст-Людвиг Гессенский — «Ернт, «Эрни» — (1868–1937). Брат Императрицы Александры Федоровны. После смерти своего отца Людвига IV в 1892 году стал владетельным герцогом Гессенским и Рейнским. В апреле 1894 года женился на Виктории-Мелите, принцессе Саксен-Кобург-Готской (Великая княгиня Виктория Федоровна), от брака с которой имел дочь Елизавету (1895–1903). Брак распался в 1901 году. В1905 году женился вторично на принцессе Элеоноре («Онор») Сольмс-Лихе (1871–1937). Имел от этого брака детей: Георга (1906–1937) и Людвига (1908–1968). Вдова Людвига Маргарет (род.1913) является последней представительницей рода герцогов

Гессенских и Рейнских.

Юрий — см. Лейхтенбергский Юрий Максимилианович.

Юрьевская Екатерина Михайловна (1847–1922). Светлейшая княгиня (1880), урожденная княжна Долгорукая, морганатическая супруга (с 6 июля 1880) Императора Александра II. Дети: Георгий (1872–1913, женат (1900) на Александре Ольденбургской, дочери принца К. П. Ольденбургского; Ольга (1873–1925, замужем (1895) за графом Георгом-Николаем фон Меренбергом (1871–1948), сыном дочери А.С. Пушкина Натальи Александровны и принца Николая-Вильгельма Нассауского; Борис (1876); Екатерина (1877–1959, замужем (1901) за князем А.В. Барятинским (1870–1910). В декабре 1880 года Высочайшим именным указом Екатерине Михайловне был пожалован титул светлейшей княгини. Этот титул унаследовали и ее дети. Юрьевской Александром II был оставлен капитал в 3,3 миллиона рублей. Умерла в Ницце, похоронена на кладбище Кокад, где сохранилась ее беломраморная усыпальница.

Юсупов Феликс Феликсович, князь, граф Сумароков-Эльстон (1887–1967). Сын З. Н. Юсуповой и Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона. Женат (1914) на племяннице Николая II, внучке Марии Федоровны княжне Ирине Александровне (1895–1970). Их единственная дочь Ирина Феликсовна (1915–1983) вышла замуж за графа Николая Дмитриевича Шереметева (1904–1979). Их могилы на Сен-Женевьев-де-Буа.

Юсупова Зинаида Николаевна, княгиня, графиня Сумарокова-Эльстон(1861–1939). Жена (1882) графа Ф. Ф. Сумарокова-Эльстон (1856–1928). 2 декабря 1891 года Александр III издал жалованную грамоту, разрешающую мужу и жене именоваться князьями Юсуповыми, графами Сумароковы-Эльстон. Дети: Николай (1883–1908. Убит на дуэли) и Феликс (1887–1967). Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

notes

Примечания

1

Вскоре после смерти Марии Федоровны вилла Видёре была продана и со временем в ней разместилась больница.

2

На месте, где состоялось объяснение Дагмар и Цесаревича, Принцесса позже разбила цветник.

3

В замужестве баронесса Вормен.

Эту дату она потом ежегодно отмечала и постоянно носила брошь, где значилось выложенное бриллиантами «незабываемое» число.

5

Вопреки очевидному, в некоторых книгах можно встретить утверждения прямо противоположного характера, что лишь свидетельствует — насколько сочинители плохо знают подлинный исторический материал.

6

Отец Уинстона Черчилля.

7

Любимый пес Камчатка погиб во время крушения Царского поезда в Борках в 1888 году.